

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

СОВЕТСКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

3

1 0 5 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО ~~АКАДЕМИИ~~ НАУК СССР

Москва

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

Главный редактор член-корр. АН СССР С. П. Толстов,
заместитель главного редактора И. И. Потехин,
М. Г. Левин, М. О. Косвен, П. И. Кушнер, Л. П. Потапов,
С. А. Токарев, В. И. Чичеров

Журнал выходит четыре раза в год

Адрес редакции: Москва, ул. Фрунзе, 10

Подписано к печати 2.X.1954 г. Формат бумаги $70 \times 108\frac{1}{16}$. Бум. л.
Т-06223. Печ. л. 16,44 + 4 вклейки. Зак. 430. Уч.-изд. листов 24,3. Тираж 2525 :

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер.,

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

В. БЕЛИЦЕР, Г. МАСЛОВА

ПРОТИВ АНТИМАРКСИСТСКИХ ИЗВРАЩЕНИЙ В ИЗУЧЕНИИ ОДЕЖДЫ

Одежда составляет часть тех материальных благ, которые необходимы для жизни человека. В трудах классиков марксизма одежда наряду с орудиями производства, жилищем, пищей упоминается в числе основных средств существования. Являясь средством защиты человека от внешних воздействий, одежда вместе с тем отражает племенные или национальные особенности, возрастные отличия, а также различия классовые и профессиональные. В одежде находят свое выражение художественный вкус народа, его творческие способности.

Вот почему народная одежда, тесно связанная с историей каждого народа, представляет ценнейший источник для изучения формирования его культуры. Материалы по народной одежде наряду с другими историческими источниками могут быть привлечены к решению проблем этногенеза, выявлению историко-культурных связей, национальной специфики народа. Вместе с тем изучение народной одежды в наших условиях имеет и чисто практическое значение для государственных организаций, художников, моделеров, работающих над созданием советского стиля в одежде.

Этим определяется то особое внимание, которого требуют вопросы методологии в изучении народной одежды.

За годы советской власти изучение материальной культуры, и в частности одежды, народов СССР получило широкий размах. Большое внимание уделяется исследованию и широкому накоплению музейных коллекций по одежде восточнославянских и других народов. Полевая экспедиционная работа проводилась и проводится среди различных групп русского, украинского и белорусского населения, народов Поволжья (мари, мордвы, удмуртов, татар, башкир и др.), народов Прибалтики, народов Севера Европейской части СССР — карел, коми, а также народов Северной и Средней Азии и Кавказа.

В результате многолетних работ, проводившихся музеями и научно-исследовательскими организациями в центре и на местах, появились монографии, посвященные материальной культуре или специально одежде и орнаменту отдельных народов, ранее слабо изучавшимся или не изучавшимся совсем. Были изданы первые сводные труды по одежде и головным уборам восточнославянских народов и других народов Советского Союза. Производится публикация музейных собраний по народному костюму и орнаменту (укажем на статьи в сборниках Музея антропологии и этнографии АН СССР, альбомы белорусского, марийского, татарского орнамента и др.). Институтом этнографии АН СССР предпринимается

подготовка этнографических атласов — обобщающих трудов по этнографии русских, народов Севера, Средней Азии; в этих атласах народному костюму отведено большое место.

Накопление фактического материала проводилось и проводится в соответствии с методическими требованиями советской этнографической науки. Исследователи уделяли и уделяют большое внимание вопросам классификации и систематики народной одежды (Б. А. Куфтин, Н. И. Лебедева и др.), разрабатывают методические указания и программы изучения (одной из последних работ в этой области является статья В. Н. Белицер¹). Однако характерной чертой советской этнографической науки является не только накопление фактического материала, но особенно и главным образом разработка методологии исследований, повышение теоретического уровня работ от простых описаний до подлинных исследований. Советский этап в изучении одежды характеризуется стремлением овладеть марксистско-ленинской методологией и подойти к изучению материальной культуры народа с позиций подлинного историзма.

Советские исследователи занимаются не только историей одежды. Они проявляют большой интерес к вопросам современности, прослеживая пути развития национальной одежды в современных условиях. В этом отношении заслуживают внимания работы Т. А. Крюковой «Современная женская одежда народов Поволжья, удмуртов и мордвы»², Л. П. Потпова «Современная одежда алтайцев»³, М. Н. Шмелевой и Е. Б. Семеновой «Народные традиции в моделировании советской одежды»⁴ и др.

Принципиально новой является постановка вопроса об изучении одежды рабочих. Если раньше исследователи ограничивались изучением одежды только крестьянского населения, то в настоящее время уже приступили к изучению быта, в частности одежды рабочего класса. Интересной попыткой в этой области является статья В. Ю. Крупянской «Опыт этнографического изучения быта уральских рабочих второй половины XIX в.»⁵. Известное внимание уделено одежде рабочих в статье М. Н. Левинсон-Нечаевой «Положение и быт рабочих текстильной промышленности Московской губернии во второй половине XIX века» Е. Л. Косицкой и З. П. Поповой «Положение и быт рабочих-текстильщиков Прохоровской трехгорной мануфактуры в Москве» и других, опубликованных Государственным историческим музеем⁶.

Однако при всех успехах в области изучения одежды в части методологии имелось и имеется немало недостатков и ошибок идеалистического и вульгарно-материалистического характера.

Глубоко ошибочным являлось направление в этнографии, связанное с влиянием антимарксистских теорий Н. Я. Марра, вульгаризаторской сущность которых была вскрыта в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Так называемое «новое учение о языке», препятствовавшее развитию языкознания, вредно отразилось и на смежных дисциплинах.

В этнографической науке влияние концепций Марра более всего сказалось на разработке вопросов этногенеза, сказалось оно и на изу-

¹ В. Н. Белицер, Методические указания по сбору народной одежды, «Краевые сообщения Института этнографии», вып. XVIII, М., 1952.

² Т. А. Крюкова, Современная женская одежда народов Поволжья, удмуртов, мордвы, «Советская этнография», 1950, № 2.

³ Л. П. Потпов, Современная одежда алтайцев, «Сборник музея антропологии и этнографии», XII, Л., 1950.

⁴ Н. И. Шмелева и Е. Б. Семенова, Народные традиции в моделировании советской одежды, «Советская этнография», 1952, № 1.

⁵ В. Ю. Крупянская, Опыт этнографического изучения быта уральских рабочих второй половины XIX века, «Советская этнография», 1953, № 1.

⁶ «Историко-бытовые экспедиции 1949—1950 гг.», Труды Гос. историч. музея, вып. XXIII, 1953.

нии одежды и орнамента. Наиболее значительно это влияние проявлялось в 1930-х годах, но и позднее, в 1940-х годах, от него не были свободны многие авторы; следы этого влияния имеются и в работах, опубликованных в последние годы, даже после выхода в свет трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания.

Основной ошибкой этого направления является идеалистическая трактовка вопроса о происхождении одежды, попытки вывести происхождение одежды из украшений или первобытной магии. Эта концепция не является новой: подобные взгляды не раз высказывались в буржуазной науке, но «учение» Н. Я. Марра дало новый толчок к их возрождению.

По мнению А. К. Супинского, русская и белорусская понева в начальной форме представляла собой пояс, позже пояс с придатком к нему «культового куска ткани, насыщенного магическими знаками, символами „неба“, „солнца“...»⁷. Понева, по мнению этого автора, не имела никакого практического значения в наших климатических условиях и даже не являлась одеждой.

Н. П. Гринкова рассматривает поневу как результат своеобразного разрастания пояса и поясных украшений, являвшихся «тотемистическими подвесками». Пояс, по ее мнению, в первоначальной стадии мышления являлся сам по себе магическим объектом, но постепенно он получает утилитарное значение⁸.

Эти положения находятся в противоречии с фактами.

Типичная набедренная одежда восточнославянских народов — понева (плахта, запаска), несомненно, являлась одной из основных частей женского костюма. Отражая общественное, семейное, возрастное положение женщины, она вместе с тем и в первую очередь составляла теплую одежду, хорошо облегающую нижнюю часть корпуса; не случайно эта одежда, как правило, шилась из шерстяной ткани. На такое назначение этой одежды указывают сами крестьянки. Так, например, белорусские женщины Мозырщины, в конце XIX в. переставшие носить набедренную одежду типа запаски («хвартук»), в отдельных случаях надевали ее сзади исключительно для тепла.

Нет никаких оснований отождествлять набедренную одежду с поясом. Пояс имеет существенное значение для укрепления набедренной одежды (не только поневы, но и всякой другой) на талии, но пояс никогда не заменял поневы (или штанов), а понева — пояса, так как назначение их различно. В наиболее ранних летописных источниках термин «понева» упоминается в значении куска ткани, которым обертывали тело. Термин «плахта» также имел значение куска ткани: у русских «плахтой» в некоторых местах назывался платок, у других славянских народов (поляков, лужичан) «плахтой» называли кусок ткани, носившийся на плечах.

Нельзя также согласиться с неправильным отождествлением одежды с украшением. Украшения, в противоположность одежде, никогда не играли роли основной защиты человеческого тела от непосредственных воздействий внешней среды. Как правильно отмечено Н. П. Горбачевой, украшения и одежда на заре своего появления ни по назначению, ни по материалу не совпадали⁹.

Сторонники культового происхождения поневы исходили из априорного положения об особой магической роли пояса и ставили знак равенства между поневой и поясом. Однако можно привести немало фактов,

⁷ А. К. Супинский, «Понева» и «вставка» в белорусской женской одежде (К вопросу об их культовом происхождении), «Советская этнография», 1932, № 2, стр. 135.

⁸ Н. П. Гринкова, Очерки по истории развития русской одежды (Поясные украшения), «Советская этнография», 1934, № 1—2, стр. 84.

⁹ Н. П. Горбачева, К вопросу о происхождении одежды, «Советская этнография», 1950, № 3, стр. 12.

свидетельствующих о чисто практической роли пояса в первобытном обществе. Известны так называемые «пояса голода» у австралийцев южноафриканских племен, служившие для стягивания живота в цел уменьшения чувства голода, а также пояса, служившие для укрепления набедренных прикрытий и различных нужных предметов. Если обратиться к более близким нам материалам — одежде восточнославянских родов и их соседей (коми, карелов, мордвы, чувашей, мари, народов Прибалтики и др.), то увидим, что здесь, начиная с глубокой древности практическая роль пояса была чрезвычайно велика. Пояс составлял существенную часть мужской и женской одежды, служа для утепления (известно, что плотно стянутая одежда много теплее), для подтягивания одежды, чтобы она не мешала во время работы, для ношения оружия и орудий труда (ножа, топора), а также мелких предметов обихода (гребня, игольника, сумочки-калиты, принадлежностей для курения и т. п.) наконец, для укрепления набедренной, поясной одежды. В качестве примера практического назначения пояса укажем на широкие кожаные пояса населения горных областей Украины, которые являлись необходимыми принадлежностью каждого лесоруба, предохранявшей поясницу от растяжения мышц, повреждений и т. п. Кроме того, пояс, снабженный карманами из кожи, служил для предохранения мелких предметов от сырости.

Нельзя отрицать тот факт, что к поясу иногда подвешивались предметы, имевшие значение амулетов, что пояс употреблялся в некоторых обрядах, а также то, что к поясу прикреплялись украшения или он, богато разукрашенный, служил украшением и сам. Однако все это не является основным назначением пояса, а лишь побочным. Вообще, употребление тех или иных частей одежды в обрядах, выдвигавшееся в качестве одного из основных аргументов теории ее «магического» происхождения, отнюдь не может служить доказательством ее «магических функций». Так, например, ссылались на определенные обычаи (остатки которых сохранялись еще в XIX в.), выполнявшиеся при первом надевании поневы на девушку и штанов на юношу¹⁰. Однако эти обычаи являлись пережитком древних возрастных группировок, связанных с одеждой лишь постольку, поскольку в одежде нашло отражение половозрастное деление общества. В древности переход в группу совершеннолетних сопровождался надеванием одежды взрослых, которую до совершеннолетия не носили. Можно добавить, что в ряде случаев в тех или иных обрядах употреблялись почти все виды одежды, в том числе обувь, а особенно верхняя одежда (овчинная шуба), чисто практическое назначение и происхождение которых вряд ли стали бы отрицать даже сторонники «магических функций» одежды.

Другим доказательством «магического» происхождения одежды сторонники этих взглядов выдвигали пресловутый палеонтологический анализ терминов, отыскивая «семантические пучки», в соответствии с которыми даже русские «подмахорники» находились якобы в прямой связи с понятием «неба», «бога» и т. п.¹¹. В своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин указал на переоценку Н. Я. Марром семантику злоупотребление ею, что привело его к идеализму¹². В работах лингвистов и археологов вскрыта ошибочность учения о семантике Марра и его последователей¹³, механически связывавших развитие речи с определенным строем общества.

¹⁰ А. К. Супинский, Указ. раб., стр. 118—119.

¹¹ Н. П. Гринкова, Указ. раб., стр. 80.

¹² И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 3.

¹³ Б. Б. Пиотровский, О некоторых ошибках археологов в связи с учением Н. Я. Марра о семантике. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии», М., 1953; В. А. Звягинцев, Критика семантических законов Н. Я. Марра. Сб. «Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании», ч. I, М., 1951; Б. В. Голунг, Семантические законы Н. Я. Марра и вопрос отношения языка к истории материальной культуры. Там же.

Идеалистические взгляды Н. Я. Марра на язык и мышление были тем источником, который питал «магические теории» происхождения одежды.

«Теория» Марра, заимствованная им у Леви-Брюля, по которой мышление первобытных людей определялось как «дологическое», целиком мистическое, якобы в корне отличающееся от логического мышления современных людей, содействовала появлению концепций культового, магического происхождения русской и белорусской поневы, украинской плахты, а также распространению магическо-культовой трактовки орнамента.

Марровское положение об организующей роли магии в первобытном обществе привело к ошибочным утверждениям об исключительно магически-религиозной роли первобытного искусства и преувеличению культового момента в народном орнаменте (в частности, в украшениях одежды) до такой степени, что вышивка и орнамент любой одежды объявлялись имеющими культовое, магическое значение. Даже клетчатая ткань поневы рассматривалась как упрощение «магических изображений»¹⁴; расцветка якобы также имела «магический смысл», который «не утерян даже у ряда культурных народов»¹⁵.

Так называемая «труд-магическая теория» Марра, по которой магические обряды рассматривались как трудовые процессы, а вся деятельность первобытного человека как сплошное колдовство и магия, оказала пагубное влияние на ряд работ по орнаменту. Эта «теория» и ее вредное влияние, сказавшееся на работах Н. П. Гринковой и в известной степени Т. А. Крюковой¹⁶, подвергнуты подробному критическому разбору в статье Б. И. Шаревской¹⁷.

Бесцельные попытки некоторых авторов найти пережитки «космического мировоззрения»¹⁸, «тотемистической» и «космической» стадий в русском народном орнаменте являются результатом влияния марровских измышлений о «стадиях первобытного мышления». К «новому учению» Н. Я. Марра восходят и поиски «магических функций» украшений, нашивок и т. п. в классовом обществе. Несостоятельность их ясно видна в абсурдном положении о происхождении генеральских эполет, якобы являвшихся «пережитком прежних магических знаков, служивших для усиления мощи руки»¹⁹.

К сожалению, эта теория, родившаяся в период сильнейшего влияния концепций Марра, до настоящего времени имеет отклики в литературе. Так, например, она некритически изложена в большой и в целом интересной работе об орнаменте болгарской вышивки, изданной Болгарской Академией наук в 1951 г.²⁰

Внеисторическое рассмотрение орнамента как чего-то стабильного, в своем первоначальном значении дожившего почти без изменений до наших дней, является в корне неправильным, хотя нельзя отрицать наличия в орнаменте очень древних элементов. Попытки выявить изменение древних традиционных сюжетов, переосмысление их, изменение их содержания и постепенную ломку форм были предприняты в работах Л. А. Динцеса.

Однако крупные ошибки марровского толка снижают значение этих работ. Так, например, в статье «Изучение русского народного искусства

¹⁴ Н. П. Гринкова, Указ. раб., стр. 86.

¹⁵ А. К. Супинский, Указ. раб., стр. 111—113.

¹⁶ Т. А. Крюкова, Марийская вышивка, Л., 1951.

¹⁷ Б. И. Шаревская, Против антимарксистских извращений в освещении вопросов первобытного мышления и первобытной религии. «Советская этнография», 1953, № 3.

¹⁸ Н. П. Гринкова, Указ. раб., стр. 76.

¹⁹ Н. П. Гринков, Отражение производственной деятельности руки в русской орнаментике, «Советская этнография», 1935, № 1, стр. 65—66.

²⁰ Иван Коев, Българска везбена орнаментика, София, 1951, стр. 162.

и наследие Н. Я. Марра»²¹. Л. А. Динцес в духе марровской палеонтологии, стадиальности и семантики с большой натяжкой пытается связать «космическое содержание женских изображений» со «средним», «верхним» и «нижним» небом. Марровский «метод» привел Л. А. Динцеса к поискам мифической стадиальности мышления, якобы отраженной в русском искусстве, и преувеличению в нем религиозно-культового момента²².

На методологии изучения одежды и орнамента сказался и схематизм Н. Я. Марра. В ряде статей проявились отрыв от конкретной исторической среды, подмена принципа историзма абстрактными построениями. Так, например, в некоторых работах подлинная история развития женской набедренной одежды восточнославянских народов и их соседей подменялась не существовавшим в действительности абстрактным эволюционным рядом: пояс — пояс с тотемистическими подвесками (например, шкура и т. п.) — пояс с изображениями или предметами-заменителями тотема (например, кожа со значками) — пояс с куском ткани с нашитыми знаками — пояс с куском шерстяной ткани с нашитыми знаками — то же с вытканными узорами (символами тотема) — то же с упрощенным клеточным узором — пояс с куском холста с орнаментацией и нашивками²³. Результатом этого построения явилось фантастическое превращение пояса через русскую поневу в мордовский пулагай.

Углублению схематизма и абстракции содействовало применение пре словутого палеонтологического анализа, посредством которого проводились сравнения с самыми разнообразными народами разных частей земного шара; в то же время забывались действительные исторические связи народа, игнорировались особенности его исторического развития, его этническая, национальная специфика.

Принцип историзма — основа этнографического исследования. Отход от последовательного историзма, схематизм, формализм проявлялись в работах этнографов и вне зависимости от «школы» Н. Я. Марра. Здесь необходимо остановиться на работе Д. К. Зеленина, методологическая сторона которой вызывает серьезные возражения. Автор, посвятив специальную статью происхождению общих элементов в русских и финских народных костюмах, объясняет их движением древних мод, которые «шли с запада на восток или с востока на запад, минуя этнические и государственные границы»²⁴. Д. К. Зеленин не только вносит неясность в понимание моды, но и неправомерно преувеличивает ее значение. Так, например, говоря о распространении моды на «жупан»²⁵ от Испании до Волги, автор по существу имеет в виду только термин, а не самую одежду, которая у разных народов различна по покрою, назначению, применению и не может рассматриваться как единая мода. То же следует сказать о рогатых головных уборах: нельзя наметить никакой исторической связи между средневековыми рогатыми головными уборами французских аристократов и гораздо более древними рогатыми уборами народов Восточной Европы. Говоря о «моды» на «сороку», Д. К. Зеленин не смог, однако, указать, где еще, кроме Восточной Европы, имелась подобная «сорока». Весьма необоснованным является утверждение о «моды» на «сюстуг» (своеобразное нагрудное украшение в виде заколки с подвесками), типичный главным образом для финноязычных народов и не игравший, судя по археологическим данным, столь значительной роли в одежде славян.

²¹ Л. А. Динцес, Изучение русского народного искусства и наследие Н. Я. Марра, «Краткие сообщения ИИМК», XII, 1946.

²² Там же, стр. 48.

²³ Н. П. Гришкова, Очерки по истории развития русской одежды, стр. 87.

²⁴ Д. К. Зеленин, Общие элементы в древних финских и русских костюмах, «Советское финноугроведение», вып. 2, Л., 1948, стр. 83.

²⁵ Там же, стр. 84.

Древняя «мода» на вышивку плотного типа, отмеченная у поволжских народов и западных украинцев и якобы уже исчезнувшая в центральных областях, не подтверждается никакими фактами. Общность финских и украинских вышивок весьма относительна: такая общность наблюдается в орнаменте значительной части народов Восточной Европы, издавна находившихся в тесной культурной связи. Напротив, их различия как в сюжетах, так и в технике весьма значительны: в поволжских, в частности в карельских, вышивках сильно выражена зооморфная орнаментика, которой нет у украинцев, и т. д. Вместе с тем орнамент наших центральных и северных областей сохраняет ряд древнейших элементов, и никаких следов бытовавшей там, но исчезнувшей другой «моды» мы не находим.

Увлечение механическим «движением мод» в отрыве от конкретной исторической среды, а в связи с этим незаслуженное принижение творческой инициативы народов и неравномерное сглаживание их национальных особенностей перекликаются с реакционными идеями космополитизма, распространившегося в современной буржуазной, особенно американской, этнографии ²⁶.

В исследовании общности древних элементов культуры соседних народов нельзя обойтись без учета конкретно-исторических условий их жизни, так как в различных случаях эта общность может объясняться общностью происхождения, ассимиляцией одних этнических групп другими, наличием историко-культурных связей в те или иные периоды истории и т. д. Этнограф-марксист должен дать не абстрактную схему, а раскрыть диалектический процесс развития жизни народа, его материальной культуры, изучать явления во всех их связях и опосредствованиях.

Этнографическая наука, ставя своей задачей выявление этнической специфики, национальных особенностей культуры народа, а также ее общности с культурой окружающих народов, привлекает сравнительный материал по культуре и быту других племен и народов. Сравнительные данные нередко помогают проследить развитие, а иной раз и происхождение того или иного явления. Однако неправильно пользоваться этими данными чисто формально, превращая сравнения в самоцель. Чисто формальные сопоставления вне времени и конкретно-исторической среды приводят к буржуазному компаративизму, схематизму, далекому от подлинно исторического исследования. При изучении одежды восточнославянских народов вряд ли целесообразно обращаться к одежде индонезийцев, хотя у них и имеется набедренная одежда «саронг», по типу аналогичная восточнославянской набедренной одежде, или же к шотландской одежде, для которой была характерна мужская клетчатая юбка. Зато очень важно привлечь данные о несшитой набедренной одежде у тесно связанных с восточнославянскими другими славянских народов, а также у румын, литовцев, эстонцев, о «хурстуксет» у ижор.

Советская этнографическая наука рассматривает культуру народа в ее историческом развитии, которое определяется внутренними причинами, прежде всего развитием производительных сил и обусловленным ими развитием производственных отношений. Однако и другие, второстепенные факторы в той или иной степени имели влияние на создание разнообразных форм культуры и быта народа, в частности одежды. Географический фактор не является решающим в развитии общества, но учет географической среды необходим при изучении хозяйства, быта, элементов культуры, в том числе и одежды (особенно на ранних этапах развития общества). Общеизвестно, например, что у народов, живущих в тундре и тайге, в связи с характером окружающей

²⁶ См. И. И. Потехин, Космополитизм в американской этнографии, «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. XII, М., 1951, стр. 49.

их географической среды и их хозяйством получила распространен одежда из оленьего меха, ровдуги, а у живущих по побережьям одежда из нерпичьих шкур, кишок сивуча, рыбьей кожи и т. д.

Один из основных принципов историзма — строго хронологический подход к вопросу. Этнографу нельзя забывать о датировке явлений во времени. Правда, этнографические материалы, в частности одежда, представляют нередко большие трудности для хронологической датировки. Здесь этнографу следует обращаться к данным смежных дисциплин. Письменные источники, а также археологические данные и данные языка нередко помогают найти опорные хронологические даты.

При изучении материальной культуры народа необходимо помнить и о другом важнейшем принципе советской науки — классовом анализе изучаемых явлений. Забвение этого принципа ведет к буржуазному объективизму. Увлеченные проблемами этнической истории, современные этнографы уделяют этому вопросу недостаточно внимания. Однако правильное, не идеализированное отображение народного быта можно дать лишь на основе классового анализа. Крестьянская одежда, которая являлась одним из основных объектов этнографических исследований, была далеко не однородна, точно так же, как было социально неоднородно крестьянство в XIX — первой трети XX в. В работах последних лет, посвященных материальной культуре восточнославянских народов и их соседей, этот вопрос часто оставался вне поля зрения автора. Так, например, в статье И. Ф. Симоненко «Быт населения Закарпатской области»²⁷ чисто формально перечислена одежда населения этой области. Автор, видимо, не ставил себе задачу классового анализа, хотя изучение проводилось им в тот период, когда классовое расслоение в закарпатской деревне было еще очень сильно. В статье М. Н. Шмелевой, посвященной народной одежде украинцев Закарпатья²⁸, дана довольно удачная попытка связать типы одежды (названные «комплексами») с исторической и географической средой, однако в классовом отношении одежда дана недифференцированно. Авторы настоящей статьи должны также отметить недостаточность классового анализа и в своих работах по народному костюму²⁹.

Развернутый классовый анализ быта того периода, который стал уже сравнительно отдаленным прошлым, представляет значительные трудности. Однако тщательное полевое исследование, а также привлечение других, в частности письменных, источников в значительной мере могут восполнить имеющиеся пробелы. Ценной попыткой выявить в материальной культуре, в частности в одежде, отражение классового расслоения крестьянства является серия статей участников историко-бытовых экспедиций Государственного исторического музея — С. К. Жегаловой, С. П. Закалинской, А. А. Лебедевой, М. Н. Левинсон-Нсчаевой, Н. Р. Левинсона и Н. А. Маясовой, освещающих быт русской, украинской и белорусской деревни во второй половине XIX — начале XX в.³⁰ Нельзя не упомянуть здесь и недавно вышедшую работу Н. И. Воробьева «Казанские татары»³¹: в главе об одежде автор в известной степени дифференцировал одежду различных классовых групп татарского населения.

²⁷ И. Ф. Симоненко, Быт населения Закарпатской области. «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 74—79.

²⁸ М. Н. Шмелева, Из истории национального костюма украинцев Закарпатской области, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», вып. XI, М.—Л., 1950.

²⁹ В. Н. Белицер, Народная одежда удмуртов, Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. X, М., 1951; Г. С. Маслова, Народный орнамент верхневолжских карел, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XI, М., 1951.

³⁰ «Историко-бытовые экспедиции 1949—1950 гг.», Труды Гос. историч. музея, вып. XXIII, М., 1953.

³¹ Н. И. Воробьев, Казанские татары, Казань, 1953.

Проблема изучения одежды в свете классового анализа, имеющая большой научно-теоретический интерес, заслуживает специального исследования. Этой проблеме следовало бы уделить больше внимания и этнографам стран народной демократии, работающим в области изучения одежды, публикующим монографии и атласы по народному костюму.

Марксистская историческая наука рассматривает трудовые народные массы как основных, подлинных творцов истории. Народ является создателем материальной и духовной культуры, разнообразной архитектуры, одежды, изобразительного искусства, фольклора, музыки, составляющих неисчерпаемый источник творчества писателей, композиторов, архитекторов и художников. «Народ,— писал М. Горький,— не только сила, создающая материальные ценности, он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры»³². Именно из этих положений исходит советский этнограф, обращаясь к исследованию народной культуры, в частности одежды.

Между тем в буржуазной этнографии и фольклористике до настоящего времени еще господствует реакционная концепция «сниженной культуры», «пониженных культурных ценностей»³³. Выполняя социальный заказ буржуазии, «ученые»-реакционеры пытаются представить трудовой народ как творчески бесплодную массу, сохранившую в замкнутых формах материальную и духовную культуру, воспринятую от господствующих классов. В трудах прогрессивных ученых все громче раздается голос протеста против этой реакционной теории, широко используются факты творческой инициативы народных мастеров, опровергающие тенденциозные взгляды буржуазных ученых³⁴.

Однако и в этих трудах не всегда в достаточной мере оценены творческие силы народа. Такая недооценка роли народа глубоко ошибочна. Нельзя, конечно, отрицать влияние различных классов друг на друга, но оно никогда не было односторонним. Народные истоки послужили основой развития многих сторон культуры «высших» классов. Если обратиться к русской одежде, то мы увидим, что такая часть одежды, как сарафан, бытовавший в боярской среде, видимо, был создан на основе древней народной одежды, известной под названиями «сукман», «сушун» и другими. То же можно предполагать относительно кокошника — нарядного твердого головного убора, характерного для боярского быта XVI—XVII вв. и купеческого быта XVIII — начала XIX в.: в процессе изучения русской одежды выясняется, что кокошники создавались, как правило, на основе народных кичкообразных составных головных уборов.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что было бы глубоко неправильно ограничивать изучение одежды исследованием лишь традиционных, в основном исчезнувших или исчезающих форм. Несомненно, что изменение этих форм в современных условиях, появление новых типов одежды, развитие и использование в них лучших черт старой народной одежды — все это должно привлечь внимание советских этнографов.

³² М. Горький, Литературно-критические статьи, Госполитиздат, 1937, стр. 26.

³³ См. В. Чичеров и Н. Элиаш, Лорд Раглан — теоретик реакционной фольклористики, «Советская этнография», 1949, № 3.

³⁴ Укажем, например, на упоминавшуюся уже книгу И. Коева «Българската везбена орнаментика».

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

В. В. СЕДОВ

СЛАВЯНСКИЕ КУРГАННЫЕ ЧЕРЕПА ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

Славянские черепа из курганов XI—XIII вв. с территории Белорусской ССР были изучены Г. Ф. Дебецом¹. Распределив их на основе археологического материала по трем племенным группам (кривичи, дреговичи и радимичи), исследователь не нашел существенной разницы между сериями черепов этих племенных групп.

Впоследствии эти же черепа были исследованы Т. А. Трофимовой. Взяв за основу величины скулового диаметра, Т. А. Трофимова наметила в составе славянских черепов Белоруссии два антропологических типа: пришла к заключению, что в состав дреговичей и радимичей вошли оба типа: длинноголовый узколицый и длинноголовый широколицый; в сериях же черепов полоцкой группы кривичей преобладает широколицый тип, следы же узколицего типа незначительны.

Представляет интерес вновь рассмотреть этот материал, обратив внимание на археологическую карту Верхнего Поднепровья второй половины I тыс. до н. э. и первых столетий н. э.

Судя по археологическим материалам, во второй половине I тыс. до н. э. и в первых столетиях н. э. бассейн верхнего течения Днепра был занят двумя этническими группами (см. карту). В области верховьев левых притоков Припяти, по верхнему и среднему течению Березины, притоками, по Друти и по Днепру (от Орши до Рогачева) известны городища с так называемой штрихованной керамикой. На запад и север от западной территории распространения этих городищ по Вилии, Неману, нижнему течению Западной Двины простирается до побережья Балтийского моря. Обитатели этих городищ знакомы были с железной металлургией, занимались земледелием и скотоводством, но еще значительную роль в их хозяйстве играли охота и рыбная ловля. Помимо своеобразно оформленной керамики, культура этих городищ характеризуется особыми формами пряслищ, железных серпов и других предметов и каменными вымостками, открытыми почти на всех городищах со штрихованными сосудами. Большинство исследователей относит эти городища к лето-литовским племенам³.

Южнее, восточнее и северо-восточнее этой группы городищ по Припяти, Днепру⁴, Сожу, Десне, на верхней Оке и по среднему течению Западной

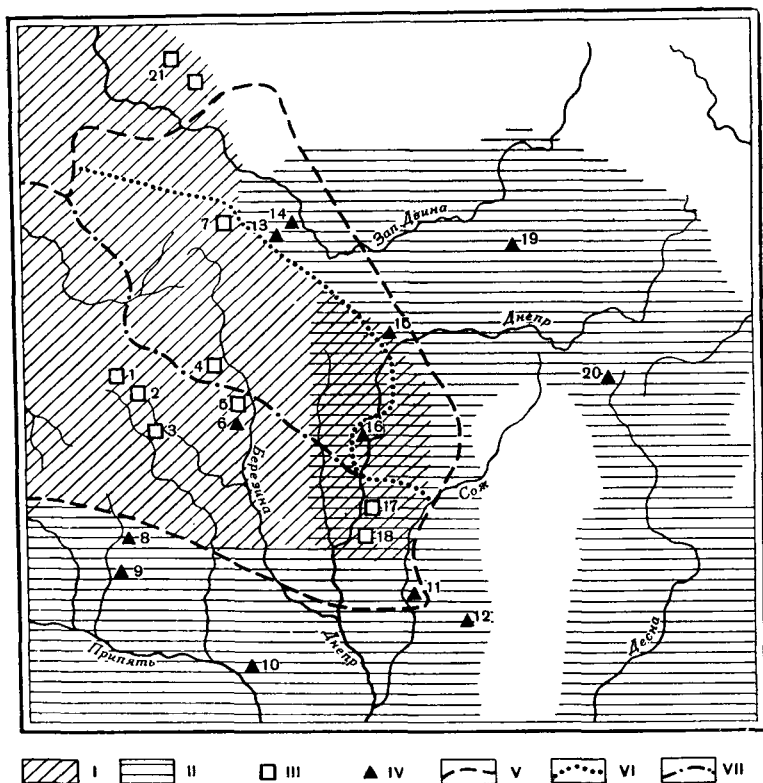
¹ См. Г. Дебец, Чарапы Люцынскага магілёнку старажытных славян Беларусі і месца апошніх у палеоантропалёгіі усходняй Эўропы. Працы секцыі археалёгіі інстытута гісторыі Бел. Акадэміі Навук, т. III, Менск, 1932, стр. 69—80.

² См. Т. А. Трофимова, Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, № 1, стр. 101 и 105.

³ См. П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, изд. 2-е. М., 1953, стр. 9.

⁴ По Днепру (от Орши до Рогачева) и по Друти эти городища расположены в промежутке с городищами штрихованной керамики.

ной Двины (от устья Торопы до устья Дисны) расположены городища иного облика. В отличие от керамики со штрихованной поверхностью, глиняные сосуды этих городищ имеют гладкие стенки. Наиболее распространенный орнамент — ямочный, но чаще встречаются неорнаментированные сосуды. Основой хозяйства обитателей этой группы городищ

Размещение широколиких и узколиких серий черепов XI—XIII вв. на археологической карте 2-й половины I тысячелетия до н. э. и начала I тысячелетия н. э.

I — область городищ со штрихованной керамикой; II — область городищ с гладкостенной керамикой; III — серии черепов длинноголового широколикого типа; IV — серии черепов длинноголового узколикого типа; V — линия, ограничивающая область двух диалектов юго-западной группы говоров белорусского языка (твердоэрых, сильно акающего и умеренно акающего) — по Е. Ф. Карскому; VI — северо-восточная граница юго-западной группы говоров белорусского языка — по диалектологической карте русского языка в Европе; VII — граница между твердоэрыми, сильно акающими и умеренно акающими диалектами — по Е. Ф. Карскому. 1 — Заславье; 2 — Минск; 3 — В. Подозеры; 4 — Борисов; 5 — Озятичи; 6 — Мурава; 7 — Кубличи; 8 — Митяевичи; 9 — Милковичи; 10 — Огородники; 11 — Бярыдыш; 12 — б. Новозыбковский у.; 13 — Городец; 14 — Славены; 15 — Грозивец; 16 — Песчанка; 17 — Гадзила ичи; 18 — Курганы; 19 — оз. Сабшо (Д. Н. Анучин, О черепках из курганов Смоленской губернии, Поречьского уезда, близ озера Сабшо, Труды Московского археологич. об-ва, т. IX, вып. II и III, М., 1883, стр. 64—66, протоколы); 20 — б. Ельнинский у. (Г. А. Трофимова, Указ. соч., табл. 5); 21 — курганы и могильники Латвии (Г. Кнорре, Указ. раб., прим. на стр. 1).

Примечание: Пункты Соломоречье, Касаковка и Васильевка не удалось установить на карте.

являлись земледелие и скотоводство. Принадлежность этих городищ раннеславянским племенам вне всякого сомнения. Керамика их и сопутствующий этим городищам погребальный обряд (поля погребальных урн) связывают их с позднейшими славянскими археологическими памятниками.

Руководствуясь археологической картой Верхнего Поднепровья второй половины I тыс. до н. э. и первых столетий н. э., мы свели краинологический материал XI—XIII вв. в три таблицы⁵. Черепа из курганов

⁵ Индивидуальные измерения курганных черепов Белоруссии опубликованы в упомянутой выше статье Г. Ф. Дебеца. На их основе составлены серии, объединяющие черепа каждой курганной группы.

области городищ штрихованной керамики вошли в первую таблицу. Во вторую занесены черепа из области раннеславянских городищ. Черепа из района, где встречаются те и другие городища, составили третью таблицу.

Изучение таблиц и картографирование антропологического материала XI—XIII вв. на археологической карте предшествующего времени приво-
дят к следующим выводам.

Этническая карта второй половины I тыс. до н. э. и первых столетий н. э., составленная на основе археологических материалов, находит свое отражение в антропологическом составе населения XI—XIII вв. Область городищ со штрихованной керамикой соответствует по территории своего распространения длинноголовый широколицый антропологический тип, нигде не выходящий за пределы этой области⁶. В курганах и могильниках Латвии, относящихся к первым столетиям II тыс. н. э., в области, где во второй половине I тыс. до н. э. и в начале I тыс. н. э. распространены были городища со штрихованной керамикой, открыты черепки того же самого типа⁷. Повидимому, следует признать европеоидный длинноголовый широколицый тип характерным для ранних лето-литовских племен.

В средневековых памятниках Восточной Европы, помимо очерченной выше области, этот антропологический тип нигде не представлен.

Наличие подобных широколицых черепов в курганах XII—XIII вв. в верховьях рек Москвы и Протвы (бывш. Рузский и Можайский уезды)⁸ составляет исключение. Но как раз здесь древнерусский летописец помещает племя голядь⁹, относимое большинством исследователей к литовским племенам¹⁰.

В области городищ раннеславянских племен курганные черепа XI—XIII вв. также длинноголовы по черепному указателю, но характеризуются сравнительно узким лицом. По сравнению с широколицыми черепами западных областей Верхнего Поднепровья эти черепа характеризуются несколько меньшими размерами продольного и поперечного диаметров, прямым лбом, менее развитым надбровьем и менее широкими глазами.

По абсолютному большинству признаков длинноголовые узколицые черепа Верхнего Поднепровья сходны с черепами славянских племен XI—XIII вв. Среднего Поднепровья¹¹.

Район Днепра от Орши до Рогачева, где городища со штрихованной керамикой расположены попеременно с городищами гладкостенной керамики, как и следовало ожидать, дал оба антропологических типа: и узколицый, и широколицый.

Полученные выводы интересно сопоставить с диалектологической картой белорусского языка. Границы области городищ со штрихованной керамикой в основном близки к диалектным границам и включают два весьма близких между собой диалекта юго-западной группы говоро-

⁶ Черепа из курганной группы Мурава характеризуются узким лицом и составляют исключение для ареала городищ штрихованной керамики. Они являются свидетельством проникновения на эту территорию узколицего населения, ниже связываемого со славянскими племенами.

⁷ G. Knorre, *Kraniologische Untersuchungen an Schädeln aus Skelettgräbern Lettgallens*, «Ztschr. für Morphologie und Anthropologie», Bd. 28, H. 3. Stuttgart, 1930 стр. 256—312; Г. Ф. Дебеч, *Палеоантропология СССР*, Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. IV, М.—Л., 1948, стр. 243—245.

⁸ См. Т. А. Трофимова, Указ. раб., стр. 108 и табл. 8.

⁹ ПСРЛ, т. 2, СПб., 1908, стр. 339 (под 1147 г.).

¹⁰ См. Н. П. Барсов, *Очерки русской исторической географии*, Варшава, 1873 стр. 43—44, 252.

¹¹ См. Т. А. Трофимова, Указ. раб., стр. 97—101.

Таблица 1

Сводка средних размеров мужских черепов из славянских курганных групп XI—XIII вв., расположенных в области городских захоронений керамики

	Заславль (кривичи)	Минск (дреговичи)	В. Палле- ры (дрего- вичи)	Борисов (кривичи)	Озятичи (дреговичи)	Мурата (дреговичи)	Кудлич (кривичи)	Соломо- режье (кривичи)	Заречье (кривичи)	Суммарно
1. Продольный диаметр	189,0 (15)	188,5 (4)	193,5 (2)	194,0 (4)	192,0 (2)	190,2 (11)	191 (1)	191,3 (3)	186,0 (2)	190,1 (44)
8. Поперечный диаметр	137,7 (15)	140,5 (4)	141,0 (2)	142,5 (4)	142,5 (2)	136,2 (11)	148 (1)	135,3 (3)	136,5 (2)	138,4 (44)
17. Высотный диаметр базисно-брегма	135,6 (14)	137,8 (4)	143,5 (2)	136,0 (4)	135,0 (2)	135,3 (11)	133 (1)	135,7 (3)	135,5 (2)	135,6 (43)
5. Длина основания черепа	104,1 (13)	103,7 (3)	105,5 (2)	108,2 (4)	103,0 (2)	105,8 (11)	105 (1)	107,7 (3)	99,5 (2)	105,0 (41)
9. Наименьшая ширина лба	98,8 (15)	94,3 (3)	94,0 (1)	101,0 (4)	100,5 (2)	95,8 (11)	101 (1)	95,5 (2)	95,0 (2)	97,6 (41)
40. Длина основания лица	99,3 (12)	102,0 (2)	97,5 (2)	105,7 (3)	98,0 (2)	101,0 (8)	101 (1)	101,3 (3)	95,5 (2)	100,2 (35)
45. Скуловой диаметр	135,9 (8)	137,0 (2)	140 (1)	140,5 (2)	138,0 (2)	132,5 (2)	142 (1)	—	—	137,0 (18)
48. Верхняя высота лица	67,8 (12)	67,0 (2)	73,5 (2)	69,0 (3)	70,0 (2)	70,5 (8)	71 (1)	66,0 (3)	63,5 (2)	68,6 (35)
55. Высота носа	49,7 (13)	48,5 (2)	54,0 (2)	51,0 (3)	52,0 (2)	51,3 (9)	50 (1)	49,7 (2)	47,5 (2)	50,4 (36)
54. Ширина носа	25,9 (11)	26,0 (2)	26,0 (2)	27,0 (3)	26,5 (2)	25,7 (9)	23 (1)	25,0 (2)	25,5 (2)	25,8 (34)
51а. Ширина орбиты от d.	39,3 (12)	39,3 (3)	41,0 (2)	40,3 (3)	41,0 (2)	39,5 (8)	40 (1)	39,7 (3)	39,0 (2)	39,7 (36)
52. Высота орбиты	30,7 (12)	31,0 (3)	34,0 (2)	31,3 (3)	32,5 (2)	31,8 (8)	30 (1)	30,0 (3)	31,0 (2)	31,2 (36)
32. Угол лба (nas-met)	83,8 (12)	83,0 (3)	84 (1)	79,0 (3)	84,0 (2)	83,1 (10)	88 (1)	87,0 (3)	87,0 (2)	83,7 (37)
72. Общий угол лица	86,3 (11)	83,5 (3)	82 (1)	83,7 (3)	87,0 (2)	85,8 (1)	88 (1)	84,5 (2)	87 (1)	85,5 (28)
75(1). Угол носовых костей	32,3 (6)	25 (1)	—	—	29,5 (2)	37,5 (2)	26 (1)	38 (1)	—	32,0 (13)
— Надбровье	3,5 (14)	3,5 (4)	3,5 (2)	4,5 (2)	3,0 (2)	3,5 (10)	3 (1)	3,0 (2)	3,5 (2)	3,49 (39)
— Fossa canina	2,3 (12)	3,0 (3)	2,5 (2)	2,7 (3)	1,5 (2)	2,6 (9)	2 (1)	3,3 (3)	3,0 (2)	2,5 (37)
— Нижний край грушевидного от- верстия (процент антропичных форм)	83,3 (12)	100,0 (2)	100,0 (2)	50,0 (2)	100,0 (2)	87,5 (8)	100 (1)	33,3 (3)	50,0 (2)	79,4 (34)
8:4. Черепной указатель	73,0 (15)	74,5 (4)	72,8 (2)	73,6 (4)	74,0 (2)	71,3 (11)	77,5 (1)	70,8 (3)	73,2 (2)	72,8 (44)
17:0,5(1+8). Смешанный высотный указатель	83,1 (14)	84,1 (4)	85,9 (2)	81,0 (4)	80,8 (2)	82,9 (11)	78,4 (1)	82,0 (3)	84,2 (2)	82,8 (43)
9:8. Лобно-поперечный указатель	71,6 (15)	67,3 (3)	68,0 (1)	70,8 (4)	70,5 (2)	70,0 (11)	68 (1)	71,5 (2)	69,8 (2)	70,5 (41)
40:5. Указатель выступания лица	96,0 (12)	98,0 (2)	92,2 (1)	97,7 (3)	95,0 (2)	96,0 (8)	96 (1)	94,0 (3)	96,0 (2)	95,8 (35)
48:45. Лицевой указатель	49,8 (8)	48,5 (2)	48,5 (1)	51,0 (2)	50,5 (2)	55,0 (2)	50 (1)	—	—	50,4 (18)
54:55. Носовой указатель	51,4 (11)	53,5 (2)	48,5 (2)	53,0 (3)	51,0 (2)	49,7 (9)	46 (1)	51,5 (2)	53,5 (2)	51,0 (34)
52:51а. Орбитный указатель	78,2 (12)	78,8 (3)	83,0 (2)	77,7 (3)	79,2 (2)	79,5 (8)	75 (1)	75,7 (3)	79,5 (2)	78,6 (36)

Таблица 2

Сводка средних размеров мужских черепов из славянских курганных групп XI—XIII вв., расположенных в области городищ с гладкостенной керамикой

	Милковичи (дреговичи)	Митяевичи (дреговичи)	Огородники (дреговичи)	Бавш. Ново- вожский уезд (радимичи)	Бердыш (радимичи)	Славены (кривичи)	Городище (кривичи)	Васильев- ка (радимичи)	р. Сож (радимичи)	Касаковка (радимичи)	Суммарно
1. Продольный диаметр	186,7 (6)	185,6 (7)	194,2 (5)	185,3 (7)	189,5 (2)	185 (1)	184 (1)	187,0 (2)	189,0 (2)	195 (1)	187,3 (34)
8. Поперечный диаметр	136,0 (6)	138,6 (7)	136,5 (4)	134,4 (7)	137,5 (2)	130 (1)	139 (1)	137,0 (2)	135,5 (2)	135 (1)	136,3 (33)
17. Высотный диаметр базион-брега	136,2 (6)	139,9 (7)	132,5 (4)	134,9 (7)	140,0 (2)	131 (1)	126 (1)	135,0 (2)	139,0 (2)	148 (1)	136,5 (33)
5. Длина основания черепа	100,3 (6)	103,1 (7)	102,5 (4)	102,4 (7)	106,5 (2)	97 (1)	98 (1)	99,0 (2)	101,0 (2)	111 (1)	102,1 (33)
9. Наименьшая ширина лба	95,8 (4)	95,6 (7)	93,7 (3)	94,7 (7)	97,0 (2)	91 (1)	98 (1)	95,0 (2)	96,0 (2)	96 (1)	95,2 (30)
40. Длина основания лица	97,2 (4)	95,8 (6)	96,0 (2)	98,4 (5)	99,5 (2)	95 (1)	96 (1)	89,0 (4)	98,0 (2)	107 (1)	97,2 (25)
45. Скуловой диаметр	129,2 (4)	132,3 (3)	128 (1)	132 (1)	132,0 (2)	133 (1)	131 (1)	—	—	—	130,9 (13)
48. Верхняя высота лица	68,0 (5)	66,5 (6)	68,0 (3)	66,0 (6)	66,0 (2)	67 (1)	65 (1)	64 (1)	71,0 (2)	70 (1)	67,1 (28)
55. Высота носа	50,4 (5)	49,5 (6)	50,0 (3)	48,3 (7)	48,0 (2)	49 (1)	47 (1)	49 (1)	51,0 (2)	52 (1)	49,4 (29)
54. Ширина носа	24,8 (5)	25,0 (6)	25,0 (3)	25,1 (7)	25,0 (2)	24 (1)	25 (1)	27 (1)	23,0 (2)	26 (1)	24,9 (29)
51а. Ширина орбиты от d	39,2 (5)	38,2 (5)	37,7 (3)	38,0 (6)	39,0 (2)	39 (1)	38 (1)	38,5 (2)	37 (1)	40 (1)	38,4 (27)
52. Высота орбиты	31,6 (5)	31,2 (5)	31,0 (3)	30,7 (6)	31,5 (2)	31 (1)	30 (1)	31,5 (2)	31 (1)	30 (1)	31,1 (27)
32. Угол лба (nas-me)	84,0 (3)	85,2 (5)	86,0 (3)	84,7 (6)	83,0 (2)	80 (1)	82 (1)	84,5 (2)	87,0 (2)	88 (1)	84,7 (26)
72. Общий угол лица	85,3 (3)	83,6 (5)	85,0 (3)	82,0 (2)	86,5 (2)	82 (1)	86 (1)	86 (1)	80,5 (2)	87 (1)	84,2 (21)
75(1). Угол носовых костей	31,5 (2)	33 (1)	27,5 (2)	—	27,5 (2)	—	30 (1)	—	—	—	29,5 (8)
— Надбровье	3,3 (6)	2,8 (6)	3,8 (4)	3,0 (7)	3,0 (2)	3 (1)	2 (1)	2,5 (2)	2,0 (2)	5 (1)	3,1 (32)
— Fossa canina	3,0 (5)	2,8 (6)	3,0 (3)	3,0 (4)	2,5 (2)	3 (1)	1 (1)	2,0 (2)	4 (1)	4 (1)	2,8 (26)
— Нижний край грушевидного от- верстия (процент антропных форм)	75,0 (4)	66,7 (6)	100,0 (3)	40,0 (5)	100,0 (2)	—	100 (1)	100 (1)	100,0 (2)	100 (1)	76,0 (25)
8:1. Черепной указатель	72,8 (6)	74,6 (7)	72,1 (4)	72,7 (7)	72,5 (2)	70 (1)	75,5 (1)	73,5 (2)	71,8 (2)	69 (1)	72,9 (33)
17:0,5(1+8). Смешанный высотный указатель	84,6 (6)	86,4 (7)	80,8 (4)	84,3 (7)	85,6 (2)	82,9 (1)	78,3 (1)	83,3 (2)	85,8 (2)	89,7 (1)	84,4 (33)
9:8. Любно-поперечный указатель	70,9 (4)	69,2 (7)	71,2 (3)	71,3 (7)	70,8 (2)	70 (1)	70,5 (1)	69,0 (2)	70,8 (2)	71 (1)	70,4 (30)
40:5. Указатель выступания лица	95,8 (4)	93,7 (6)	94,0 (2)	96,4 (5)	93,5 (2)	98 (1)	98 (1)	96 (1)	97,2 (2)	96 (1)	95,5 (25)
48:45. Лицевой указатель	53,4 (4)	49,7 (3)	56 (1)	52 (1)	50,0 (2)	50 (1)	50 (1)	—	—	—	51,6 (13)
54:55. Носовой указатель	49,3 (5)	50,2 (6)	50,0 (3)	52,2 (7)	52,0 (2)	49 (1)	53 (1)	55 (1)	45,2 (2)	50 (1)	50,5 (29)
52:51а. Орбитный указатель	80,6 (5)	81,6 (5)	82,3 (3)	80,8 (6)	80,8 (2)	79,5 (1)	79 (1)	81,8 (2)	84 (1)	75 (1)	80,9 (27)

Таблица 3

Сводка средних размеров мужских черепов из славянских курганных групп XI—XIII вв. с территории, где городища штрихованной керамики перемежаются с городищами гладкостенной керамики

	Гадзилавичи (радимичи)	Курганье (радимичи)	Песчанка (радимичи)	Грозивцы (кривичи)
1. Продольный диаметр	190,3 (3)	192,6 (8)	185,7 (3)	190 (1)
8. Поперечный диаметр	138,3 (3)	138,8 (8)	136,0 (3)	135 (1)
17. Высотный диаметр базион-брег- ма	137 (1)	136,9 (8)	140,7 (3)	141 (1)
5. Длина основания черепа . . .	106 (1)	104,9 (8)	107,3 (3)	109 (1)
9. Наименьшая ширина лба . . .	96,0 (3)	97,1 (7)	93,0 (3)	93 (1)
40. Длина основания лица	98 (1)	102,5 (6)	97,5 (2)	99 (1)
45. Скуловой диаметр	138 (1)	137,0 (3)	131,0 (2)	125 (1)
48. Верхняя высота лица	70 (1)	70,7 (7)	68,5 (2)	70 (1)
55. Высота носа	50 (1)	50,6 (7)	51,0 (2)	53 (1)
54. Ширина носа	28 (1)	27,8 (6)	24,5 (2)	26 (1)
51a. Ширина орбиты от d	41 (1)	40,4 (7)	40,3 (3)	39 (1)
52. Высота орбиты	32 (1)	31,9 (7)	30,7 (3)	30 (1)
32. Угол лба (nas-met)	83 (1)	80,3 (7)	84,0 (3)	86 (1)
72. Общий угол лица	89 (1)	84,0 (6)	86,5 (2)	89 (1)
75(1). Угол носовых костей . . .	—	34,5 (2)	30 (1)	—
— Надбровье	3,5 (2)	3,2 (8)	3,3 (3)	2 (1)
— Fossa canina	3 (1)	2,0 (7)	3,0 (3)	3 (1)
— Нижний край грушевидного отверстия (процент антропин- ных форм)	100 (1)	71,4 (7)	100,0 (3)	100 (1)
8:1. Черепной указатель	72,7 (3)	72,0 (8)	73,2 (3)	71 (1)
17:0,5(1+8). Смешанный высот- ный указатель	83,5 (1)	82,5 (8)	87,4 (3)	87 (1)
9:8. Лобно-поперечный указа- тель	69,7 (3)	69,5 (6)	68,5 (3)	69 (1)
40:5. Указатель выступания . . . лица	92,5 (1)	97,0 (6)	91,8 (2)	91 (1)
48:45. Лицевой указатель	51 (1)	52,5 (3)	52,5 (2)	56 (1)
54:55. Носовой указатель	56 (1)	55,1 (6)	48,0 (2)	49 (1)
52:51a. Орбитный указатель . . .	78 (1)	78,7 (7)	76,0 (3)	77 (1)

белорусского языка: твердоэрый сильно акающий и твердоэрый умеренно акающий¹².

Эти два южнобелорусских диалекта полностью охватывают территорию распространения широколицего антропологического типа. Узколицему типу по территории распространения соответствуют диалекты северо-восточной группы и белорусско-полесский диалект юго-западной группы. Однако узколицый тип проникает и в область двух упомянутых выше говоров. Интересно проследить диалектную границу¹³ в смешанной по археологическому материалу зоне. Здесь широколицые серии Галлавицы и Курганье попадают в область твердоэрого умеренно акающего диалекта, а узколицые серии Песчанки и Грозивец выходят за пределы юго-западной группы диалектов.

Археологические материалы пока не представляют возможности проследить судьбу населения городищ со штрихованной керамикой, на месте которой в середине I тыс. н. э. приходит гладкостенная керамика. Наличие в курганный период широколицего населения на территории, прежде занятой лето-литовскими племенами, убеждает нас в том, что продвижении сюда славян население этой области не покидало своих селений.

Отмеченное А. Кочубинским¹⁴ наличие в указанной области известного числа названий озер и рек, объяснимых из литовского языка, подтверждает такое заключение. Повидимому, славянская колонизация местного населения проходила здесь мирным и медленным путем.

¹² Белорусский язык разделяется на две группы говоров: северо-восточную и юго-западную. Говоры последней нанесены на помещенную выше карту. Существует два варианта границы между этими группами говоров. Первый из них намечен Е. Ф. Карским (Е. Ф. Карский, *Белоруссы. Введение к изучению языка и народной словесности*, т. I, Вильна, 1904).

На диалектологической карте русского языка эта граница проходит несколько южнее (Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Л. Н. Ушаков, *Опыт диалектологической карты русского языка в Европе*, М., 1915). Последняя в ряде районов находит на северо-восточную границу области штрихованной керамики. Здесь исследование местной старины Е. П. Романов отмечает резкую этнографическую границу (Е. П. Романов, *О курганных раскопках в Сенненском уезде Могилевской губернии* «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XLIX, вып. 5, М., 1890, стр. 605).

Граница между твердоэрым сильно акающим и твердоэрым умеренно акающим говорами внутри области городищ штрихованной керамики во многих местах совпадает с границей между кривичами и дреговичами по археологическим материалам XI—XIII вв., повидимому, отражает диалектные различия славянских племен. Область к северу от этой границы была колонизована кривичами, южнее разместилось другое славянское племя — дреговичи.

¹³ Северо-восточная граница юго-западной группы говоров — по диалектологической карте русского языка.

¹⁴ См. А. Кочубинский, *Территория доисторической Литвы*, «Журн. Министрства народного просвещения», 1897, Январь, Часть CCCIX, стр. 60—94.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ С С С Р

М. М. ПЛИСЕЦКИЙ

ВЗАИМОСВЯЗИ ФОЛЬКЛОРА ДОНСКОГО И ЗАПОРОЖСКОГО КАЗАЧЕСТВА

*(К вопросу о развитии русско-украинских фольклорных
взаимоотношений)*

В течение всей своей многовековой истории русский и украинский народы находились в теснейшей связи друг с другом. Русская и украинская, а также белорусская народности выросли из общей этнической основы — древнерусской народности. Уже на заре своей истории восточные славяне имели общую культуру, культуру Киевской Руси. Братские восточнославянские народы «сохранили и пронесли через века сознание единства происхождения, близости языка и культуры, сознание общности своей судьбы»¹. На всех этапах своей истории восточнославянские народы, объединяя свои силы, вели ожесточенную борьбу с классовым угнетением и иноземными агрессорами. Украинский и белорусский народы не раз обращались за помощью к великому русскому народу, и во всех случаях такая помощь была оказана.

Одним из самых показательных примеров являются события 1648—1654 гг., когда украинский народ, руководимый своим великим сыном Богданом Хмельницким, воссоединившись с русским народом, навсегда сбросил иго магнатской Польши. Позже, опять-таки вместе с русским народом, украинский народ ликвидировал тянувшуюся веками и опустошавшую страну агрессию султанской Турции и Крымского ханства.

Тесные связи русского и украинского народного творчества являются исторически обусловленным отражением взаимосвязей этих народов в их многовековой истории. Многогранность связей русского и украинского фольклора является прямым результатом близости этих народов «и по языку, и по месту жительства, и по характеру и по истории»².

Когда речь идет о фольклорных взаимоотношениях, необходимо учитывать, что они выражаются весьма различно: речь может идти о произведениях, которые отражают дружественные чувства данных народов по отношению друг к другу, повествуют о важных для обоих народов исторических фактах или же отражают сходные черты быта и т. д.

Взаимосвязи могут выражаться и в подобных до некоторой степени образах, которые возникли в фольклоре каждого народа самостоятельно или под некоторым влиянием творчества братского народа, при наличии

¹ Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией, одобренные ЦК КПСС, Госполитиздат, 1954, стр. 5.

² В. И. Ленин, Соч., т. 25, стр. 74.

между ними оживленных культурных связей, обусловленных взаимными отношениями экономическими, политическими, бытовыми.

Украинская националистическая фольклористика тщательно замалывала фольклорные взаимосвязи русского и украинского народов. Особенно это касается периода XV — середины XVII в., предшествовавшего в соединению обоих народов. Позиция националистической фольклористики в данном вопросе вполне соответствовала установкам украинской националистической историографии, которая всячески игнорировала факты, свидетельствующие о том, что и до середины XVII в. украинский народ искал помощи у русского народа, помнил о своем родстве с ним и стремился к воссоединению. Можно было бы привести множество фактов, свидетельствующих об этом историческом стремлении украинского народа. Достаточно напомнить, что задолго до воссоединения некоторые северноукраинские земли переходили под защиту русской державы. Еще более показателен тот факт, что опять-таки задолго до воссоединения украинское население в большем или меньшем числе, порой массой переселялось в пределы русской державы, спасаясь от бесчинств польских шляхты и постоянных набегов крымцев. Так, например, в 1617 г. часть запорожцев, не желая подчиниться Польше, «пошла на житие к Дону и Северному Донцу»³. После ликвидации восстания крестьян и казак руководимого Павлюком, часть повстанцев перешла под защиту Москвы, была поселена «близь донских казаков вверх по Северному Донцу и другим тамо рекам»⁴. Много украинских казаков и крестьян было поселено в районе Воронежа — Курска и других местностях. Недавно опубликовано много документов, касающихся массовых переселений украинского населения в Россию в начале XVII в.⁵ Переселенцы в пределы русской державы получали землю, материальную помощь, оружие, находили защиту от врага, сами принимая участие в охране русских кордонов.

Украинский народ, задолго до того как он был возглавлен Хмельным, стремился к воссоединению с русским народом. Гениальный Б. Хмельницкого и выразилась в том, что он в своей политической деятельности наилучшим образом воплотил это вековое стремление украинского народа. Украинский летописец Самовидец (Ракушка-Романовский) пишет о воссоединении с Россией: «по усей Украине усе народ з охотою тое учинил»⁶. Летописцы свидетельствуют, что украинцы называли Россию «Московским, богом укрепленным царством»⁷, и таким образом рассказывают о чувствах, которые вызывало в украинском народе укрепление русской державы — естественного союзника Украины. Польское правительство и шляхта превосходно знали о симпатиях украинского народа к русскому; польский коронный маршал Юрий Любомирский в одном из своих писем сообщал: «В настоящее время чернь, любящая Северную Русь, упорно стоит за нее и не хочет приступить к републике»⁸, т. е. повиноваться Польше.

Именно существовавшие в XV—XVII вв. близкие связи между русским и украинским народами определили развитие русско-украинских фольклорных взаимовлияний в этот период.

Очень показательны в этом отношении связи в области героического эпоса, которые являются отражением совместной борьбы братских народов с угнетателями. В частности, замечательны взаимовлияния по линии

³ А. Ригельман, Летописное повествование о Малой России, т. I, М., 1848, стр. 34.

⁴ Там же, стр. 45.

⁵ См. «Воссоединение Украины с Россией», т. I, М., 1953, стр. 130, 167, 185—186, 193—199, 205, 261 и др.

⁶ «Летопись Самовидца», Киев, 1878, стр. 36.

⁷ «Краткое описание Малороссии», Там же, стр. 244.

⁸ Письмо к кастеляну Беневскому 16 мая 1658 г., «Памятники, изданные Временной Комиссией...», т. III, Киев, 1864, стр. 256.

эпического творчества русского донского и украинского запорожского казачества⁹.

Донские и запорожские казаки всегда находились в дружественных отношениях. Они постоянно объединялись для совместной борьбы против общих врагов — турок и татар и постоянно приходили друг другу на помощь. Так, в течение 1616—1645 гг. было проведено более 20 общих походов против Турции и Крыма. Особенно следует отметить знаменитые походы 1616 и 1630 гг., а также объединенный поход на Азов, освобождение этой важной крепости от турок в 1637 г. и дальнейшую защиту его до 1642 г., когда русское правительство отдало распоряжение оставить крепость. Объединенные походы донских и запорожских казаков против Турции и Крымского ханства сыграли немалую роль в истории нашей Родины и всей Европы. Они ослабляли военные и экономические силы Турции, ослабляли ее агрессию на север и запад. Блестящие успехи казаков, их смелые нападения на основные турецкие города вселяли в душу поработенных народов, в частности балканских славян, веру в возможность ликвидации турецкого ига и таким образом способствовали усилению их борьбы с Турцией. Донские казаки постоянно помогали Украине и в борьбе с панской Польшей. Например, в 1638 г. несколько сот донцов героически бились с войсками Потоцкого, поддерживая восстание украинских казаков, и погибли в этом бою¹⁰. В 1632 г. донцы в Москве свидетельствовали, что у них с «запороскими черкасы приговор учинен», что если придут враги «на Дон или в Запороги, и запороским черкасом на Дону нам, казаком, помогать, а нам, донским казаком, помогать запороским черкасом»¹¹.

Множество запорожцев постоянно жило на Дону, и немало донских казаков проживало в Запорогах. Имеются совершенно точные документальные данные о постоянном проживании и о зимовках многих сотен запорожцев на Дону в 1620—1640-х годах¹². Донской атаман Михайло Татарин рассказывал в Москве в 1638 г., что «запорозских черкас» «в Азове и на Дону з 10.000 человек» и еще идут «безпрестанно многие люди»¹³. Отношения между донцами и жившими на Дону запорожцами были самыми дружескими. Донцы свидетельствовали в Москве в 1623 г., что запорожцы «живут де у них давно и им во всем верны и дурна от них никаково не чают»¹⁴. Точно так же через 15 лет свидетельствовал и Михайло Татарин, говоря, что «от запорожских черкас никакова дурна и роздратья не чают...»¹⁵. Донцы в свою очередь нередко проживали в Запорожье; так, например, 1000 донцов остались в Запорожье после похода 1631 г. Много донцов во главе с атаманом Павлином зимовало в Сечи и в 1632 г.¹⁶ Интересно, что один из запорожских куреней уже в XVIII в. назывался «донским»: может быть, он состоял из донцов¹⁷.

⁹ В дальнейшем анализе я исхожу из того положения, что творчество казацких и крестьянских масс создавалось в процессе постоянного взаимопроникновения и во многих отношениях было общим. Это объясняется рядом причин: сходными условиями жизни рядового казачества и крестьянства, тем, что крестьянство было основным контингентом, из которого черпались кадры казачества (причем порой, особенно на Украине, крестьяне массами «оказывались»), и тем, что в важнейшие моменты истории Украины (например, в 1648—1654 гг.) именно крестьянские массы были «главной и решающей силой» освободительной борьбы (Тезисы о 300-летию воссоединения Украины с Россией, Госполитиздат, 1954, стр. 8).

¹⁰ «Історія української РСР», т. I, Київ, 1953, стр. 199.

¹¹ «Воссоединение Украины с Россией», т. I, стр. 123.

¹² Там же, стр. 69.

¹³ Там же, стр. 203.

¹⁴ Там же, стр. 44.

¹⁵ Там же, стр. 204. Ср. свидетельство атамана Войска донского А. Евсеева в Польском приказе в Москве 6 IX 1650 г.: «запорожские черкасы с ними, донскими казаки, всегда бывали в дружбе и сылке и зимун добывали сопча». Там же, т. II, стр. 409.

¹⁶ Там же, т. I, стр. 123 и 131.

¹⁷ А. Скальковский, Изустные предания о Новороссийском крае, «Журн. Министерства народного просвещения», 1838, стр. 40.

Донцы в Запорожье пользовались совершенно теми же правами, что и запорожцы; то же следует сказать и о Доне. Запорожцы Михай Черкашенин, Гунка Черкашенин¹⁸, Миско Таран¹⁹, Алексей Шафран были в свое время на Дону руководителями. Шафран рассказывал в Москве о том, что донцы и запорожцы свободно переходят друг к другу, как это повелось исстари, живут в одних куренях. Если запорожцы иногда руководили походами донцов, то русские люди нередко достигали такого же положения в Запорожье. Донские казаки бывали даже посланцами запорожцев; так, во время гетманства Выговского запорожцы послали в Москву своим представителем донского казака Григория Зятя. Для разрыва тесных связей донцов с запорожцами царизм впоследствии в XVIII в. принял чрезвычайно суровые меры. Например, в 1758 Елизавета запретила проживание запорожцев на Дону и приказала под стражей возвращать их домой. Было бы странно, если бы такая тесная дружба русского и украинского казачества не отразилась в их поэтическом творчестве. И действительно, о дружбе донцов и запорожцев свидетельствует как русский, так и украинский фольклор.

Очень часто в песнях донцы и запорожцы упоминаются вместе. Так, записанная еще Киршей Даниловым русская песня о донском атамане Флоре Минаеве начинается словами:

Приуныли, приутихли (дважды) на Дону донски да казаки,
А яйцкие, донские (дважды), запорожские²⁰.

В записанной Языковым в Симбирской губернии песне об убийстве царского посланника Карамышева говорится о том, как ходили по Дону добрые молодцы: «Все донские, гребенские, запорожские, да и славные казаки, братцы, яйцкие»; думали, «крепку думушку за едино», «зарядили пушку да и застрелили в лодочке посланника»²¹. В одной донской песне изображены три кораблика: на одном — черноморцы, на другом — запорожцы, в третьем — казаки донские²². Упоминаются запорожцы и в донской песне, рассказывающей о походе под Азов: Петр I идет «со своими донцами, с запорожцами»²³. Еще в одной песне XVIII в. изображаются «удалые молодцы, все донские казаки, да еще же гребенские, запорожские», которые хвалят Петра I и ругают бояра²⁴.

Украинские народные песни также часто поют о казаке, «гулявшем семь лет на Дону и возвращающемся домой на Украину»²⁵. «Дончак» — весьма распространенное наименование героя украинских песен. В украинских песнях донцы с запорожцами порой даже смешиваются. Так, в одной песне, записанной в XIX в. в запорожских степях, поется о судне, в котором плавают «півтора молодців, запорожців-донців»²⁶. Песня эта рассказывает о вдове, не захотевшей выйти замуж за казака, имея весьма близкие параллели в донском фольклоре²⁷.

«Дума про Самійла Кишку» своей основной идеей имеет провозглашение славы единству запорожского и донского казачества. В ней пове-

¹⁸ Гунка Черкашенин, руководивший походом донцов в Черном море в 1640 г., очевидно, одно лицо с Дмитрием Гуней, возглавлявшим крестьянско-казацкое восстание в Украине в 1638 г. (см. «Воссоединение Украины с Россией», т. I, стр. 236, 311 и 502).

¹⁹ См. там же, стр. 336.

²⁰ Кирша Данилов, Древние российские стихотворения, М., 1938, стр. 295.

²¹ «Песни, собранные П. Киреевским», вып. 7, М., 1868, стр. 133.

²² А. Листопадов, Песни донских казаков, т. II, М., 1950, стр. 249.

²³ А. Пивоваров, Донские казацкие песни, Новочеркасск, 1885, стр. 55.

²⁴ «Письмовник, содержащий в себе науку российского языка», Н. Курганова, изд. VI, ч. I, СПб., 1796, стр. 77.

²⁵ См., например, П. Чубинский, Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, т. V, СПб., 1877, стр. 478.

²⁶ См., например, там же, стр. 952.

²⁷ И. Кравченко, Песни донского казачества, Сталинград, 1937, стр. 210—211.

ствуется о том, как множество невольников-украинцев организовали восстание на одной из лучших военных галер турецкого флота, перебили экипаж и, захватив судно, возвратились на нем домой с богатыми трофеями. Дума эта, как я стараюсь доказать в другой работе, имеет очень близкие связи с русским фольклором в характере своих образов. В то же время имеются безусловные документальные доказательства, что она рассказывает о совместных действиях двухсот невольников (из которых около 20 были русскими, а остальные украинцами) под руководством русского стрелецкого начальника. Дума заканчивается славой.

Слава не умре, не поляже,
Буде слава славна
Поміж казаками,
Поміж друззями,
Поміж рицарями,
Поміж добрими молодцями.
Утверди, боже, люду царського,

Народу християнського,
Війська запорозкого,
Донського
З сією чорною Дніпровою,
Низовою
На многія літа,
До кінця віка!²⁸

Певец призывает «люд царський», «військо донське» к единству с «черньою низовою», т. е. с массами запорожского казачества и, по сути, с массой крестьянства.

Одним из ранних фактов единения донского и запорожского казачества, зафиксированных в фольклоре, является русская народная песня о Михаиле Черкашенине. Украинец Михаил Черкашенин²⁹ был одним из известнейших донских атаманов 50—70-х гг. XVI в. Он, в частности, руководил борьбой донцов с Азовом и с Крымским ханством. Под его руководством донское войско окрепло, стало играть большую роль в жизни страны. Записанная в XVIII в. песня в лирическом плане рассказывает о горе, принесенном известием о смерти героя, бездыханное тело которого было привезено из похода казачьей вольницей³⁰.

Как бы в ответ на эту песню украинский народ в своей песне рассказывал о горе, вызванном известием о гибели донских казаков, перебитых неожиданно напавшими турками³¹.

Таким образом, и русский и украинский фольклор отразил дружбу и совместную борьбу донского и запорожского казачества. Совместная борьба и близкие связи в быту содействовали оживленному обмену произведениями эпического творчества.

Прежде всего необходимо отметить, что многие песни, посвященные военному быту казачества, являются общими для донского и украинского фольклора. К ним относится, во-первых, классическая песня о казаке, который лежит на земле, на кочке головою, прикрыв очи муравою, ноженки — ногойкою, рученки — китайкою. Он шлет своего верного коня домой сообщить отцу-матери, что сын их не возвратится домой, что он «женился» в степи, взял себе в жены «земляночку», т. е. могилу. Эта песня имеется в бесчисленных вариантах. Трудно назвать сборник украинских или русских народных песен, где бы ее не было³².

²⁸ «Малороссийские и червонорусские народные думы и песни» П. Лукашевич, СПб., 1836.

²⁹ Прозвище «Черкашенин» — от слова «черкасы», как называли в XVI—XVII вв. украинских казаков.

³⁰ Кирша Данилов, Указ. раб., стр. 255.

³¹ См. «Українські думи та історичні пісні», сост. М. Плисецкий, М., 1944, стр. 113.

³² Назову хотя бы такие сборники, как: «Донские исторические песни» А. М. Листопалова (Ростов н/Д, 1946, стр. 108), «Песни донских казаков» С. Бугославского и И. Шишова (М., 1937, стр. 37), «Русская народная песня» В. Шейна (ч. 1, М., 1870, стр. 208), И. Кравченко, Песни донского казачества (Сталинград, 1937, № 128), «Очерки быта крестьян Холмской и Подляской Руси по народным песням» Страшкевича и Заусцинского (сб. «Памятники русской старины в западных губерниях», вып., 7, СПб., 1885, ряд вариантов на стр. 426), «Труды этнографическо-статистической экспедиции

Не менее распространена и песня о молодом казаке, заснувшем заставе:

Темна нічка невидная,
Дороженька нерівная,
Ворон коник спотыкаєця,
Казакові дрімаєця.

Як вийду я на Саур-могилу.
Пустю коня у поле-долину,
А сам ляжу спочину.

Пришла девушка, сорвала травинку (былинку), начала ею будить казака: пусть проснется, а то наедут турки, коня заберут, казака милого убьют. Коня убьют — ничего, другой будет, а вот казака убьют горе, жаль будет³³.

Следует указать также на распространенность как в русском, так и в украинском фольклоре таких произведений, как песни о трех ласточках, прилетевших к умирающему в степи казаку (эти ласточки — мать, сестра и жена)³⁴, песни об отправлении казака в поход и его смерти в походе³⁵, разговор казака с недовольным его поведением конем и другие. Интересен русский вариант, впрочем со следами украинского языка известной украинской песни «Заспівали козаченьки в похід з полночю заплакала Марусенька свої ясні очі»³⁶. Известна у русского казачества и одна из распространеннейших на Украине песен об отправлении в поход (вначале казацкая, а впоследствии превратившаяся в солдатскую).

Розвивайся, сухий дубе,
Завтра мороз буде;
Убирайся, козаченько,
Скоро похід буде.

Я морозу не боюся,
Зараз розів'юся,
Я ж походу не боюся,
Зараз уберуся...³⁷

Можно указать также на наличие в украинском фольклоре параллелей к русским песням о взятии Азова казаками при помощи военной хитрости: казаки проникают в город под видом купцов, везущих товары, причем, вместо товаров, они скрыто провозят в крепость своих товарищей, готовых к бою³⁸.

Говоря о более позднем периоде (XVIII в.), можно указать на распространение песен о том, как пошли казаки в поход в чистое поле турецкое, только шапочки (вар. только «зброю») видно, оставляют дома жен, деточек³⁹, о казаке (в более поздних вариантах — солдате), прося

в Западно-Русский край» (т. V, 1874, много украинских вариантов на стр. 942 и сл.); Белорусские варианты в сборнике «Белоруссы» Е. Карского (т. III, М. 1916, стр. 33 и сл.).

³³ Отдел рукописей АН УССР, № 1478, стр. 8. Записано в с. Макагоновка в 1883 г. Русские варианты см.: «Фольклор Дона» (вып. 2, Ростов н/Д, 1941, стр. 43), упомянутые сборники С. Бугославского и И. Шишова (стр. 32—34), А. Листопада (Донские исторические песни, стр. 109).

³⁴ Один из прекрасных вариантов этой песни см.: А. Савельев, Сборник донских народных песен, СПб., 1866, стр. 143; другой — в сборнике А. и В. Железновых «Песни уральских казаков», СПб., 1899, стр. 60; см. также А. Листопадов, Песни донских казаков, т. II, М., 1950, № 147, 148.

³⁵ См.: Ф. Баранов, Песни оренбургских казаков, вып. 2, Оренбург, 1913, № 59; А. Доггадин, Былины и песни астраханских казаков, вып. 1, Астрахань, 1911, стр. 60.

³⁶ Рукописный сборник А. Пасхаловой «Песни Саратовской губернии», записанные в 1850 г.; см. Д. К. Зеленгин, Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества, вып. 3, Пгтр., 1916, стр. 1265.

³⁷ «Народная лирика», сост. М. Плисецкий, Киев, 1941, стр. 48; ср. Ф. Баранов, Песни оренбургских казаков, вып. 2, № 28.

³⁸ Я. Новицкий, Малорусские исторические песни, собранные в Екатеринославщине, Екатеринослав, 1908, стр. 58.

³⁹ Русские тексты: «Фольклор Дона и Кубани», сборник, Ростов н/Д, 1938, № 7 и сл.; И. Кравченко, Указ. раб., стр. 61. Украинские варианты имеются во многих сборниках.

щем атамана (потом — майора, генерала) отпустить его домой проводить любимую девушку.

Разумеется, тесные связи имеются не только в героическом эпосе, но и в лирике, сатире, в балладном творчестве.

Распространены в донском и украинском фольклоре баллады о девяти братьях-разбойниках и их сестре, о теще, попавшей в плен к зятю турку, о киевской вдове, положившей в бочку и бросившей в реку двух своих сыновей, о шинкарке, которую обманул казак и потом сжег в лесу, песни о страданиях верной голубки, друга которой убил стрелок, об одряхлевшем и потерявшем почет орле, о соревновании коня с соколом в быстроте, о горе молодца, который любил девушку, любил да не взял, юмористическая песня об упавшем с дуба комаре и множество других. Но, разумеется, здесь можно говорить уже только о близости репертуара донского и запорожского казачества, а не о собственно казачьем творчестве, так как эти песни широко распространены среди всего русского и украинского населения (как, впрочем, и часть из рассмотренных выше произведений, героями которых являются казаки).

Наличие таких близких взаимоотношений в творчестве донских и запорожских казаков позволяет смелее привлекать донской фольклор для объяснения отдельных украинских произведений или их деталей. В частности, при помощи донского фольклора оказывается возможным объяснить многое в думе, известной под названием «Розмова (разговор) Дніпра з Дунаєм». Здесь придется коротко рассказать о результатах моей (пока неопубликованной) работы, посвященной исследованию данной думы.

Дума эта является одним из наименее изученных произведений украинской исторической поэзии. Она интересовала исследователей, но крайне ограниченный материал, который удавалось привлекать для ее освещения, не давал возможности сделать какие-либо положительные выводы. Поэтому она не подвергалась до сих пор развернутому анализу и считается загадочной (так назвал ее академик Возняк).

Опубликована эта дума в 1892 г. П. Житецким вместе со всем рукописным сборником, известным в украинской фольклористике под названием «Повести малороссийские». Этот, один из ценнейших, сборников, записан в самые первые годы XIX в. В нем имеется 16 текстов, в том числе 13 дум, из которых некоторые являются уникальными. Среди них находится и данная дума. Приведу единственный, дошедший до нас ее вариант:

Питається Дніпр тихаго Дуная:

„Тихій Дунаю,

Что я своих козаков на тебѣ не видаю?

Чи твое дунайское гирло моих козаков пожерло,

Чи твоя Дунай-вода моих козаков забрала?“

Промолвит тихій Дунай по Дніпра-Славути:

„Дніпр-батьку, Славуто!

Сам себѣ думаю да гадаю,

Что я твоих козаков у себѣ не видаю:

Уже четверь года три мѣсяца выбывае,

Як гвоих козаков у меня немає,

Ни мое дунайское горло твоих козаков не пожерло,

Ни моя дунайська вода твоих козаков не забрала,

Их турки не постреляли, не порубали,

До города-царя в полон не забрали. . .

Всѣ мои квити луговые и низовые понидели,

Что твоих козаков у себя не видѣли.

Твои козаки на черкеской горе пробубають,

Холодной воды в барила набирають,

Шляхи и дороги замѣчали.

Города бусурмански плюндрували,
 Огнем-мечем воевали,
 Сребра-злата по достатках набирали,
 До рѣчки Хортеци прибували,
 Велику переправу соби мали,
 До стародавной Сѣчи поспѣшали,
 У стародавной Сѣчи очертою сѣдали,
 Сребро и золото турецьке на три части паивали —
 Мед и оковиту горѣлку подпивали,
 За весь мир господа прохали...
 Которие козаки чистым полем гуляли,
 Рѣчки низовья, помощницы днѣпровые добре знали...⁴⁰

Отдельные ученые (Сумцов — в первых работах и И. Ерофеев) скептически отнеслись к подлинности рукописи, но их аргументация была более чем слабой; она основана на двух-трех словах, которые им показались неестественными, но присутствие которых в думе довольно легко объяснимо. Не останавливаясь на этом вопросе, скажу лишь, что дума эта, как можно утверждать на основании ряда данных, записана В. Ломиковским под Миргородом, причем несколько необычная ее орфография объясняется стремлением собирателя передать украинский текст при помощи тогдашнего правописания. При этом некоторые слова немножко искажились.

Не имея возможности со всей подробностью останавливаться на анализе данной думы, отмечу прежде всего, что на основе упоминания в ней о черкесской горе (в письменных источниках, русских и крымских с XIV в., а также и в донских казачьих песнях⁴¹ так назывался Кавказ) и на основе ряда других источников я доказываю, что дума повествует о походе запорожцев древним, впоследствии забытым путем по низовым небольшим речкам (Самаре, Волчьей, с дальнейшим переходом в Калмиус) из Днепра в Азовское море на Северный Кавказ для борьбы с нахсидившимися там турками. Поход был предпринят в строжайшей тайне. На то, что казаки ехали не по Днепру, а по низовым рекам, прямо указывают загадочные, казалось бы, последние две строчки думы. Эти же слова намекают и на секретность похода. Сам Днепр не знает, куда девались казаки, об этом знают только речки низовые. Приехавшие в 1620 г. в Москву с предложением запорожского войска служить России посланцы Петра Сагайдачного на вопрос о том, разрешает ли польское правительство казакам воевать с турками, ответили: «с турским оманом (польский король.— М. П.) в миру, а на море нам на турских людех ходить запрещено из Запорожья, но из малых речек ходить не запрещено...»⁴²

Ясно, что здесь речь идет о запрещении ходить из Запорожья по Днепру, из малых рек (в первую очередь, очевидно, из Миуса и Калмиуса, где находились запорожские зимовники) походы фактически разрешались. Период этот — скорее всего 20-е годы XVII в. Впрочем, в 30-

⁴⁰ П. Житецкий, Мысли о народных малорусских думах, Киев, 1893, стр. 244—245.

⁴¹ См., например, песню о смерти Радионова (1828 г.):

А ой да за горами было,
 Было, скажем, за Черкесскими... ой да за Черкесскими...
 На ровной было на пло... ой да на ровной было...

Там стояли полки казачьи... и т. д. (А. Листопадов и С. Арефин, Песни донских казаков, собранные в 1902—1903 гг., вып. 1, М., 1911, стр. 62—63).

⁴² В древней Руси «Кавказскими» или «Угорскими» горами назывались Карпаты (см., например, Ипатьевскую летопись под 1226 г.). Кавказские же горы назывались «Яскими», затем «Черкесскими».

⁴³ С. Соловьев, История России, т. X, М., 1879, стр. 85.

40-х годах положение не намного изменилось, польское правительство уже решительно запрещало совершать морские походы в турецкие владения и даже построило крепость Кодак на Днепре с целью воспрепятствовать им, однако казаки мало считались с этим, и походы продолжались⁴⁴.

Упоминание о воде, набираемой в барилы, тоже подтверждает мысль, что местом похода был Северный Кавказ, где пресной воды (в северно-западной его части) было мало. Следует напомнить, что в 1569 г. нежолколько восточнее (ближе к Астрахани) в безводных степях погибло большое турецкое войско Селима.

Поход закончился счастливо, казаки возвращаются домой тем же путем. Они спускаются по Днепру, придерживаясь правого берега (о чем свидетельствует упоминание о переправе через Хортицу — древнее место переправы) и в районе Сечи по традиции делят трофеи.

Исходя из того, что дума изображает казачество уже в виде развитого института, что она говорит о существовании Сечи, и из отсутствия упоминаний о польской крепости Кодак, которая впоследствии мешала проведению подобных походов⁴⁵, и т. п., считаю, что дума рассказывает об одном из событий периода 1610—1635 гг., периода блестящих походов казачества против Турции и Крыма, как раз в это время усиливших свою агрессию и на Кавказе. Невероятно, чтобы эта дума повествовала о позднейшей борьбе с турками (XVIII в.).

Вполне вероятно участие и в данном походе, как и во многих подобных предприятиях, также и донского казачества. Во всяком случае об этом свидетельствует тесная связь данной думы с донским фольклором.

Дума имеет одним из своих основных художественных образов традиционный для славянской поэзии разговор с рекой. Можно дать ряд примеров из русской поэзии, начиная с разговора Игоря с Донцом в «Слове», и из поэзии южных и западных славян. Много таких образов находим и в украинской народной поэзии. Из всей массы подобных образов наше внимание привлекают сейчас образы «разговоров» с помутившейся рекой о причинах, заставивших ее принять необычный вид: рассыпать свои крутые берега, смешать воду с песком и пр. Обычно такой причиной является нападение врагов или какое-либо другое народное горе. Прекрасным примером подобных образов может служить русская былина о Сухмане, где матушка Непра-река помутилась оттого, что вражеская сила подступила к ней. Характерно, что особенно часто разговор с помутившейся рекой встречается именно в русских, особенно казачьих народных песнях. В одной из них тихий Дон помутился потому, что нет уже Степана Разина, его поймали и отрубили буйну голову⁴⁶. В другой донской песне причины помутнения реки не указаны, но дан образ Дона спокойного и Дона помутившегося. Раньше славный тихий Дон имел славу добрую: быстро бежал ровно с краюшками;

А ныне ты помутился сверху до низу,
От самого Воронежа до Черкасова!

⁴⁴ В 1631 г. король Сигизмунд III писал в Турцию о том, что строго обязал командующего польскими войсками, чтобы тот «внимательно следил за казаками и обратил внимание на их обычные тайные набеги» («Воссоединение Украины с Россией», т. I, стр. 96—99); в 1635 г. польский сейм запретил казакам строить морские челны и организовывать набеги в Турцию (там же, стр. 144—146); по «Ординации» 1638 г., утвержденной сеймом, было приказано реестровым казакам «предостерегать, чтобы своеволие не скрывалось на островах и речках и оттуда не отправлялось в морские походы» (там же, стр. 255—258).

⁴⁵ Кодак был построен в июле 1635 г. на правом берегу Днепра у Кодацкого порога. В том же году крепость была разрушена запорожцами, но опять восстановлена согласно решению сейма 1638 г.

⁴⁶ А. Пивоваров, Указ. раб., отд. 1, № 105; Ф. Панкратов, Гребенцы в песнях, Владикавказ, 1895, стр. 37; М. Чулков, Сборник разных песен, ч. 1, СПб., 1770, № 134.

Изменяешь ты свои струи быстрые,
 Не бываешь, не гуляешь по зеленым лугам,
 Там не стали расти травы шелковые,
 Не цветут там желтые цветочки⁴⁷.

В некоторых деталях образы Дона этой песни перекликаются с образами разбираемой думы.

Еще в одной донской песне Дон помутился оттого, что прошли повер его три роты, в одной из них был казак с девушкой, которая потом погибла. Начало этой песни:

Ой ты, наш батюшка, тихий Дон!
 Ой что же ты, тихий Дон, мутнехенек течешь?
 А как мне, тихому Дону, не мутному течи, ..

Ее содержание и образы во многом близки к известному наиболее старому списку украинской народной песни о Стефане Воеводе, данному в грамматике Яна Благослава в первой половине XVI в. «Дунаю, Дунаю, чому смутен течешь?» — начинается она. На Дунае стоят три роты, одной из них — Стефан-воевода с девушкой. Обе песни весьма близки. Трудно, разумеется, сказать, какая река была названа в первом варианте этой, собственно говоря, одной песни, но здесь произошла замена либо Дуная Доном, либо Дона Дунаем.

Интерес представляет и следующая донская песня:

Ой ты, батюшка, славный тихий Дон,
 Ты кормилец, Дон Иванович!
 Про тебя лежит слава добрая,
 Слава добрая, речь хорошая:
 Как бывало ты все быстер течешь,
 Ты быстер течешь, все чистёшенек,
 А теперь же, Дон, все мутен течешь.
 Помутился Дон сверху донизу.
 Речь возговорил славный тихий Дон:
 „Уж и как то мне все мутну не быть?“
 Распустил я своих ясных соколов,
 Ясных соколов, донских казаков!
 Разрываются круты бережки,
 Рассыпаются косы желтые“⁴⁸.

Совершенно очевидна близость этой песни к приведенной думе. Это также разговор с рекой. В песне вопрос обращен к Дону, кормильцу русского казачества; в думе задает вопрос Днепр, кормилец запорожского казачества, и обращен вопрос к Дунаю, другой великой славянской реке. Дон помутился сверху донизу, разрываются его крутые берега, рассыпаются косы желтые, а на Дунае все цветы луговые и низовые привяли. Наиболее интересно то, что причина печали реки в обоих случаях одна: не слышно на реке голосов родных казаков. В думе известно, что они находятся в дальнем походе; несомненно, что это же предполагается и в донской песне. Об этом яснее говорит новая запись песни:

Ай распустил же ты, Дон, по чужим землям, гей, гей,
 По чу.. по чужим землям, ей сла... славянским степям, ге-ей!⁴⁹

Следует отметить, между прочим, что окончание строк — «гей» прямо связывает песню с таким же обычным для дум рефреном. Связи эти

⁴⁷ А. Пивоваров, Указ. раб., стр. 105—106.

⁴⁸ Впервые напечатана в «Русской старине» (вып. 2, 1825), потом в ряде сборников Савельева, Сахарова, Панкратова. Есть несколько вариантов, напечатанных в других сборниках.

⁴⁹ С. Бугославский и И. Шишов, Песни донских и кубанских казаков, М. 1937, стр. 13. Записано в 1936 г.

произведений настолько тесны, что можно даже предполагать их происхождение из общего источника.

Можно также высказать предположение, что первоначально в нашей думе речь шла не о Дунае, а о Доне, ибо Дунай ни при чем, когда речь идет о событиях на Кавказе. Действительно, если в тексте думы заменить Дунай Доном, то в ней абсолютно ничего больше изменять не придется: все окажется на своих местах и будет лучше мотивировано. Мотивирована, например, переправа через Хортицу, вовсе ненужная, если бы казаки возвращались с запада. Интересно, что эпитет «тихий» столь же естественен для Дона, как и для Дуная. Здесь все говорит о востоке, а не о западе, и, очевидно, Дунай вытеснил из думы реку Дон уже в XVIII в., когда связи с донским казачеством были ослаблены в результате насильственных действий царского правительства.

В таком предположении нет ничего неожиданного, ибо смешение Дона с Дунаем очень обычно в фольклоре. Я приводил выше доказательства смешения донцов с запорожцами. Названия рек смешиваются еще чаще. В той же украинской песне сказано:

Ой по Дону, по Дону,
По тихому Дунаю,
Ой з Дону, да з Дону,
Ой по тихому Дунаю и т. д.⁵⁰

То же в донских песнях. В одной из них казаки прощаются с Доном, со всеми его вершинами, донскими потеклинами. Старики провожают их за реку, которая тут же называется уже Дунаем⁵¹. Другой пример;

Близко к Дону, близко к Дону,
Близко к дикому Дунаю,
Добрый молодец гуляет...⁵²

Здесь еще не произошло полной замены Дона Дунаем, но, например, в архангельском варианте известной донской песни «За Доном гуляет казак молодой» поется: «За Дунаем гуляет казак молодой»⁵³.

Наоборот, Дунай заменен Доном в одном из русских вариантов известной на Украине песни «Через Дунай досочка тонка гибка лежала». Более того, в одном из вариантов былины о Дунае Ивановиче герой назван Доном Ивановичем⁵⁴. Таким образом, замещение в думе Дона Дунаем, если оно действительно произошло, не представляет собой ничего необычного.

В целом же близость украинской думы к донским песням свидетельствует, по меньшей мере, об отражении в них сходных исторических и социальных отношений и о тесных связях в области творческого процесса.

В исследовании данной думы важную роль сыграло то, что оно проводилось с полным учетом истории запорожско-донских взаимоотношений. Без этого объяснить данное произведение было бы невозможно.

К сожалению, до настоящего времени отсутствуют работы о связях украинских дум с русским фольклором. Можно назвать лишь статью Н. Дашкевича, пытавшегося связать Олексию Поповича из думы про бую на Черном море с Алешей Поповичем былины, и несколько замечаний, сделанных еще в середине прошлого века Орестом Миллером. Между

⁵⁰ П. Чубинский, Труды..., т. V, стр. 952.

⁵¹ А. Листопадов и С. Арефин, Указ. раб., вып. 1, М., 1911, стр. 77.

⁵² И. Кравченко, Указ. раб., стр. 221. «Дикий», разумеется является искажением эпитета «тихий».

⁵³ М. Мякушин, Песни Лешуконья, Архангельск, 1940, стр. 23.

⁵⁴ Г. Парилова и А. Соймонов, Былины Пудожского края, Петрозаводск, 1941, стр. 287.

тем, связи украинских дум с русскими народными песнями не так уж слабы, и рассмотренная дума не является исключением. В этой работе я упомянул о связях с русским фольклором думы о Самийле Кишке. Можно указать еще на донскую песню об умирающих в поле двух братьев-казаках, связанную по своим образам с «Думой о трех братьях Самских». Ее ритмика также указывает на связь с думами. В думе «порубанные» старшие братья просят также тяжело раненного меньшого брата затрубить в трубу, чтобы их могли найти казаки, а в песне старший брат просит младшего похоронить его. Впрочем, речь здесь может идти лишь о весьма близких образах, создавшихся в сходных обстоятельствах. И все же самое можно сказать, например, и о близости образов находящегося в неволе сокола думы «Сокол и соколя» и терской казачьей песни. В русской песне поется:

У соколика ножки спутаны,
На ноженьках луточки шелковые⁵⁵.

Более близкие связи можно указать для украинской думы о казаке Матяше. В записанной на Урале в 1848 г. песне также говорится о казаках, едущих к Азову и заснувших, не поставив охрану⁵⁶.

Чрезвычайно близки отдельные образы дум и донских песен. В одной изображены три турецких кораблика, на которых находятся «невольники — донские казаки». Один не спит, а молится:

Создай нам, боже, буйного ветра,
Вынеси наш карабличек из синя моря!⁵⁷

Эта концовка даже текстуально близка к вариантам украинской думы «Плач невольника». Совпадает сюжет и характер произведения.

Много общего между думой о побеге трех братьев из Азова и помещенной в сборнике Кириши Данилова песней о бегстве «из Крыму, и Нагаю». О том, что сюжет этой думы был известен на Дону, свидетельствует недавно записанный сказ «Три брата из Азова бежали»⁵⁸, который теснейшим образом связан с думой, воссоздавая ее основные характеры и перипетии сюжета.

Как уже указано, далеко не во всех случаях близость образов объясняется их происхождением из единого источника; очень часто причина общности — результат творческого процесса, происходящего в сходных условиях и при наличии близких художественных традиций.

Все приведенные выше примеры доказывают, что при раскрытии идейно-художественной сущности ряда произведений и образов украинского народного творчества необходимо учитывать возможность объяснения их при помощи материалов русского, в частности донского, фольклора. С другой стороны, разумеется, вполне возможно и привлечение украинского фольклора для объяснения отдельных сюжетов и образов фольклора донского казачества и вообще русского народного творчества.

Тесное единение донского и запорожского казачества было одной из положительных традиций в истории наших братских народов. Оно нашло свое отражение в фольклоре. Великую традицию дружбы русского и украинского народов ценят все советские люди, создавшие невиданную в истории дружбу советских народов, основу могущества нашей великой социалистической Родины.

⁵⁵ Ф. Панкратов, Гребенцы в песнях, Владикавказ, 1895, стр. 35.

⁵⁶ А. Соболевский, Великолукские народные песни, т. VI, СПб., 1902, № 34.

⁵⁷ А. Пивоваров. Указ. раб., стр. 128.

⁵⁸ Б. Лащилин, Донские сказы, Сталинград, 1948, стр. 26—27.

С. И. ВАЙНШТЕИН

СОВРЕМЕННОЕ КАМНЕРЕЗНОЕ ИСКУССТВО ТУВИНЦЕВ

Среди разнообразных видов народного изобразительного искусства, исконно бытующих в Туве, большой интерес представляет камнерезное искусство.

Изделия тувинских камнерезов — статуэтки людей и животных, фигурки своеобразных шахмат, игрушки — имеются во многих музеях страны (Ленинградский музей антропологии и этнографии АН СССР, Государственный музей этнографии народов СССР, музей Революции, Томский областной музей, Минусинский музей им. Мартьянова и др.). Значительное собрание современных работ камнерезов экспонируется в Тувинском областном краеведческом музее.

Экспонируемые в Тувинском музее изделия камнерезов отличаются большим мастерством исполнения, свидетельствуя об одаренности и тонком художественном вкусе резчиков. Многочисленные записи в книге отзывов Тувинского музея говорят о восхищении трудящихся современными работами камнерезов.

В отличие от других видов народного изобразительного искусства тувинцев, распространение камнерезания ограничено в основном территорией сумона Коп-Сок Бай-Тайгинского района, расположенного в западной части области, что в значительной степени обусловлено сравнительно легкими возможностями добывания на территории этого сумона особого мягкого камня — агальматолита (чонар-даш). Агальматолит служит основным материалом для работ тувинских камнерезов.

Резьбой по камню занимаются только мужчины. Мастера-камнерезы добывают агальматолит в окружающих сумон Коп-Сок горах, выкапывая для этого небольшие шурфы в местности Сарыг-Хая. Куски камня сортируют, отбирая для обработки лишь наиболее мягкие. Добываемый резчиками агальматолит имеет разные цвета и оттенки от белого до темносерого, зеленоватый и светлорозовый. Обрабатывают камень вручную. Вначале производят грубую обработку камня небольшим теслом (жержек), специальной стальной пилкой (хирээ) и ножом (бижек). Для окончательной отделки деталей пользуются маленьким ножичком, заточенным с обеих сторон, с острым слегка загнутым кончиком. Размеры статуэток невелики, высота их обычно не превышает 25 см.

Г. Е. Грумм-Гржимайло, совершивший в 1903 и 1914 гг. путешествия по Туве, сообщает, что среди тувинских кузнецов и столяров можно встретить лиц, занимающихся художественной резьбой по камню и дереву¹.

Единственной печатной работой, посвященной народному изобразительному искусству тувинцев, является статья И. М. Мягкова «Искусство

¹ Г. Е. Грумм-Гржимайло, Западная Монголия и Урянхайский край, т. III. Л., 1926, стр. 86.

Танну-Туву»², в которой автор значительное место уделяет искусству резьбы по камню.

Мягков, анализируя творчество тувинских резчиков по камню и дереву, отмечает отсутствие в скульптуре разработки деталей, условность и «присущую ей статичность. Здесь нет совсем движений. Они только намечаются, но не разворачиваются в действии»³. «Тувинская скульптура не портретна»⁴. Она, по мнению Мягкова, не раскрывает индивидуаль-

Рис. 1. Мастер-камнерез Х. К. Тойбу-хаа за работой

ных черт человека, передает его обобщенно, как представителя определенной национальной и социальной группы⁵. Все эти особенности камнерезного искусства Мягков объясняет определенными формами исторического развития тувинского народа⁶.

Не ставя задачей настоящего сообщения анализ старых форм камнерезного искусства тувинцев, мы рассмотрим весьма интересное явление в современном искусстве резчиков по камню. Наряду с сохранением в работах ряда резчиков традиционных особенностей, описанных И. М. Мягковым в современных скульптурах лучших мастеров-камнерезов (Хертека Тойбу-хаа, Салчак Хунак, Хертек Тегээ и др.), заметно стремление к реалистической передаче образа, постепенное преодоление условности и статичности.

Наиболее показательно в этом отношении работы камнереза Хертека Коштаевича Тойбу-хаа, создавшего за последние годы ряд замечательных скульптур. Лучшие работы Тойбу-хаа восхищают реалистичностью, большим художественным мастерством исполнения.

Х. К. Тойбу-хаа родился в 1918 г. в сумоне Коп-Сок в бедной аратской семье. Учиться в школе ему не пришлось. С малых лет любил он наблюдать за тем, как старики-камнерезы в его аале вырезают из бесфор-

² И. М. Мягков, Искусство Танну-Туву. В сб. «Материалы по изучению Сибири», т. 3, Томск, 1931.

³ Там же, стр. 305.

⁴ Там же, стр. 300.

⁵ Там же.

⁶ См. критическую рецензию С. В. Иванова на статью И. М. Мягкова «Искусство Танну-Туву», «Советская этнография», 1933, № 2, стр. 144—148.

менных кусков камня чудесные красивые вещи — фигурки людей и животных, шахматы, игрушки. Его родственник, старик Туктуг-оол Тыртаевич Кужугет, особенно искусно делал фигурки из камня. Старик обратил внимание на любознательного мальчика и передал ему начальные авыки работы над камнем. Уже первыми своими работами мальчик приобрел среди жителей сумона известность как один из лучших камне-езов.

Х. К. Тойбу-хаа не удовлетворяла условная, характерная для старых тастеров, лишенная жизни скульптура. Он присматривается к работам эвекских скульпторов-профессионалов, фотографии работ которых ему приходилось видеть в журналах.

Из ранних работ Х. К. Тойбу-хаа заслуживает внимания статуэтка тувинки в старинном костюме (рис. 2). Мастер изобразил амужную женщину, одетую в расцветный праздничный халат (ала он). К остроконечному головному убору (суур бёрт) привязаны ленты, ниспадающие на плечи. Длинные косы (чаш) украшены наконечником (чавага) и имитирующими косы шнурами (чалаа кара). На ногах своеобразная тувинская обувь (кадыг идик). Женщина стоит на орнаментированном войлочном коврике (ширтеке).

Выполненная в значительной мере в традиционной манере, эта скульптура вместе с тем отличается реалистической передачей индивидуальных черт фигуры, тщательностью отделки деталей. Как и более поздние произведения Тойбу-хаа, она свидетельствует о прекрасном знании мастером народного ему народного быта, который он стремится запечатлеть в камне. В связи с этим нельзя не отметить большую ценность многих работ Тойбу-хаа как дополнительного источника для изучения тувинской этнографии.

В 1950 г. несколько скульптур были представлены Тойбу-хаа на областную выставку народного изобразительного искусства. Большой интерес на выставке вызвали его работы — комплект вырезанных из камня шахмат⁷ и скульптурная группа «Пограничник на посту», состоящая из нескольких статуэток, установленных на отдельных подставках. Среди них статуэтка пограничника, охраняющего государственный пограничный знак СССР, оседланная лошадь и лежащая собака.

Рис. 2. Тувинка в старинном костюме (высота скульптуры 18,8 см)

⁷ Тувинские шахматы (шыдыраа) имеют ряд особенностей, отличающих их от общепринятых: пешки (оол) обычно делаются в виде гусей, баранов или собак, ферзь (мерзе) — фантастическое животное, изображаемое обычно в виде стилизованной фигуры льва, слоны — в виде верблюдов (теве). «Белые» фигуры шахмат отличаются от «черных» не цветом, а формой.

В 1951 г. Тойбу-хаа совместно с мастером-камнерезом Хертеком Т изготовил из камня партию миниатюрных шахмат, поражающих то

Рис. 3. Отдельные фигуры тувинских шахмат (высота фигур: нойон — 4,6 см; ф — 3,1 см; верблюд — 3,7 см; конь — 3,4 см; тура — 3,3 см; пешки — 1,7 см).

стью и изяществом исполнения. Фигуры «королей» — нойона и лами выполнены Тойбу-хаа, остальные фигуры — Х. Тегээ (рис. 3).

В последние годы Тойбу-хаа закончил ряд новых скульптурных и изведений.

Рис. 4. Арат Самбажик (высота скульптуры 10,1 см)

Упорно работая над статуей, которая должна была изобразить арата Самбажика, руководителя антифеодального восстания, известного под названием «восстания 60 богатырей», мастер добивается создания высокохудожественного, правдивого образа народного героя. Скульптор сумел показать в Самбажике человека, олицетворяющего не просто и мужественного, сильного, полного веры в грядущую победу. Создание нового образа, разумеется, требовало новых художественных средств. Творческий поиск Тойбу-хаа увенчался успехом. Ему удалось в скульптуре «Арат Самбажик» раскрыть свой замысел с большой художественной силой и правдивостью. Эта работа отличается не только мастерством исполнения, но и большой реалистичностью, сочетанием с историческим обобщением.

Сдерживая горячего коня, Самбажик с напряженным вниманием смотрит вдаль, в сторону русского Алтая, куда хотели пробить повстанцы, чтобы, скопив силы, с помощью русских освободить свой народ (рис. 4).

Отказ от статичности, создание сложной скульптурной композиции

создание портрета — все это свидетельствует о совершенно новых художественных средствах, ранее не известных тувинскому народному изобразительному искусству.

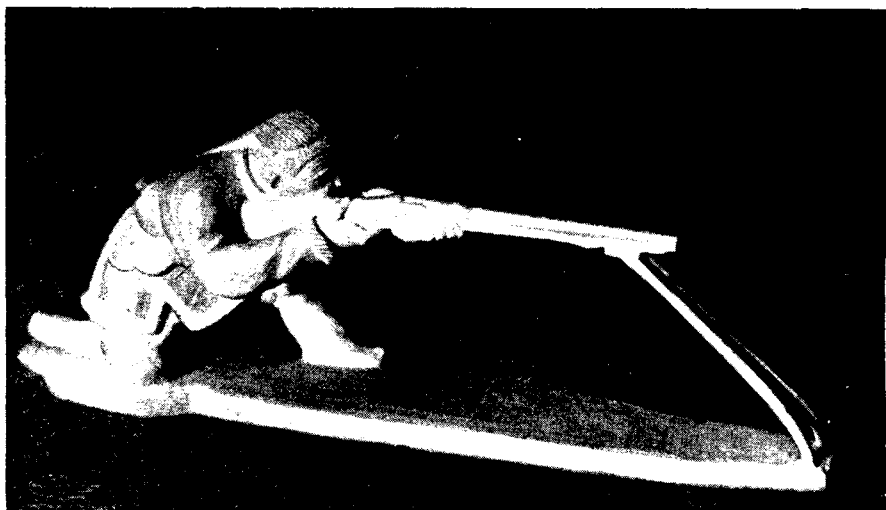

Рис. 5. Охотник (высота 5,6 см)

Рис. 6. Табунщик (высота 16,5 см)

Следующая работа Тойбу-хаа — «Охотник» (анчы) говорит о дальнейшем росте мастера. Скульптура очень хорошо разрешена в композиционном отношении. Она изображает охотника в старой Туве. Стремительным, энергичным броском охотник припал на одно колено, стреляя в зверя. Чактыр боо (старое кремневое ружье, с которым раньше приходилось охотиться тувинцам) крепко прижато к плечу, сошки (боо буду) ружья упираются в землю. Выражение лица, поза ярко рисуют образ

охотника в момент стрельбы. Мастер великолепно передал все детали костюма, охотничьих принадлежностей и ружья (рис. 5).

Хорошо выполнена скульптура «Табунщик» (чылгычы). Она изображает табунщика, сидящего верхом на лошади, мчющейся в летучем лопе. Фигура табунщика как бы слита в единое целое с лошадыю, скульптура пронизана движением (рис. 6).

Полна выразительности статуэтка «Девушка, играющая на хомусе». Молодая девушка-тувинка, слегка склонив голову, сидит на коврике. левая рука непринужденно прижимает к губам хомус (широко распространенный в Туве музыкальный инструмент), а правая — легким плавным движением вызывает при помощи особой нити вибрацию язычка хомуса (хомус дылы). Все это с большой теплотой и необыкновенно почти ювелирной тонкостью передано в камне (высота статуэтки 7,7 см).

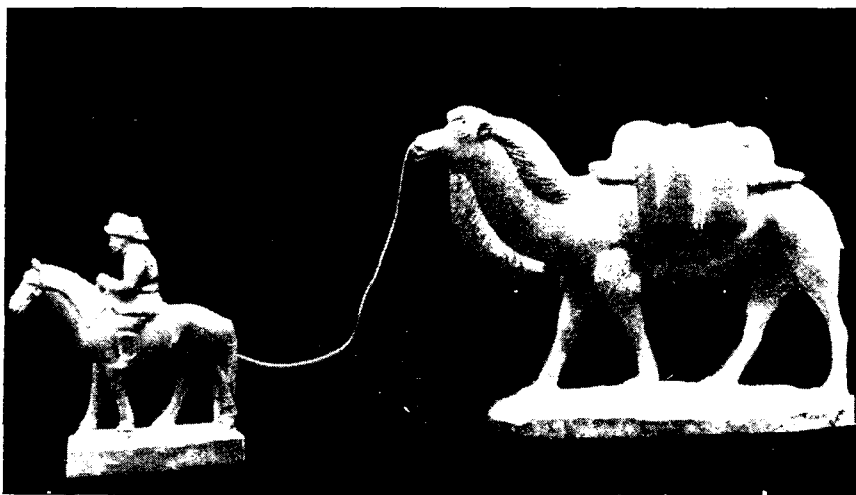

Рис. 7. Перевозка व्यюков на верблюде (высота статуэтки верблюда 17 см)

Удачно был выполнен скульптором бюст И. В. Сталина, свидетельствующий о способности мастера работать над портретом (высота скульптуры 14,5 см), а также изображающий И. В. Сталина барельеф в рамке, украшенной национальным орнаментом. Барельефные портреты в тувинском народном изобразительном искусстве впервые были введены Х. К. Тойбу-хаа.

Наряду с изображением людей Тойбу-хаа продолжает работать и со статуэтками диких и домашних животных. В 1951—1952 гг. им были выполнены 15 статуэток животных, объединенных общим названием «Дикие и домашние животные Тувы». Среди них — статуэтки марала, рыси, волка, горного козла, яка, верблюда, оленя, соболя, белки, коровы, лошадей, овцы с ягненком и другие. Очень динамична статуэтка горного козла (тебе), спасающегося от охотника; козел взбирается на горную кручу по почти отвесной каменной глыбе. К этой же серии примыкает скульптурная группа — «Перевозка व्यюков на верблюде» (рис. 7). Группа состоит из двух фигур, установленных на отдельных подставках. Скульптура изображает навьюченного двугорбого верблюда, медленно идущего на поводу у погонщика, который едет впереди на лошади.

Вызывает интерес большой письменный прибор из агальматолита, изготовленный Тойбу-хаа в 1951 г. Прибор украшен орнаментом (угулзак) и статуэтками людей и животных. Стакан для карандашей выполнен в виде деревянной ступы (согааш) для толчения зерна, пепельница — в виде глиняного котла (паш), установленного на треножнике (ожук). Основным

украшением прибора служит скульптура борцов, изображающая острый момент схватки в тувинской народной борьбе (хуреш).

Х. К. Тойбу-хаа в настоящее время работает в строительной бригаде колхоза «Победа» Бай-Тайгинского района, свободное время он использует для работы над новыми скульптурными произведениями.

Недавно мастер закончил две новые скульптуры: «В санях» (шанакта) и «Ловля лошади уруком»⁸. Как и все последние работы камнереза, они радуют реалистичностью изображения, тщательностью отделки, тонкой наблюдательностью скульптора, свидетельствуют о его дальнейшем творческом росте.

Малая каменная пластика тувинцев является одной из сторон культуры тувинского народа. В местной печати поднимался вопрос о создании в системе промысловой кооперации артели камнерезов, на базе которой они могли бы совершенствовать свое мастерство, но до сих пор такая артель не организована. Следует надеяться, что она будет создана в ближайшее время.

⁸ Урук применяется для ловли лошадей из табуна. Состоит из длинного шеста (урук сывы), на конце которого прикреплена петля (урук баа).

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ПЭИ ВЭНЬ-ЧЖУН

ИЗУЧЕНИЕ ИСКОПАЕМОГО ЧЕЛОВЕКА И ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В КИТАЕ *

Вследствие благоприятного климата и богатства животного мира Китая с начала четвертичного периода имелись соответствующие условия для развития человека. По числу обнаруженных остатков ископаемого человека и его материальной культуры Китай занимает одно из первых мест в мире. Однако в результате полуколониального положения страны изучение ископаемого человека и предметов палеолитической культуры Китая долгое время было сферой почти монопольного господства иностранных ученых. Ученые империалистического лагеря всячески принижали значение вклада, внесенного народами Китая в культуру человечества. В буржуазных учениях был создан целый ряд лженаучных теорий, утверждавших, что в Китае якобы не было доисторической культуры, что китайцы и китайская культура якобы имеют западное происхождение, и т. д.

Лишь после того как китайский народ под руководством Коммунистической партии Китая и ее вождя Мао Цзе-дуна сверг господство бюрократическо-компрадорской и феодально-помещичьей клики и выгнал иностранных агрессоров, наука, в том числе изучение ископаемого человека и палеолитической культуры Китая, стала полностью достоянием народных масс. В составе палеонтологической лаборатории Академии наук Китая создана специальная секция, сотрудники которой посвящают себя изучению ископаемого человека и истории материальной культуры Китая.

Однако база наших исследований пока еще невелика. Число научных работников весьма незначительно, а научная работа только лишь разворачивается. Мы еще не в состоянии разрешить значительную часть возложенных на нас задач. Еще недавно наши палеантропологи и археологи, не владея научным оружием марксизма-ленинизма и не обладая передовым научно-техническим опытом, не имели возможности правильно и последовательно развивать свою научную деятельность. В настоящее время благодаря заботе Коммунистической партии и Центрального Народного правительства Китая, в результате изучения теории марксизма

* Доклад, зачитанный на сессии Отделения исторических наук АН СССР в Москве 25 апреля 1954 г.

ленинизма, китайские ученые начинают успешно развивать передовую науку. Они учатся у советских ученых, будучи уверены, что советские друзья окажут им в этом отношении такую же помощь, какую они оказывают промышленному строительству в Китае.

После освобождения Китая были быстро возобновлены работы по раскопкам стоянки синантропа в пещере Чжоукоудянь в окрестностях Пекина. Было обнаружено пять зубов синантропа, одна лучевая кость и одна большеберцовая кость. В настоящее время закончено изучение этих материалов профессорами палеонтологической лаборатории Академии наук Китая У Жу-таном и Цзя Лань-по. Результаты исследований были опубликованы в печати. Было установлено, что строение лучевой кости синантропа приближается к ее строению у современного человека, т. е. что конфигурация лучевой кости и значительные размеры внутреннего канала у синантропа близки к таковым у современного человека. Что же касается большеберцовой кости, черепной коробки и зубов, то они обладают специфическими особенностями (например, значительное количество губчатого вещества, содержащегося в большеберцовой кости, и небольшой размер ее внутреннего канала). Это явление было объяснено на основе учения Энгельса о роли труда в процессе формирования человека¹. Результаты исследований опровергают измышления по поводу синантропа тех буржуазных ученых, которые считают, что найденные зубы и череп принадлежат человеку отсталого типа, а передние конечности и сопровождающие остатки материальной культуры — человеку более развитого типа.

Изучение остатков культуры синантропа в период господства реакционной гоминдановской клики осуществлялось под руководством аббата Брейля, который в разное время опубликовал ряд небольших статей, посвященных вопросам культуры синантропа. В настоящее время изучение остатков материальной культуры синантропа осуществляется совместно научными сотрудниками палеонтологической лаборатории Академии наук Китая Пэй Вэнь-чжуном и Цзя Лань-по. Направление их исследований идет прежде всего по линии внесения существенных исправлений в положения некоторых буржуазных археологов, считающих каменные орудия синантропа эолитами, т. е. естественными осколками. Между тем следы обработки на камне свидетельствуют о том, что синантропами изготовлялись и применялись каменные орудия; это резко отличает орудия синантропа от европейских эолитов. Некоторые буржуазные ученые считают также, что каменные орудия синантропа не имели определенной формы и дифференцированного назначения; в действительности указанную особенность можно считать характерной лишь для периода, когда человек только начинал изготовлять и использовать орудия. Еще одним важным направлением работ является опровержение положения Брейля об использовании синантропом костяных орудий. Брейль совершенно необоснованно рассматривает случайные осколки кости и рога как орудия, созданные человеком. Уделяется нами внимание и доказательству того, что синантроп мог пользоваться огнем (это не означает, что он сам добывал огонь).

Серьезное место в наших работах занимает вопрос о гигантопитеке.

В аптеках Китая имеется препарат, называемый «костью дракона». Этот препарат представляет собой окаменевшие кости и зубы какого-то млекопитающего. Голландский ученый ван Кенигсвальд одновременно с собиранием остатков питекантропа на о-ве Ява закупал в районе южных морей кости и зубы этого животного. Как им сообщается, он приобрел к настоящему времени 6 зубов большой обезьяны, по типу приближающихся к зубам человека. Ван Кенигсвальд назвал это животное гиганто-

¹ Это положение автора требует уточнения и дальнейшей разработки.— *Ред.*

питеком. Изучавший остатки синантропа американец Вейденрейх считал, что гигантопитека следует называть гигантоантропом и что это животное являлось непосредственным предком синантропа.

Мы считаем, исходя из географического и геологического положения гигантопитеки и из условий окружавшей его среды, что перед нами одна из разновидностей, возникших в процессе превращения древней обезьяны в человека. Эта разновидность в начале четвертичного периода обитала в горных пещерах на территории ряда нынешних провинций Китая, расположенных к югу от реки Янцзы. Однако ее способность к труду была недостаточной, она не была в состоянии бороться с силами природы, что привело к ее вымиранию, подобно тому, как это имело место со многими другими животными в четвертичный период. Нами в настоящее время собирается материал, относящийся к указанному вопросу, и ведутся приготовления для производства раскопок.

Недавно в ряде районов провинций Шаньси и Ганьсу нами были найдены каменные орудия, принадлежавшие ордосскому человеку, обнаруженному в 1920-х годах на территории провинции Суйюань, в настоящее время переданной в состав автономной области Внутренней Монголии. Эти находки значительно расширили наши представления о человеке и его культуре в Китае в период среднего палеолита.

В 1953 г. во время строительных работ в городе Фынчэне в провинции Шаньси мы вновь обнаружили оббитые орудия больших размеров, которые по своему типу напоминают каменные орудия, найденные в Франции в пещере Комб-капель. Эти орудия использовались в период существования *Elephas pomadicus*. Каменные орудия, обнаруженные в Фынчэне, отличны от ордосских. Нами уже проведена подготовка к производству соответствующих раскопок.

Проводятся работы по изучению позднего палеолита — времени существования человека современного типа.

В одной из верхних пещер Чжоукоудяня обнаружено множество костей человека. Мы называем его «человеком верхней пещеры». Вейденрейх считал, что имеющиеся три черепа этого человека представляют три человеческие расы: первобытного монгола, эскимоса и меланезийца. На основании этого он утверждал, что расовые различия определились в позднечетвертичный период.

Благодаря имеющимся в нашем распоряжении фактическим данным мы можем оценить выводы, к которым пришел Вейденрейх. Один из черепов, обнаруженных в пещере Чжоукоудяня, был деформирован лежащими над ними слоями земли, форма второго черепа явилась результатом искусственного изменения, и лишь интерпретация третьего черепа представляет особых трудностей. Уже предварительное изучение этого черепа показывает невозможность говорить о том, что человек, которому принадлежал данный череп, являлся представителем какой-либо расы. Тем не менее Вейденрейх сделал вышеуказанные выводы; эти выводы не могут быть приняты. До того, как нами будет произведено дальнейшее более детальное изучение трех черепов человека верхней пещеры, мы можем лишь утверждать, что данные черепа принадлежат *Homo sapiens*, который существовал в Китае в позднечетвертичный период.

Во время земляных работ при строительстве железной дороги Чэнду — Чунцин в Цзыянье был обнаружен череп, который, как было установлено прибывшими сюда специалистами, принадлежал человеку, обитавшему в позднечетвертичный период. Это было подтверждено стратиграфическим изучением места находки, где впоследствии были произведены раскопки. Установлено, что цзыяньский человек жил на территории нынешней провинции Сычуань одновременно с мамонтом и пользовался костяными орудиями (шило).

Цзыяньский череп принадлежал *Homo sapiens*, девочке в возрасте около 10 лет. В настоящее время палеонтологическая лаборатория Акаде-

мии наук Китая производит дальнейшее изучение этого черепа, находка которого дала возможность установить существование ископаемого человека и его культуры в бассейне реки Янцзы и значительно расширила территориальные пределы наших исследований.

Из всего сказанного можно заключить, что синантроп, обитавший в пределах Северного Китая, принадлежал к типу людей, которые уже овладели трудовыми процессами и пользовались различными орудиями. На юге Китая в пещерах в это время обитала разновидность крупной древней обезьяны, приближавшейся к типу первобытного человека. Остатков древнейшего человека там пока не найдено. В северо-западной части Китая в следующую эпоху существовал ордосский человек, вместе с которым найдены каменные орудия. На территории нынешней провинции Шаньси также существовал ордосский человек, однако сопровождающие его находки представляют иной тип культуры. В период позднего палеолита на юге Китая, в провинции Сычуань, жил цзыянский человек, на севере — обитал человек верхней пещеры Чжоукоудянь.

Богатые и разнообразные ископаемые остатки первобытного человека и его материальной культуры в Китае ожидают дальнейших раскопок и изучения.

В нашей работе по изучению палеолита еще встречаются значительные трудности, целый ряд вопросов не получил необходимого разрешения (например, изучение стратиграфии и хронологии Чжоукоудяня). Мы горячо надеемся на дружескую помощь советских ученых, особенно необходимую в вопросах методологии, принципах изучения первобытного человека и таких специальных вопросах, как применений фторового анализа и анализа методом С-14.

НАРОДЫ МИРА

(ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

И. Я. ПОДКОПАЕВ

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ НАРОДОВ ИНДО-КИТАЯ

Долгожданный мир в Индо-Китае установлен. 21 июля 1954 г. участники Женевского совещания министров иностранных дел СССР, США, Франции, Англии, КНР и других заинтересованных стран подписали соглашение о прекращении военных действий в Индо-Китае. В соответствии с этими соглашениями огонь прекращен во всех трех странах восточного Индо-Китая — Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

Тем самым справедливая борьба народов Индо-Китая, в течение восьми лет боровшихся за свою свободу и независимость, увенчалась победой. Соглашения в Женеве означают международное признание национально-освободительной борьбы и великого героизма народов Индо-Китая, проявленного в этой борьбе. Они знаменуют собой серьезную победу сил мира, крупный шаг к ослаблению международной напряженности. Неоценимый вклад в обсуждение индокитайского вопроса внесла делегация Советского Союза, возглавлявшаяся министром иностранных дел СССР В. М. Молотовым.

«Усилиями делегации СССР на Берлинском совещании, — говорит в обращении президента Демократической Республики Вьетнам Хо Ши Мина к народу, — между нашим правительством и правительством Франции начались переговоры на Женевском совещании. Действия нашей делегации и помощь делегаций СССР и Китайской Народной Республики позволили нам одержать на Женевском совещании крупную победу».

В работе Женевского совещания впервые за многие годы вместе с другими великими державами приняла участие Китайская Народная Республика, которая ныне играет важную роль в разрешении назревших международных проблем. Участие Китая в Женевском совещании стало новым свидетельством крепнущей мощи лагеря мира и демократии, возглавленного Советским Союзом, подтверждением того неоспоримого факта, что ни один коренной вопрос международных отношений не может быть разрешен без учета мнения Китая.

Важную роль сыграла в Женевском совещании делегация Демократической Республики Вьетнам, внесшая большой вклад в дело преодоления трудностей, с которыми совещание встретилось, главным образом вследствие obstructивной политики правящих кругов США.

Соглашения, принятые на совещании, основаны на признании национальных прав народов Индо-Китая и учитывают интересы Франции. Прекращение огня в Индо-Китае открывает перед народами Вьетнама, Лаоса и Камбоджи возможность экономического и культурного подъема в мирных условиях, создающих вместе с тем основу для развития дружественного сотрудничества между ними и Францией. Перед народами Индо-Китая стоит задача восстановить прочный и длительный мир в своих странах посредством урегулирования политических проблем, в чи

ле которых в первую очередь стоит осуществление национального единства народов Индо-Китая путем всеобщих свободных выборов, предусмотренных соглашениями Женевского совещания. Народы Индо-Китая считают необходимым возможно быстрее восстановить города и села, шахты и промышленные предприятия своих стран, разрушенные и опустошенные длительной войной, продолжить и активизировать демократические реформы, всемерно развивать экономику и культуру, повышать благосостояние трудящихся масс.

Государства Вьетнам, Лаос и Камбоджа расположены в восточной части Индокитайского полуострова. На протяжении многих веков народы этих стран развивались в условиях непосредственного культурного и экономического взаимодействия; каждый из народов обогащал самобытную культуру своего соседа. Со второй половины прошлого века, когда страны Индо-Китая были захвачены французскими колонизаторами, его народы неоднократно совместно выступали против иностранных поработителей. В 1930 г. была создана Индокитайская коммунистическая партия, ставшая во главе национально-освободительной борьбы народов Индо-Китая. В 1951 г., в целях объединения в борьбе против французских колонизаторов и американских империалистов, народы Индо-Китая создали Объединенный Национальный фронт Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

* * *

Из числа народов Индо-Китая наиболее длительный исторический путь прошли вьетнамцы. По данным китайских летописей, история их насчитывает почти четыре тысячелетия. В конце II тысячелетия до н. э. предки нынешних вьетнамцев — народ «жиао-чи» (по-китайски «цзяо чэ»), составлявшие часть этнической группы «юэ», расселились в пределах приморской части Южного Китая, южнее реки Янцзыцзян. В VI—IV вв. до н. э. их оттеснили к югу китайцы, завершавшие в то время свою консолидацию в народность «хань» (как сами они себя называют). В III в. до н. э., после создания мощной централизованной Китайской империи, «Нань-юэ» (государство южных юэ, по-вьетнамски «Вьетнам») было подчинено Китаю. Часть его населения была переселена в Центральный Китай, часть закреплена на месте. Значительная же часть юэ (жиао-чи) была оттеснена к югу, в пределы нынешнего северного и центрального Вьетнама. Однако созданное ими здесь государство вскоре вновь было подчинено Китайской империи Хань. Чтобы подчеркнуть свое господство, китайские наместники во Вьетнаме стали называть эту страну «Аньнань» (Аннам), что означало «покоренный (умиротворенный) Юг». Более тысячелетия вьетнамцы находились под властью императоров Китая. Свободолюбивый вьетнамский народ неоднократно поднимал восстания против завоевателей. Имена вождей и героев этих восстаний поныне живы в народных легендах и преданиях. Наглядным выражением народной любви к этим национальным героям является ряд сохранившихся доньне архитектурных памятников. Такова «Пагода двух сестер», построенная в г. Ханое в честь сестер Труг, возглавивших восстание и изгнавших из Вьетнама китайских чиновников в 40 г. н. э.; такова нефритовая беседка на «Озере возвращенного меча» в г. Ханое, выстроенная на том месте, где, по преданию, рыбак выловил сетью священный меч и, возглавив затем народное восстание, изгнал китайского наместника. Мощные восстания отмечены летописями также в 533 г. н. э. под предводительством Ли Бона и в 939 г. под предводительством Ню Куэна.

Лишь в начале XV в., после десятилетней войны, вьетнамцы добились фактической независимости (вассальная зависимость от Китая с этого времени была чисто формальной). К этому времени территория страны была значительно расширена в ходе борьбы вьетнамцев с государством Шам (Чам). В конце XV в. государство Шам было полностью завоевано

вьетнамцами. Продвигаясь на юг и юго-восток в результате борьбы кхмерами, в начале XVIII в. вьетнамцы распространили свою власть всю территорию нынешнего Вьетнама и часть страны Кхмер (Камбоджа).

В государстве Вьетнам вся обрабатываемая земля сосредоточивалась в руках крупных и мелких духовных и светских феодалов. Приписанные по регистрам (податным спискам) к феодальным уделам или монастырям деревенские общины получали земли с обязательством отработок в течение трех-четырех и даже шести месяцев в году, а также внесения натурального оброка. Узаконенная эксплуатация крестьянства усугублялась разнородными междоусобными распрями феодалов. Нещадно эксплуатировавшее крестьянство не раз поднималось на борьбу против отдельных феодалов и короля. Наиболее крупным было восстание тайшонов, названное так по имени деревни, откуда происходили его руководители — три брата Нгуэн Ван. Восстание, длившееся более 30 лет (1771—1802 гг.), охватило большую часть страны. В 1786 г. королевская власть была низложена. Лишь через шесть лет сыну низложенного короля Нге Ану удалось при помощи сиамских и французских войск подавить восстание, ослабленное феодальным перерождением его вождей. За эту помощь против своего народа Нге Ан, провозгласивший себя императором Жиа Лонг (Цзун), передал Франции во владение порт Туран и остров Пуло-Конд.

Потребовалось, однако, более 50 лет, прежде чем французские колонизаторы начали непосредственный захват «Аннамской империи», издавна привлекавшей их как своими естественными богатствами, так и стратегическим положением. Закрепившись на юге страны после войны 1858—1862 гг., французские колонизаторы постепенно захватили всю ее территорию (в 1874 г. — центральную часть и к 1884 г. — север страны), а там навязали «протекторат» Камбодже (в 1863 г.) и Лаосу (в 1883—1893 гг.). Фактически статут «протектората» отличался от статута колонии лишь номинальным сохранением марионеточных королей в Лаосе и Камбодже и «императора» в Аннаме. Объединенной новой колонией Франции «Индо-Китайским Союзом» — правили французский генерал-губернатор и резиденты при королях и многочисленный штат колониальных чиновников. Для подавления сопротивления вьетнамского народа колонизаторы расчленили страну на три части — Тонкин, Аннам и Кохинхину — с различным административным режимом в каждой из них.

Однако борьба не прекращалась. Огромным толчком к усилению национально-освободительной борьбы народов Индо-Китая явились Великая Октябрьская социалистическая революция в России и пример революционной борьбы китайского народа. Уже первое крупное революционное выступление вьетнамских трудящихся в 1930—1931 гг., начавшееся с восстания стрелков в форте Ен-Бай, показало теоретическую несостоятельность мелкобуржуазных партий, практическую неспособность их руководить национально-освободительным движением масс, ставить и вести разрешение задачи демократической революции. Подлинным руководителем трудящихся масс показала себя уже в этот период молодая, только что созданная коммунистическая партия, авангард растущего рабочего класса. В ходе движения 1930—1931 гг. в отдельных районах центральной части страны господство колонизаторов было ликвидировано и были созданы народные советы, просуществовавшие несколько месяцев.

После капитуляции правителей Франции перед гитлеровскими фашистскими ордами и сговора колониальных властей в Индо-Китае с японской военщиной компартия возглавила борьбу народных масс с японскими оккупантами. В 1941 г. по инициативе компартии была создана Лига независимости Вьетнама — «Вьетминь», объединившая под руководством рабочего класса крестьян, ремесленников, интеллигенцию, мелкую и среднюю буржуазию. Созданная в 1944 г. Народная армия вскоре освободила от оккупантов 7 провинций севера страны. Разгром военных сил милитаристской Японии Советской Армией облегчил победу Вьетнама. 2 сентября 1945 г. была создана Демократическая Республика Вьетнам. Столицей

дей и резиденцией центрального правительства республики стал политический и административный центр севера страны — г. Ханой. В Гуэ (центральный Вьетнам) и Сайгоне (южный Вьетнам) были созданы народные комитеты.

Так было восстановлено историческое право вьетнамского народа на существование вьетнамского национального государства.

Действительно, многочисленные факты свидетельствуют о том, что вьетнамцы уже давно сложились как народность и, несомненно, представляют собой этнически единое целое. В настоящее время из 23 миллионов жителей Вьетнама более 17 миллионов — вьетнамцы. По всей стране распространен один и тот же вьетнамский язык. Он близок к южнокитайским наречиям (диалекту юэ). Китайский язык оказал очень большое воздействие на вьетнамский, особенно лексически. В словарном фонде вьетнамского языка, по утверждению некоторых французских авторов, содержится до половины китайских слов или слов китайского происхождения. Почти вся современная политическая терминология также китайского происхождения.

В течение долгого времени вьетнамцы пользовались китайской иероглифической письменностью, но теперь повсеместно распространен латинизированный вьетнамский алфавит — так называемый «куок нгу». Он используется для издания художественной и научной литературы, прессы и т. д.

Вьетнамский язык имеет шесть тонов. В написании слов тональность и ударения изображаются особыми значками. Иногда слово, написанное одними и теми же буквами, в зависимости от того или иного ударения и значка, обозначающего тональность, может иметь более десятка различных значений. Словарный запас вьетнамского языка очень богат, а постоянное изменение музыкальных ударений делает разговорную речь вьетнамца напевной и приятной для слуха.

По своему антропологическому типу вьетнамцы являются классическими представителями южных монголоидов. Несмотря на некоторые различия локальных групп (результат сложного процесса этногенеза вьетнамцев), единство вьетнамцев и в антропологическом отношении несомненно.

Население Вьетнама сконцентрировано главным образом в дельтах рек, где широко развито рисосеяние. Плотность населения в этих местах, как правило, превосходит 100 человек на 1 кв. км. В перенаселенной дельте Красной реки плотность населения доходит до 450 человек, а в некоторых других районах даже до 800 человек на 1 кв. км.

Жизнь крестьянина-вьетнамца тесно связана с рисовым полем. Выращивание риса требует большого кропотливого труда. Благодаря многовековому опыту и напряженному труду вьетнамскому крестьянину удается снимать два, а в некоторых местностях и три урожая в год. Выращивание риса включает ряд сложных операций: подготовку почвы, устройство системы орошения, вспашку, боронование затопляемых на весь период роста риса полей, предварительный «посев», т. е. подготовку рассады риса в особых питомниках, пересадку стеблей рассады в плодородный ил залитого водой поля, длительный уход за посевами, жатву, молотьбу, провеивание, очистку зерна риса от кострицы. Крестьяне выращивают также тутовое дерево, табак, маис, маниоку и бататы. На морском берегу, в реках, в каналах, а то и просто на залитых водой рисовых полях² вьетнамцы вылавливают рыбу. Рис и рыба — повсеместное питание вьетнамских тружеников. К ним добавляется небольшое количество овощей, приправленных острым рыбным соусом. Едят вьетнамцы, как китайцы и японцы, палочками. Во время еды вся семья усаживается со скрещенными ногами

² Как и в Китае, залитые водой рисовые поля используются иногда во Вьетнаме для выращивания рыбы. Перед жатвой вода с поля спускается, и рыбу можно собирать руками.

вокруг столика-подноса, на котором расставлены блюда. Рядом со столиком ставится котелок с чаем. Чай пьют во время и после еды, без сахара, иногда с сушеными фруктами.

Национальный костюм одинаков на всей территории, заселенной вьетнамцами. Их одежда состоит из длинных широких штанов, сшитых из ричневой, черной или белой хлопчатобумажной материи, и длинной с длинными рукавами распашной куртки. Мужчины носят шляпу в форме колоша; женщины — круглый головной убор с широкими (до 10 см) борти опущенными книзу в виде перевернутого подноса.

Жилище вьетнамского крестьянина крайне просто. Обычно — это однокамерная хижина. Основным материалом для постройки служит бамбук. Крышу кроют чаще всего листьями пальмы. Нередко можно видеть хижину, которая стоит на сваях среди затопленного водой рисового поля. В других случаях — это прямоугольное трехкомнатное здание, построенное без фундамента прямо на земле. Наружные стены и внутренние перегородки в таком доме делаются большей частью из глины, смешанной с соломой. В главной комнате у стены против двери часто возвышается алтарь предков; направо и налево от него — двери, ведущие в жилые комнаты. Меблировка вьетнамского жилища скудна. Стол, скамьи, подголовные валики и циновки обычно изготавливаются из бамбука самими членами семьи. Исключение составляют обеденный столик-поднос и высокий стол — алтарь предков, на котором стоит резной ларец, где хранятся священные поминальные дощечки с именами умерших. Иногда на этих дощечках встречаются имена членов семьи, умерших более пяти — шестидесяти поколений назад.

Культ предков — наиболее сильно распространенное из религиозных представлений вьетнамцев. Считается, что в дни торжеств, когда вся семья собирается вокруг алтаря предков, души умерших находятся среди собравшихся. Сроки соблюдения траура после смерти того или иного члена семьи различны. После смерти родителей (отца или матери) траур продолжается двадцать семь месяцев; такой срок, по мнению верующих, является достаточным, чтобы дух умершего переселился в дочку. Нередко еще при жизни вьетнамец тщательно готовит все необходимое для организации церемонии его собственных похорон. Он обеспечивает все необходимое для правильного погребения и первых жертвоприношений у могилы, а также для последующих поминаний. Если верующий вьетнамец по той или иной причине не уверен, что его похороны будут проведены со всей полагающейся торжественностью, он, как говорят, «не сможет умереть спокойно».

Кроме культа предков, во Вьетнаме широкое распространение имеют анимистические представления. По верованиям вьетнамцев, духами населены реки, ручьи, каналы, источники, деревья, травы — словом, все, что по их представлениям, может вместить в себя дух умершего.

Существует культ тигра. Верующие вьетнамцы считают тигра злобным божеством. Зубы тигра носят на шее как ожерелье-оберег. Жители районов, в которые часто наведывается тигр, чтобы отвратить гнев зверя, прибывают снаружи ограды своих усадеб и домов полосы цветной бумаги хвалебными гимнами в его честь. В этих районах о тигре говорят толпами и не называют его иначе, как «почтенный тигр». Тигра, пойманного в западню, убивают не сразу. Чтобы задобрить дух тигра, ему приносят всевозможные жертвы.

Считается также, что каждая деревенская община имеет своего духа-покровителя; им главным образом и посвящены деревенские храмы. В качестве духов-покровителей деревни чаще всего выступают нареченные герои древности. В их честь устраиваются ежегодные праздники в местном храме, им возносят моления о защите от враждебных стихий и т. п.

Многие праздники связаны с явлениями природы, с хозяйственными

жизнью населения, с датами сельскохозяйственного календаря. Вьетнамские религиозные праздники оформляются чаще всего по нормам буддийского и конфуцианского культов. Празднества сельскохозяйственного цикла, наоборот, связаны с народными карнавально-пантомимными представлениями. Самым большим праздником является день Нового года. Новый год отмечается во Вьетнаме дважды: по солнечному календарю, принятому в официальной жизни страны,— 1 января и по лунному календарю. Лунный новый год приходится на разные даты (примерно на конец января или первую половину февраля). 1 января новогодними поздравлениями обмениваются только организации и учреждения. Наоборот, лунный новый год широко празднуется всем вьетнамским народом как праздник весны. В дни новогодних празднеств на дверях всех домов и зданий наклеиваются надписи и рисунки на красной бумаге, содержащие благопожелания своей семье и соседям. В годы борьбы вьетнамского народа против французских и американских империалистов эти пожелания превращались в лозунги сопротивления. Вот некоторые из них:

— Развернем патристическое соревнование в борьбе с врагом, в производстве, в экономии!

— Отечественная война будет безусловно победоносной!

— Возрождение страны будет осуществлено с успехом!

Лунный новый год празднуется от 3 до 7 дней. В эти дни люди надевают свою лучшую одежду, в домах готовятся праздничные блюда, приносят дары душам усопших родичей, наносят визиты друзьям, делают подарки детям, бойцам Народной армии. Одним словом, это самый большой праздник вьетнамцев. Во Вьетнаме отмечаются также «праздник полной луны и высокого прилива», «праздник деревьев», «праздник осени», праздники начала и конца полевых работ.

По древнему двенадцатигодичному животному циклу каждый год имеет свои названия: год Буйвола, год Слона, год Обезьяны и т. п. 1953 г. был годом Змеи.

Почитание предков способствует сохранению патриархальности вьетнамской семьи, сплочению семьи вокруг ее главы, который является жрецом семейного культа. До недавнего времени глава семьи имел большую власть над женой и детьми, ограниченную лишь обычным правом. Теперь гражданский закон Демократической Республики Вьетнам, не затрагивая религиозных убеждений населения страны, смягчил суровость патриархальных традиций.

Брак у вьетнамцев патрилокален. По достижении определенного брачного возраста дочери выдаются замуж. Сыновья имеют право выделиться и покинуть родительский дом, за исключением старшего, будущего хранителя культа предков, который остается с отцом. Этот сын должен оказывать отцу особое почтение не только как сын, но и как помощник. В обрядах брака вьетнамцев легко проследить ряд черт, близких к брачным обрядам у южных китайцев. Женщины во Вьетнаме пользовались значительно большей свободой, чем женщины в старом Китае, они не содержались взаперти, однако и во Вьетнаме существовал обычай внесения за невесту выкупа домашним скотом, рисом и т. п. Небезинтересно отметить, что многие обычаи в Демократической Республике Вьетнам получают совершенно иную окраску. Так, например, во время освободительной борьбы вьетнамского народа против французских колонизаторов при «выкупе» невесты в партизанских районах часто преподносились невесте и ее родителям гранаты, пистолеты, сделанные руками жениха или отбитые им у врага, чтобы громить его вместе при помощи этого оружия. В освобожденных районах дарилась политическая и художественная литература, учебники, журналы.

Обычное право, действовавшее в общине, содействовало сплочению родственников по мужской линии семей. В каждой деревне имелся общинный совет, фактически представлявший интересы зажиточной верхушки

деревни, «полиция» (точнее говоря, дружина по охране деревни), формы народного образования. Общинный совет раскладывал и собирал налоги для выплаты их феодалам. Хотя община и являлась номинально самостоятельной, она жестоко эксплуатировалась крупными земледельцами и их государственным аппаратом. В Демократической Республике Вьетнам общины сохранились, однако система управления во всех звеньях резко изменилась.

Меняется также система землепользования. Правительство республики уже в 1950 г. издало постановление о частичном распределении среди бедняков земель, принадлежавших французским колонизаторам и предателям, а также о переделе номинально общинных (храмовых, школьных и др.), а по существу находившихся в руках помещиков и кулацких земель. В соответствии с этим постановлением, несмотря на трудности, связанные с ведением войны, к 1951 г. землю получили около 500 тысяч безземельных и малоземельных семей. В 1952 г. правительство предоставило крестьянам ссуду в размере 15 млн. республиканских пиастров. Широкое кредитование крестьян в новоосвобожденных районах продолжено и в 1953 г. Были приняты законы о снижении во всех освобожденных районах арендной платы за землю на 25%.

В освобожденных районах была ликвидирована множественность налогов, которая в прошлом облегчала чиновникам ограбление крестьян. Теперь размер единого налога в республике не превышает общей продукции, тогда как раньше он доходил до $\frac{2}{3}$ урожая. В 1953 г. был опубликован указ о мерах, направленных на укрепление народно-демократического строя в деревне, увеличение выпуска сельскохозяйственной продукции и улучшение материального положения крестьян. По этому указу все земли, скот и имущество французских колонизаторов и предателей вьетнамского народа конфискуются и распределяются среди безземельных и малоземельных крестьян по числу едоков в семье. В пользование крестьянам передаются также упомянутые выше не входившие в надел общинные земли и земли бежавших помещиков. Всякое увеличение арендной платы запрещено.

В деревнях, где проводится новая аграрная политика, создаются временные комитеты Крестьянского союза, члены которых избираются из числа наиболее активных крестьян. Эти комитеты осуществляют аграрные преобразования в деревне. На специально созываемых собраниях и открытых общественных судах крестьяне обличают помещиков, разоблачая конкретные факты помещичьего произвола и беззакония, выявляя материальный ущерб, нанесенный помещиками крестьянам. На основании этих свидетельств и расследования народный трибунал выносит решение, которое обязывает помещика возместить крестьянам убытки, вернуть незаконно полученную арендную плату, мошеннически присвоенные земли и т. д.

На третьей сессии Национального собрания Вьетнама в декабре 1953 г. был принят новый земельный закон, ликвидирующий права иностранных империалистов на земельную собственность и отменяющий собственность помещиков на земли. Основной лозунг Партии трудящихся и правительства при проведении аграрной политики — опора на крестьянскую бедноту и сельскохозяйственных рабочих, тесный союз со средним крестьянством и сотрудничество с зажиточным крестьянством.

Земля помещиков подлежит конфискации или принудительному выкупу и распределяется между безземельными и малоземельными крестьянами. Помещик получает такие же наделы, как и крестьяне. Реформа проводится постепенно — сначала в одних районах, затем в других. Переход земли в руки трудового крестьянства укрепляет союз рабочего класса и крестьянства и весь народно-демократический строй во Вьетнаме.

Сельское хозяйство не является единственным видом занятий вьетнамских крестьян. В деревне развиты разнообразные ремесла, имеющие

домашний или кустарный характер. Зачастую наблюдается ремесленная профессионализация деревни. Каждой такой деревне присущ свой вид ремесла. Встречаются, например, деревни, изготавливающие бумагу, головные уборы, гончарные изделия и т. д. Демократическое правительство, осуществляя в больших масштабах развитие легкой промышленности, всячески поощряет крестьян-ремесленников.

Аграрная политика народно-демократического правительства Вьетнама способствует тесному сплочению крестьянства вокруг рабочего класса.

Хотя вьетнамский рабочий класс составляет немногим более одного миллиона человек, он является признанным руководителем Национального объединенного фронта, насчитывающего в своих рядах свыше 12 млн. человек. Рабочий класс создал свою партию — Вьетнамскую партию трудящихся, которая впитала в себя лучшие традиции Индо-китайской коммунистической партии. Ее идеологической основой является марксистско-ленинская теория. Партия трудящихся строится по принципу демократического централизма.

В последние годы численность рабочего класса заметно возросла. Это происходит за счет роста национальной промышленности республики. Раньше промышленные предприятия, развитие которых тормозилось колониальной политикой французского империализма, были сосредоточены лишь в крупных центрах: Ханое, Хайфоне, Нам-Дине, Вине, Сайгоне, Шалоне и некоторых других городах. Наибольшее развитие получила тогда сырьевая и добывающая (в частности, горнорудная) промышленность. Во время эвакуации упомянутых выше крупных городов в первые годы национально-освободительной войны народное правительство республики сумело организовать демонтаж многих промышленных предприятий, переправить значительную часть оборудования в горы и джунгли и построить там мастерские и заводы. Многие предприятия были построены позже. Они оснащены станками и другими машинами, изготовленными руками вьетнамцев на эвакуированных заводах и мастерских.

Эвакуация промышленных предприятий из крупных городов вместе с кадровыми рабочими значительно сократила численность городского населения. В настоящее время оно составляет менее 10 процентов всех жителей Вьетнама.

Одним из крупнейших городов Вьетнама является Ханой — столица республики и центр области Бакбо (северный Вьетнам). Город расположен на правом берегу Красной реки, прозванной так за цвет ее воды, содержащей примеси окиси железа. Ханой — древний культурный, экономический и политический центр Вьетнама. Здесь сохранился ряд ценнейших памятников древнего вьетнамского зодчества. Вместе с тем на архитектонике города сказалось его положение административного центра колониального времени, отразилось длительное колониальное господство Франции.

Раскинувшийся на тысячах гектаров Ханой, наряду с великолепными памятниками и широкими благоустроенными улицами, имеет множество узких улочек и переулков. Во время французского господства здесь всегда ютилась вьетнамская беднота. В городе была развита хлопчатобумажная, шелковая, мебельная и металлообрабатывающая промышленность. Во время войны немногие оставшиеся заводы, которые не удалось эвакуировать в тыл, почти полностью прекратили работу.

Крупнейший город Вьетнама — Сайгон, административный и политический центр Намбо (южного Вьетнама). Вместе с пригородом Шалон (населенным главным образом китайцами) в нем насчитывается около 300 тысяч жителей. Сайгон при французском господстве являлся важнейшим портом, через который вывозился рис, в огромных количествах выкачивавшийся из страны. Французские империалисты во время войны против народов Индо-Китая превратили Сайгон в крупную военно-морскую базу. Он соединен регулярными пароходными рейсами с Марселем,

Калькуттой, Сингапуром, Шанхаем, Гонконгом, Батавией (Джакартой), портами Японии и США. В последние годы Сайгон по существу превратился в американский порт. Особенно это стало заметно после подписания перемирия в Корее. Соединенные Штаты Америки, потерпев военные моральное и политическое поражение в Корее, пытались взять реванш в Индо-Китае, превратить его в свой плацдарм для расширения агрессии в Азии и прежде всего для нападения на Китайскую Народную Республику. Однако эти планы потерпели жестокий провал, свидетельством чему являются итоги Женевского совещания.

Из других крупных портов и городов Вьетнама следует назвать Ханой. Он расположен в дельте Красной реки. Здесь была главная военная морская база французских войск в северном Вьетнаме.

* * *

Вьетнам — страна древней высокоразвитой культуры. Следует отметить, что вьетнамское искусство (архитектура, изобразительное искусство, литература) развивалось не изолированно. Исследователи неоднократно подчеркивали творческий контакт вьетнамского искусства с искусством индонезийцев и кхмеров, находившимся под сильным воздействием индийского искусства добуддийского периода. Но особенно благоприятно воздействовало и на зодчество, и на литературу, и на театральное искусство Вьетнама искусство Китая.

В северном и центральном Вьетнаме сохранились великолепные ансамбли и отдельные архитектурные памятники, наглядно свидетельствующие о благотворном влиянии замечательного китайского зодчества на вьетнамскую архитектуру. Ряд крупных архитектурных ансамблей (дворцов и усыпальниц) сохранился в городе-музее (бывшей резиденции королей последней во Вьетнаме династии Нгуэнов) Гуэ. Особенно интересен поражающий ажурной мраморной отделкой императорский дворец, построенный в виде шестиугольной многоярусной башни конфуцианской пагоды Тьен-му, а также усыпальница королей Тьен Три и «Пагода предков». Замечательные архитектурные памятники сохранились в столице республики г. Ханое. Из них наиболее известны упомянутые выше нефритовая беседка и мост к ней на «Озере возвращенного меча», «Пагода двух сестер», «Храм литературы».

Большой интерес представляет «Храм колонны», построенный на вырубленном пне большого дерева. Хорошо сохранился «Храм большого Будды» с огромной бронзовой статуей бодисатвы Тран Вю, построенный в XIII в. Эти, как и многие другие памятники Ханоя и его окрестностей, свидетельствуют о тесных связях, издревле установившихся между вьетнамским и китайским искусством. Многочисленные пагоды, храмы и дворцы по типу постройки (четыреугольные узорчатые крыши, стрельчатые своды, террасы, орнаментация) близки к китайским строениям подобного рода. Общей принадлежностью дворцов являются портики, террасы, бассейны, ограды.

Великолепна скульптура вьетнамцев, поражающая своей выразительностью. Особенно блестящих успехов вьетнамцы добились в бронзовой скульптуре, о чем, в частности, свидетельствует статуя Тран Вю. На территории близ «Храма литературы» 82 каменных столбах высечены изображения на победителей на конкурсных экзаменах на высшую ученую степень в 1442 по 1779 г. Литературные испытания претендующих на ученую степень были заимствованы феодальным Вьетнамом из Китая. Во время экзаменов соискатели помещались в отдельные комнатки-ложи в Храме литературы, где они должны были самостоятельно выполнить сочинение на заданную тему. За лучшие сочинения присваивались ученые звания, которые давали их обладателям особые права для поступления на административную службу, давали им ряд привилегий по сравнению с рядовыми вьетнамцами, открывали путь к обогащению за счет наро-

Имелось несколько последовательно достигаемых ученых званий. Получение высшего ученого звания связывалось с особенно трудным конкурсом, который проводился в королевском дворце. Победитель на этом конкурсе получал важное место в государственном аппарате.

Средоточием вьетнамской литературы был г. Ханой. Здесь в библиотеке «Французской школы Дальнего Востока», так же как и в «Большом королевском секретариате» в Гуэ, хранятся уцелевшие литературные творения прошлых веков. Часть из них написана китайскими иероглифами, более поздние труды, относящиеся к XIII и XV вв., — вьетнамскими иероглифами³, наконец, еще более поздние и современные издания — латинизированным алфавитом. Трудно сказать, какая часть произведений вьетнамской литературы сохранилась. Но и то, что найдено, показывает, что Вьетнам являлся одним из очагов высокоразвитой древней культуры Востока.

Одним из древнейших памятников вьетнамской культуры являются династические хронологические таблицы, составленные в начале XI в. историком Ли Тхай То. К этому же времени относятся философские сочинения Кхань Хи — «Понимание пути». Однако наиболее плодотворным периодом в развитии средневековой вьетнамской литературы являются XIV—XV вв. В это время появились такие произведения, как роман «Объединенный Аннам» Нгон Тхи Чи, в котором автор проводит идею необходимости единства Вьетнама, «Девять песен неувядаемого сада» крупнейшего вьетнамского поэта Ле Трань Тона. Шедевром вьетнамской поэзии XVI в. является «Зерцало Вьет» Данг Минь Кхьема. Большой популярностью до сих пор пользуются имена критика и переводчика Ле Куй Дона (XVIII в.), историка и философа Пхан Ху Гу (XVIII в.).

Захват Вьетнама французскими колонизаторами замедлил развитие вьетнамской литературы. «Французская школа Дальнего Востока», хотя и занималась сбором произведений вьетнамской литературы и изучала ее, не только не популяризировала эти произведения среди народа, но делала все для того, чтобы принизить заслуги вьетнамцев в области развития культуры, сохранить в народе невежество — это необходимое условие колониального режима.

В начале нашего века в связи с ростом национального самосознания литературная жизнь во Вьетнаме вновь активизируется. Национально-освободительное движение в творчестве вьетнамских писателей занимает все более видное место по мере развития капиталистических отношений в стране и роста рабочего класса — передового отряда борцов за свободу и независимость.

Образование Демократической Республики Вьетнам дало мощный толчок развитию вьетнамской литературы. Литература перестала быть достоянием узкого круга образованных вьетнамцев (при французском господстве 90 % вьетнамцев были неграмотны). В новых условиях, когда 85 % вьетнамцев научились читать и писать, литература становится подлинно народной. Даже оккупированный Ханой, несмотря на преследования французских колонизаторов, выдвинул талантливых народно-демократических писателей, унаследовавших лучшие традиции вьетнамской литературы.

Вьетнамцы очень любят театральные представления. В каждом городе и почти в каждом сравнительно крупном поселении имеется постоянный театр. До последнего времени репертуар вьетнамского театра в значительной мере строился на творчески переработанных пьесах из числа классических произведений китайской, а иногда и французской литературы; теперь появляется своя вьетнамская драматургия.

По музыкальному сопровождению и общему оформлению вьетнамский театр близок к китайскому (к так называемой классической опере). Ор-

³ Автор, повидимому, имеет в виду китайскую иероглифическую письменность с некоторыми графическими отклонениями, принятую ранее у вьетнамцев. — *Ред.*

кестр состоит из «ведущего» дирижерского барабана, ряда флейт (числе флейты с раструбом типа зурны), двухструнных скрипок (а прима), гонгов, цимбал и цитр. Оркестр передвижных театральных состоит обычно из 3—4 инструментов (одна-две скрипки, флейта, Действие перемежается танцами и пением, а также акробатически отработанными батальными сценами. Декорации в театре этого типа правило, отсутствуют. Они заменяются рядом условных жестов или писями, подобными такой: «Здесь лес». Часто отсутствует занавес условно заменяет задник (обычно также не расписанный), за который дят актеры по ходу пьесы и вокруг которого они обходят многократно создания впечатления «массовости» действия. Представление в театре продолжается два-три дня и несколько раз прерывается по ходствия, а также по желанию зрителей или актеров. До недавнего времени в Вьетнаме женщины не допускались на сцену. Женские роли исполлись, как и в Китае, мужчинами.

Учитывая популярность театра в народе, Демократическое правительство Вьетнама уделяет ему большое внимание. Открыты театральные курсы; театрам выделяются лучшие здания, предоставляются субсидии. В стране созданы актерские бригады и труппы театра малых форм.

Кроме вьетнамцев, во Вьетнаме живут и другие народы. В северном и центральном Вьетнаме живут тай. Среди северных тай встречаются племена тхо, сосредоточенные на левом берегу Красной реки, и белых, черных и красных (названия даны по цвету национальной одежды) — на правом берегу этой реки. Некоторые исследователи считают, что народы тай по происхождению родственны тибетцам. В древности совместно с тибетцами создали королевство Наньчжао (в Южном Китае на территории современной провинции Юньнань), просуществовавшее до XIII в. Примерно в I в. н. э. тай начали заселять различные области восточного Индо-Китая.

В настоящее время тай составляют приблизительно 5% всего населения Вьетнама. Занимаются они главным образом скотоводством и охотой.

В северном Вьетнаме отдельными изолированными группами живут мяо и яо. На юге центрального Вьетнама и в северной части южного Вьетнама живут племена шам (тиам). В центральном Вьетнаме обширную территорию занимают индонезийские племена мон, экономически и культурно более отсталые, чем все другие народы Вьетнама. Они занимаются преимущественно охотой. Ряд индонезийских племен живет разбросанно в горах северного и центрального Вьетнама. В Вьетнаме проживают также малайцы. Значительную часть населения составляют китайцы (до 500 тысяч человек). Наконец, по данным 1937 г., во всем Индо-Китае проживало 42 тысячи европейцев.

Французские колонизаторы для укрепления своего колониального поддства цинично использовали национальную неоднородность Вьетнама. Они разжигали национальную рознь, натравливали одну народность на другую. Французская колониальная администрация обманым путем добивалась среди национальных меньшинств солдат в специальные войска подавления постоянно возникавших восстаний вьетнамцев. После создания республики французские колонизаторы вновь пытались использовать различные племена для борьбы против Народно-республиканского правительства. Заняв плато Мои и горный район Сан-Той, населенные на этих землях национальными меньшинствами, колонизаторы попытались создать в провинции Марионеточное государство Мои, натравить население районов на жителей равнины. Однако национальные меньшинства решительно встали на сторону вьетнамцев. Многие жители горных районов добровольно пошли в ряды вьетнамской Народной армии. Так же неу-

о окончилась попытка французских оккупантов завербовать на свою сторону национальные меньшинства тай в северо-западном Вьетнаме. В начальный период войны, после оккупации этого обширного района с населением около 400 тысяч человек (главным образом тай), французские колонизаторы создали там так называемое «Автономное государство Тай» объявили его независимым. Они рассчитывали, что этот маневр позволит им навечно сохранить в своих руках район, заселенный народами групп аи. Колонизаторам удалось на первых порах обмануть некоторую часть местного населения и завербовать его в ряды марионеточных войск. Однако, когда осенью 1952 г. Народная армия повела наступление на воевавшие здесь французские войска, тай радостно приветствовали свободителей. Завербованные ранее из местного населения солдаты марионеточных войск целыми отрядами переходили на сторону Народной армии. В результате героических действий вьетнамских бойцов и широкой поддержки их местным населением за два месяца боев в период весеннего наступления 1953 г. была освобождена большая территория с населением в 250 тысяч человек.

Местное население свергло марионеточных правителей «Автономного государства Тай», посаженных французскими колонизаторами, и установило народную власть. В северо-западном Вьетнаме стали действовать законы Демократической Республики Вьетнам.

Факт всемерной поддержки вьетнамцев национальными меньшинствами страны глубоко симптоматичен. Он показывает, что многовековое взаимное общение народов Вьетнама и их стремление освободиться от иностранного и феодального гнета нашли свое полное выражение в создании Демократической Республики Вьетнам. Дружба всех народов Вьетнама, закалившаяся в борьбе с французскими колонизаторами и американскими империалистами, нерушима.

* * *

Дружбой с народами Вьетнама в многолетней совместной борьбе против ненавистных захватчиков объединены также народы Лаоса и Камбоджи.

Население Лаоса насчитывает около 3 млн. человек. Две трети из них составляют лао, или лаотянцы, и близкие им группы лу, фуон и другие народы группы тай. Эти народы говорят на близких языках, имеют много общего в культуре и в быту. Остальная часть населения состоит из малочисленных мон-кхмерских по языку групп, известных в литературе под общим неточным наименованием — горцы «кха». Это, вероятно, наиболее ранние жители нынешнего Лаоса; им родственна этническая группа яо. Все эти народы издавна экономически и политически тесно связаны между собой. Они имеют древнюю культуру; лао, которые дали название стране и создали в Лаосе еще в XIII в. централизованное феодальное государство, имеют свою письменность.

Лаос — аграрная страна с натуральным в значительной мере хозяйством. Каждая семья своими силами производит сельскохозяйственные орудия, одежду и другие необходимые предметы. Главным продуктом питания является рис. Лао занимаются также скотоводством.

Официально религией лао считается буддизм. Каждая деревня имеет свою пагоду, в которой обитают буддийские монахи и где помещается сельская школа. Однако в народе значительное распространение имеют анимистические верования.

В средние века Лаос был одним из центров цивилизации в Юго-Восточной Азии. Наибольшего подъема страна достигла в XIII в., когда император Сам Сен Тай объединил разрозненные княжества, существовавшие на территории нынешнего Лаоса, в сильное государство.

О высоком уровне культуры древнего и средневекового Лаоса свидетельствуют замечательные архитектурные памятники, сохранившиеся в

одном из старейших городов страны Вьен-Тьяне (дословно «Крепость сандалового дерева»), основанном в 574 г. н. э. Памятниками высшей древней культуры лао являются также величественные пагоды королевской резиденции — г. Луан-Пробан. Луан-Пробан стал столицей Лаоса в XIII в. Особенно великолепен гигантский храм — пагода Ват Кео, построенная в 1612 г. О высокой культуре народа лао говорят также литературные памятники.

В начале XVIII в. Лаос распался на два царства, в длительные междоусобицах взаимно ослабивших свои силы. В начале XIX в. Лаос на некоторое время становится вассалом Вьетнама. Вскоре, воспользовавшись междоусобицей, постепенный захват территории Лаоса осуществляет Сиа́м. В 1828 г. сиамцы вошли во Вьен-Тьян и разорили здесь большое количество пагод. В 80-х годах XIX в. Сиа́м попытался полностью овладеть Лаосом, но, столкнувшись здесь с более мощным соперником — французским империализмом, вынужден был отступить.

Французские колонизаторы, захватив Лаос в 1893 г., установили в стране режим жестокого колониального гнета. Население было лишено каких бы то ни было политических прав. Французская администрация пыталась посеять раздоры между различными народами, населяющими Лаос. Сама система колониального управления тремя завоеванными странами — Вьетнамом, Лаосом и Камбоджей (получившими название Французского Индо-Китая) — была рассчитана на то, чтобы не допустить объединения народа лао с народами соседних стран для общей борьбы против иноземных захватчиков.

Важным средством сохранения своего господства колонизаторы считали разрушение национальной культуры народа. В Лаосе было всего несколько начальных школ, которые посещали три тысячи детей, и одна средняя школа на 150 учащихся. 95% населения было неграмотно.

Однако народ Лаоса никогда не мирился со своим порабощением. В 1901 г. вспыхнуло восстание против французских колонизаторов, руководимое Фо Ка Дуотом. В 1911 г. началось освободительное движение в Нижнем Лаосе под руководством братьев Кео и Коммадама. Это движение превратилось затем в вооруженную борьбу, которая продолжалась 25 лет. В 1919 г. вспыхнуло восстание в Верхнем Лаосе. Во время второй мировой войны народ Лаоса, как и соседние народы Вьетнама и Камбоджи, вел вооруженную борьбу против новых угнетателей — японских оккупантов и сотрудничавших с ними французских колонизаторов.

В октябре 1945 г., после разгрома японских империалистов, вдохновленные успехами вьетнамского народа в борьбе за независимость, лаосцы опрокинули господство колонизаторов и провозгласили независимость своей страны. Однако в марте 1946 г. французские империалисты начали против народа Лаоса жестокую, бесчеловечную войну. Колонизаторы полагали, что им удастся вновь оккупировать страну, установить там прежние колониальные порядки. Но они просчитались.

Численное и военно-техническое превосходство французских войск могло им захватить большую часть территории Лаоса, но народ не покорился захватчикам. Началась партизанская война. Партизанские отряды наносили тяжелые удары оккупантам и освобождали целые районы. Постепенно на освобожденной территории из партизанских отрядов начали формироваться регулярная Народно-освободительная армия.

Создание Народно-освободительной армии было бы немыслимо без консолидации политических сил страны. В 1950 г. на освобожденной территории был создан Национальный единый фронт, который объединил своих рядах демократические силы страны — прогрессивные политические партии, профсоюзы, молодежные, женские и другие общественные организации. В Национальный единый фронт входят рабочие, крестьяне, прогрессивная интеллигенция, антиимпериалистически настроенные элементы из кругов мелкой и средней буржуазии.

Под руководством Национального единого фронта к моменту прекращения огня в Индо-Китае было освобождено более одной трети части территории Лаоса.

Государство Камбоджу (Кхмер) населяют более 4 млн. человек. Самой крупной этнической группой здесь являются кхмеры (камбоджийцы), которых в стране насчитывается более 3,5 млн. В стране живут китайцы — 300 тысяч, вьетнамцы — 350 тысяч, а также небольшими группами народности шам, тай, вьетнамцы и др.

Основная религия кхмеров — буддизм. Как и у других народов Южной Азии, у кхмеров считается желательным хотя бы кратковременное пребывание юношей в монастырях. При монастырях, как правило, имеются начальные духовные школы.

Главное занятие кхмеров — земледелие. В сельском хозяйстве занято более 95% всего населения. Кхмерские крестьяне возделывают рис, кукурузу, хлопок, бататы и другие сельскохозяйственные культуры. Большое место занимает животноводство. Кхмер, как и другие страны Индо-Китая, обладает большими естественными богатствами: полезными ископаемыми, ценными породами деревьев, каучуком. Однако промышленность в Кхмере совершенно не развита. Рабочий класс там почти отсутствует.

Кхмерская народность, как об этом свидетельствуют летописи, сложилась в начале нашей эры. В V в. Кхмер являлся вассалом Китая, но уже в начале VII в. стал независимым. С X по XII в. феодальное королевство Кхмер было одним из самых процветающих государств Юго-Восточной Азии. К XI—XII вв. относятся величественные памятники кхмерской культуры: Ангкор-Том и Ангкор-Ват, ныне — «мертвые города». Однако уже к XVI в. Кхмер вследствие ряда вражеских вторжений пришел в упадок. С конца XVIII в. Кхмер делается вассалом Вьетнама. В результате войны между Сиамом и Вьетнамом, длившейся с перерывами с 1834 по 1847 г., Кхмер стал данником обоих этих государств. После захвата Францией Кхмер пришел в еще больший экономический и культурный упадок. Разрушалась древняя кхмерская культура, от которой в полной мере сохранился лишь замечательный кхмерский балет — одна из прославленных отраслей восточного театрального искусства.

Несмотря на героическую борьбу кхмерского народа против французских захватчиков, он в течение более полувека подвергался жестокой эксплуатации. Только на короткое время, буквально на несколько дней, в 1945 г. кхмерскому народу удалось сбросить с себя иго французских колонизаторов. Однако империалисты вновь вернулись в страну. Кхмерский народ поднялся на вооруженное восстание против французских колонизаторов.

В результате ожесточенных боев от гнета оккупантов было освобождено более половины территории страны.

На освобожденной территории были осуществлены политические преобразования. В стране создан Национальный единый фронт кхмерского народа — Некхум Иссарак Кхмер.

Сделаны первые шаги в области развития национальной культуры и прежде всего народного образования. В своей борьбе против империалистов кхмерский народ выступал совместно с народом Вьетнама и Лаоса.

* * *

Национально-освободительная борьба народов Индо-Китая против французских колонизаторов закончилась победой этих народов. Эта победа знаменательна тем более, что народы Вьетнама, Лаоса и Камбоджи нанесли поражение не только французским колонизаторам, но и американским империалистам, сторонникам политики давления «с позиции силы». Известно, что французские колонизаторы вели войну против народов Индо-Китая американским оружием. По данным вьетнамской пе-

чати, 85% захваченного у оккупантов оружия и боеприпасов имеет надпись: «Made in USA» (сделано в США). Американские империалисты в начале 1954 г. отправили в Индо-Китай свыше 400 тысяч тонн военных материалов, в том числе 340 самолетов, 350 военно-морских судов, 1400 боевых машин, 150 тысяч винтовок и автоматов, 240 млн. патронов, 415 млн. артиллерийских снарядов.

Нельзя не заметить, что в целях оправдания прямого американского вмешательства в дела Индо-Китая Вашингтон утверждал, будто индотайским народам угрожает опасность со стороны... Китайской Народной Республики. Эту же тактику американские империалисты проводили в время Женевского совещания, стремясь сорвать мирное урегулирование индокитайского вопроса. Однако в Женеве победили силы мира, возглавленные Советским Союзом. Советский народ, как и все миролюбивое человечество, желает народам Индо-Китая, ставшим на мирный путь развития, самых больших успехов.

ЗАМЕТКИ · СООБЩЕНИЯ РЕФЕРАТЫ

В. П. ЯКИМОВ

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ИСКОПАЕМЫХ ЛЮДЕЙ СОВРЕМЕННОГО И НЕАНДЕРТАЛЬСКОГО ТИПОВ

Проблема соотношения ископаемых людей современного и неандертальского типов до сих пор является одной из самых сложных и дискуссионных в антропологии. Ей посвящено много исследований советских и зарубежных ученых. Если можно считать окончательно решенным (в чем большая заслуга советских антропологов), что формирование современного человека происходило на основе предкового неандерталоидного типа, что неандертальский этап в антропогенезе филогенетически предшествовал появлению *Homo sapiens*, все же многие стороны этого сложного процесса остаются достаточно неясными и спорными.

В частности, не затихают споры, в том числе и среди советских антропологов, о возможности или невозможности непосредственной филогенетической связи определенных групп палеантропов с антропологическими вариантами людей верхнего палеолита на той же территории и через них с основными расовыми стволами современного человечества. Дискуссионным представляется и вопрос об одинаковом участии всех конкретных территориальных и хронологических типов неандертальских людей в процессе образования человека современного типа.

Обмен мнениями по этим вопросам среди советских антропологов имел место во время специальной творческой дискуссии, проведенной Институтом этнографии АН СССР в 1949 г.¹ Советские антропологи последовательно и твердо отстаивают ту, разделявшуюся также А. Грдличкой², точку зрения, что предками человека современного физического облика были неандертальцы. Эта точка зрения достаточно хорошо обоснована фактическими материалами из области морфологии, палеантропологии, археологии и геологии.

Однако было бы крайним схематизмом, противоречащим действительному характеру историко-биологических процессов, происходивших на ранних этапах антропогенеза, рассматривать каждый локальный вариант палеантропов в качестве исходного предкового типа для современного человека.

Выделяемые в настоящее время среди палеантропов локальные группы, количество которых у разных исследователей различно, отличаются друг от друга по ряду морфологических признаков, иногда весьма принципиального характера, эволюционное значение которых трудно переоценить. В связи с этим возникает вопрос о неодинаковом участии этих групп древних людей в процессе оформления человека современного типа.

Наиболее вероятно, что отдельные территориальные варианты палеантропов в силу исторических или природных причин либо вовсе не приняли участия в процессе формирования современного человечества, либо, не будучи исходным предковым типом для *Homo sapiens*, явились дополнительным материалом при имевшем место смешении человеческих групп.

В качестве одной из таких групп некоторые советские исследователи рассматривают поздних неандертальцев Западной Европы, относимых к так называемому типу Шапельль или к «классическим» неандертальцам.

Я. Я. Рогинский³, очерчивая приблизительные границы возможной области фор-

¹ См. «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. IX, 1950.

² A. Hrdlička, The neanderthal phase of man, «Journ. Roy. Anthropol. Inst.», vol. 37, part. 2, London, 1927.

³ Я. Я. Рогинский, Теория моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас, М., 1949.

мирования человека современного типа, не включает в эту область территорию Западной Европы и, следовательно, не рассматривает в качестве непосредственных предков *Homo sapiens* неандертальцев типа Шапелль, населявших эту территорию. По его мнению, европейские неандертальцы были ассимилированы группами людей современного типа, проникшими в Европу с востока, или даже частично уничтожены⁴. М. А. Гремакий, на основании морфологического анализа краниологического материала, относящегося к палеантропам, пришел к заключению, что выделяемая им европейская группа поздне-неандертальцев «принимала участие в образовании современных рас путем метизации, но не была для них исходным материалом»⁵.

Разделяя приведенные теоретические положения этих исследователей, автор настоящей работы сделал попытку рассмотреть эволюционный путь неандертальцев в Западной Европе и проанализировать возможные факторы, обусловившие сложение их современного морфологического типа⁶.

В качестве основной причины, определившей специфическое направление эволюционного развития этой группы европейских неандертальцев, было указано влияние окружающей их физико-географической среды, характерной для большой приледниковой зоны их обитания в период последних фаз оледенения.

Суровые условия природной среды определили формирование особого морфологического типа, свойственного представителям этой группы палеантропов, и в значительной степени отклонили ее эволюционное развитие от «сапиентного» направления. И высказано предположение, что процесс «сапиентации» неандерталоидных предков был успешно протекал в благоприятной климатической зоне, не подверженной резкому влиянию ледника. Этот вывод находится в соответствии с теоретическими представлениями широкого моноцентризма в проблеме возникновения современного человека, разделяемыми большинством советских антропологов.

За последнее время появилось значительное количество данных, подкрепляющих высказанную точку зрения и дающих возможность дополнительно осветить обсуждаемую проблему.

Опубликован ряд исследований, в которых дается характеристика климатических условий, а также распределение ландшафтных зон на территории Европы во время поздних фаз оледенения. Это дает возможность полнее воссоздать природную среду, окружавшую поздних неандертальцев Западной Европы, и оценить ее роль в процессе формирования их морфологического типа. Большой интерес представляют работы, посвященные вопросу о значении этих условий для эволюционного развития европейской неандертальцев, в частности группы Шапелль, и об их месте в филогении гоминид. Нельзя при этом не отметить справедливость содержащихся в этих работах замечаний, что большинство исследователей, занимающихся проблемами человеческой эволюции, мало принимают во внимание факторы палеогеографии и палеоклиматологии⁷. Данные о климате и ландшафтах Европы в позднеледниковое время, краткая сводка которых дана в статьях Хоуэлла⁸, представляют весьма большой интерес для обсуждаемой проблемы.

В поздний период развития ледников ледниковые массы Скандинавского щита достигавшие почти 55° с. ш. с одной стороны, и распространившиеся на соседние области ледники Альп, — с другой, почти полностью отделили Западную Европу от восточных областей. Между этими ледниками оставался только относительно узкий проход, шедший по Северной Европе. На территории этого своеобразного коридора господствовал суровый климат континентального характера. Аппенинский полуостров был тогда почти отрезан спустившимися к югу альпийскими льдами от прибрежной полосы современной Албании и, таким образом, от Восточной Европы. С западными районами территория современной Италии была соединена только весьма узкой прибрежной полосой (см. карту).

Таким образом, вся Западная Европа вместе с Аппенинским и Пиринейским полуостровами представляла в это время область, изолированную ледниковыми массами обширных восточноевропейских пространств. Будучи ограниченной ледниками, эта область характеризовалась преобладанием суровых климатических условий.

Максимальное распространение ледника к югу определяло и более южное, теперь, положение границы вечной мерзлоты и тундровой зоны, которая доходила в это время до 45° с. ш., т. е. на 24° южнее современного ее распространения. Растительность

⁴ Я. Я. Рогинский, Происхождение современного человека и теория «полицентризма», «Советская этнография», 1947, № 1.

⁵ М. А. Гремакий, Проблема промежуточных и переходных форм от неандертальского типа человека к современному, Ученые записки МГУ, вып. 115, Труды Музея антропологии, М., 1948, стр. 73.

⁶ В. П. Якимов, О двух морфологических типах европейских неандертальцев, «Природа», 1949, № 10.

⁷ C. F. Howell, The place of neanderthal man in human evolution, «Am. Jour. Phys. Anthropol.», vol. 9, No. 4, Dec. 1951; его же, Pleistocene glacial ecology and evolution of «classic neanderthal» man, «Southwestern Journ. Anthropol.», vol. 8, No. 4, 1952.

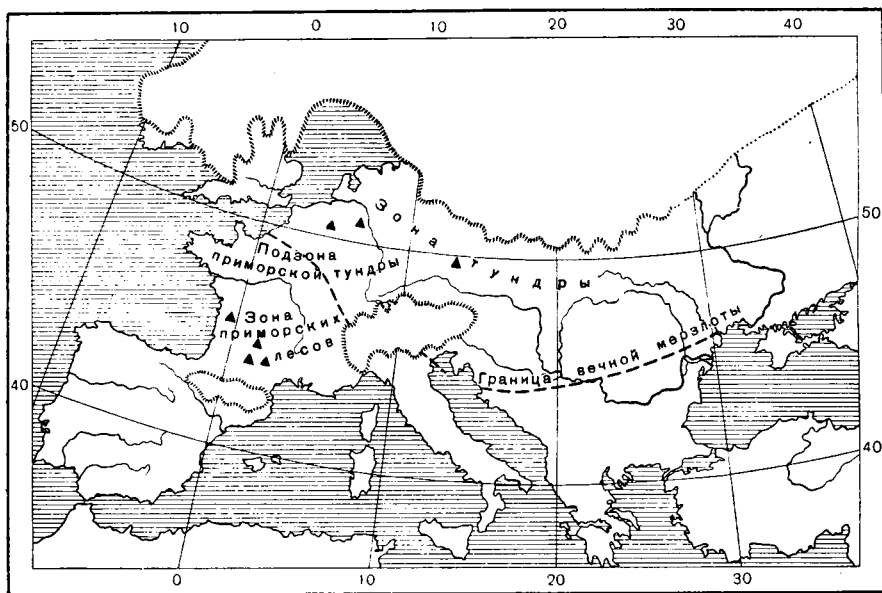
⁸ C. F. Howell, Pleistocene glacial ecology..., стр. 378.

⁹ C. F. Howell, The place of neanderthal man in human evolution; его же, Pleistocene glacial ecology...

умеренного пояса достигала тогда приблизительно 36° с. ш., т. е. на 9° южнее, чем в настоящее время¹⁰.

Распределение основных климатических и ландшафтных зон в пределах Западной Европы в период последнего оледенения рисуется в следующем виде¹¹.

Наиболее обширная тундровая зона шла вдоль южной окраины фенно-скандских ледяных масс и распространялась широкой полосой от Британских островов, которые

Распространение ледникового покрова и основных ландшафтно-климатических зон в Европе в период поздней фазы оледенения (по Хоуэллу, 1952). На карте обозначены важнейшие находки костных остатков неандертальцев типа Шапель

в то время вследствие низкого стояния моря были соединены с континентом, через Центральную Европу далее на Восток. Эта зона в большей части соответствовала упомянутому выше межледниковому коридору. Климат этой обширной зоны тундры не был одинаков на всем ее протяжении. На западе находилась ледниково-приморская подзона, в центральной части — переходная ледниково-приморская и далее к востоку располагалась восточная континентальная ледниковая зона. Зимы в этой области были весьма холодные, летние месяцы прохладные. На западе преобладал морской климат, к востоку усиливалась континентальность.

На большем своем протяжении в течение значительной части года (за исключением короткого летнего периода) оледененная зона была почти лишена животного мира, так как характерное для нее образование на снежной поверхности настовой корки затрудняло добывание корма. В более южных ее районах, которые в весенне-летний период были покрыты обильной кустарниковой и травянистой растительностью, древний человек мог встретить значительное скопление крупных животных (мамонтов, северных оленей, лошадей), служивших ему охотничьей добычей. Осенью эти животные откочевывали в более южные области¹².

В более восточной тундровой зоне (от Днепра до Урала и от Каспийского моря на север) лето было более теплым, а зима менее холодной, чем в Центральной Европе. Здесь были широко распространены сосна, береза, ива, располагавшиеся не сплошным массивом, а отдельными группами¹³. Для Юго-Восточной Европы, покрытой лесами северного типа, был характерен устойчиво морозный лесной климат.

В Юго-Западной Европе существовали две климатические области: приморско-лесная и отграничивающая ее на севере от ледниково-приморской тундровой подзоны узкая полоса приморской тундры (без вечной мерзлоты).

¹⁰ J. Büdel, Die räumliche und zeitliche Gliederung des Eiszeitklimas, «Die Naturwissenschaften», Bd. 36; 1949; C. F. Howell, Pleistocene glacial ecology...

¹¹ H. Poser, Boden- und Klimaverhältnisse in Mitteleuropa während der Würmeszeit, «Erdkunde», Bd. 2, 1948; C. F. Howell, Pleistocene glacial ecology...

¹² C. F. Howell, Pleistocene glacial ecology...

¹³ J. Büdel, Указ. соч.

В пределах приморско-лесной области густые леса северного типа (сосна, береза) ограничивались приблизительно северной частью Франции. Далее к северу были распространены редкие леса субарктического типа и кустарниковая растительность. Южнее Пиринейских и Аппенинских гор существовали леса, состоящие из теплолюбивых широколиственных форм. В этой области почти так же, как и в зоне, протянувшейся вдоль побережья Средиземного моря (включая Северную Африку и район Сахары), выпадали летние обильные дожди, способствовавшие произрастанию многолетней травянистой растительности. Эти области изобиливали крупными травоядными животными.

Южные районы Франции, Италии и Пиринейского полуострова вследствие сравнительно благоприятного климата и наличия большого количества пещер и навесов вблизи рек были наиболее удобными местами обитания неандертальских групп. Суровые климатические условия севера Центральной Европы в течение большей части года скудость фауны и флоры делали эту область малодоступной для палеантропов. Кроме того, на север след за двигавшимися животными в короткие летние месяцы были крайне непродолжительными.

Все эти данные достаточно хорошо характеризуют условия климата и природной среды, окружавшей неандертальцев Западной Европы. В таких условиях при крайне низком развитии производительных сил, при еще недостаточно окрепших общественных связях внутри разобщенных первобытных коллективов существовавшую роль в формировании морфологического типа, как уже указывалось в свое время¹⁴, играли биологические факторы: приспособление к среде и отбор, содействовавший этому приспособлению.

В результате действия этих факторов на приледниковой территории Западной Европы сложился своеобразный физический тип палеантропов, представленный группой Шапельль, хорошо приспособленный к жизни в трудных условиях среды. Вопрос о влиянии факторов среды на формирование морфологических признаков шапельльских групп пока поставлен в самой общей форме и, несомненно, требует детального исследования на конкретном материале.

В связи с этим нельзя не остановиться кратко на тех основных выводах о путях эволюционного развития европейских палеантропов и о филогенетическом значении выделяемых среди них вариантов, к которым приходят некоторые зарубежные авторы. Тот же Хоуэлл изучил краниологические признаки, характеризующие палеантропов, сопоставил их с палеоклиматологическими и палеогеографическими материалами¹⁵. На основании всех данных он также пришел к выводу о большом значении факторов среды для сложения физического типа поздних, «классических» неандертальцев группы Шапельль. Придерживаясь правильного взгляда, что палеантропы были предками современного человека, этот автор рассматривает конкретную группу неандертальцев типа Шапельль как результат развития по особому пути в суровых условиях приледниковой зоны, условиях, способствовавших усилению действия естественного отбора¹⁶. По мнению Хоуэлла, вопрос об адаптивности или неадаптивности морфологических признаков неандертальцев типа Шапельль, однако, не может быть решен в настоящее время и требует специального исследования¹⁷.

Основное значение для формирования своеобразного антропологического типа поздних неандертальцев Западной Европы, как полагает Хоуэлл, имела их обширная территориальная изоляция и отсутствие контакта с группами палеантропов, расселенных в восточных внеледниковых областях за ледниковыми барьерами, а также разобщенность самих коллективов шапельльских неандертальцев в пределах занимаемого ареала. Эта мысль также не нова и высказывалась советскими антропологами и археологами неоднократно. К сожалению, Хоуэлл, приводя эти интересные данные, пытается свои в основном правильные выводы аргументировать формально-генетическими рассуждениями о «мутирующих» генах, об их «перекомбинациях», заимствовании ими из арсенала таких маховых последователей Вейсмана — Моргана, как Добжанский, Картер и др.

В своем основном выводе Хоуэлл почти полностью повторяет идеи, развивавшиеся значительно ранее советскими исследователями. По мнению этого автора, «классические» неандертальцы представляют «реликт», ранее (перед максимальным оледенением) широко расселенных, менее специализированных, более «сапиентных» палеантропов. Нужно сказать, что сванскомбская и фонтешевадская находки включаются Хоуэллом в круг ранних палеантропов¹⁸. Эти более широко расселенные палеантропы, успешно исторически развиваясь во внеледниковых зонах, явились предками современного человека.

Приведенные данные о характере климата и ландшафта в период оледенения позволяют предполагать, что вероятность соприкосновения этих групп палеантропов

¹⁴ В. П. Якимов, Указ. раб.

¹⁵ C. F. Howell, Pleistocene glacial ecology..., стр. 378.

¹⁶ Там же, стр. 403.

¹⁷ Там же, стр. 402.

¹⁸ C. F. Howell. The place of neanderthal man...; его же, Pleistocene, glacial ecology...; см. Я. Я. Рогинский, Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Института этнографии, т. XVI, 1951.

с западноевропейскими неандертальцами типа Шапелль в эту эпоху была ничтожной. Поэтому мало вероятно нахождение за пределами ледниковой зоны Западной Европы неандертальских форм, вполне сходных с шапелльским вариантом. В этой связи нельзя не вспомнить о тешик-ташской находке, относимой рядом советских антропологов к шапелльскому типу палеантропов¹⁹.

П. И. Борисковский²⁰ этот вывод рассматривает в качестве одного из основных аргументов против предположения о том, что шапелльцы не являлись основными предками современного человека на территории Европы. Однако нужно сказать, что, хотя вопрос о тешик-таше, несомненно, требует специального обсуждения, все же к числу признаков, приводившихся ранее в качестве доказательства его отличия от неандертальцев типа Шапелль (высота черепа, цинодонтность зубов, морфология мозга и др.), теперь можно прибавить и несколько новых. Хоуэлл отметил, что низкие округлые очертания детских черепов из Энгис II, Кина Н 18 и Мустье четко отличаются от более высоких, более латерально расширенных сводов черепов детей палеантропов Схул I и Тешик-Таш²¹. Отличает Тешик-Таш от «классических» неандертальцев более вертикально направленный передний отдел тимпанальной пластинки и менее массивная задняя ее часть²². Следовательно, все более накапливается фактов, обосновывающих заключение об отделении тешик-ташской находки от «классических» неандертальцев Западной Европы.

Факт своеобразного развития этих последних в конкретных физико-географических условиях среды и наряду с этим прогрессивный процесс формирования современного человека во внеледниковых зонах поднимает интересный вопрос об одновременном существовании в конце ледникового периода *Homo sapiens* или переходных к нему форм на территории Восточной Европы и неандертальцев типа Шапелль в западных областях Европы. Близкую к этому предположению мысль печатно впервые высказал Я. Я. Рогинский²³.

В настоящее время можно говорить о появлении первых, правда, пока еще очень немногочисленных данных, подтверждающих эти положения.

Успешные работы советских археологов, специалистов по палеолиту, проведенные в течение последних двух лет, обогатили палеантропологию новыми открытиями скелетных остатков ископаемых людей. Три погребения (одно в 1952 г. и два в 1953 г.), относящихся к эпохе верхнего палеолита, были найдены в районе с. Костёнки (Воронежская обл.), давно снискавшего мировую известность благодаря открытым там многочисленным стоянкам верхнепалеолитического времени, содержавшим весьма богатый инвентарь.

Осенью 1953 г. в Крыму было сделано четвертое открытие, которое представляет особый интерес в связи с вопросом, затрагиваемым в настоящей работе. В пещере Староселье археологом А. А. Формозовым был обнаружен скелет ребенка в возрасте около полутора лет. А. А. Формозов на основании изучения кремневых орудий, найденных в толще слоя, расположенного над скелетом, датирует последний концом мустьерского периода²⁴. Эта датировка была поддержана и выезжавшей на место раскопок специальной комиссией, в состав которой входили Я. Я. Рогинский, С. Н. Замiatин и М. М. Герасимов²⁵.

Предварительное, но в то же время весьма детальное изучение черепа найденного ребенка, проведенное Я. Я. Рогинским при участии М. М. Герасимова²⁶, показало, что по большинству признаков новая находка может быть отнесена к современному типу человека. Однако в строении черепа были обнаружены некоторые черты весьма архаичного характера. К числу таких наиболее примечательных особенностей Я. Я. Рогинский относит большие размеры коронок молочных и формирующихся постоянных зубов (особенно коренных), значительную ширину переднего отдела нижней челюсти и особенно утолщенность латерального участка верхнего края глазницы, приблизительно в области основания скулового отростка лобной кости. Этот размер у ребенка из Староселья в два-три раза превышает аналогичные размеры у современных детей такого же возраста.

¹⁹ М. А. Гремяцкий, А. П. Окладников и др., Тешик-Таш, Сборник под ред. М. А. Гремяцкого и М. Ф. Нестурха, М., 1949; Г. Ф. Дебец, О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека, Изд. МГУ, 1948.

²⁰ П. И. Борисковский, Рецензия на сборник «Происхождение человека и древнее расселение человечества», «Советская этнография», 1952, № 3.

²¹ С. F. Howell, Pleistocene glacial ecology..., стр. 392.

²² Там же, стр. 404.

²³ Я. Я. Рогинский, Выступление на дискуссии по проблеме происхождения *Homo sapiens*, «Краткие сообщения Института этнографии», вып. IX, 1950, стр. 50.

²⁴ А. А. Формозов, Стоянка Староселье близ Бахчисарая — место находки ископаемого человека, «Советская этнография», 1954, № 1, стр. 11—22.

²⁵ См. «Заключение о находке ископаемого человека в пещерной стоянке Староселье...», «Советская этнография», 1954, № 1, стр. 39—41.

²⁶ Я. Я. Рогинский, Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерского слоя пещеры Староселье. «Советская этнография», 1954, № 1, стр. 27—39.

Наличие этих пережиточных признаков позволило Я. Я. Рогинскому поставить вопрос о связи новой находки с человеком неандертальского типа. По ряду краевых признаков ребенок из Староселя был сопоставлен с неандертальским ребенком, обнаруженным на Гибралтарской скале (Гибралтар II), и с ребенком из пещеры Схул на горе Кармел, также относящимся к неандертальскому типу (Схул I). Подробное сравнение позволило установить большую близость новой находки не к гибралтарскому ребенку, являющемуся представителем шапелльского варианта европейского неандертальца, а к более сапиентному типу палеантропов, представленному, в частности, обитателями пещер горы Кармел.

Обнаружение на территории Восточной Европы скелетных остатков человека многими чертами современного типа в слое, содержавшем позднемустье, и наличие на его черепе неандерталовидных признаков, сходство новой находки с пережиточными признаками, развиваемыми многими советскими антропологами по вопросу соотношения ископаемых людей неандертальского и современного морфологического типов. Эти данные показывают также, что весь процесс антропогенеза не может быть рассмотрен в виде схематических прямолинейных рядов предков и обязательно включающих из них потомков. Этот процесс более сложен и в своем поступательном развитии весьма противоречив.

К этому процессу в целом справедливо могут быть применены слова Ф. Энгельса, сказанные им по поводу развития труда и речи. Указывая, что дальнейшее развитие этих характерных особенностей человека не закончилось после окончательного отделения человека от обезьяны, Энгельс далее пишет, что их развитие продолжалось и будет; «будучи у различных народов и в различные эпохи по степени и по направлению различным, иногда даже прерываясь местными и временными отклонениями назад, оно в общем и целом могучей поступью шло вперед...»²⁷.

²⁷ Ф. Энгельс, Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека, Госполитиздат, 1952, стр. 8 (разрядка наша.— В. Я.).

М. А. ИТИНА

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ В ПОГРЕБАЛЬНЫХ ОБРЯДАХ ПЕРВОБЫТНЫХ НАРОДОВ

В советской археологической науке уже не раз поднимался вопрос о том, являются ли совместные захоронения мужчины с женщиной неопровержимым доказательством того, что в данном обществе господствовал патриархат. В этом отношении особое внимание уделялось культурам эпохи бронзы на территории степей Восточной Европы и Южной Сибири. Такие археологические культуры, как катакомбная и афанасьевская, где наряду с земледелием развивается уже и скотоводство и где, следовательно, создаются предпосылки для установления патриархата, имели первостепенное значение в разрешении указанной проблемы, тем более, что они, особенно катакомбная культура, дали значительное количество совместных разнополых захоронений.

А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, считавшие бесспорным господство патриархата в эпоху катакомбной культуры, полагали, что данные погребения следует рассматривать только «...как погребения глав патриархальных семей»¹. Наиболее подробно освещен этот вопрос в работе М. И. Артамонова², в которой он, с одной стороны, приводит целую систему доказательств в пользу того, что коллективные разнополые захоронения являются характерными для обществ с развитым патриархальным строем, причем, в частности, это касается и носителей катакомбной культуры. Он пишет: «...то, что в этих погребениях главным является мужчина, ... свидетельствует об убийстве женщин при смерти мужчины, которому они принадлежали... в большинстве случаев в качестве жен...»³. С другой стороны, М. И. Артамонов, тщательно регистрируя наличие пережитков патриархата в катакомбное время, приходит к заключению, что это период перехода от матриархата к патриархату и что существование здесь разнополых совместных захоронений отнюдь не противоречит этому выводу. Большую роль в разрешении данного вопроса именно в таком направлении сыграли привлеченные М. И. Артамоновым данные этнографии. Он замечает, что обычай совместных разнополых захоронений был распространен и среди племен с матриархальным строем, причем «...чаще всего в роли жертвы выступают не жены, а рабыни-наложницы или просто рабыни»⁴. Далее, развивая это положение, автор приходит к выводу о том, что совместные погребения мужчины и женщины наиболее широко распространены в период перехода от матриархата к патриархату, в период перехода «...от одной формы брака к другой — от матрилокального к патрилокальному»⁵.

В связи с анализом афанасьевских парных погребений С. В. Киселев довольно подробно останавливается на интересующем нас вопросе⁶, отмечая убедительность доводов, высказанных М. И. Артамоновым в указанной статье.

Наконец, в рецензии на книгу В. И. Равдоникаса⁷, утверждающего, что «установление патриархальных отношений в обществе с особой яркостью запечатлелось в распространении так называемых парных захоронений»⁸, С. В. Киселев вновь обратил

¹ А. П. Круглов и Г. В. Подгаецкий, Родовое общество степей Восточной Европы, М., 1935, стр. 165.

² М. И. Артамонов, Совместные погребения в курганах со скорченными и окрашенными костяками, «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, № 7—8, стр. 108.

³ Там же, Указ. раб., стр. 117.

⁴ Там же, стр. 119.

⁵ Там же, стр. 122.

⁶ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, «Материалы и исследования по археологии СССР», 9, М.—Л., 1949, стр. 32—34; то же, 2-е изд., М., 1951, стр. 52—53.

⁷ С. В. Киселев, В. И. Равдоникас. История первобытного общества, т. II, Л., 1947. «Краткие сообщения ИИМК», XVIII, 1949, стр. 117—123.

⁸ В. И. Равдоникас, История первобытного общества, т. II, Л., 1947, стр. 327.

внимание исследователей на разрешение этой интереснейшей проблемы. «Лишь к бронзовому веку, — пишет С. В. Киселев, — в Южной Сибири окончательно упрочился положение мужчины, и его борьбу с матриархальными традициями можно считать законченной. Однако это совершилось в результате периода борьбы, отмеченной погребениями мужчин и наложниц — символов желаемого подчинения жен»⁹.

Касаясь причин, в силу которых на этом переходном этапе с мужчиной погребалась не жена, а наложница, С. В. Киселев соглашается с С. П. Толстовым, который считает, что при наличии экзогамии жена находится под защитой своего рода, а к нему насилие над ней просто невозможно¹⁰.

Таким образом, большинство исследователей считает, что совместные разновременные захоронения встречаются уже в период перехода от матриархата к патриархату, в наличии значительных пережитков первого, а следовательно, их никак нельзя рассматривать как безусловное доказательство существования в данном обществе раздельного патриархального строя.

Совершенно естественно, что переход от матриархата к патриархату совершается постепенно, не сразу, и в обществах, где матриархат очень силен, процесс этот протекает особенно сложно. Следует учитывать, что, «уступая историческое место патриархату, матриархат оставляет свои пережитки, сохраняющиеся, естественно, как в период перехода от матриархата к патриархату, так и при патриархате...»¹¹.

Мы должны рассматривать насильственные захоронения женщин с мужчинами оторванно, а в тесной связи с общественно-экономическими условиями того или иного общества, причем необходимо всегда особо помнить об указанных пережитках.

Здесь на помощь первобытной истории и археологии приходит этнография. Пользуясь сведениями о погребальных обычаях остальных народов, у которых уже наблюдается переход к патриархату, но все еще очень сильны пережитки матриархата, попытаемся проследить, насколько характерны для данных обществ совместные захоронения мужчин и женщин и каково социальное положение погребаемых.

В качестве источников мы используем труды буржуазных исследователей этнографов конца XIX — начала XX в., причем мы почерпнули в них лишь факты, истолкование, которое они им дают, в большинстве случаев весьма тенденциозно.

Для религиозных представлений современных остальных народов характерно представление о загробной жизни как прямо продолжении земной. Так, некоторые племена банту считают, что в загробном мире такие же зеленые луга и цветущие деревья, и на земле¹². Индейцы теве думают, что в загробном мире солнце тоже светит, только свет его бледен и подобен лунному¹³.

С подобными представлениями связан широко распространенный обычай, по которому покойнику в могилу ставят сосуды с едой и питьем, кладут около него его оружие, если это мужчина, утварь и украшения, если это женщина. С этими же представлениями связан и обычай человеческих жертвоприношений в случае смерти вождя какого-нибудь значительного лица, обычай, который еще в конце XIX в. был сравнительно широко распространен среди ряда остальных народов Меланезии, Африки, Америки. В большинстве случаев убитые клались в могилу вместе с умершими, и вот эти-то факты и дают нам материал по рассматриваемому вопросу.

Мы проанализируем в интересующем нас аспекте погребальные обычаи ряда племен основной общественной организации которых является род, причем существует экзогамия, счет родства ведется по материнской линии, но брак в большинстве случаев патрилокальный. Таким образом, перед нами общество, находящееся на переходном этапе от матриархата к патриархату при наличии сильных пережитков первого. И все же говорить о материальной культуре данных племен, то они являют собой племена обществ, находящихся на стадии развитого неолита или ранней бронзы.

Среди этих племен надо назвать прежде всего ряд меланезийских, у которых сообщению некоторых авторов, довольно широко был распространен обычай погребения жены в связи со смертью мужа. По словам Мосс, случаи погребения заживо или после смерти и последующего погребения вдов известны на Восточных Соломоновых островах, на Новых Гебридах, в Новой Каледонии и т. д.¹⁴. На острове Изабель (Соломоновы острова), сообщает Броун, при похоронах вождя его молодая жена и ребенок были брошены около могилы, а потом сброшены туда вместе с утварью, украшениями и т. д. На островах Новая Британия, по данным Фрезера, у племени сулка, если умерший был богатым человеком, его жену или жен иногда убивали и хоронили их вместе с ним.

⁹ «Краткие сообщения ИИМК», XXVIII, 1949, стр. 121—122.

¹⁰ Там же, стр. 121.

¹¹ М. О. Косвен, Переход от матриархата к патриархату, Сб. «Родовое устройство», Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. сер., т. XIV, М., 1951, стр. 89.

¹² J. Hastings. Encyclopedia of Religion and Ethics, vol. XI, § 4, N. Y., стр. 820.

¹³ Там же, стр. 821.

¹⁴ R. Moss, Life after death in Oceania, Milford, 1925, стр. 202.

¹⁵ G. Brown, Melanesians and Polynesians, London, 1910, стр. 396.

¹⁶ J. Frazer, The Belief in Immortality, vol. I, London, 1913, стр. 399.

Такой же обычай существовал в некоторых селениях в глубине бывшей немецкой Новой Гвинеи¹⁷, а на острове Эддистон, по сведениям Мосс, вдову иногда душили и погребали вместе с мужем¹⁸.

На полуострове Газелл (Новая Британия), по сообщению Паркинсона, в прежнее время вместе с трупом вождя заживо хоронили одного или нескольких рабов или одну из его жен¹⁹. Наконец, по словам Броуна, на Новых Гебридах все вдовы умершего танцевали до изнеможения или пили каву до полнейшего опухания, после чего их душили, чтобы похоронить с мужем²⁰.

Все перечисленные факты свидетельствуют о насильственном погребении женщины или женщин с умершим мужчиной, однако они ничего не говорят о том положении, которое занимала в данном обществе приносимая в жертву женщина, была ли она свободным членом рода или рабыней. У нас есть все основания предполагать, что в упомянутых случаях речь может идти именно о последних, а авторы цитированных сочинений просто не придавали значения таким «деталю».

Как уже говорилось, для Меланезии характерно наличие матриархата при уже появившихся признаках перехода к патриархату. Так, замужняя женщина, живя с сородичами своего мужа, продолжает принадлежать своему роду, а это обстоятельство вытекает за собой целый ряд последствий.

Прежде всего, каждый род обычно имеет свое наследственное кладбище, где и должны быть похоронены его члены. Мы располагаем сведениями о наличии таких кладбищ, например, на ряде Соломоновых островов (в частности о-в Сан-Кристоваль)²¹. Следовательно, поскольку жена не принадлежит к роду мужа, ее погребение вместе с ним на его родовом кладбище исключено.

Но этого мало. Поскольку женщина продолжает принадлежать своему роду, а ее имущество продолжает оставаться ее собственностью, составляя какую-то долю имущества ее рода, члены рода умершего мужа совершенно не заинтересованы в смерти вдовы, так как тогда они должны либо вернуть это имущество ее роду, либо уплатить соответствующую компенсацию. Так, на Новой Гвинее «...сородичи умершего не желают удушения вдовы, так как за ее смерть они должны уплатить ее родственникам»²². С другой стороны, «...ее (вдовы.— М. И.) помощь так ценится, что они (сородичи мужа.— М. И.) стараются помешать ее уходу в свой род или вторичному замужеству»²³, а отсюда и смерть ее совершенно нежелательна.

В этой же связи следует упомянуть и о том, что в меланезийском обществе был широко распространен левират, т. е. обычай, по которому брат умершего должен жениться на его вдове. Так, Миклухо-Маклай во время своего второго пребывания на берегу Маклая (Новая Гвинея) описывает обстоятельства, связанные со смертью Вангума, жителя деревни Бонгу: «Я вошел в хижину Вангума; в углу возвышался гамбор (гроб в виде высокой закрытой корзины.— М. И.), недалеко от него горел костер, около которого на земле, вся измазанная сажей, сидела молодая вдова умершего... Я узнал, что она должна перейти к брату умершего»²⁴. Все это доводы в пользу того, что убийство жены и погребение ее с мужем очень сомнительны. Надо сказать, что члены рода мужа идут на всяческие компромиссы для того, чтоб соблюсти обычай и в то же время избежать осложнений. На полуострове Газелл (Новая Британия) женщина спит несколько недель на могиле мужа²⁵, а в северной части островов Д'Антраксто вдова лежит около трупа в его доме, ее несут за ним в могилу, но тут же забирают и относят к ней в хижину²⁶. На острове Эфат (Новые Гебриды) «...маленькая девочка была куплена вождем, и он о ней сказал: „когда я умру, эта девочка тоже умрет... Если после моей смерти никто не будет удушен, люди скажут,— он не был вождем“. Для того чтоб предотвратить такой позор вождь купил этого ребенка у матери за большую свинью, а еще четверо детей „откармливались“ его родственниками для той же цели»²⁷. По этому поводу Мосс заключает: «Это делалось, вероятно, с тем, чтоб заменить убийство вдовы, причем на острове Россель (архипелаг Луизианы) маленький мальчик или девочка в случае смерти вождя убивались вместо его жены»²⁸.

¹⁷ J. Frazer, Указ. раб., стр. 249.

¹⁸ R. Moss, Указ. раб., стр. 202.

¹⁹ R. Parkinson, Dreissig Jahre in der Südsee, Stuttgart, 1926, стр. 62.

²⁰ J. M. Brown, Peoples and Problems of the Pacific, vol. 1, London, 1927, стр. 30.

²¹ С. А. Токарев, Родовой строй в Меланезии, «Советская этнография», 1933, № 3—4, стр. 48—49.

²² J. Wiss, Selbstmord und Todesfurcht bei den Naturvölkern, Amsterdam, 1933, стр. 51.

²³ A. B. Lewis, The Melanesians, Chicago, 1945, стр. 160.

²⁴ Н. Н. Миклухо-Маклай. Собр. соч., т. II. Дневники путешествий (1873—1887), М.—Л., 1950, стр. 372—373.

²⁵ R. Moss, Указ. раб., стр. 203.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же, стр. 202.

²⁸ Там же, стр. 203.

Удобнее всего соблудить обычай, обойдя все указанные препятствия путем убийства и погребения с умершим мужчиной рабыни, особенно рабыни-наложницы.

Рабство было распространено в Меланезии, но в весьма примитивной, зачастую в форме. По словам С. А. Токарева, «настоящего рабства как законченной экономической системы мы в Меланезии не найдем. Однако имеются отношения, которые можно назвать «патриархальным рабством» (Маркс)²⁹. И дальше: «...мы не имеем зрелой эксплуатации рабского труда как системы, как основной формы производственных отношений»³⁰.

Основной контингент рабов составляли военнопленные, причем последние делались фактически почти полноправными членами данного рода. Аббат Верже, проведенный около года на о-ве Сан-Кристоваль, пишет: «С ними (рабами.— М. И.) обращались как с приемными детьми: раб возделывает поле своего хозяина вместе с ним, помогает ему готовить пищу и сопровождает его на рыбную ловлю и на войну... Они женятся на племенах своего хозяина, строят себе дом рядом с его домом. Иногда хозяин не признает брака со своей рабыней»³¹.

Уместно вспомнить слова Энгельса, которые, хотя и относятся к американским индейцам, могут быть приведены здесь, так как установлено, что стадия развития меланезийского общества во многом походит на ту стадию развития, на которой находились американские индейцы, в частности ирокезы. Итак, «мужчин они убивали и же принимали как братьев в племя победителей; женщин они брали в жены или же нибудь иначе принимали в число членов своего племени вместе с их уцелевшими детьми. Рабочая сила человека на этой ступени не дает еще заметного избытка расходов по ее содержанию»³².

С такими рабами хорошо обращались, но, например, по свидетельству с острова Сан-Кристоваль, «...их могут принести в жертву при постройке нового дома... или в случае смерти вождя»³³. Убийство рабов и принесение в жертву рабынь, в случае смерти вождя или важного лица «...было обычно в Меланезии»³⁴, — пишет Гастингс.

Принесение в жертву рабыни-наложницы не было связано с какими-либо запретами, ибо она не находилась под защитой рода. Кроме того, если свободные члены рода должны были быть похоронены на своем родовом кладбище, то на рабов это правило не распространялось. У большинства отсталых народов, у которых имелось рабство, хотя бы в такой зародышевой форме, всегда существует погребальный ритуал для свободных членов рода, в то время как тела рабов подчас просто выбрасывались в кусты.

Таким образом, проанализировав материал по Меланезии, мы имеем все основания предположить, что погребаемые с умершим вождем или каким-либо значительным лицом женщины были, вероятно, не свободными членами рода, а рабынями-наложницами.

Подтверждает это предположение и материал, касающийся некоторых африканских племен, которые стояли на той же ступени развития, что и меланезийцы. Это, прежде всего, негры банту, населяющие бассейн р. Конго (центральные банту).

Основным занятием населения являлось земледелие; скотоводство играло весьма незначительную роль. Кроме того, банту бассейна Конго занимались охотой и рыболовством. В области общественной организации у них в большинстве случаев основным составлял материнский род. Таким образом, их «материальная культура, общественный строй и идеология... до деталей повторяют соответствующие особенности меланезийского общества»³⁵.

Обратимся к интересующим нас погребальным обычаям. Так, «до европейского завоевания вождя сопровождали в могилу одна или несколько жен-рабынь, и мужчины-рабы. Жертвы обычно убивались ударом по голове или им проламывали затылки. Иногда они погребались заживо»³⁶. Но и после столкновения с европейцами «в нехристианских провинциях Конго, в случае смерти вождя, с ним погребались заживо две или три его наложницы»³⁷. «Число жертвуемых людей, в случае смерти вождя, варьирует в зависимости от его значительности»³⁸, что же касается ритуала, то «женщины кладутся по сторонам рядом с покойником, раб кладется у него под ногами»³⁹.

²⁹ С. А. Токарев, Указ. раб., стр. 74.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948, стр. 63—64.

³³ С. E. Fox, The Threshold of the Pacific, N. Y., 1925, стр. 36.

³⁴ J. Hastings. Encyclopedia of Religion and Ethics, vol. III, N. Y., стр. 816.

³⁵ С. П. Толстов, К вопросу о периодизации истории первобытного общества, «Советская этнография», 1946, № 1, стр. 27.

³⁶ E. Torday, African races, London, 1930, стр. 196, III столбец слева.

³⁷ Там же, II столбец слева.

³⁸ C. Castellani, Les femmes au Congo, Paris, б. г., стр. 225.

³⁹ Там же, стр. 226.

У лесных банту (Среднее Конго), в районе Бангала, существовал обычай, по которому в каждой значительной семье была рабыня-наложница, которая называлась мвила пдако (mwila pdako) и которая всегда погребалась вместе с умершим⁴⁰.

У балуба (степные банту) умершего вождя укладывали на двух девушек-рабынь, которых связывали или просто оглушали; вдоль стен могилы помещали оглушенных рабынь⁴¹.

Помимо того, что во всех перечисленных случаях прямо указывается на погребение именно рабыни, нам известно, что у целого ряда африканских племен, где еще очень сильны пережитки матриархата, существуют и левират, и правила наследования по материнской линии. Так, «...поля, скот и другая собственность, которую умершая жена принесла при замужестве, возвращаются ее семье»⁴². Таким образом, совершенно очевидно, что и здесь сородичи мужчины совершенно не заинтересованы в смерти жены.

Материал о погребальных обычаях некоторых племен Северной и Южной Америки, еще раз подтверждает высказанное нами предположение. У тлинкитов (северо-западная часть Канады, Тихоокеанское побережье) в случае смерти значительного лица с ним погребались его рабы⁴³. Такой же обычай наблюдался у индейцев-рыболовов племени чинук (Британская Колумбия)⁴⁴. Однако мы не имеем здесь прямых указаний на совместное захоронение рабыни с хозяином. В этом отношении более точны сведения, касающиеся караибов (побережье Караибского моря).

Караибы, как и меланезийцы, занимались земледелием и жили в зоне тропических лесов, и эта общая их принадлежность к одной культурной зоне во многом определяет сходство их культур. Караибы знали рабство, причем основную массу рабов составляли военнопленные. «Пленные женщины делались иногда женами своих господ; дети их в таком случае были свободны, но сами матери оставались рабынями»⁴⁵. В то же время здесь также существовал обычай совместного захоронения рабов с умершим господином⁴⁶, причем он распространялся, видимо, и на женщин. Так, «в случае смерти вождя одна из его жен погребается вместе с ним...»⁴⁷. Если мы сопоставим эти сведения с теми, в которых упоминается о женах-рабынях, мы можем предположить, что и у караибов с умершим знатным лицом погребались его рабыни.

В сообщении о наличии подобного обычая в Панаме совершенно определенно говорится о женах-наложницах, отправлявшихся за мужем в могилу⁴⁸.

Подведем некоторые итоги.

Рассмотрение обычая насильственного совместного захоронения женщины с умершим мужчиной, сохранявшегося до недавнего сравнительно времени у целого ряда современных отсталых народов, дало нам целый ряд фактов, касающихся интересующей нас проблемы.

Прежде всего, погребения рассматриваемого вида не являются широко распространенными. В Меланезии они сравнительно редки, в Африке они встречаются чаще, но зловеще о массовом их распространении мы не имеем никаких оснований.

Коль скоро этот обычай существует, он распространяется не на всех. Лишь погребение людей, занимающих известное положение в обществе, будь-то вожди или просто значительные лица, сопровождается человеческими жертвами. Появление такого рода привилегированных лиц свидетельствует о том, что здесь уже происходит накопление богатств в руках отдельных лиц, что здесь начался переход к патриархату, но это лишь первые шаги на пути к его господству. Археологические данные говорят о том же, ибо процент совместных разнополюсных захоронений по отношению к одиночным среди урнанных погребений эпохи бронзы в Минусинской котловине и в степях юга Европейской части СССР сравнительно невелик.

Этнографические данные убеждают нас в том, что в могилу за умершим следовали обычно рабы, причем при данной, зачаточной форме рабства это рабы-военнопленные.

В целом ряде случаев мы имеем прямое указание на захоронение вместе с умершим рабыни или рабынь, причем последние клались в могилу по обеим сторонам рядом с покойником, а мужчины-рабы — у него в ногах.

Наличие в рассматриваемых обществах Меланезии, Африки, Америки еще очень живых матриархальных традиций, наличие в них экзогамии, предполагающей подчас уществование родовых кладбищ, наконец, существование такого обычая, как левират,— все это заставляет нас предполагать, что даже в тех случаях, когда в качестве

⁴⁰ E. Torday, Указ. раб., стр. 190, I—II столбцы слева; P. M. Küsters, Das Grab der Afrikaner, «Anthropos», 1921—1922, No. 16—17, Heft 1—3, стр. 216.

⁴¹ E. Torday, Указ. раб., стр. 191, I—II столбцы слева.

⁴² T. Schapera, Married life in an African Tribe, London, 1939, стр. 330.

⁴³ H. Jarro, Introduction to the study of Mortuary Customs among the North American Indians, Washington, 1880, стр. 86; H. Bancroft, The native races of the Pacific States of North America, т. I, London, 1875—1876, стр. 108.

⁴⁴ H. Bancroft, Указ. раб., vol. I, стр. 240.

⁴⁵ Г. Ни бур, Рабство как система хозяйства, М., 1902, стр. 78.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Ch. Letourneau, L'évolution de la morale, Paris, 1894, стр. 213.

⁴⁸ T. Preuss, Menschenopfer und Selbstverstümmelung bei den Totentrauer in Amerika, «Ztschr. für Adolf Bastian», Berlin, 1896, стр. 202.

жертвы упоминается якобы жена покойного, мы в действительности имеем дело с рабыней, часто рабыней-наложницей.

Закономерно поставить вопрос о том, что не всегда находимые археологами совмещенные разнополюсные захоронения являются неперменным и руководящим указанием на господство в данном обществе патриархата. В целом ряде случаев обычай этот связан с переходным периодом от матриархата к патриархату, когда роль женщины в обществе еще довольно значительна и она еще не является собственностью, вещью в руках мужчины, с которой он волен поступить, как ему вздумается.

Привлечение данных этнографии при анализе фактов, полученных при археологических работах, позволяет нам во многом уточнить делаемые при этом заключения и расширяет круг наших познаний о тех или иных этапах развития человеческого общества, причем это особенно касается эпохи первобытности.

В. И. СПРИШЕВСКИЙ

ЧУСТСКАЯ СТОЯНКА ЭПОХИ БРОНЗЫ

(Раскопки 1953 года)

В 1950—1951 гг. археологический отряд Института истории и Музея истории Н УзССР, входивший в состав Памиро-Ферганской экспедиции, проводил разведочно-аэрофотосъемочные работы в северо-западной части Наманганской области УзССР. В эти два года были проведены незначительные работы на песчано-лессовой дюне, предварительно определенной на основании собранного отрядом в 1950 г. подъемного материала как стоянка эпохи бронзы¹.

Чустская стоянка расположена в 2—2,5 км к северу от гор. Чуста и в 100—150 м права от дороги Чуст — Каркидон. Две небольшие траншеи, заложенные в 1951 г., дали интересный материал, подтвердивший ранее высказанное предположение о датировке стоянки и о том, что она была населена земледельцами.

Тот же археологический отряд, но под руководством автора этой статьи, провел в 1953 г. сравнительно небольшие, в соответствии с площадью всей стоянки, стационарные раскопки, давшие разнообразный и исключительно интересный для истории Узбекистана археологический материал².

Чустская стоянка в плане имеет вытянутую форму по оси северо-запад — юго-восток. Длина ее 410 м, наибольшая ширина 210 м. Холм имеет почти горизонтальную поверхность, и только склоны его прорезаны четырьмя большими водомоинами.

Северо-западная часть холма как бы разделена широкой ложбиной, проходящей с северо-запада на северо-восток. Северная его сторона ограничена обрывистым саем глубиной до 10—12 м, восточная и южная — пологим склоном и неглубокой ложбиной, занятой в настоящее время колхозными садами. Западная сторона холма ограничена пологим возвышением, составляющей вместе с саем и ложбиной одно замкнутое пространство, охватывающее холм почти со всех сторон. Высота холма, от его подножья до современного уровня поверхности, с южной его стороны достигает 5 м. Поверхность холма и его склоны покрыты рыхлой солончаковой землей, низкой солеустойчивой растительностью, а в низинах камышом. Почти на середине площадки выделяются два отдельных холмика, занятых современным кладбищем.

Раскопки 1953 г. были начаты с закладки шурфа 2 × 2 м в траншее № 1, выкопанной в 1951 г.; затем на южной окраине холма был заложен раскоп I площадью 3 × 8 м, на котором и проводились в основном наши работы (рис. 1). Для выявления культурных наслоений в северной части стоянки был заложен еще один раскоп — II, наполовину меньший раскопа I. Наконец, в последние дни работы отряда на одном из холмиков около современного кладбища был заложен второй шурф со сторонами 2 × 2 м. Раскопы были разбиты на квадраты со сторонами 2 × 2 м. Выемка земли производилась по квадратам, слоями в 25 см глубиной каждый.

Мощность и содержимое культурного слоя нам удалось лучше проследить в раскопе I благодаря его большей площади. Культурный слой этого раскопа состоит из трех слоев: нижнего, песчаной массы темного цвета, обильно насыщенной остатками деятельности человека. Находки в виде обломков глиняной посуды в большом количестве начали встречаться в каждом квадрате и находились во всей толще культурного слоя вплоть до материковой глины.

Зольные пятна округлой формы, достигающие 2 м в диаметре, в виде больших оронок уходила своим острием в глубь культурного слоя, иногда заканчиваясь большим округлым камнем. Некоторые зольные пятна появлялись почти с поверхности современного уровня стоянки и прослеживались на глубину 40—50 см от поверхности, другие же выявлялись только с глубины в 50—75 см и прослеживались до материковой

¹ М. Э. Воронец, Археологическая рекогносцировка 1950 г. по Наманганской области, «Изв. АН УзССР», 1951, № 5, стр. 95.

² Отряд состоял, помимо его руководителя, из двух научно-технических работников педагогов ташкентских средних школ Л. Т. Астафьевой и З. С. Мингуловой и 11 рабочих.

вого грунта, местами на 1,5 м. Общая мощность культурного слоя раскопа I в его достигает 1 м и около 0,5 м у южного склона холма. Утолщение культурного слоя прослеживается к центру стоянки; так, в шурфе № 1 он доходит до 1,5 м, копе II — 1,6 м, в шурфе № 2 — 2,5 м. Мощность слоя в шурфе № 2 полностью установлена ввиду окончания срока наших работ.

Рис. 1. Общий вид раскопа I с полуземлянками

Вокруг зольников земля сильно уплотнена и насыщена большим количеством обломков глиняной посуды, разбитых костей животных, птиц и рыб, повидимому, отбросов пищи. Среди находок подавляющее большинство принадлежит обломкам глиняной посуды. Единственным целым сосудом является маленький круглодонный красноангобированный горшочек, использовавшийся, вероятно, для хранения каких-либо косметических мазей (рис. 3, фиг. 24). Очень большое количество фрагментов керамики дает полную возможность определить формы и способ выделки сосудов. По предварительному просмотру возможно установить до 25 разнообразных форм (рис. 2—3).

Вся представленная здесь глиняная посуда изготовлена без гончарного круга. Судя по фрагментам, найденным на разных глубинах культурного слоя, посуда, изготовлявшаяся на поселении, была различных видов (рис. 2): чаши полусферической формы с невыделенным венчиком, вероятно, с округлым дном, без ангоба и лошения, тесто с примесью известняка, обжиг слабый, диаметр верхней части 13 см (рис. 2, 1); цилиндрические сосуды с невыделенным венчиком и плоским дном, стенки покрыты красным ангобом и хорошо залощены, диаметр 17 см (рис. 2, 2); бокалообразные сосуды с толстым краем и слегка выступающими наружу боковыми стенками, без ангоба и лошения, тесто с примесью толченого камня и известняка, диаметр верхней части 12 см (рис. 2, 3); сосуды с почти цилиндрической формой тулова (диаметр до 11 см) и несколько оттянутым наружу венчиком с валикообразным краем, стенки покрыты красным ангобом и залощены, тесто имеет незначительную примесь зернистого известняка (рис. 2, 4); сосуды со слегка выпуклыми стенками, причем полная форма такого сосуда близка к бокалообразной; ангоб и лошение на стенках его отсутствуют, тесто имеет примесь известняка, диаметр у венчика 9 см (рис. 2, 5).

К виду чашек относятся сосуды, изображенные на рис. 2, фиг. 16 и 17 и на рис. 3, фиг. 22. Первые два — толстостенные: один с валикообразным венчиком, отогнутым наружу, и диаметром горла 29 см (рис. 2, 17), стенки его не ангобированы и покрыты легким лошением; второй (рис. 2, 16) ангобирован и залощен. Тесто обоих имеет незначительную примесь известняка. Доньшки, вероятно, были плоские. Третий сосуд (рис. 3, 22) имел скорее всего округлое дно, стенки его покрыты красным ангобом и залощены, тесто с примесью известняка, обжиг сильный, диаметр верхней части 13 см.

Большое число сосудов, найденных при раскопках 1953 г. на Чустском поселении по своему виду относится к горшкам с шаровидной или близкой к ней формой (рис. 3, фиг. 6—14, 16, 18). В большинстве случаев они имеют короткое изогнутое горло диаметром от 20 до 31 см, со слабо намеченным венчиком в виде валика, и различную толщину стенок. Поверхность их в большинстве случаев покрыта красным ангобом и залощена. Из представленной здесь керамики вызывают особый интерес остатки единственного кувшинообразного сосуда (рис. 2, 15), который имел довольно высокое горло, плавно переходящее в тулово. Венчик горла валикообразный с загибом внутрь, диаметр

метр 11 см, следов ангоба и лощения не выявлено, тесто с примесью известняка. Судя по сильной закопченности поверхности стенок сосуда, он, вероятно, применялся для варки пищи.

Довольно хорошее представление о некоторых формах можно получить по остаткам сосуда, имеющего вазообразную форму и плоское утолщенное дно (рис. 3, 19). Поверхность стенок шероховатая, без лощения и ангоба, тесто с примесью известняка и толченого камня, внешняя сторона сильно закопчена, диаметр сосуда в верхней части 13,5 см.

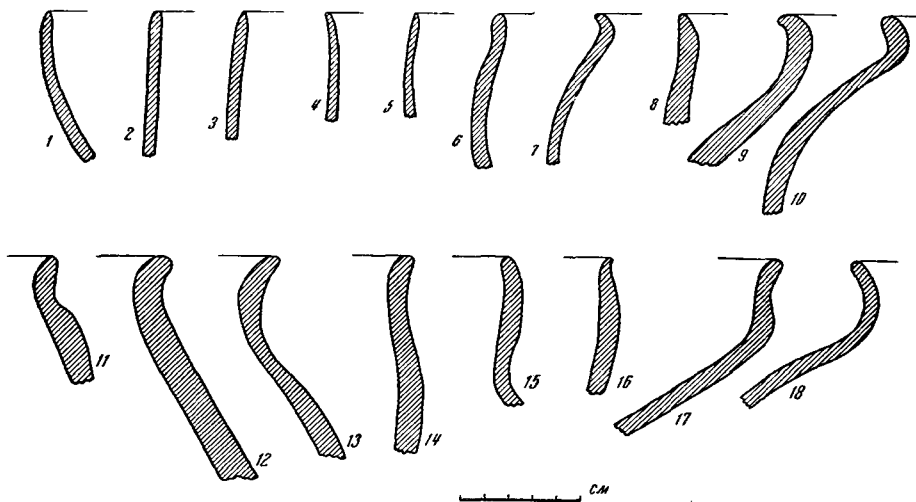

Рис. 2. Формы венчиков нерасписной посуды

Остатки посуды в виде горшков, высоких ваз, разной величины кубков и чаш — редкость на Чустском поселении. Исключение составляют глиняные котлы и кувшинообразные сосуды с грубыми, большого диаметра носиками-сливами (рис. 3, 21). Внешняя поверхность этих сосудов сильно закопчена от длительного пребывания над очагом.

Интересны также сосуды-кружки (рис. 3, 25) без венчика (диаметр верхней части 6 см), как бы вогнутыми вовнутрь стенками и выступающим наружу краем плоского доньшка. Стенки подобных сосудов с внутренней и внешней стороны ангобированы и лощены, тесто с примесью известняка и толченого камня.

Для полноты представления о формах приведем некоторые из видов доньшек (рис. 4, 1—10). Доньшки плоские, с переходом к стенкам сосудов под разным углом или же образующие высокий поддон, иногда с выступом.

Такова краткая характеристика грубой нерасписной керамики, собранной нами при раскопках на Чустском поселении в 1953 г. Многочисленность и разнообразность форм глиняной посуды позволяет говорить о широких местных традициях гончарного производства оседлого населения эпохи бронзы в древней Фергане.

Наряду с фрагментами посуды грубого изготовления собрано большое количество обломков посуды высокого гончарного мастерства, покрытой красным ангобом и высокого обжига. Особый интерес представляют 20 обломков глиняной посуды — венчики, стенки и доньшки с лощением, покрытые красной краской, поверх которой нанесен черной краской расписной орнамент в виде сеточки, треугольных зубцов и зигзагообразных линий (рис. 5 и 6)³. Эта посуда по технике выделки, формам (преимущественно чаши) и принципам орнаментации чрезвычайно напоминает посуду из слоя Анау II (северный холм).

Наряду с керамикой, которой нами собрано свыше 2000 обломков, мы обнаружили около 100 каменных терок, лошил, зернотерок, пестов и других поделок. Бронзовых предметов найдено небольшое количество — два литых ножа, листовидный черенковый наконечник стрелы, часть лунницы, обломки, повидимому, дротиков, слиток бронзы и один астрогол, залитый бронзой. Один из ножей сохранился полностью: ручка его, прямоугольная в сечении, является продолжением широкого, с изгибом к обушку лезвия, заканчивается же она уплощенным закруглением (рис. 7). Что касается черенко-

³ Зарисовки фрагментов керамики выполнены научным сотрудником Музея истории АН УзССР художником Н. В. Козолуповым.

вого наконечника стрелы, то он обнаруживает явное сходство с более крупным наконечником дротика такого же типа, также найденным в слое Анау II.

В этом же культурном слое обнаружена половинка шлифованного каменного пора, возможно, боевого. Среди обломков костей и керамики собрано около 20 изделий из кости: шилья (рис. 8, 4, 5, 6), пряслица, предмет, напоминающий ткацкий челнок, и две пластинки: одна из них с двумя зубцами и проточенным ниткой жеком, вторая — трехзубчатая. Вероятнее всего, что эти зубчатые пластинки и подковы из кости, напоминающая ткацкий челнок, являются деталями ткацкого станка (рис. 1, 2, 3).

Наличие ткачества у обитателей стоянки подтверждается также большим количеством фрагментов глиняной посуды с отпечатками нескольких видов грубой ткани внутренней поверхности их.

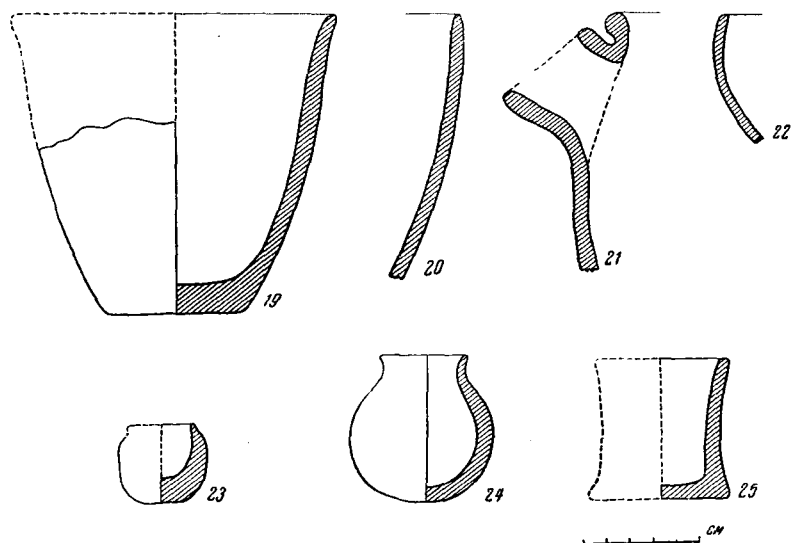

Рис. 3. Формы сосудов

Помимо предметов быта, в исследуемом культурном слое найдены предметы украшения или амулеты. К ним относятся: большой зуб — клык хищника, вероятно, медведя, костяная трубочка, обрезанная и обточенная с обоих концов, раковина кау, недоконченная каменная маленькая подвеска (рис. 8, 7; 8, 9). Зуб имеет скважину, сверленное отверстие для продевания шнура. Аналогичных зубов найдено несколько, но следы обработки имеет только один. Костяная трубочка и раковина также тщательно обработаны и приспособлены для ношения на шнурке.

Большой интерес представляют и другие предметы, обнаруженные в этом культурном слое: ложило из магнитного железняка с обтертыми в результате длительного пользования боковыми сторонами; обломки каменных, с хорошо обработанной поверхностью, цилиндрических колонок; отпиленные рога марала, быка и джей, которые, вероятно, использовались жителями поселения как орудия труда или украшения. Заслуживают большого внимания каменные, шаровидной формы, со сквозным отверстием наверху булавы с тщательно отшлифованной поверхностью (рис. 8, 10) и каменный, в форме бочонка, предмет с гладко обработанными боковыми сторонами, назначение которого установить пока не удалось. Следует отметить, что булавы подобного типа широко распространены в неолитических переднеазиатских культурах, известны они и по находкам из слоя Анау I и Анау II (северный холм). Для позднего слоя Анау III характерны уже грушевидные булавы.

Среди находок вызывают интерес маленький глиняный сосудик грубого изготовления с сильно обожженной внутренней частью дна, возможно тигелек или курильница (рис. 3, 23), и зашлифованные и сверленные астроголы, которые использовались либо как кости для игры, либо как украшения.

Необходимо хотя бы вкратце остановиться на ямах, расчищенных в раскопе, прослеженных в раскопе II и шурфе № 1.

В разных квадратах раскопа I (№ 1, 2, 3, А—2, 00—1 и др., см. рис. 10) почти культурного слоя на глубину до 50—70 см появились очертания темных пятен: овально-продолговатой и круглой в плане формы, которые первоначально были приняты нами за очертания могильных ям или за очажные ямы ввиду наличия в них и золы. Но в процессе расчистки двух первых ям, обозначенных под №№ 1 и 2,

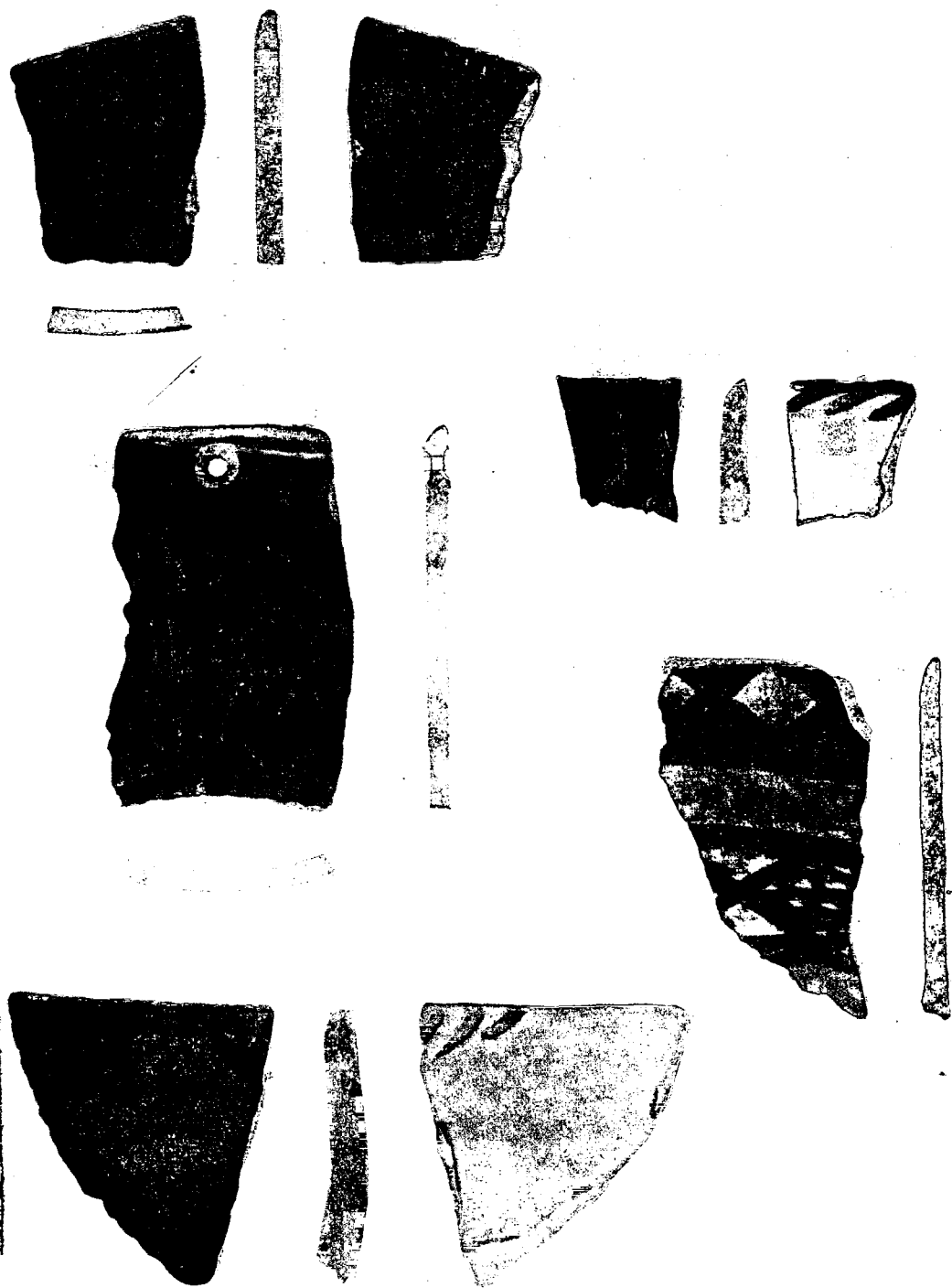

Рис. 5. Фрагменты венчиков раскрашенной посуды

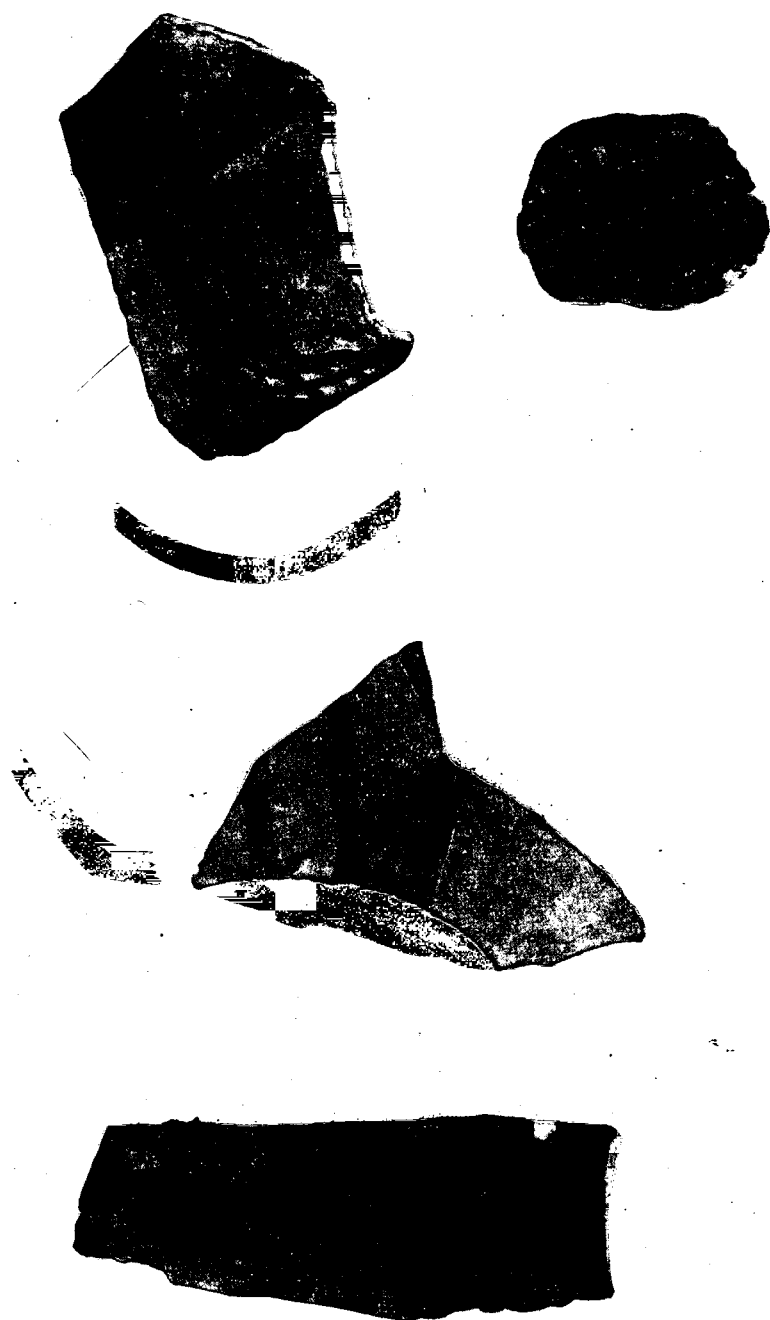

Рис. 6. Фрагменты стенок раскрашенной посуды

предположение не подтвердилось. Расчищенная в яме № 2 обкладка из комьев глины по стенке, сильно уплотненный пол с зольным слоем в 1,5—2 см и подбоями в стенах за глиняной обкладкой позволили сделать вывод, что это одна из полуземлянок поселения. Обе ямы перекрывались культурным слоем, содержащим находки, аналогичные тем, которые были собраны при расчистке ям, но в значительно меньшем количестве. Это обломки керамики, кости, круглые небольшие камни (прашные?), зола и древесные угли. В южной стене ямы расчищен «дверной» проем, выводящий в яму № 3. Из последней такой же «дверной» проем выводил в яму № 6. Из ямы № 6 выхода не обнаружено. В южной части раскопа расчищены две полуземлянки, соединенные таким же проходом (ямы № 8 и № 10). Не исключена возможность, что из полуземлянки

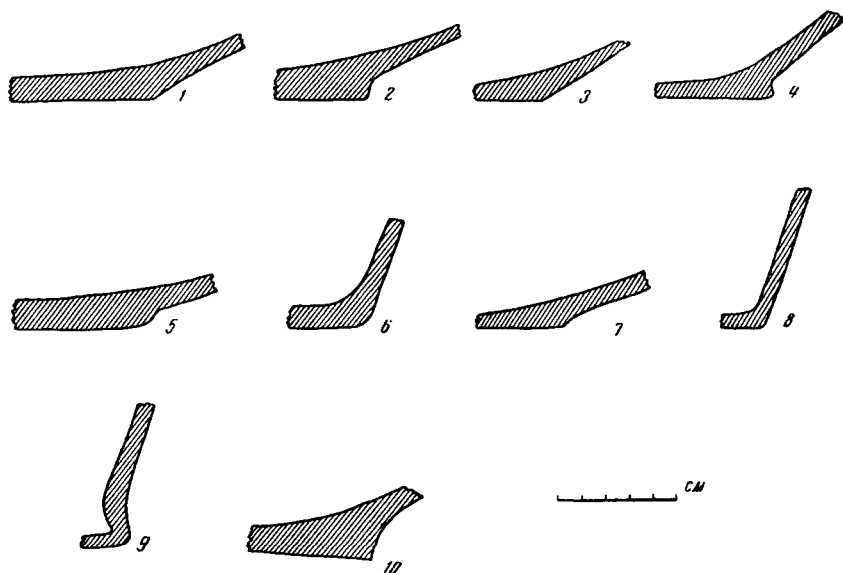

Рис. 4. Формы донышек

№ 10 имелся выход в соседнюю, третью полуземлянку, но для установления его наличия требовалось расширение раскопа, к чему не представилось возможности.

Такое же сооружение, обозначенное нами под № 9, с выходом в соседнюю полуземлянку, обнаружено и в юго-западном углу раскопа. Здесь нам представилась возможность лишь установить наличие выхода из расчищенной полуземлянки в другую, скрытую под культурными наслоениями. Контуры таких же ям-полуземлянок четко выделяются в восточном и северном срезах раскопа, но большая часть их осталась не вскрытой.

Расчищенные нами полуземлянки имеют округлую форму, и только одна из них почти круглая в плане и без выхода (№ 7); это совершенно изолированное от других помещение. Все ямы-полуземлянки имеют хорошо утопанный пол, с незначительным понижением к центру; каждая имеет в полу по одному, а полуземлянка № 3 — два, круглых и прямоугольных в сечении отверстия для жердей, поддерживавших камышовую (?) кровлю, остатки которой в виде слежавшейся истлевшей массы были найдены на обочинах ям. Во всех полуземлянках на полу найдены остатки кострищ в виде слежавшейся золы, а в полуземлянке № 8 в юго-западной части стены было устроено подобное углубление, наполненное золой. Несомненно — это очаг землянки. В этой полуземлянке на полу не оказалось остатков кострища, какие мы встретили в остальных ямах-полуземлянках, где в свою очередь отсутствовал подбой с золой — очаг.

Размеры ям-полуземлянок не велики; длина самой большой 2,10—2,20 м, диаметр самой малой — 1,50 м, при глубине от перекрывавшего их культурного слоя в 40—80 см и от современного уровня поверхности земли 1,30—1,70 м.

Под уплотненным полом с золой и гнездами для стоек прощупывается мягкая земля еще на 30—50 см ниже, а затем залегает твердый грунт (рис. 11). В силу ряда обстоятельств мы не вскрыли слой земли, лежащий под обнаруженным уплотненным полом полуземлянок, отложив изучение его до последующего полевого сезона.

Всего в раскопе I нами зафиксировано 12 ям-полуземлянок, но их там могло быть и больше; весьма возможно, что мы не проследили в северо-западном углу раскопа стен такой полуземлянки, которая, вероятно, была соединена дверным проемом с полуземлянкой № 12 (рис. 10).

Ямы-полуземлянки обнаружены нами не только в раскопе I, они выявлены в яме № 1 и в раскопе II, где в срезях четко выявляются подбойные контуры, заполненные темносерой массой культурного слоя. В общей сложности в двух раскопах

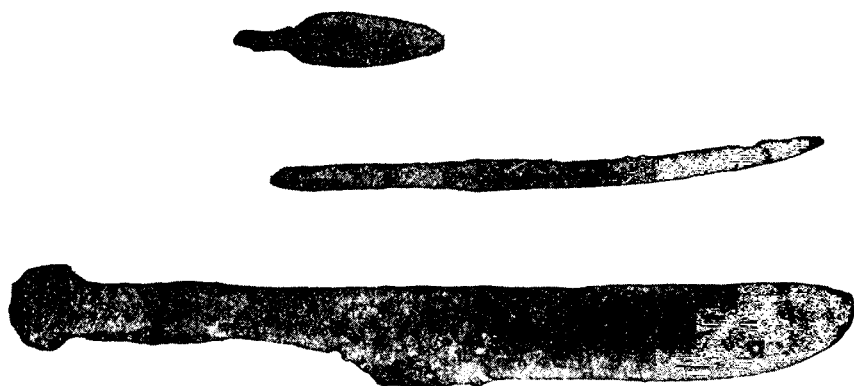

Рис. 7. Бронзовые предметы

шурфе, расположенных на разных расстояниях друг от друга и грубо ориентируемые по оси юг — север — северо-восток, зафиксировано 18 (19?) ям-полуземлянок.

Не лишены интереса небольшие глиняные арковидные сооружения, расчищенные нами в яме-полуземлянке № 6. Длина одного из них, лучшей сохранности, — 45 см

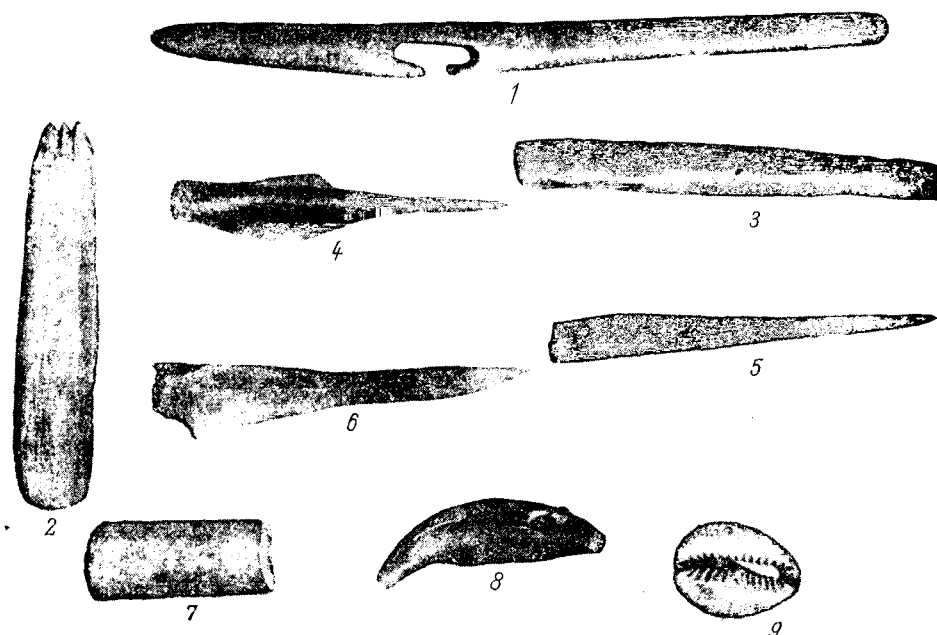

Рис. 8. Костяные орудия труда и украшения: 1 — ткацкий челнок; 2, 3 — детали ткацкого станка; 4, 5, 6 — костяные проколки; 7 — трубочка-бусина; 8 — зуб хищника с просверленным отверстием — бусина или амулет; 9 — бусина из раковины каура

ширине между пятками свода 45 см; толщина арки, выполненной из глины, смешанной с саманом, достигает 4—5 см. Пяты свода опирались на кромку стенки ямы и на сильно утопанный верхний пол землянки. На противоположном, южном конце ямы было устроено аналогичное глиняное сооружение, опиравшееся пятками на подбой стен ямы и на нижний пол ее. Так как сооружения своими пятками опирались на два различных уровня пола, то и построены они были, видимо, не одновременно, а через значительный промежуток времени. Никаких следов обжига или закопченности на

оружия не обнаружено, но наличие их в яме является еще одним подтверждением того, что ямы имели определенное назначение. Что касается сводчато-глиняных конструкций, то они, вероятнее всего, использовались как хранилища для пищи или бытовых вещей.

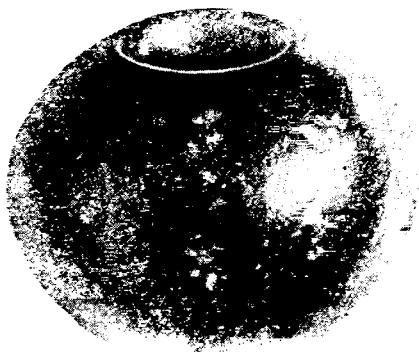

Рис. 9. Навершие булавки

Незначительные размеры обнаруженных нами ям с уплотненным полом и слежавшейся на нем золой, гнездами для стоек и очажком, наполненным золой, позволяют высказать предположение, что ямы использовались как убежище только в холодное и ненастное время года, а остальную часть времени жители поселка проводили под открытым небом.

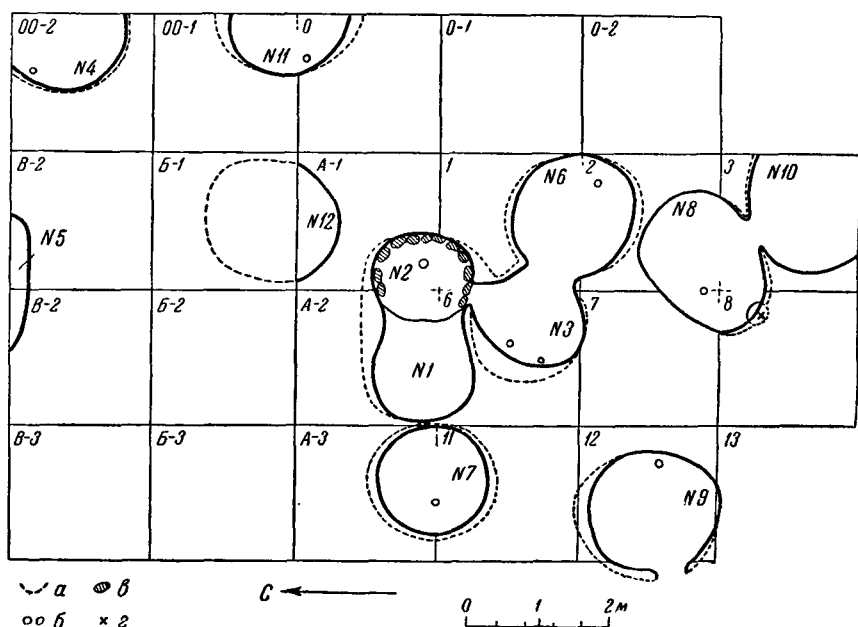

Рис. 10. План расположения полуземлянок в раскопе I.

Условные обозначения: а — подбой в стенках полуземлянок; б — гнезда для стоек; в — комья глины; г — очаг в полуземлянке

Кровля, судя по расположению гнезд в полу, вероятнее всего, была общая, над отдельными группами полуземлянок.

Полуземлянки, как упоминалось выше, были заполнены темносерой массой земли с меньшим содержанием остатков деятельности человека. Постепенно уровень наслоения разных отбросов пищи и золы подымался у краев ям и в проходах между ними все выше, чем затруднялось проникновение в них, и, возможно, ямы были засыпаны как ставшие неудобными для постоянного пользования ими. Возможно, что жители

поселка перешли к сооружению наземных жилищ, более просторных и удобных, тесные жилища, выкопанные в грунте. Земля для засыпки ям, вероятно, была несена со стороны, чем и объясняется меньшая насыщенность ее остатками кости, костей, камней и золы.

Наличие большого количества ям-полуземлянок, обломков зернотерок, бросовых предметов и т. д. дает возможность еще раз подтвердить предположение о том, что древние жители поселка вели оседлый образ жизни и, помимо охоты, в основном занимались земледелием, вероятно всего, на искусственно орошаемых землях. Новые костяные предметы — челнок, гребенки и пряслица, а также большое количество фрагментов толстостенной глиняной посуды с отпечатками разного рода ткацких изделий свидетельствуют о том, что жителям поселка было хорошо известно ткачество.

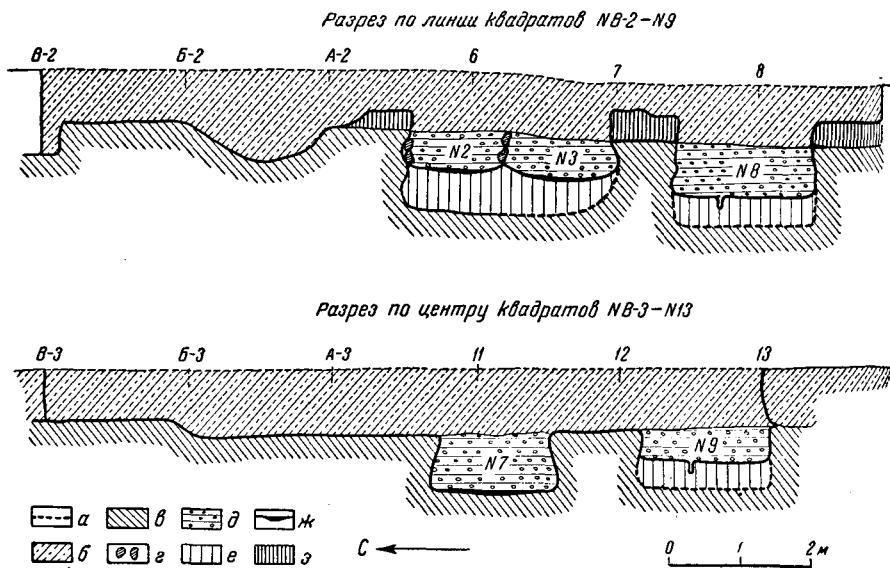

Рис. 11. Разрезы раскопов I.

Условные обозначения: а — предположительно определенная шупом часть полуземлянок; б — культурный слой; в — грунт; г — комья глины; д — лёсс с незначительным включением глины, керамики, костей, камней и угольков; е — лёсс с редким включением керамики, костей, камней и угольков; ж — угли; з — остатки предполагаемого культурного слоя

Почти полное отсутствие целой посуды и зернотерок позволяет предполагать, что поселение было покинуто жителями его, забрав всю домашнюю утварь, переселившись в другое, более удобное место.

Обнаруженные экспедицией 1953 г. расписная керамика, принадлежности ткацкого станка, каменные изделия и ямы-полуземлянки Чустского поселения представляют совершенно новый материал для истории народов Узбекистана, в частности Ферганской долины. Раскопочные работы последующих лет на Чустском поселении, несомненно, дадут возможность собрать еще более ценный материал, характеризующий быт и уровень производства древних жителей поселения, а также их связи с кочевыми народами древней Ферганы.

А. В. СМОЛЯК

ЭКСПЕДИЦИЯ НЕВЕЛЬСКОГО 1850—1854 гг. И ПЕРВЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ XIX в. В ПРИАМУРЬЕ, ПРИМОРЬЕ И НА САХАЛИНЕ

До XIX в. известия о народностях и племенах, живших в низовьях р. Амура, были довольно скудны; они ограничивались сведениями XVII в., поступавшими от сибирских «служилых» людей, которые от якутов и эвенков узнавали об их южных соседях, живущих по Амуру, с которыми они, эвенки и якуты, вели обширную торговлю.

Интересные сведения имеются в донесениях первых русских землепроходцев, побывавших на Амуре: В. Пояркова, Е. Хабарова, Степанова и других. В них сообщается о даурах, дочерах, натках, ачанах, гиляках и т. д. Обыкновенно эти сведения ограничивались упоминанием о занятиях, жилищах, промыслах и т. д., в них трудно найти детальные описания. Недостатком всех этих сообщений является нечеткость этнической классификации местных народностей и племен.

До сих пор ведутся споры, к какой из современных групп населения относились дочеры, лонки, ачаны, натки и т. д.¹

Лишь с середины XIX в., с присоединением Амурского края к России, начинается систематическое изучение народностей, населяющих территорию этого края. Первым крупным исследователем этих народностей принято считать русского ученого академика Л. И. Шренка, работавшего в Приамурье в 1854—1856 гг. Слава первого исследователя приамурских народностей прочно утвердилась за Леопольдом Шренком. К сожалению, имена подлинных пионеров в этом большом деле обычно или вовсе забываются, или ставятся на второстепенное место. Между тем еще до выхода в свет монографического труда Шренка, посвященного народностям Приамурья, в русской периодической печати было опубликовано множество заметок, статей и очерков, сделанных русскими путешественниками, чиновниками, представителями торговых фирм и т. д.

Всесторонние исследования народностей, населявших остров Сахалин и побережья Амура, начались в XIX в. работами Амурской экспедиции (1850—1854 гг.) под руководством Г. И. Невельского. Экспедиция Невельского открыла, исследовала и присоединила к России весь обширный край, включавший Приамурье, Приморье и о-в Сахалин. Участники экспедиции проделали громадную работу по изучению нового края, в том числе и по изучению обитающих в нем народностей.

В 1854 и 1855 гг. началось планомерное заселение нового края русскими крестьянами.

В русской периодической печати с этого времени начинает появляться много статей, посвященных описанию культуры народностей нового, не известного еще края. Эти статьи писали чиновники, официальные лица и т. д.

В 1854 г. поездки по Амуру совершили чиновники Свербеев² и Сгибнев³, которые опубликовали две статьи, где они сообщают о хозяйстве, материальной культуре и религии ороchon, манегров (группы амурских эвенков), гольдов, мангунов (так называли в XIX в. ульчей), гиляков (нивхов). После участников Амурской экспедиции это были первые русские путешественники в Приамурье, описавшие местные народности. Большой заслугой обоих авторов являются весьма подробные сообщения о народностях, обитавших на верхнем и среднем течении Амура, где участники экспедиции Невельского не были. После двух упомянутых авторов появляются новые имена путешественников, описывавших народности Амура.

¹ А. М. Золотарев, Из истории народов Амура, «Исторический журнал», 1937, № 7; Н. Н. Степанов, Межплеменный обмен в Восточной Сибири, на Амуре и на Охотском побережье в XVII в., «Ученые записки ЛГУ», сер. историч., вып. 5. Л., 1939; его же, Первые сведения об Амуре и гольдах, «Советская этнография», 1950, № 1.

² Н. Свербеев, Описание плавания по р. Амуру, «Записки Сибирского отдела Русского географич. об-ва», кн. III, СПб., 1857.

³ А. Сгибнев, Амурская экспедиция 1854 г., «Древняя и Новая Россия», 1878, № 11. 12.

С середины 50-х годов начинается научное исследование вновь присоединен к России территорий. На Амур направляется много различных экспедиций: биологических, астрономических, геологических и пр. Начинаются и исследования народов Приамурья русскими учеными. В 1855 г. Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества направил на Амур ученого-натураллиста Р. Маака. Маак в труде⁴ детально описывал культуру орохонов, гольдов, мангунов и других народов и приложенный к работе Маака атлас дает множество чрезвычайно интересных и новых набросков деталей материальной культуры, бытовых сцен и т. д. В 1854—18 по Приамурью путешествовал русский ботаник Максимович, собравший интересные материалы о народностях, населяющих побережья; часть этих материалов опубликована⁵.

Таков был первый этап изучения в XIX в. народностей Приамурья. Максимович был там одновременно со Шренком, направленным Российской Академией наук вновь присоединенные земли. Главной задачей Шренка в этой экспедиции было изучение фауны Приамурья; одновременно он собирал также материалы по этнографии народностей, живущих на данной территории. В 1883 г. он опубликовал в Петербурге на немецком языке работу «Об инородцах Амурского края». В том же году появился перевод первого тома сочинения на русский язык; в 1899 г. вышел перевод второго тома, а в 1903 г. — перевод третьего тома.

В своем труде Шренк широко использовал все опубликованные, а частично и опубликованные материалы, добытые его предшественниками: работы участника экспедиции Невельского, труды Г. И. Невельского, статьи уже упомянутых русских чиновников, а также материалы более поздних авторов (таких статей в 60—70-х годах появлялось с каждым годом все больше), работы Маака и других ученых. Таким образом, труд Шренка явился как бы итогом всех знаний о народностях, населяющих побережья бассейна Амура. Кроме того, в труде Шренка были использованы и полевые материалы автора и неопубликованные дневники Миддендорфа и Максимовича. Труд Шренка является, следовательно, как бы «энциклопедией» всех сведений о прибрежных жителях Амура и Сахалина, собранных русскими учеными и служившими за тридцать лет (1850—1880). Шренк добросовестно собрал, систематизировал все эти данные и дал читателям достаточно стройное и довольно подробное описание народностей, населяющих данную территорию. В этом его большая заслуга. Но, как мы уже сообщали, он не был пионером в изучении этнографии народов Приамурья.

В данной статье мы предполагаем коснуться одного вопроса — изучения народностей низовьев Амура, побережья Татарского пролива и Сахалина, связанного с деятельностью экспедиции Г. И. Невельского в 1850—1854 гг.

Работы Невельского и его сотрудников имели большое значение для нашей страны. Благодаря их деятельности был присоединен и в значительной степени изучен обширный, богатый и чрезвычайно важный во многих отношениях край. Работы экспедиции дали также много интересных этнографических данных о народностях присоединенной территории.

Г. И. Невельский был патриотом своей родины; на свой страх и риск он организовал изучение новых территорий, сплотил вокруг себя замечательных помощников и соратников — Н. К. Бошняка, Н. М. Чихачева, Н. В. Рудановского, Д. И. Орлова и ряд других, которые, умело направляемые своим руководителем, исследовали и описали новые земли. Эти молодые, образованные, прогрессивно настроенные русские морские офицеры производили топографическую съемку местности, наносили на карту новые территории, исследовали месторождения полезных ископаемых и т. д. Вместе с тем они собирали чрезвычайно ценные этнографические данные о жителях, с которыми они соприкасались в своих многократных и длительных путешествиях. Интересовавшись этнографическими сведениями и сам Г. И. Невельский. В его книге «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России»⁶ большое внимание уделяется быту, обычаям и происхождению местных народностей.

Невельский первый писал, что жители низовьев Амура были юридически независимы от Китая:

«Все народы, обитающие на этом пространстве по рекам Амур и Уссури до моря, не подвластны китайскому правительству и ясака не платят»⁷.

В книге Невельского имеются самые разнообразные этнографические сведения о гиляках, мангунах, гольдах, ороках и т. д. Труд Невельского представляет большую ценность. В нем содержатся этнографические известия, которые он почерпнул из рапортов своих офицеров; нигде не напечатанные составителями, эти сведения могли бы пропасть для науки.

Экспедиция Невельского охватила своими исследованиями обширную территорию: остров Сахалин, Амурский лиман, р. Амур (от устьев до впадения в нее Хунгары).

⁴ Р. Маак, Путешествие на Амур в 1855 г., СПб., 1859.

⁵ Максимович, Выписка из письма к барону Кистеру, «Вестник Русского географ. об-ва», 1860, № 2.

⁶ Г. И. Невельский, Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России, 1-е изд. 1878 г.; 2-е изд. 1897 г.; 3-е изд. 1947 г.

⁷ Г. И. Невельский, Указ. раб., 1-е изд., стр. 110.

притоки низовьев Амура — Горин и Амгунь, побережье Татарского пролива от северной части до Императорской (Советской) гавани.

Исследования сотрудников экспедиции — Чихачева, Орлова, Разградского, Самарина, Рудановского, Бошняка — позволили создать первую ясную и точную картину расселения народностей, обитающих на этой территории. Были сделаны этнографические описания этих народностей. Этим первым русским исследователям удалось установить четкие границы расселения отдельных этнических групп. В книге Г. И. Невельского собраны все эти данные, представляющие собой значительную ценность для выяснения положения и быта местных народностей в середине XIX в.

Большой обстоятельностью отличались сведения, собранные мичманом Чихачевым при его поездках по Амгуни, Горину, Амуру и по Татарскому побережью. Чихачев впервые сообщил о пути с Амура через озеро Кизи в залив Де-Кастри, где жили мангуны и другие «туземцы»; этим путем местные жители Амура сообщались с побережьем Татарского пролива, перебирались на Сахалин. Чихачев был первым исследователем, четко разграничившим гольдов и мангунов на Амуре. Чихачев доносил Невельскому, что селение Кавунда является рубежом; выше по реке живут гольды, а с Кавунда начинаются поселения мангунов и неидальцев⁸. С этим разграничением гольдов и мангунов, сделанным Чихачевым, впоследствии согласился и Шренк.

В книге Г. И. Невельского имеется много интересных этнографических сведений, собранных Н. К. Бошняком. Большую ценность представляют также записки самого Бошняка «Экспедиция на Сахалин»⁹, «Экспедиции в Приамурском крае»¹⁰, «Экспедиция в залив Де-Кастри, Опись Татарского берега и открытие Императорской гавани»¹¹. Лейтенант Николай Константинович Бошняк — активнейший участник экспедиции Невельского — предстает в них как чрезвычайно серьезный исследователь; наряду с географическими, метеорологическими и прочими сведениями, в его записках мы находим исключительно верную характеристику народностей, с которыми он постоянно общался. По его запискам можно составить довольно полную картину расселения народностей в низовьях Амура, в Приморье и на Сахалине. Если остальные сотрудники Невельского описывали каждый по одной или две народности, то в записках Бошняка описаны все народности данной территории.

Бошняк путешествовал по Сахалину с целью картографических съемок и поисков месторождений полезных ископаемых; он открыл крупные месторождения каменного угля в районе Дуэ, это дало повод Л. Г. Каманину сказать, что «его следует считать не только первооткрывателем, но и основоположником сахалинской каменноугольной промышленности»¹². В своих путешествиях по острову Бошняк постоянно встречался с местными жителями. Он сообщает, что на Сахалине живут гиляки, ороки, айны. Исследуя побережье Татарского пролива, он открыл Императорскую гавань и дал хорошее описание быта и культуры орочей, проживающих здесь. Бошняк сообщает о живущих южнее орочей удэгейцах, или кекальцах (от ороцкого названия удэгейцев кякала, кекары), а еще южнее их — туземцах «хлебопашцах», позднее известных в русской литературе под названием тазов.

Во время работ на Амуре и его притоках Бошняк сталкивался с гиляками, мангунами, гольдами, негидальцами и самагирами; он описал их селения, пути сообщения, обычаи и занятия. Он четко разграничивает народности территориально и культурно и дает ряд ярких этнографических описаний их быта. Так, он сообщает, что нивхи делятся на островных и материковых; островные занимаются морским и речным, летним и подледным рыболовством, промыслом таяжных и морских животных; живут гиляки Сахалина в зимних¹³ и летних жилищах. Впервые в литературе Бошняком дано очень детальное и полное описание нивхских жилищ, свидетельствующее о его большой наблюдательности и любознательности. Он пишет, что зимние жилища гиляков Сахалина и материка резко различаются между собой.

Наземные жилища материковых гиляков имеют каркасы, состоящие из столбов, и стены, сложенные из бревен при помощи пазовой техники.

«Амурские гиляки строят юрты следующим образом: вкапывают в землю столбы на расстоянии 1½ саж. один от другого, и промежутки между ними забираются в паз тонкими бревешками без моху и всякой другой прокладки. На столбах удерживаются стропила, которые связываются такими же тонкими бревешками и потом забираются вершинным или тонким лесом и застилаются, наподобие наших соломенных крыш, травой, и все строение смазывается глиною. Единственная дверь в юрте довольно низка. По правую и левую сторону от двери делают очаги, под очагом небольшой свод, из которого дым проходит по горизонтальной трубе, устроенной под нарами; труба эта деревянная, обмазанная глиною и продолжается под землею; через нее дым проходит в большую деревянную трубу, иногда единственную для целой деревни, но всегда служащую для 2-х и даже 3-х юрт и удаленную от строения на 20 или 30 ша-

⁸ Т. е. негидальцев.

⁹ Н. К. Бошняк, Экспедиция на Сахалин, «Морской сборник», 1858, № 11.

¹⁰ Н. К. Бошняк, Экспедиции в Приамурском крае, «Морской сборник», 1859, № 1, 2.

¹¹ Н. К. Бошняк, Экспедиция в залив Де-Кастри, «Морской сборник», 1859, № 3.

¹² Л. Г. Каманин, Первые исследователи Дальнего Востока, М., 1951.

¹³ Подробное описание сахалинской землянки см. Н. К. Бошняк, Экспедиция на Сахалин, стр. 183.

гов. Нары устилаются циновками из рисовой соломы; эти циновки гиляки прикрывают от маньчжур. Балки или связи, соединяющие между собою основные столбы, служат вешалками для разных домашних тряпок и вещей, а также для привешивания собак. Посредине каждой юрты сделан помост, место кормления собак»¹⁴. Бошняк описывает ряд интересных брачных обычаев нивхов, знакомит с их религиозными воззрениями, в том числе сообщает также о почитании нивхами медведей. Религиозным воззрениям он пытается дать объяснения:

«Гиляки за основу своей религии принимают впечатления природы и в особенности ее наиболее замечательные и грозные явления; будучи не в состоянии объяснить себе причины таковых явлений, гиляки приписали их действию злых духов или покойников, оскорбленных кем-нибудь или чем-нибудь»¹⁵.

Бошняк описывает также занятия нивхов, для которых рыболовство являлось главным источником существования; они приносили жертвы богу реки, и Бошняк дает первое в литературе описание этого обряда. Он наблюдал его на Амуре в селении Ухта во время пребывания в доме одного из местных жителей.

Описание обряда¹⁶ изобилует такими деталями и подробностями, каких не сумели бы дать многие более поздние исследователи, в том числе и академик Л. Шренк.

Замечательно верно и точно разграничил Бошняк гиляков и мангунов на Амуре (чего не могли сделать многие позднейшие исследователи Приамурья — даже те, которые были знакомы и внимательные исследователи, как Сильницкий в 90-х годах).

Пробыв меньше месяца в селении Ухта, Бошняк пишет: «Селение Ухтр служит пределью гиляцкой земли, и странно даже, как этот предел замечен и разграничен. Селения Ухтр начинается племя мангунцев..., которое отличается и характером и хозяйством, и языком», — пишет он далее¹⁷. Такое четкое и ясное разграничение, а также абсолютно правильное (его позднее подтвердил и Шренк), сделанное неспециалистом, вызывает, что автор обладал необычайно тонкой наблюдательностью исследователя.

Очень подробно Бошняк писал о положении местных народностей; о торговле с приезжающими сюда маньчжурскими купцами, о злоупотреблениях и жестоком обращении последних. Ниже селения Ухта маньчжурские купцы не спускались. В результате «деятельности» на территории мангунов «селения вплоть до Кизи мельче гиляцких строения гораздо хуже, рыбные промыслы менее изобильны и хуже устроены. Везде замечен недостаток в питании; мангуны покупали у маньчжур за соборную юколу, которую в начале зимы сами отдавали им же за водку.

Н. К. Бошняк дает описание морского промысла у залива Де-Кастри, к которому занимались местные жители — мангуны и орочи, а также жители, приехавшие с Амуре.

«Со вскрытием залива появились туземные лодки, и туземцы с длинными шестью занялись тюленьим промыслом. Промысел этот у туземцев считается одним из главных, как доставляющий жир и мясо, до которых они большие охотники.

Тюлений промысел разделяется на речной и морской. Первый производится всю зиму, для чего на глубине близ отмелей ставятся бредни с большим бревном сзади. Когда тюлень выплывает для отдыха на это бревно, укрывающийся сзади бревна гиляц на лодке длинным заостренным шестом на довольно длинном конце бьет тюленя. Но самый изобильный тюлений промысел бывает при вскрытии реки от льда. Тюлени стадами ложатся на льдины, и туземцы на лодках стараются подъехать к ним против ветра и теми же длинными шестью бьют перп. В бытность мою в Де-Кастри одна лодка, при расходе льда, промыслила до 90 тюленей»¹⁸.

Большой интерес представляют заметки Бошняка о прибрежных жителях Амурского побережья, о негидальцах и самагаирах, их промыслах, селениях, об их связях с соседями и т. д.

Как указывалось выше, Бошняк дал первую классификацию прибрежного (маньчжурского) населения всего Татарского пролива, подробно описал промыслы, устройство их жилищ, образ жизни, торговые связи и т. д.

Замечательно четко разделил он это население: «Эти туземцы, равно как и обитающие прибрежья Татарского пролива, носят название орочи; от селения Бошняк около 47° N широты и далее к югу носят название кекальцев». В 300 верстах от устья Самарги к югу «начинается между туземным населением хлебопашество»¹⁹.

Такая классификация, созданная Бошняком, была подтверждена исследователями лишь много лет спустя. Известно, что даже академик Шренк не сумел разграничить так четко данное население и называл всех жителей прибрежья Татарского пролива «орочами-тазами».

Бошняк впервые сообщает об ороках Сахалина:

¹⁴ Н. К. Бошняк, Экспедиция в Приамурском крае, «Морской сборник», 1859, № 1, стр. 112—113.

¹⁵ Там же, № 2, стр. 327—328.

¹⁶ Там же, № 1, стр. 120—121.

¹⁷ Там же, стр. 125.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Н. К. Бошняк, Экспедиция в залив Де-Кастри, стр. 200.

²⁰ Н. К. Бошняк, Экспедиция в Приамурском крае. «Морской сборник», 1859, № 2.

²¹ Н. К. Бошняк, Экспедиция в залив Де-Кастри, стр. 209—211.

«Кроме гиляков, в середине острова в горах обитает народ, известный у туземцев под названием тазонов или орнгор. Они принадлежат к тунгусскому племени. Ведут кочевую жизнь; все богатство их состоит в оленях, доставляющих им жилище, пищу и одежду; у самого богатого из них число оленей не превышает 30. Занимаются промыслом диких оленей и пушных зверей. Последних за незначительную цену сбывают приезжающим для торгова амурским гилякам, олень же мясо идет для собственного употребления и в сбыт туземным жителям. Взамен предметов своего промысла они получают табак, китайку, одежду, все необходимые для домашней потребности вещи и рыбу. В ту половину летнего времени, когда олений промысел бывает менее изобилен, они выходят на побережья для рыбной ловли. Все орнгоры при беспрерывном столкновении с гиляками говорят по-гиляцки и весьма кротки и боязливы»²².

Вопросу о происхождении ороков уделено большое внимание в книге Г. И. Невельского. Он многократно пишет, что, согласно преданиям, существующим у ороков, последние жили прежде на материке в Удском крае.

Вслед за Бошняком на Сахалине работал другой активный участник экспедиции Невельского — подпоручик Д. И. Орлов. Орлов был чрезвычайно деятельным человеком. Он много сделал по описи прибрежья Охотского моря, Приамурья и Сахалина. Прекрасно зная эвенкийский язык, он во время путешествия постоянно общался с местными жителями, интересовался бытом местного населения. В конце 50-х годов он посетил верховья Амура и Забайкалье и дал интересные этнографические статьи: «Амурские орочны»²³ и «Баунтовские и ангарские тунгусы»²⁴.

Находясь в 1853 г. на о-ве Сахалине по заданию Невельского, Орлов заинтересовался ороками. Среди них в южной части острова он нашел некоторое количество ороков, смешанных с айнами.

В результате своих наблюдений он писал Г. И. Невельскому: «Народ, обитающий в средней и южной частях Сахалина, состоит из двух племен: куги и ороксей. Ороксы или орочны — те же наши удские тунгусы, пришедшие сюда, как можно было заметить из рассказов туземцев, более 200 лет тому назад»²⁵.

Эти материалы, собранные сотрудниками экспедиции Невельского, в корне противоречат высказываниям Шренка по вопросу о происхождении ороков. Шренк называет сведения, приводимые Невельским в его работе, «тенденциозными» и совершенно бездоказательно строит свою прочно вошедшую в этнографическую науку, гипотезу о происхождении ороков, связывая их «родственными узами» с «ольчами», живущими на материке. Разбор доказательств и выводов Шренка — предмет особой статьи. Здесь лишь следует указать, что мнение Невельского и его соратников заслуживает большого внимания.

Таким образом, первые русские исследователи Сахалина — сотрудники экспедиции Невельского — правильно определили этнический состав населения острова. Они собрали интересные сведения о материальной культуре, религии и обычаях местных жителей, об обменной торговле, которую они вели с амурскими нивхами и мангунами, приезжавшими с материка.

Интересные материалы собраны сотрудниками экспедиции о жителях южной части острова — айнах. Невельский в своей книге приводит много отрывков из рапортов, которые ему присылали работавшие на Сахалине Рудановский, Орлов, Самарин и другие офицеры. В них сообщается о промыслах айнов, их материальной культуре, медвежьем празднике и т. д.

В 1853 г. на Сахалине работала группа Н. В. Буссе, входившая в состав Амурской экспедиции. Н. В. Буссе хорошо знал жизнь айнов; в его книге «Остров Сахалин» (1872) имеется много материалов об их культуре, быте, положении и взаимоотношениях с японцами.

На Южном Сахалине в 1853—1854 гг. работал сотрудник Амурской экспедиции лейтенант Рудановский, посетивший вторично эту часть острова в 1857 г. За это время он очень хорошо изучил жизнь и положение местных жителей, хотя основными его задачами были топографическая съемка местности и географические описания. Ряд его этнографических записей цитирует в своей книге Г. И. Невельский. В архиве Всесоюзного географического общества в Ленинграде хранятся копии рапортов Рудановского о его командировке на южный Сахалин в 1857 г., айнский словарь и другие интересные материалы.

Рудановский объехал все айнские селения и составил подробный список с указанием числа жителей по каждому селению в отдельности. В айнском словаре, составленном Рудановским, содержится около 400 айнских слов; этот словарь представляет большой интерес не только для лингвистов, но и для этнографов²⁶. Прогрессивно настроенные русские офицеры не могли не обратить внимания на чрезвычайно тяже-

²² Н. К. Бошняк, Экспедиция на Сахалин, стр. 189.

²³ Д. И. Орлов, Амурские орочны, «Вестник Русского географ. об-ва», 1858, отд. II.

²⁴ Д. И. Орлов, Баунтовские и ангарские тунгусы, «Вестник Русского географ. об-ва», 1857, ч. 21, № 6.

²⁵ Г. И. Невельской, Указ. раб., 2-е изд., стр. 269.

²⁶ Все приводимые Рудановским данные об айнах взяты из документов: р. 95,3; р. 60,9 Архива Всесоюзного географ. об-ва.

6 Советская этнография, № 3

лое положение, в которое японцы поставили айнов. Об этом пишет в своей книге Г. И. Невельский: «Японцы нанимают их за водку, табак, рис, домашнюю утварь, ловля рыбы, но это вознаграждение сравнительно с работой слишком ничтожно. Кроме того, японцы обращаются с ними, как со своими рабами, так что туземцы любят их»²⁷. Айны «не любили японцев, потому что последние недобросовестно с ними расправлялись за работу и часто вовсе не платили и обманывали»²⁸.

Сведения, приводимые Рудановским об айнах, свидетельствуют о необычайно напряженной атмосфере во взаимоотношениях айнов с японцами. Об айне Испонку Рудановский пишет, что он «поднял возмущение против японцев даже явно». Тунукуру, уважаемый старик, «тихо, спокойно, но злобно говорил о притеснениях японцев». Куреро, 70-летний старик, «явно восстал против японцев, открыто помогал русским, не страшась даже наказаний японцев. Он неоднократно говорил русским, что айны встали на помощь против японцев».

В книге Невельского также приводится много сообщений о выступлении айнов против японцев, о нападении айнов на японские посты и склады. В то же время русские айны всегда встречали тепло и дружелюбно и часто оказывали им помощь. Все эти заметки интересны в том отношении, что они рисуют период, когда айны еще не были полностью покорены японцами, когда японцы еще не полностью подавили их, сделали забытыми, покорными и бесправными.

Исследования сотрудников экспедиции Г. И. Невельского являются чрезвычайно важными при изучении этнографии народов Дальнего Востока. В них впервые дана ясная картина этнического состава населения только что присоединенных к России территорий, описано современное положение этих народностей и этнографические данные, даны детальные описания по отдельным разделам материальной и духовной культуры.

Все эти исследования были сделаны молодыми русскими офицерами, не бывшими специалистами в области этнографии. Тем не менее результаты их исследований очень велики. Успеху этих исследований, без сомнения, во многом способствовало внимательное отношение исследователей к местным жителям, с которыми они постоянно соприкасались, их бережное отношение к местным обычаям. Так, лейтенант Н. К. Бошняк писал: «Я принял за правило: никогда не нарушать их поверьев и обычаев у них в доме, а тем более смеяться над ними, я строго следил в этом отношении за командой ...следить, чтобы в торговых сделках с ними была полная свобода и чтобы не употреблялось ни малейших угроз, а тем более насилия»²⁹.

Основной тон в отношениях всей экспедиции к местным жителям задал начальник экспедиции Г. И. Невельский. Он писал об этом:

«Сношения наши с местным населением становились все более и более дружественными благодаря тому, что мы не позволяли себе благодетельствовать их наставлениями, противными складу их жизни и укоренившимся обычаям, а соблюдали во всем должную справедливость и не только не производили каких-либо насилий, но и не оставляли ни малейшей услуги без вознаграждения. Местное население, понимая все это и ценя, что отчетливо выразилось в участии, которое оно оказало при открывшихся между командами скорбных болезнях. Местные жители охотно доставляли черемшу и другие корни, которые по их понятиям помогали этой болезни». Чуткое отношение русских к местным жителям вызывало со стороны последних доверчивость и дружеские чувства. Они «с охотой и откровенностью рассказывали нам о положении края, о реках, его орошающих, о путях, по которым ездят на нартах и лодках, о затруднениях и опасностях, какие могут встретиться в этих поездках, и о средствах к отстранению оных. Наконец, они знакомили нас со своими обычаями, образом жизни и вообще положением и состоянием инородцев, живущих в этом крае».

О большом взаимном доверии, установившемся между местными жителями и участниками Амурской экспедиции, свидетельствуют многие строки в книге Невельского и статьях Бошняка, где рассказывается, с какой заботой относились местные жители к русским офицерам, которые вследствие болезни или других причин попадали в тяжелые обстоятельства. Лейтенант Бошняк, со своей стороны, снабжал жителей каментами, которые имел для личных нужд, и оказывал помощь местным жителям в различных других случаях.

Местные жители начали заимствовать от русских различные гигиенические вещи, некоторые стали заниматься земледелием.

Экспедиция Г. И. Невельского, открывшая Татарский пролив, присоединившая территории Приамурья, Приморья и Сахалин к России, провела первые научные исследования в этих землях, дала четкую и правильную картину расселения местных народностей, их быта и современного положения и заложила прочный фундамент для изучения местного населения с великим русским народом.

²⁷ Г. И. Невельской, Указ. раб., 2-е изд., стр. 270.

²⁸ Там же, стр. 292.

²⁹ Н. К. Бошняк, Экспедиции в Приамурском крае, «Морской сборник» № 2, стр. 336—337.

Х Р О Н И К А

СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ ИТОГАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 1953 г.

С 23 по 29 апреля 1954 г. в Москве проходила сессия Отделения исторических наук Академии наук СССР, посвященная подведению итогов полевых исследований 1953 г. в области этнографии и археологии. В сессии приняли активное участие сотрудники Ин-та истории материальной культуры, Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая и ряда филиалов Академии наук СССР, представители академий наук союзных республик, университетов, музеев и других научных учреждений нашей страны. На заседаниях сессии выступили с докладами и сообщениями археологи и этнографы Китая, Польши, Чехословакии, Болгарии, Венгрии и Германской Демократической Республики; на сессии присутствовали ученые Румынской и Монгольской Народных Республик. Сессия, таким образом, способствовала более тесной координации этнографических и археологических исследований в СССР и странах народной демократии.

Открывая сессию, П. Н. Третьяков охарактеризовал экспедиционную работу Ин-та истории материальной культуры и Ин-та этнографии АН СССР и приветствовал иностранных делегатов — участников сессии. Подробное освещение этнографические и археологические полевые исследования 1953 г. получили в докладах и сообщениях руководителей экспедиций.

Большой научный интерес представил доклад Б. А. Рыбакова о Таманской экспедиции, приступившей в 1952—1953 гг. к систематическим раскопкам столицы русского княжества — древней Тмутаракани. При раскопках были обнаружены остатки фундамента каменной церкви 960 г., а также основание крепостной стены, сходной с крепостными стенами, построенными князем Владимиром в Белгороде, Переяславле Русском и других городах для защиты от печенегов. Намечаются некоторые черты планировки города, который в X—XIII вв. был застроен домами из сырцового кирпича, с прямоугольными печами, расположенными в углу. Собранные материалы дают представление о нескольких видах тмутараканской керамики: причерноморской, славянской, касожской, импортной.

Раскопки Тмутаракани имеют огромное значение для исследования древнерусского государства и для разрешения вопроса о славянской колонизации Приазовья и Прикубанья.

Руководитель Новгородской экспедиции А. В. Арциховский сообщил о работах 1953 г., открывших новые страницы истории русского народа. Так, берестяные грамоты, найденные в слоях XI—XV вв., дают возможность судить о средневековой специализации торговли, о тяжелом экономическом положении крестьян. В грамоте № 94 впервые встретилось упоминание имени одного из исторических деятелей, а именно — посадника Юрия Онцыфоровича, известного по летописным сведениям. Находка частей двух деревянных колонн с изображениями грифона и кентавра, аналогичных владимиرو-суздальским, подтверждает русское происхождение последних, несмотря на их отличие по материалу выполнения (камень).

Значительные научные достижения Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Ин-та этнографии были показаны в докладе ее руководителя С. П. Толстова. В 1953 г. сотрудники экспедиции уделили основное внимание изучению раннеантичных памятников и древней ирригационной сети. Продолжались раскопки раннекангуйского памятника (IV—III в. до н. э.) Кой-Крылган-кала. Кроме того, были начаты раскопки памятника Кюзели-гыр, относящегося к VI—V вв. до н. э., и Калалы-гыр № 1. Изучение древней ирригации позволило восстановить историю ее развития от VI—V вв. до средневековья.

Задачей этнографического отряда экспедиции, как и в предыдущие годы, было исследование узбекского, казахского, туркменского и каракалпакского переселенческого населения Турткульского района Кара-Калпакской АССР. Это население харак-

теризуется своеобразием культуры и быта, сложившимся в процессе взаимовлияния разнорасовых групп¹.

О результатах работы Киргизской экспедиции, организованной в 1953 г., сообщают А. П. Окладников. В экспедиции насчитывалось 8 отрядов: 5 археологических, 2 этнографических и 1 антропологический. Исследования антропологических материалов выявили наличие некоторой европеоидной примеси в киргизском населении, хотя и в значительно меньшей, чем в составе других народов Средней Азии. Собранные экспедицией археологические и этнографические материалы отражают, как отметил А. П. Окладников, три периода этнической истории племенных групп на территории Киргизии. Первый период датируется V—XII вв. н. э. и характеризуется связями с Алтаем, Восточным Туркестаном и кара-китаями. Второй период длился с XIII по XVI в. В этот период прослеживается включение в этногенез киргизов монгольского этнического элемента. Процесс складывания киргизских племен близится к концу. Третий период, охватывающий XVII—XIX вв., является периодом завершения формирования киргизских племен и сложения киргизской народности.

Ценным вкладом в советскую науку были проведенные в 1953 г. новые исследования в области палеолита. Эти исследования нашли подробное освещение в докладе М. Г. Левина и С. Н. Замятнина.

М. Г. Левин в докладе «Палеантропологические находки 1953 г.» подчеркивает огромное значение открытий в стоянке Староселье близ Бахчисарая и в Костенковском Борщевском районе. Найденные А. А. Формозовым в Староселье костные остатки ребенка (в возрасте около полутора лет) относятся к позднему палеолиту. Ребенка обнаруживает, как установлено Я. Я. Рогинским, переходные черты от неандертальца к современному человеку и этим сближается с черепами неандертальцев грота Схул. Открытие для позднемустьевого времени костных остатков человека рядом черт *Homo sapiens* подтверждает концепцию советских антропологов, относящую формирование *Homo sapiens* к переходному периоду от нижнего к верхнему палеолиту. Раскопки П. И. Борисковского в Костенках II и А. Н. Рогачева на Воронцовской усадьбе Костенковско-Борщевского района предоставили в распоряжение ученых интересные данные о физическом типе человека на территории Восточной Европы в эпоху верхнего палеолита. Скелет из Костенок II принадлежал, по видимому, мужчине среднего возраста, скелет из раскопок А. Н. Рогачева — подростку примерно 13 лет. Череп из Костенок обладает выраженными чертами кроманьонского типа (в широком значении этого термина).

С. Н. Замятнин сообщил о достижениях советской археологии в области изучения четвертичного периода, имеющих огромное значение для исследования раннепалеолитических отложений Восточно-Европейской равнины (раскопки в Сталинградской области палеолитических погребений (находка в Бахчисарее) и многослойных палеолитических памятников (раскопки на Дестре и на Кавказе).

Исследованиям Ин-та этнографии по проблеме формирования социалистических наций был посвящен доклад Л. П. Потапова. Изучение процесса национальной консолидации проводится на материалах, собранных в разных районах и областях СССР. Особое внимание при этом уделяется этнографическому обследованию Сибири и Дагестана, где процесс консолидации протекает в особых условиях. Докладчик остановился на вопросе о сложении в социалистических нациях таких групп населения, которые до Великой Октябрьской революции не успели консолидироваться в буржуазные нации. В Сибири, в частности, две наиболее крупные народности — якуты и буряты формируются сразу как нации социалистические; наряду с этим среди отдельных этнических групп идет процесс возникновения новых народностей и дальнейшее развитие народностей, сложившихся еще в дореволюционный период.

Итоги работ Балтийской этнографо-антропологической экспедиции 1953 г. были подведены в докладе Н. Н. Чебоксарова и Л. Н. Терентьевой. В 1953, 1954 и в 1952 г., основной задачей Балтийской экспедиции было всестороннее изучение антропологического состава, культуры и быта народов Советской Прибалтики с целью выяснения их происхождения, этнической истории и взаимосвязей с соседними народами, прежде всего с русскими и белорусами. Антропологические материалы экспедиции позволили выделить на территории Советской Прибалтики три антропологических типа: восточнобалтийский, западнобалтийский и северночерноморский. Исследование этнографических материалов дает возможность судить о культурной общности латышей, литовцев и эстонцев, о сходстве их культуры с культурой русских и белорусов. В то же время по особенностям культуры (крестьянского жилища, одежды и др.) восточнобалтийскую историко-этнографическую область можно разделить на три своеобразные подзоны: северную, восточную и западную.

П. И. Кушнер сообщил участникам сессии о работе Ин-та этнографии АН СССР по подготовке к изданию Русского историко-этнографического атласа, в котором должно быть отражено богатство и своеобразие культуры и быта русского народа. В отличие от изданных атласов по этнографии тех или иных народов, подготовляемый атлас должен быть, как указал П. И. Кушнер, не статичным, а динамичным, то есть должен быть историко-этнографическим атласом. Атлас явится ценным пособием для ис-

¹ Результаты работ Хорезмской экспедиции 1953 г. публикуются в «Трудах Хорезмской экспедиции», т. II.

ваний по этногенезу восточных славян и этнической истории русского народа. В нем будут показаны в первую очередь те разделы культуры, в которых наиболее ярко отражается национальная специфика народного быта (типы сельскохозяйственных орудий и построек, народное жилище и одежда и др.). Авторский коллектив атласа продолжил в 1953 г. сбор необходимых литературных и архивных материалов и провел этнографическое обследование русского населения ряда районов Смоленской, Великолукской и Псковской областей РСФСР, а также Даугавпилской области Латвийской ССР. Полевые, литературные и архивные данные собирались с учетом трех хронологических периодов: середины XIX в., конца XIX в. (начиная с 80-х гг.) и первых десятилетий XX в. Путем осуществления намеченных на 1954 г. экспедиций и дальнейшего изучения литературных и архивных источников в 1954 г. будет накоплен материал, достаточный для того, чтобы закончить и представить для публикации к концу 1955 г. 4 раздела атласа: 1) вводный, 2) земледельческая техника русских крестьян, 3) русское народное жилище, 4) русская народная одежда. В составлении Русского историко-этнографического атласа примут участие сотрудники Государственного исторического музея (Москва), Государственного музея этнографии народов СССР (Ленинград), Академии архитектуры и некоторых других научных учреждений.

Широкие перспективы развития получили археологические и этнографические исследования в странах народной демократии. Используя большой фактический материал, ученые этих стран разрешают важнейшие проблемы, относящиеся к разным областям археологии и этнографии. Одной из таких проблем является разрешение вопроса о древнейших славянах в Чехословакии. По этому вопросу на заседании сессии были высказаны интересные положения чехословацким ученым И. Пауликом. В докладе известного чехословацкого исследователя академика Яна Эйшнера был рассмотрен по археологическим данным начальный период феодальных отношений в Чехословакии.

С большим вниманием прослушали участники сессии сообщение о подготовке польского этнографического атласа, сделанное представителем этнографов Польской Народной Республики Юзефом Гаеком. Главной задачей издания польского этнографического атласа является, как отметил докладчик, исследование специфики польской национальной культуры во всех ее проявлениях в различные эпохи. Юзеф Гаек подробно остановился на используемых для подготовки атласа источниках, на методике сбора материалов и их обработки, изложил принципы картографирования.

На сессии было заслушано также сообщение болгарского ученого Кристо Миятева об этнографической работе в Болгарии за последние десять лет.

Немецкий ученый Павел Гримм сделал обстоятельное сообщение о последних археологических открытиях в Германской Демократической Республике. Польские археологические открытия последних лет были изложены в докладе Витольда Хенделя, а результаты археологических работ в Венгрии — в сообщении Ференца Фюлена.

Как показало сообщение китайского ученого Ин-да, в демократическом Китае с каждым годом растет значение археологических и этнографических исследований. Об этом же свидетельствовал доклад крупнейшего китайского антрополога Пэй Вэньчжуня, в котором рассмотрены итоги изучения ископаемого человека и палеолитической культуры в Китае.

Помимо сессии Отделения исторических наук АН СССР, с 25 по 28 апреля состоялись заседания пленума Ин-та истории материальной культуры и Ин-та этнографии АН СССР. На заседаниях пленума были заслушаны доклады: В. Ф. Гайдукевича о работе Боспорской экспедиции, М. Дьяконова о работе Таджикской экспедиции и М. Е. Массона о работе Южно-Туркменистанской археологической экспедиции 1952—1953 гг.

Плодотворно работали секции палеолита, неолита и бронзы, раннего железа, нумизматическая, славяно-русская, балтийская, Средней Азии и Кавказа.

Славяно-русская секция

На заседаниях секции, происходивших 26 и 27 апреля, был заслушан ряд докладов по археологии, этнографии и антропологии восточнославянских народов.

Большой интерес вызвала работа различных отрядов Славянской археологической экспедиции, которой были посвящены доклады ее руководителя П. Н. Третьякова «Работы Славянской экспедиции 1953 г.» и начальников различных отрядов: И. И. Ляпушкина «К вопросу о памятниках волынцевского типа (по материалам Битицкого городища)», Д. Т. Березовца «Раскопки Волынцевского поселения в пойме р. Сейма», Ф. Д. Гуревич «Итоги полевых работ Себежского отряда» и Я. В. Станкевич «Итоги археологических работ Западноволынского отряда». Славянским древностям были посвящены также доклады М. А. Тихановой «Поселения культуры полей погребения в Луке Врублевцевой», М. И. Артамонова «Железодельное производство у славян Поднестровья в IX—X вв.» и Г. Ф. Корзухиной «Забытые памятники Среднего Приднестровья III—IX вв.». Исследования Славянской экспедиции и отдельных археологов, изучавших ранние славянские памятники, уточняют сведения о ранних этапах истории и культуре восточнославянских племен, их расселении и связях с соседними племенами.

Оживленную дискуссию вызвал на заседаниях секции вопрос о датировке «волцевской» культуры и ее отношении к «роменской» культуре. Ввиду особого интереса к этим памятникам секция рекомендовала Славянской экспедиции обратить особое внимание на дальнейшее изучение памятников этой культуры, в частности на изучение Алевки.

Большая работа проведена археологами по изучению древних русских городов. Н. Н. Воронин сообщил о разведках, проведенных в 1953 г. во Владимире. Экспедиция обнаружила в юго-западном углу Среднего города остатки поселения дьякова типа, которое, как показывают фрагменты черной лощеной посуды и глиняных сковородок «роменских», продолжало существовать и во второй половине I тысячелетия н. э. Найдены материалы, дающие возможность судить о дальнейшей застройке и укреплении города.

Очень ценный материал для истории нашей столицы дали раскопки, проведенные в Зарядье, о которых сообщил А. Ф. Дубынин. Находки 1953 г. пополняют данные о социальном составе московского посада и уточняют его планировку. Археологические материалы свидетельствуют, что Москва уже в XII в. была поселением городского типа. В XII—XIII вв. Зарядье являлось, повидимому, окраиной московского посада, занимавшего значительную территорию. Первоначально посад был заселен ремесленными людьми. С XV в. изменяется планировка посада, что свидетельствует об изменившемся социальном составе его населения; в нем появляются усадьбы зажиточных служилых и торговых людей.

П. А. Раппопорт доложил об археологических обследованиях трех городов Белоземской земли, упоминаемых в летописи: Деревича (с. Б. Деревичи Любарского Житомирской области), Кудина (с. Кудинка Летичевского р-на Хмельницкой области) и Губина (с. Губин Остропольского р-на Хмельницкой области). Результаты обследования позволяют сделать вывод, что эти города возникли не ранее середины XII в. и были замками болоховских князей, заброшенными после разрушения их Даниилом Романовичем.

Н. Ф. Калинин сообщил о проведенных в 1953 г. раскопках в Казанском кремле. Найденные материалы показывают широкие культурно-хозяйственные связи татарского населения Казани XV—XVI в. с русскими. Эти материалы являются хорошей иллюстрацией к писцовым книгам, рисующим Казань цветущим городом со значительным русским населением.

В. В. Бунак сделал предварительное сообщение о работе белорусского антропологического отряда Балтийской экспедиции. Отряд провел антропологические исследования в Минской, Полесской, Барановичской, Пинской и Брестской областях БССР. Собранный материал свидетельствует о наличии среди белорусов нескольких антропологических типов.

Т. А. Алексеева доложила об антропологическом изучении мешеры.

Одно из заседаний секции было посвящено итогам этнографического изучения культуры и быта русского колхозного крестьянства, ведущегося в течение двух лет в хозе «Путь Ленина» (с. Вирятино Сосновского р-на Тамбовской области). Экспедиция собрала большой материал по истории села и современному быту колхозников. Помимо личных наблюдений, бесед с колхозниками, изучения документов и архивных материалов экспедиция в 1953 г. провела подворное анкетное обследование, давшее ценный материал для изучения семьи, культурного уровня колхозников, роста образования за годы советской власти и т. д. Записаны биографии отдельных колхозников, раскрывающие культурный облик вирятинцев разных поколений.

Собранные материалы были обобщены в докладах: Л. Н. Чижиковой «М. Н. Шмелевой «Форма поселения и жилище с. Вирятина»; С. Б. Рождественской «Хозяйственная жизнь с. Вирятина»; Л. А. Пушкаревой «Культурный быт современного русского села» и В. Ю. Крупянской «Семья и семейный быт в с. Вирятине». Все сделанные экспедицией наблюдения показывают, что социалистический строй в корне преобразовал хозяйственную, общественную жизнь и быт крестьян и воспитал нового советского колхозного крестьянина, грамотного и культурного, с широким кругозором, с новым отношением к труду и к людям, с новыми культурными запросами и потребностями.

После докладов был продемонстрирован фильм, снятый в с. Вирятине².

Балтийская секция

Заседания секции происходили 26—28 апреля. Было заслушано 14 докладов и сообщений, посвященных вопросам этнической истории, а также вопросам изучения культуры и быта народов Советской Прибалтики. В заседаниях секции, кроме научных сотрудников Ин-та этнографии и Ин-та истории материальной культуры АН СССР, принимали участие этнографы, археологи и лингвисты Литовской, Латвийской и Эстонской ССР, многие из них выступили с докладами и сообщениями.

Значительное место в работе секции заняли доклады по материальной культуре в первую очередь по народному жилищу.

² Результаты работы по изучению культуры и быта с. Вирятина подробно освещаются в статьях участников экспедиции, намеченных к публикации в ближайших номерах журнала «Советская этнография».

Л. Н. Терентьева прочла обобщающий доклад «Итоги изучения поселений и жилища литовцев, латышей и эстонцев (по материалам Балтийской экспедиции 1952—1953 гг.)». Докладчица, проанализировав большой фактический материал, сумела связать развитие жилища с историей этих народов, с историей их хозяйства и общественных отношений. В пределах Прибалтики четко выделяются три основных типа жилища, границы распространения которых совпадают с северной, восточной и западной подобластями (см. доклад Н. Н. Чебоксарова и Л. Н. Терентьевой на пленарном заседании). Для решения вопросов этногенеза представляет большой интерес сходство жилища латышей, эстонцев и литовцев с жилищем соседних народов. Так, планировка жилища восточных районов Прибалтики очень близка к планировке восточнославянского дома, прежде всего русских и белорусов, а западный «нумас» — к западнославянскому. Жилая рига, распространенная на севере Прибалтики, напоминает финский дом.

Доклад Е. В. Рихтер был посвящен поселению и жилищу своеобразной группы эстонского народа — сету. Заселяя пограничную территорию между эстонцами и русскими, сету в течение длительного времени испытывали сильное влияние со стороны последних, что нашло свое отражение в их культуре, в первую очередь в жилище. С большой яркостью выступает сходство в планировке, в расположении печи, мебелировке и убранстве жилого дома сету с русским и белорусским жилищем. Однако местами в западных районах сохраняется и жилая рига. Докладчица проследила также изменения, происшедшие в жилище сету за годы буржуазной диктатуры, а также после Великой Отечественной войны.

Данные о жилище сету Вастселинского района, дополнившие предыдущий доклад, были приведены Т. М. Паэвере в сообщении «Об изучении крестьянского жилища в юго-восточной части Эстонской ССР». Докладчик охарактеризовал также жилище эстонского, латышского и русского населения исследуемого района.

К. К. Шешельгис начал свой доклад «Изучение литовского народного зодчества в Каунасском политехническом институте» с характеристики работы, проводимой Строительным факультетом Института. Факультет уделяет немалое внимание изучению народного литовского жилища. Собранный во время экспедиций материал свидетельствует о разнообразных формах литовского народного зодчества. Докладчик подчеркнул актуальность изучения народного жилища в связи с колхозным строительством.

Жилищу и поселениям были посвящены также доклады В. Жилена са «Сельские поселения в центральной Литве» и А. К. Крастыни «Жилище колхозников Цесисского района Латвийской ССР».

Выступавшие в прениях отметили, что в докладах содержится большой фактический материал, представляющий особенный интерес для изучения вопросов этногенеза народов Прибалтики.

На одном из заседаний секции были заслушаны доклады по народному костюму.

Л. Б. Треес выступила с сообщением на тему «Женская народная одежда южных районов Эстонии». Материалы по народному костюму, приведенные в докладе, указывают на древние культурные связи эстонцев с соседними народами: так, например, женская рубашка сету, бытовавшая еще во 2-й половине XIX в., сходна с новгородской. Большой интерес представляют также древнейшие элементы одежды, наиболее долго сохранявшиеся на юге Эстонии. Так, в Саккала носили нешитую юбку, обертывающуюся вокруг бедер; сбоку ее прикрывал кусок материи или полотенце, закреплявшееся поясом.

М. К. Слава охарактеризовала в своем докладе одежду колхозников Цесисского и Алуксненского районов Латвийской ССР.

Оба сообщения, как и доклады по жилищу, сопровождалась показом богатого иллюстративного материала.

Выступившая в прениях Э. П. Ласе отметила наличие в докладах разнообразного и большого материала. Однако, указала она, в докладе М. К. Славы, как и в большинстве работ по одежде, наиболее слабое освещение получил костюм 2-й половины XIX — начала XX в.

Широкий обмен мнениями вызвали доклады Э. П. Ласе «Опыт изучения семьи и семейного быта колхозников Цесисского района Латвийской ССР» и А. И. Вишняускайте «Семейные праздники и обряды крестьян Дотнувского района Литовской ССР». П. И. Кушнер, выступивший по докладу Э. П. Ласе, указал на большие трудности, связанные с изучением семьи. К сожалению, отметил он, докладчик отказался от использования сравнительных данных по семье и семейному быту досоветского периода. Вследствие этого многие положения доклада получили чисто декларативный характер. Л. Н. Терентьева и В. Ю. Крупянская также указали на необходимость привлечения сравнительного материала, а Л. Н. Терентьева подчеркнула значение проведения стационарного изучения семьи. В докладе А. И. Вишняускайте, сказала В. Н. Белицер, нужно усилить исследовательский момент, выделив обычаи, имеющие большую древность.

Секция заслушала 4 доклада, посвященных археологическим раскопкам на территории Советской Прибалтики. О. В. Саадре выступил с докладом «Итоги археологических работ в Эстонской ССР». Среди раскопок, проведенных в 1953 г., особого внимания заслуживают работы на территории г. Таллина. Здесь были обнаружены постоянные поселения IX—XI вв., свидетельствующие о значительном развитии культуры местного эстонского населения задолго до немецкого вторжения. В этом же году были

раскопаны памятники мезолита и неолита, а также средневековые городища; изуч их дало много нового для этнической истории эстонского народа.

Э. Д. Шноре в своем докладе сообщила о раскопках, производившихся в Восточной Латвии (городище Асоте) в 1949—1953 гг. Раскопаны латгальские могилы VIII—XIII вв.; кроме археологических находок обнаружен большой краниологический материал. Я. В. Станкевич и Ф. Д. Гуревич подвели итоги работам Западного и Себежского отрядов Славянской экспедиции.

Кавказская секция

На заседаниях секции Кавказа, продолжавшихся два дня, было заслушано 14 докладов и сообщений, 11 из которых были посвящены археологии. Весьма содержательными и интересными были выступления группы археологов Армении и Азербайджана, обогативших новыми данными историю древнего периода народов Закавказья. Сессии были представлены археологи трех академий Закавказья и ряда научно-исследовательских институтов и учреждений Северного Кавказа. Из трех этнографов, приехавших с мест, выступил с информационным сообщением, к сожалению, только один А. И. Робакидзе (Академия наук Грузинской ССР).

Этнографическую часть работы секции открыли участники Дагестанской экспедиции Ин-та этнографии АН СССР.

Л. И. Лавров посвятил свой доклад работе двух отрядов Дагестанской экспедиции, продолжавших сбор материалов по социалистической культуре и быту крестьян в лезгинских и агульском районах. Большое внимание было обращено на выявление степени распространения языков, не являющихся родными для местного населения. Массовость распространения этих языков фиксировалась в одних случаях помощью анкет, распространявшихся среди населения, в других случаях путем обычного опроса. В результате проделанной работы получена возможность характеризовать распространение дву- и многоязычия у разных половозрастных групп на территории гин и агулов.

В 1953 г. продолжалась также работа по выявлению исторических памятников в частности куфических и арабских надписей. Так, в с. Курахе (районный центр) на каменной плите в мечети была найдена арабская надпись, относящаяся к XIV в., в которой говорится о границах неизвестного до сих пор в литературе курахского «вольного общества».

С большим интересом было заслушано сообщение начальника антропологического отряда Дагестанской экспедиции Г. Ф. Дебеца, продолжавшего в 1953 г. работы антропологическому обследованию народов Дагестана. В 1953 г. им были исследованы все народности андо-кумтинской (андо-динойской) группы, о которых не имелось никаких антропологических данных. Охвачены все народности этой группы: анди, ботлихцы, годоберинцы и другие (всего 13 групп) в числе от 74 до 103 взрослых мужчин на каждую группу (за исключением чеченцев, которых исследовано всего 12 ч). Для сопоставления с материалами прошлых лет в 1953 г. собирались материалы также по основным народам Дагестана: аварцам, лакам, даргинцам, лезгинам, кумыкам, дербентским азербайджанцам (по 100 чел. взрослых мужчин на группу). Все это позволило Г. Ф. Дебецу внести коренные изменения в антропологическую классификацию народов Кавказа, разделив их на две большие группы. К первой относятся горцы Большого Кавказа: сваны, осетины, горные этнографические группы грузин, отличающиеся широким лицом и сравнительно светлой пигментацией. В формировании этой группы принимали некоторое участие северо-европейские антропологические типы. Вторая группа включает азербайджанцев и ираноязычные народы Азербайджана: курдов, талы, татов. Она характеризуется узким лицом и более темной пигментацией. По происхождению она связана главным образом с Ираном. Народы Дагестана, по определению Г. Ф. Дебеца, занимают промежуточное положение. Ирано-азербайджанские племена выявляются преимущественно у народов восточного Дагестана. Народы западного Дагестана примыкают к кавказской группе.

Выступившие в прениях Е. И. Крупнов, А. И. Робакидзе, Л. И. Лавров и др. согласились с выводами, сделанными Г. Ф. Дебецом.

В докладе Б. А. Калоева говорилось о процессе национальной консолидации одной из небольших народностей Южного Дагестана — агулов с родственными им в прошлом — лезгинами. Процесс этот начался после присоединения Дагестана к России в начале XIX в., когда агульские «вольные общества» были объединены с лезгинскими и сгруппировались вокруг одного административного центра. Однако географическая изолированность, бездорожье, отсталые формы ведения хозяйства, засилье религиозной идеологии, пережитки родового строя и т. п. тормозили развитие как внутренних, так и внешних связей агулов. Только после Великой Октябрьской социалистической революции и коллективизации сельского хозяйства, внесших коренные преобразования в жизнь агулов, стали возможны хозяйственное и культурное объединение населения агульских ущелий и их тесная связь с соседними народами. С проведением дорог как в ущельях, так и на равнине, а также с образованием Агульского района значительно ускорился процесс национальной консолидации агулов, выражающийся в укреплении территориальных, экономических и языковых связей с собственно лезгинами.

В докладе Б. В. Андринова и З. А. Никольской «Опыт примен

анкет при этнографических обследованиях» указывалось на необходимость использования анкетного метода при сборе этнографических материалов. Этот метод широко применялся участниками Дагестанской экспедиции, особенно при определении степени распространения среди населения дву- и многоязычия.

В сообщении А. И. Робакидзе характеризовалась этнографическая работа АН Грузинской ССР. В 1953 г. в разных районах и городах Грузии работало несколько экспедиций, проводивших сбор материалов по народному жилищу, по семье и семейному быту, а также по быту рабочих. Четыре экспедиции собирали материал для изучения древних форм хозяйственного быта. Продолжалась работа над сбором материалов по межевым знакам Грузии, изучаемым в связи с проблемой истории земледелия. Сванская этнографическая экспедиция, собирающая материал по истории металлургии, добыла новые данные, указывающие на древность этой культуры в Сванетии.

На заседаниях секции были заслушаны доклады и сообщения по археологии Кавказа научных сотрудников АН АзССР С. М. Казиева «О предварительных результатах археологических работ в Азербайджане в 1953 г.» и Г. И. Ионе «Мингечаурские кувшинные погребения с оружием»; сотрудников АН АрмССР А. О. Мнацаканян «О раскопках могильников у сел. Атабекян» и Б. Б. Пиотровского «Раскопки на Кармирблуре и информация о горняцкой мозаике»; М. М. Трапш (Абхазский научно-исследовательский ин-т) «Археологические раскопки в Сухуми в 1953 г.»; П. П. Закарая (АН ГрузССР) «Военно-оборонительные сооружения Шиди-Картли»; С. С. Куссаевой (Северо-Осетинский научно-исследовательский ин-т) «Раскопки близ станицы Змейской в Осетии»; Т. М. Минаевой (Ставропольский педагогический ин-т) «Городище Адных в Черкесии».

Многие из перечисленных докладов содержали весьма ценные этнографические сведения по материальной и духовной культуре, а также по этнической истории народов Кавказа (доклады П. П. Закарая, Т. М. Минаевой, С. С. Куссаевой и др.). Так, исследование П. П. Закарая о древних оборонительных сооружениях в горных районах Грузии и всего центрального Кавказа представляет большой этнографический интерес. Эти памятники материальной культуры, как справедливо отмечалось на совещании, остаются почти совершенно неисследованными. В сообщениях Т. М. Минаевой и С. С. Куссаевой содержалось много новых сведений о поселениях, жилище, утвари, сельскохозяйственных орудиях, погребальных обрядах северокавказских аланов. Новые археологические данные об аланах значительно расширяют наши представления об их занятиях, материальной культуре и верованиях.

На заключительном заседании секции выступил М. О. Косвен, давший общую оценку докладам и призвавший археологов и этнографов продолжить практику совместной разработки и обсуждения актуальных проблем советского кавказоведения.

Секция Средней Азии

Заседания секции происходили 26 и 27 апреля. В ее работе приняли участие археологи и этнографы Москвы, Ленинграда и союзных республик; большинство их является участниками крупных комплексных экспедиций, работающих в Средней Азии, — Киргизской, Таджикско-Согдийской, Южно-Туркменистанской и Хорезмской. Всего в работах секции участвовало около 50 человек; на трех заседаниях было заслушано 23 доклада.

Свое вступительное слово председательствующий С. П. Толстов посвятил памяти крупнейшего специалиста-востоковеда А. Ю. Якубовского и выдающегося знатока кавказских и переднеазиатских древностей Б. А. Куфтина, скончавшихся в 1953 г. С. П. Толстов почтил также память безвременно погибшего молодого талантливого сотрудника Хорезмской экспедиции А. Г. Тургенева-Амитирова.

Заседания секции начались серией докладов, посвященных итогам работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1953 г.

Доклад М. А. Итиной «Работы Заунгузского отряда в 1953 г.» был посвящен исследованиям экспедиции в области первобытной культуры. Работы 1953 г. проводились вдоль северной границы Заунгузских Кара-кумов, где было обнаружено 6 неолитических стоянок. Эти находки позволяют включить в зону распространения кельтеминарской культуры еще одну обширную область, причем эта территория могла, видимо, служить связующим звеном между очагами этой культуры на правом берегу Аму-Дарьи и на Узбое.

Раскопкам на городище Қалалы-гыр I был посвящен доклад Ю. А. Рапопорта. Городище это расположено в Тапшаузской области Туркменской ССР, в 40 км к юго-западу от г. Ленинска. Линия крепостных стен городища образует прямоугольник площадью в 470 тыс. кв. м, у западной стены которого располагалось дворцовое здание. Раскопками выявлено три периода в существовании городища: 1) период строительства, которое, однако, осталось незавершенным (конец V — начало IV в. до н. э.); 2) период частичного заселения здания, прерванный какой-то катастрофой, связанной с большим пожаром (IV—III вв. до н. э.); 3) период использования стен городища и здания для оссуарных захоронений (III — начало IV в. н. э.). Здесь обнаружены оссуарии различных типов: каменные и из необожженной глины, керамические, имеющие прямоугольную форму, типа саркофага на ножках, прямоугольные со сводчатым верхом и т. д. В погребениях найдено свыше 100 черепов. Среди нахо-

док, сделанных во время раскопок, интересны керамический ритон с изображением крылатого коня и обломок алебастровой формы для изготовления бол-фи-гуры грифона.

Доклад Т. А. Трофимовой был посвящен результатам исследования археологических материалов из раскопок Хорезмской экспедиции 1953 г. Это прежде коллекция черепов с городища Калалы-гыр I. В серии представлены долихо- и брахикранные черепа европеоидного типа, причем преобладают вполне отчетливо выраженные брахикранные формы. У некоторых черепов, особенно у детских, может быть отмечена легкая монголоидная примесь, сочетающаяся со следами кольцевидной деформации. Все это — свидетельства не только антропологической, но и этнической смешанности населения окрестностей Калалы-гыра в кушанское время. Черепа с городища Канга-гыр-кала, полученные в результате рекогносцировочных раскопок 1954 г. датируются IV—V вв. н. э. и могли принадлежать эфталитам.

Археолого-топографические изыскания на землях древнего орошения, о которых докладывал Б. В. Андрианов, производились на правом и левом берегах Дарьи. На правом берегу, в районе Кой-Крылган-кала, изучалась топография древней системы кельтеминарского канала. Древнейшая оросительная сеть археологи датируется периодом «городищ с жилыми стенами». На левом берегу были проведены изыскания в бассейне Чермен-яба, подверглись обследованию верховья и истоки античных и средневековых оросительных систем и ирригация в бассейне севе Давдана, причем и здесь древнейшие ирригационные сооружения датируются периодом «городищ с жилыми стенами».

Большой интерес собравшихся вызвало сообщение Г. А. Пугаченко (Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция) о фрагментированных статуях из белого мрамора, найденных при раскопках квадратного дома на городище С. Ниса. Статуи принадлежат к числу произведений, по видимому, нескольких скульптурных школ. Архаический стиль представлен статуей величавой богини — эллинистиче-ской Изиды, классическое направление — головкой Афродиты и особенно статуей Родо-афродитизированно-драматического типа, присущ скульптурной группе, изображающей тирана и женщину. Особенно интересна статуя дочери парфянского царя Родо-афродиты, голова и торс которой выполнены в белом мраморе, а обернутое вокруг бедер дли-нное одеяние — в сером.

Доклад А. А. Марущенко был посвящен работам Института истории, археологии и этнографии Академии наук Туркменской ССР. В 1953 г. четыре археологиче-ских отряда провели в основном рекогносцировочное обследование 13 памятников датируемых временем от раннего неолита до средневековья. На основании этих из-вестий заново пересматривается хронологическая классификация культур типа Анау, про-водится связь между охотничье-рыболовецкой культурой типа Джебел V и эллинистиче-ской культурой типа Анау на ранних этапах ее развития, широко ставится вопрос об экономической базе этих культур и т. д. К сожалению, фактический ма-териал, послуживший основой для этих и других серьезных выводов, остался со-вершенно неизвестным.

Доклад В. М. Массона (Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция) был посвящен археологическим работам на Мисрианской равнине. Раскопки на се-лении Мадау-тепе установили наличие там пяти строительных комплексов, от-носящихся к единой культуре — архаического Дахистана. Очевидно, широкое осво-ение Мисрианской равнины земледельцами относится ко второй половине II тысячелетия до н. э., причем имеются некоторые данные, позволяющие говорить о возникновении здесь уже в конце II тысячелетия до н. э. ирригационной сети. Раскопки на горе Орта-депесли дали слои, датируемые V—VIII вв. н. э., и подтвердили ранее выд-винутое положение о запустении второй площади освоения Мисрианской равнины в с-вязи с арабским завоеванием.

Раскопкам в древнем Баласагуне был посвящен доклад Л. Р. Кызлас (Киргизская комплексная экспедиция). При раскопках открыт большой буддий-ский храм VIII — начала IX в. Его стены внутри были украшены богатой росписью и ко-ей, на высоких пьедесталах помещались изображения Будды, найдены многочисленные предметы буддийского ритуала, среди которых особенно интересны бронзовые по-судные бляхи с изображением Будды и разных божеств.

Н. Н. Забелина доложила о работах Узгенского отряда Киргизской комп-лексной экспедиции. Раскопки на холме Урта-курган в Узгене дали слои XI—XIII вв. когда Узген был столицей всего Мавераннахра. Обследование окружающей иррига-ционной сети показало, что древнейшие каналы (Кум-арык) датируются последни-ми веками н. э. В результате раскопок двух могильников обнаружены погребения в ка-менных ямах и катакомбах.

А. К. Кибиров сообщил о работах Тяньшанского отряда Киргизской комп-лексной экспедиции, основной задачей которого были раскопки курганных могильни-ков. Вскрыто 120 курганов, датируемых в основном усуньским временем. Более позд-няя курганная группа датируется VI—IX вв. н. э., причем здесь встречено погребени-е в деревянной колоде.

В докладах участниц Киргизской экспедиции Н. Н. Миклашевской («Археологиче-ские исследования в Киргизии») и И. М. Золотаревой («Антропологические

ские исследования в Фергане») приведен интересный материал по этногенезу киргизов и сложению памиро-ферганского антропологического типа.

Доклад об археологических работах Института истории и археологии АН УзССР сделал В. А. Шишкин. Основные археологические работы велись в Бухарском оазисе. Я. Г. Гулямовым было продолжено изучение памятников эпохи бронзы у оз. Заман-Баба в Каракульском районе и на бугре Кызыл-Кыр в Ремитанском районе. На городище Варахша В. А. Шишкиным в основном закончено исследование зданий дворца бухар-худатов. Первоначальная постройка датируется V—VI вв. н. э. Она была перестроена в VII в.; к этому же времени относится знаменитая варахшинская монументальная живопись. В VIII в. на развалинах этого здания возникло новое, богато декорированное резным шtukом. Это здание в X в. превратилось в развалины. Раскопки, заложенные в цитадели и на городище, позволили установить, что городище возникло в первые века н. э., во время господства рабовладельческого строя, а в период распада последнего и установления феодальных отношений были построены цитадель и дворец бухар-худатов.

В окрестностях Варахши были произведены раскопки двух тепе, в целом датируемых античным временем.

Около ст. Кую-Мазар велись раскопки курганов, датируемых первыми веками до н. э. и первыми веками н. э., кроме того, продолжались разведочные работы в Сурхан-Дарьинской области.

Большой интерес представляют раскопки Чустской стоянки в западной части Ферганской долины, датируемой эпохой бронзы. На стоянке найдена крашеная керамика анауского типа. Стоянка предварительно датируется II тысячелетием до н. э.

В докладе Е. А. Давидович о работах Хуттальского отряда Таджикско-Согдийской экспедиции были освещены раскопки на территории древнего Хутталя средневекового и античного памятников, причем последний, являясь многослойным, представляет особенный интерес, так как даст возможность проследить все этапы развития античной культуры в древнем Хуттале.

Раскопкам на городище Баба-Ата был посвящен доклад Г. И. Пацевича (АН КазССР). Это городище расположено в районе северных предгорий Кара-Тау. Раскопки на цитадели вскрыли комплекс укреплений, датируемых X—XII вв. Ниже шел слой VIII—IX вв., в котором сохранились остатки какого-то здания, построенного из сырцового кирпича. На шахристане вскрыты жилые комплексы X—XIII вв. и остаток из временных жилищ (юрт?), датируемых IX—X вв. Как яствует из археологических материалов, население здесь искони занималось скотоводством, земледелием, были развиты керамическое и металлообрабатывающее ремесла.

Результаты этнографических исследований Киргизской комплексной экспедиции были освещены в докладах С. М. Абрамзона (начальник отряда, работавшего в Северной Киргизии) и Я. Р. Винникова, работавшего в южных районах Киргизской ССР по сбору этностатистического и этнографического материала для составления карты дореволюционного расселения родоплеменных групп киргизов и для этнической карты современного расселения народов и этнографических групп Киргизской ССР. Первый этап работы руководимого С. М. Абрамзоном отряда протекал в с. Дарханы Покровского района Иссык-Кульской области, где изучались быт и культура колхозников сельскохозяйственной артели имени К. Е. Ворошилова; это — основной объект исследования для написания монографии «Культура и быт киргизского колхозного крестьянства». Второй этап работы отряда включал маршрутное обследование населения Иссык-Кульской и Тяньшанской областей, связанное с общими задачами экспедиции — сбором материала по этногенезу киргизов и истории сложения их культуры³.

Доклад Т. А. Жданко был посвящен сообщению об исследованиях этнографическими отрядами Хорезмской экспедиции быта колхозников-переселенцев на землях нового освоения в Кара-Калпакии, в частности в зоне вновь проложенного крупнейшего ирригационного канала Кырк-Кыз. Этнографические работы среди переселенцев позволили поставить ряд вопросов, имеющих не только научный историко-этнографический, но и практический интерес. Это в первую очередь вопрос об использовании на новых землях многовекового народного опыта, принесенного колхозниками-переселенцами из старых районов поливного земледелия. Об этом многовековом опыте красноречиво свидетельствуют исследуемые археологами памятники ирригационного искусства древних насельников Хорезмского оазиса. В выявлении и изучении этого опыта большую помощь могут оказать этнографы. Не менее важен вопрос о культурных взаимовлияниях колхозников-переселенцев различных национальностей, составляющих ныне большие, тесно спаянные производственные коллективы, дружными усилиями преодолевающие трудности, связанные с суровыми природными условиями вновь осваиваемых пустынных земель. Одной из важнейших задач этнографов является изучение новых культурных явлений, возникающих в этих коллективах в результате постоянного и тесного взаимного общения различных национальностей.

В устройстве быта переселенцев огромное значение имеет новое жилищное строительство. Здесь также очень важно учитывать опыт народного зодчества, применившие-

³ Отчет об этнографических работах Киргизской экспедиции опубликован в предыдущем номере нашего журнала.

гося к местным климатическим условиям и отражающего бытовой уклад населения. К сожалению, местные строительные организации зачастую игнорируют этот (создавая типовые проекты жилищ, не удовлетворяющих запросов населения. В результате огромная помощь государства, направленная на бытовое устройство переселенцев во многих случаях теряет свою эффективность. И в этом вопросе этнографы, и средневековому изучающие быт населения, могут оказать практическую помощь.

К. Л. Задыкина (Ин-т этнографии АН СССР) сообщила о работе по этнографическому изучению рабочего класса Узбекистана, проведенной ею на Ташкентском паровозостроительном заводе им. Л. М. Кагановича, созданном в первые годы Советской власти на базе существовавших с 1880-х гг. Среднеазиатских железнодорожных мастерских. История завода, его роль как «кузницы» рабочих кадров и современное положение заводских рабочих, в корне отличное от дореволюционного, представляет богатый материал для изучения процесса формирования рабочего класса в Узбекистане, для исследования нового быта и культуры рабочих-узбеков. Предварительные результаты проведенной работы показывают, что перед исследователем этой новой ответственной темы возникает ряд вопросов, касающихся методики ее разработки, программы и объектов изучения и т. д. Для детальной и всесторонней ее разработки требуется участие целого коллектива исследователей.

О. А. Сухарева (Ин-т истории АН УзССР) сообщила о работах Ферганской экспедиции, основной задачей которой является изучение нового быта и культуры населения Ферганской долины⁴. Наряду с этим экспедицией изучались отдельные этнические группы, населяющие Ферганскую долину, в частности кыпчаки, которые, хотя и отличались от узбеков на ранних этапах своего этногенеза, но за длительный период их жизни в Фергане успели в значительной мере слиться с окружающим узбекским населением и еще до революции составляли часть узбекского народа. В настоящее время кыпчаки влились в узбекскую социалистическую нацию, осознают себя узбеками, приобщились к узбекской культуре.

Б. Х. Кармышева (Ин-т истории, археологии и этнографии АН Таджикистана) сообщила о работах по сплошному этнографическому обследованию Таджикистана, начатому еще в 1948 г. в Кулябской области. В 1952—1953 гг. работы проводились в Гармской области⁵. В результате обследования накапливаются ценные материалы истории сложения таджикского народа и его культуры; эти материалы помогут решать вопросы этногенеза таджикского народа и формирования таджикской социалистической нации. В плане исследования проблем этногенеза таджикского и узбекского народов проводилась также работа возглавляемым Л. В. Ошаниным антропологическим отрядом по изучению таджиков и различных по происхождению групп узбеков южного Таджикистана. В том же плане сама Б. Х. Кармышева, работая в составе Хутталовского отряда Таджикской археологической экспедиции, собирала материал по этнографическому изучению населения южного Таджикистана.

Н. С. Сабитов (Ин-т истории, археологии и этнографии АН КазССР) доложил об итогах этнографической экспедиции 1953 г. в Кегеньский и Энбекши-Казахстанские районы Алма-Атинской области. Задачей экспедиции был сбор дополнительных материалов к монографии «Культура и быт казахского колхозного аула». Дав краткую характеристику упомянутых районов, докладчик остановился на тех зафиксированных экспедицией коренных изменениях в быту и культуре казахского крестьянства, которые произошли в результате победы социализма в Казахстане, особенно в послевоенные годы.

По заслушанным на секции докладам развернулись оживленные прения.

В своем выступлении М. Е. Массон обратил, в частности, внимание собравшихся на давно назревшую необходимость постановки больших стационарных работ на холмах Анау и привлечения для руководства этим делом квалифицированного специалиста-археолога. Работа, начатая в этой области Б. А. Куфтиным, была прервана безвременной смертью.

А. Н. Бернштам, касаясь работ Киргизской экспедиции, отметил, что экспедиция должна уделить больше внимания раскопкам курганов, ибо эти работы дадут важный материал для выяснения вопроса об этногенезе киргизов, а последнее является основной задачей данной экспедиции.

С. П. Толстов поддержал А. Н. Бернштама в этом вопросе. Касаясь работ В. М. Массона на Мисрянской равнине, С. П. Толстов подчеркнул значение для этнографии Средней Азии вопроса о датировке обнаруженных там ирригационных сооружений. Если дата последних — рубеж II и I тысячелетий до н. э., то можно ставить вопрос о том, что на территории южной Туркмении уже в тот период существовал рабовладельческий строй.

Я. Р. Винников, возражая О. А. Сухаревой, высказал мнение, что кыпчаки, как и ряд других мелких этнографических групп Ферганской долины — арабы, каракалпакцы, ферганские турки, — и по сей день отличаются от узбеков некоторыми специфическими особенностями и выделяют себя из окружающего узбекского населения.

⁴ Сообщение О. А. Сухаревой о Ферганской этнографической экспедиции опубликовано ниже.

⁵ См. ниже заметку А. К. Писарчик и Б. Х. Кармышевой «Этнографические работы в Таджикистане в 1952—1953 гг.».

процесс слияния этих групп с узбекской социалистической нацией, но о полном их слиянии говорить преждевременно.

Я. Г. Гулямов (Ин-т истории АН УзССР) сообщил об установившейся среди узбекистанских исследователей точке зрения, что кыпчаки в прошлом — узбекское племя, отличавшееся своей племенной спецификой. Обособление их от основной массы узбекского народа явилось следствием политической борьбы внутри среднеазиатских ханств. В настоящее же время кыпчаки составляют часть узбекской социалистической нации.

Т. А. Жданко подвела некоторые итоги заслушанным на заседаниях секции этнографическим докладам. Она отметила важность проводимого участниками Киргизской экспедиции маршрутного обследования, результаты которого должны иметь большое значение как для разрешения вопросов этногенеза киргизского народа и становления его культуры, так и для создания этнографического атласа по Средней Азии. Большое значение имеет также изучение быта рабочего класса Средней Азии, проводимое пока только К. Л. Задыхиной. На правильном пути стоят этнографы Узбекистана и Таджикистана, которые, уделяя большое внимание изучению современности (о чем свидетельствуют проводимые ими работы по изучению культуры и быта колхозного крестьянства), в то же время не оставляют в стороне и историко-этнографические проблемы. Этого нельзя сказать о казахстанских этнографах, которые, судя по докладу Н. С. Сабитова, игнорируют изучение прошлого. А между тем, без изучения и тщательного анализа явлений прошлого невозможно дать научную интерпретацию материалов, относящихся к современности. Большим тормозом в работе узбекистанских этнографов является недостаток кадров, на что нужно обратить серьезное внимание соответствующих организаций.

О. А. Сухарева, выступившая в прениях, также указала на бедность Узбекистана квалифицированными кадрами этнографов. Кроме того, сказала она, пора поставить вопрос о некоторой специализации; в настоящее время среди этнографов наблюдается излишняя широта тематического охвата, что иногда ведет к деqualификации. Остановившись на вопросе о подготовке этнографического атласа по Средней Азии, О. А. Сухарева указала на необходимость шире развернуть по всем республикам сплошные этнографические обследования, которые должны явиться основным источником сбора материала для атласа, так как имеющиеся в музеях коллекции этого материала обеспечить не могут.

В своем заключительном слове С. П. Толстов прежде всего отметил, что, как явствует из заслушанных на заседаниях секции докладов, работы по археологии и этнографии Средней Азии развиваются успешно. На территории Средней Азии работают крупные комплексные экспедиции (Таджикская, Южно-Туркменистанская, Киргизская, Хорезмская и др.) и отдельные научные коллективы археологов и этнографов союзных республик.

В области археологии за истекший год сделаны важные открытия, как, например, находки Южно-Туркменистанской экспедицией более тысячи документов на остраконах и мраморной скульптуры в древней Нисе, работы в Бухарском оазисе, на Махан-Дарье и на городище Варахша, многообещающие раскопки Чустской стоянки в Фергане, работы Таджикской экспедиции в бассейне Зеравшана и в Хуттале, раскопки Хорезмской экспедицией античных памятников Кой-Крылган-кала и Калалы-гыр I, раскопки Киргизской экспедиции в древнем Баласагуне и т. д.

В области этнографии следует отметить широкое развитие экспедиционных исследований, особенно работ по сплошному этнографическому обследованию, которое проводилось в Таджикистане и в Киргизии и дало богатые материалы по этногенезу, материальной и духовной культуре таджикского и киргизского народов. Очень важно отметить и то, что этнографическая наука всерьез занялась изучением современности. Этнографы Узбекистана подготовили монографию по прошлому и настоящему узбекского колхоза, такая же монография подготовлена совместно этнографами Москвы, Ленинграда и Таджикистана по таджикскому колхозу, а казахскими этнографами подготовлено исследование по культуре и быту казахского колхоза. Начаты работы по этнографическому изучению быта рабочих. Истекший год свидетельствует и о росте местных кадров среднеазиатских республик, которыми проведены очень интересные исследования.

Однако наряду с этими успехами С. П. Толстов отметил и ряд имеющихся недостатков. Так, археологические работы, проводимые на территории Средней Азии, страдают некоторой односторонностью: много внимания уделяется памятникам античного времени, но очень слабо ведется изучение первобытной и средневековой культуры. Очень остро стоит вопрос об исследованиях так называемой «культуры Анау» в южной Туркмении. Работы в этой области помогут скорейшему решению проблемы происхождения древневосточных цивилизаций на территории СССР; в частности, раскопки на холмах Анау будут способствовать уточнению периодизации памятников этого рода. Учитывая важность этих работ, их следует проводить только совместными усилиями местных организаций и Академии наук СССР, с привлечением ведущих специалистов в этой области. Этнографами еще слабо ведется изучение быта рабочих, а также быта городского населения в прошлом. Между тем необходимость сочетания изучения современности с исследованием дореволюционного прошлого каждого народа совершенно очевидна.

С. П. Толстов особо подчеркнул, что одной из важнейших задач этнографов, ведущих работу по Средней Азии, является составление историко-этнографического атласа, который даст картину культурных традиций каждого народа и послужит основой для широких обобщений по вопросам их этногенеза и истории культуры.

В заключение С. П. Толстов сообщил о намечающемся созыве в конце мая сессии среднеазиатского совещания, главной задачей которого должна быть постановка таких крупных теоретических вопросов, как периодизация истории народов Средней Азии, проблемы их этногенеза, вопрос о рабовладельческом строе, в частности, у кочевых народов, проблема изучения рабочего быта и т. п.

* * *

29 апреля на заключительном заседании сессии Отделения исторических наук Академии наук СССР было принято решение о ее участии в выставке, в которой отмечены успехи советских ученых в области этнографических и археологических исследований, возможные лишь в условиях социалистической действительности, и указаны недостатки и тормозящие успехи экспедиционных работ.

Во время сессии для ее участников была открыта интересная по содержанию хорошо оформленная археологическая и этнографическая выставка.

ЮБИЛЕЙНАЯ ВЫСТАВКА В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СССР, ПОСВЯЩЕННАЯ 300-ЛЕТИЮ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Юбилейная выставка в Гос. музее этнографии народов СССР, посвященная 300-летию одного из крупнейших событий в истории нашей родины — воссоединения Украины с Россией, — создана на базе материалов этого музея с широким привлечением материалов других музеев Ленинграда: Гос. Эрмитажа (отдел русской культуры), Русского музея, Музея Октябрьской революции, Военно-исторического артиллерийского музея, Театрального музея, Музея театра оперы и балета им. С. М. Кирова, Музея Малого оперного театра, Музея Всесоюзной академии художеств, Музея истории религии и Литературного музея Академии наук СССР, центрального хранилища музейных фондов, а также Гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина, Научно-исследовательского института театра и музыки, Ленинградской консерватории.

Самый перечень названных музеев и учреждений свидетельствует о разнообразии представленных на выставке экспонатов. Наряду с вещевым материалом (одежда, предметы народного быта, народного искусства), здесь широко представлены живопись, графика и скульптура.

Выставка построена в историко-этнографическом плане. Ее основная задача — показать неразрывное единство и многовековую нерушимую дружбу двух великих братских народов, раскрыть прогрессивное значение Переяславской Рады, принявшей историческое решение о воссоединении Украины с Россией. Цель выставки состоит также в том, чтобы показать те колоссальные достижения в экономике и культуре Советской Украины, которых добился украинский народ под руководством Коммунистической партии и благодаря братской помощи великого русского народа и других народов Советского Союза.

Выставка начинается в празднично убранном аванзале. Сильно пострадавший в время Великой Отечественной войны, этот зал сейчас окончательно восстановлен. Экспозиция открывается демонстрацией исторических документов: постановления ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР о праздновании 300-летия воссоединения Украины с Россией и тезисов о 300-летию воссоединения Украины с Россией, одобренных ЦК КПСС.

Основная часть выставки, расположенная в центральном зале правого крыла здания Музея, рядом с аванзалом, начинается с показа материалов о древнерусском государстве IX—XI вв. как исторической колыбели трех братских народов — русского, украинского и белорусского. В центре щита 1 помещена карта Киевской Руси IX—XI вв. на которой обозначены границы древнерусского государства, главный торговый путь из Киева в Византию и Скандинавию, территории расселения восточнославянских племен, составлявших единую древнерусскую народность. Карту сопровождает текст о происхождении древнерусского государства и о его социально-экономическом строе. Археологический материал VII—X вв., помещенный в витрине 1, и соответствующий текст о нем, а также помещенные на щите свидетельства иностранных путешественников и историков VI—X вв. указывают на то, что основными занятиями населения древнерусского государства были земледелие и скотоводство. Два хорошо исполненных рисунка («Софийский собор в Киеве» и «Софийский собор в Новгороде»), памятник древнерусской письменности («Изборник Святослава», «Остромирово Евангелие», «Слово о полку Игореве» и др.) свидетельствуют о высоком уровне культуры древнерусской народности и о единстве происхождения обоих братских народов. Щит заканчивается текстом, в котором подчеркивается историческое значение древнерус-

ского государства. На основе единства происхождения языка, быта, культуры и общности исторического развития в Киевский период в среде древнерусской народности укрепилось сознание единства Руси, которое впоследствии помогло русским людям отстоять свой язык и культуру и сохранить свою национальную независимость.

К XIV в., в результате политического разобщения отдельных частей Руси, из единой древнерусской народности выделились русская, украинская и белорусская народности. Щит 2, первые два шкафа и витрина 2 посвящены положению Украины до воссоединения ее с Россией. На щите 2 помещены иллюстрированная карта Польско-Литовского государства в конце XVI — середине XVII в., в составе которого украинский народ подвергался экономическому, политическому и национально-религиозному гнету (рис. 1), карта-схема владений польских магнатов на Украине, рисунок художника Шарлеманя «Иезуиты, польский магнат и ополчившийся украинский шляхтич — палачи украинского народа», иезуитский знак XVII в. Материалы поясняются текстом из тезисов к 300-летию воссоединения Украины с Россией: «Польские паны с помощью Ватикана мерами жестокого принуждения насаждали на Украине католицизм, вводили церковную унию, проводили политику насильственного ополячивания украинцев, предавали поруганию украинский язык и культуру, пытаясь духовно поработить украинский народ и разорвать его связи с русским народом».

В шкафу 1 на фоне художественного панно, изображающего Запорожскую Сечь XVII в., показана сцена, дающая представление о быте украинских казаков, в прошлом — беглых украинских крестьян, боровшихся против феодально-крепостнического гнета и национального порабощения. В шкафу представлены одежда и вооружение запорожцев, русское оружие XVII в., турецкое трофейное оружие, польский трофейный шлем и другие военные доспехи того времени. В развитии этой же темы на щите 2 помещены акварели: «Раннее утро у запорожцев», «Проводы казака в поход», копия с рисунка А. М. Герасимова «Тарас Бульба», а в центре зала — скульптура Н. Лансере «Запорожец после боя», скульптура М. К. Клодта «Русский воин XV—XVII вв.» и другие материалы.

Иллюстрированная карта-схема крестьянско-казацких восстаний на Украине до 1648 г. (рис. 2), помещенная в центре второго щита, свидетельствует о непрерывной борьбе свободолюбивого украинского народа за освобождение украинских земель от польских захватчиков. Здесь же два рисунка, изображающих талантливого вождя крестьянско-казацкого движения Максима Кривоноса и его ближайшего соратника Данилы Нечая, погибших в боях за родную землю.

В национально-освободительной борьбе украинского народа активную роль играли кобзарь, звавшие своими песнями народ на борьбу против угнетателей и иноземных захватчиков. В шкафу 2, на фоне художественного панно, изображающего украинское село, дана сцена (рис. 3): кобзарь в одежде украинского крестьянина XIX в. сидит на колоде и под аккомпанемент бандуры поет народную думу, призывающую народ к борьбе с польскими панами и татарами. Рядом с бандуристом двое украинцев в национальной одежде. Предметы одежды — подлинные, хранящиеся в фондах Музея этнографии народов СССР. Здесь же в шкафу дан текст украинской народной думы. Сцена интересна и по идейному замыслу, и по художественному оформлению, и по представленному в ней этнографическому материалу.

Ряд экспонатов, посвященных положению украинского народа до воссоединения Украины с Россией (иллюстрированная карта-схема совместной борьбы украинского и русского казачества с иноземными захватчиками, карта-схема «Русское, украинское и белорусское книгопечатание в XVI—XVII вв.» и др.), говорит о постоянных и тесных русско-украинских связях, которые задолго до воссоединения Украины с Россией нашли свое выражение как в области экономики и культуры, так и в их общей борьбе с феодально-крепостническим гнетом и иноземными захватчиками.

Третий щит посвящен национально освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг. под руководством Богдана Хмельницкого и Переяславской Раде. Здесь экспонированы материалы, показывающие прогрессивное значение воссоединения.

Среди разнообразных экспонатов, представленных на этом щите, бросается в глаза хорошо оформленная карта национально-освободительной войны 1648—1654 гг. обозначением отдельных пунктов и времени боев, границ украинского государства районов народных восстаний. Карта иллюстрирована репродукциями: «Герб Запорожской Сечи», «Стан Запорожского войска», «Осада Львова», «Въезд в Киев Б. Хмельницкого», «Бой Максима Кривоноса с Вишневецким». Далее помещена скульптура «Богдан Хмельницкий» работы скульптора Бондаренко и орден, учрежденный правительством СССР в память Б. Хмельницкого. В центре зала — витрина с орденами вооружения и гетманской булавой XVII в.; здесь же уникальная бронзовая скульптура — первоначальный проект памятника Б. Хмельницкому, исполненный в 1869 г. талантливым русским художником-монументалистом акад. М. О. Микешиним.

Автор первоначального проекта предполагал создать такой памятник, который олицетворял бы не только о талантливом полководце Б. Хмельницком, но и о самом украинском народе — решающей силе в освободительной войне 1648—1654 гг., а также о братской помощи украинскому народу со стороны русского народа. Но царские аттрапы вкуче с буржуазными националистами выхолостили из проекта все, что напоминало о борьбе народа, о боевом содружестве братских народов. Автор вынуж-

ден был переработать свой проект, оставив лишь конную статую Хмельницкого. В виде проект после длительных мытарств, перенесенных М. О. Микешиним, был ществлен в 1888 г. и сейчас украшает одну из площадей Киева.

Текст, обобщающий перечисленные и многие другие экспонаты, помогает по народный характер освободительной войны 1648—1654 гг., а также правильно ое роль Богдана Хмельницкого — великого патриота и полководца, крупнейшего пол ческого и государственного деятеля Украины XVII в. Здесь же говорится о вс ронней помощи украинскому народу со стороны русского народа и об активном

Рис. 3. Кобзарь исполняет народную думу, призывающую к борьбе с польскими панам и татарами (обстановочная сцена)

Фото А. А. Гречкина

стии в освободительной войне 1648—1654 гг. белорусского, польского и молдавск крестьянства.

Ряд экспонатов показывает Переяславскую Радугу как решающий момент в ист рических судьбах украинского народа. Это — копия с картины художника М. Хмелы «Навеки с Москвой, навеки с русским народом», решение земского собора в Моск 1(11) октября 1653 г., письмо Б. Хмельницкого из Переяславля в Москву и др.

Во второй половине XVII в. экономика Украины стала неотъемлемой частью обр зовавшегося всероссийского рынка. Это положение убедительно демонстрируется сн циальной картой экономического развития левобережной Украины после воссоединени ее с Россией. Карта говорит о быстром росте на Украине городов, населения, о ра вии сельского хозяйства и промыслов. Иная картина наблюдалась в это же врем на правобережной Украине, оставшейся в составе панской Польши. Сравнительн данные, помещенные на этой же карте, показывают хищническое выкачивание с прав бережной Украины хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, приводившее застой производства и истощению населения страны.

Щиты 4 и 5 посвящены теме «Украина в составе Российского государства (XVIII — начало XX в.). Экспонированный на этих щитах материал знакомит прогрессивным значением воссоединения Украины с Россией. Ряд гравюр XVIII («Полтавская баталия», «Крепость Каменец-Подольск», «Степан Разин»), монта документов, связанных с крестьянским восстанием под руководством Степана Разина и откликами на него на Украине, портрет Максима Зализняка — вождя и организатор народного восстания против польских панов в 1763 г., гравюры, относящиеся к а бытиям начала XIX в., специальные карты, схемы и текст дают конкретное представ ление об укреплении дружбы двух братских народов на основе их общей борьбы пр тив феодально-крепостнического гнета внутри Российского государства.

В революционно-освободительной борьбе против царизма и крепостничества, раз

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ
ГОСУДАРСТВО
В КОНЦЕ XVII И СРЕДИНЕ XVII В.В.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Висла
Варшава
Литва
Польша
Черное море

ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОЕ
ГОСУДАРСТВО
В КОНЦЕ XVII И СРЕДИНЕ XVIII В.В.

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Висла
Варшава
Литва
Польша
Черное море

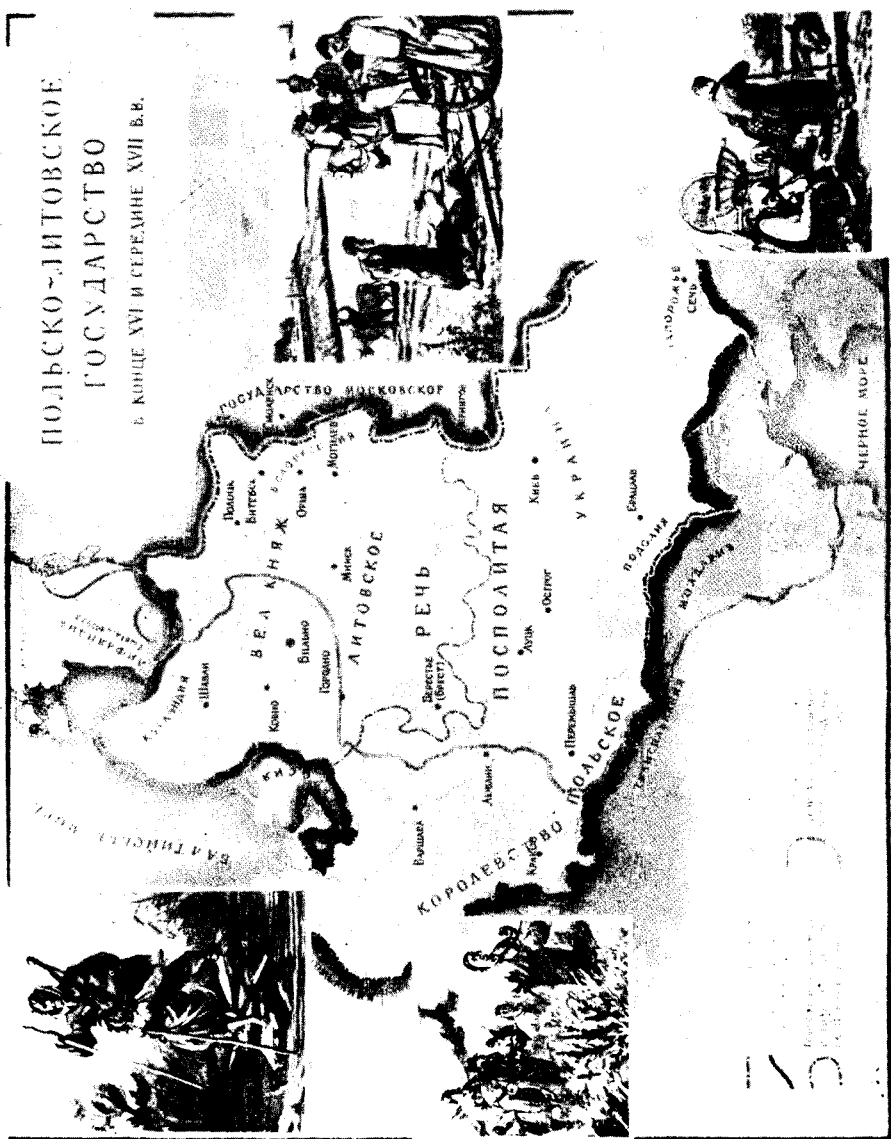
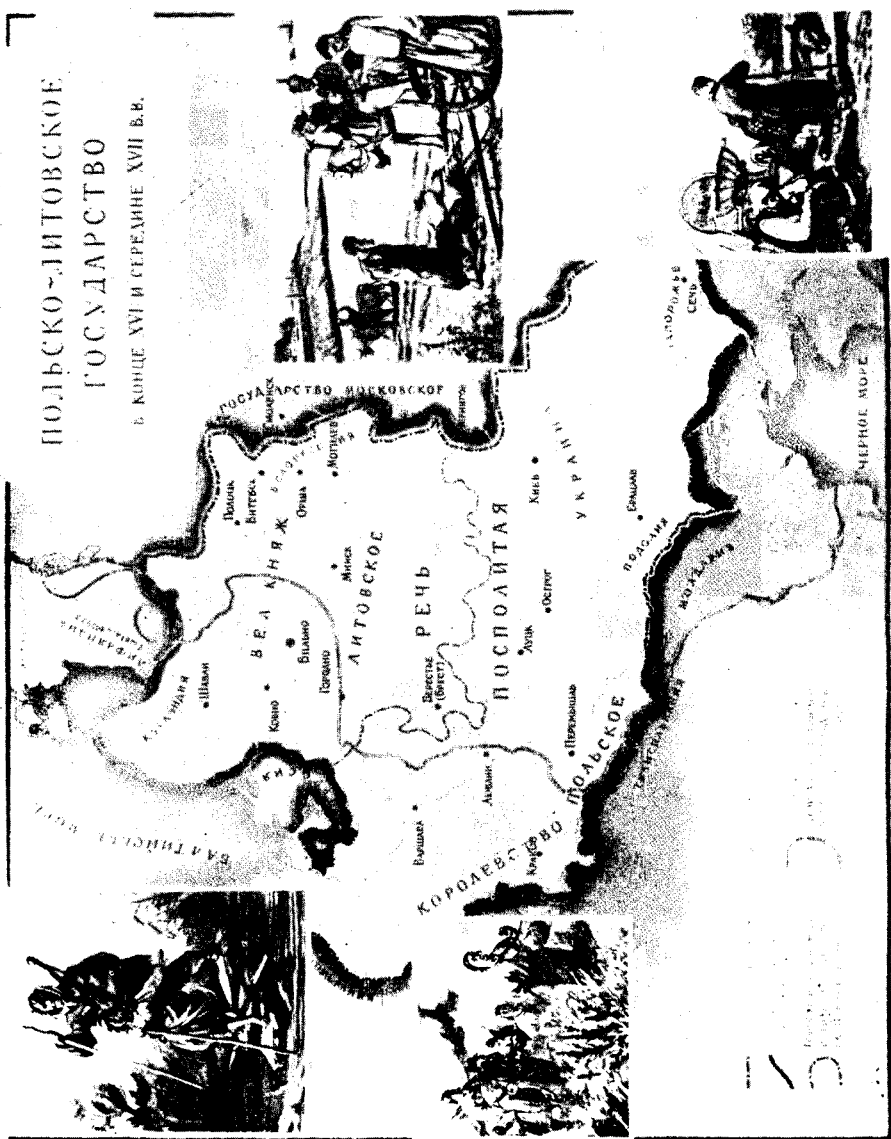

Фото А. А. Гречкина

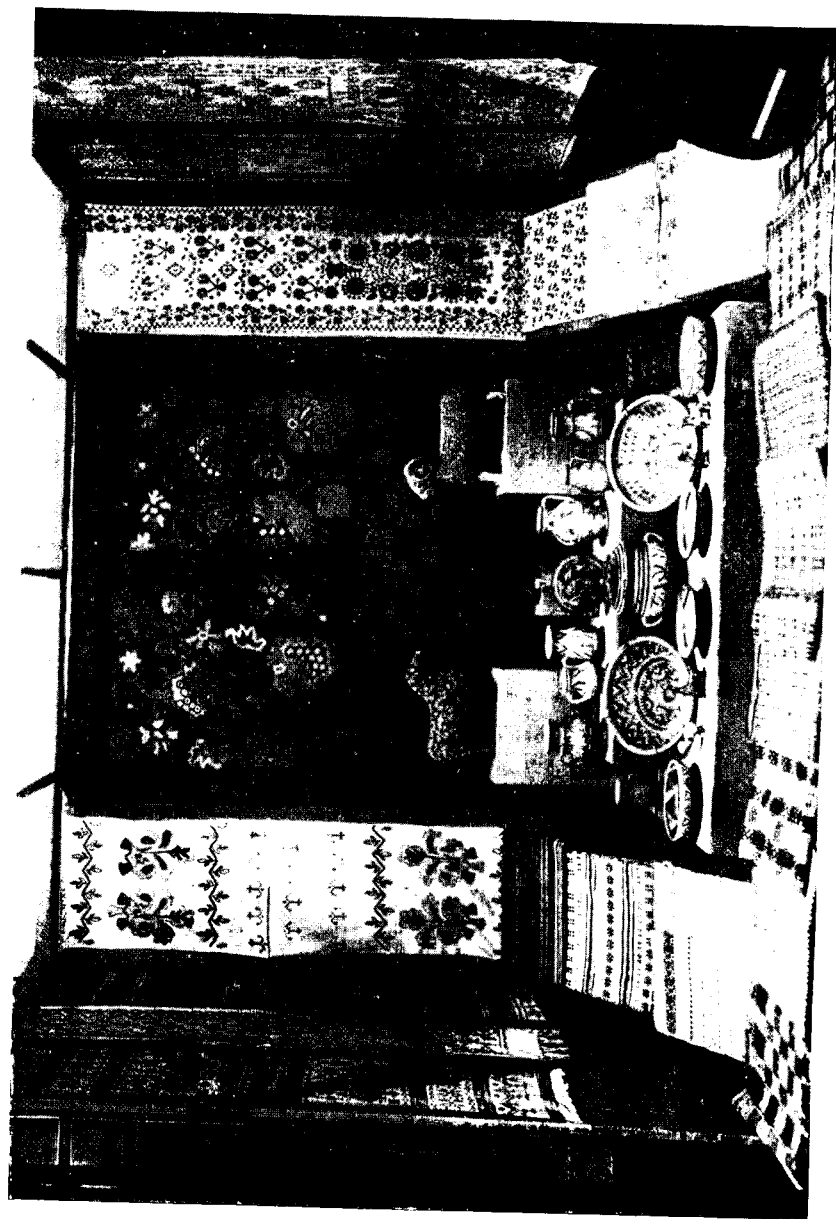

Рис. 4. Образцы украинского народного искусства

Фото А. А. Гречкина

Рис. 5. Образцы народного искусства украинцев западных и Закарпатской областей

Фото А. А. Гречкина

гнувшейся в России в XIX в., ведущую роль играл великий русский народ. В тесном единении с русскими революционными демократами вел борьбу против царизма крепостничества славный сын украинского народа, поэт и революционный демократ Г. Шевченко. Своими произведениями, проникнутыми глубокой ненавистью к угнетателям, Т. Г. Шевченко сыграл громадную роль в развитии национального и классового самосознания украинцев. Помещенные на четвертом щите портреты В. Г. Бенского, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, бюст Т. Г. Шевченко и соответствующие тексты — все это помогает убедительно раскрыть тему глубокого влияния великих русских революционных демократов и других представителей демократической русской культуры на формирование мировоззрения Т. Г. Шевченко, на развитие освободительных идей в среде украинского народа.

Под благотворным влиянием русской культуры формировались выдающиеся представители украинской литературы: И. П. Котляревский, П. Мирный, И. Франко, М. Коцюбинский, П. А. Грабовский, Леся Украинка и другие. Портреты этих писателей помещены на том же четвертом щите, в особой витрине экспонированы их произведения. В центре зала — скульптура Я. Троулянского «Н. В. Гоголь слушает эдуриста». Дополнительный материал, широко освещающий русско-украинские связи в искусстве и литературе, экспонирован на галерее.

Ряд экспонатов наглядно убеждает в том, что свободолюбивый украинский народ в условиях царской России не только отстоял свой язык, свою национальную культуру, но и успешно развивал ее. В числе этих экспонатов имеются литографии «Одесский театр», «Киевский университет», серия медалей, связанных с различными событиями политической и культурной жизни Украины («Наградная Харьковского университета», «50-летие Киевского университета», «На 100-летие со времени появления изданий Котляревского» и др.), художественный фарфор XIX в., предметы украинского прикладного искусства XIX в. — вышитые рушники, хустки, сорочки, узорное набортное тканье, плахты, ковры, резьба и роспись по дереву, расписная керамика, глиняные изделия (рис. 4). Это искусство, созданное народом на протяжении многих веков и сохраненное несмотря на жестокий классовый и национальный гнет, является великим достоянием народа. Многие виды украинского народного искусства приобрели в последние десятилетия широкую известность далеко за пределами Украины.

В шкафу экспонируется уголок хаты, отражающий быт крестьян левобережной Украины в XIX в. В хате печь, чисто выбеленная и искусно украшенная национальным орнаментом. За прямой женщиной, около нее играет ребенок. Манекены одеты в национальную одежду XIX в. Здесь же различные предметы домашнего обихода: тарелки, чашки, ложки, зеркала, зеркала, зеркала. Все вещи подлинные, извлеченные из фондов Музея этнографии народов СССР.

Прогрессивные последствия воссоединения Украины с Россией в области экономического развития характеризует помещенная в центре четвертого щита карта-схема исторического развития Украины конца XIX — начала XX в. Карта показывает развитие сельского хозяйства, промышленности, транспорта, рост численности населения, увеличение количества населения. Карту сопровождают слова В. И. Ленина: «В течение нескольких десятилетий вполне определенно процесс более быстрого экономического развития юга, т. е. Украины, привлекающей из великороссии десятки и сотни тысяч крестьян и рабочих в капиталистические экономии, на рудники, в города».

Факт «ассимиляции» — в этих пределах — великорусского и украинского пролетариата несомненен. И этот факт безусловно прогрессивен¹.

В развитие этой же темы помещены резное деревянное панно «Вербовка крестьян в армию» (из фонда подарков к 70-летию И. В. Сталина от трудящихся Украины и ЦСР) и ряд гравюр, изображающих промышленные центры Украины XIX в. Здесь дана схема товарообмена Украины с Россией в XIX — начале XX вв.

С развитием промышленности на Украине быстро рос рабочий класс, формировался как из украинского, так и из русского населения. Щит 5, посвященный этой теме, начинается словами В. И. Ленина о необходимости всеми мерами содействовать обложению украинских рабочих с великорусскими сознательными рабочими. Далее помещены работы В. И. Ленина «Майские дни в Харькове», прокламация Киевского Комитета РСДРП, выпущенная во время всеобщей политической стачки на Украине в 1903 г., схема «Советы рабочих депутатов в 1905 г. на Украине», резные панно «Рабочие царской России», «Рабочие бараки», «Расстрел рабочих царскими войсками», «Сходка рабочих», исполненные украинскими мастерами ко дню 70-летия И. В. Сталина.

Все эти материалы наглядно показывают борьбу трудящихся Украины вместе с рабочим русским пролетариатом против общего классового врага в годы первой революционной-демократической революции 1905—1907 гг. Рабочий класс Украины являлся важной частью пролетариата России. Рабочее движение на Украине развивалось в неразрывном единстве с общероссийским рабочим движением.

Раздел выставки, посвященный Великой Октябрьской социалистической революции, посвященному советской власти на Украине, выполнен с особой торжественностью. В центре величественный монумент вождя революции В. И. Ленина (работы скульпто-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 14—15.

ра Г. В. Косова). В противоположном крыле здания, соединяющемся с залом выки специально оформленным аванзалом, такая же монументальная скульптура И. В. Сталина (работы лауреата Сталинской премии В. И. Ингала). На щите (ставлены копия с картины В. Серова «В. И. Ленин провозглашает Советскую власть» 1917 г., подписанные В. И. Лениным, два плаката 1918 г., отображающие помощь Красной Армии украинскому народу в борьбе за установление советской власти на Украине. Великий Октябрьской социалистической революции посвящены также документы 1917—1918 гг., расположенные в витрине. Документальный материал и остальные экспонаты, наглядно иллюстрируют положение тезисов к 300-летию в единения Украины с Россией, где указывается: «Украинский народ, прошедший с русским народом длительный путь совместной революционной борьбы, вследствие за русскими братьями вступил на путь Октябрьской социалистической революции, положив начало новой и славной эпохе своей истории».

Не менее убедителен материал щита 7, посвященный борьбе украинского и русского народов с иностранными захватчиками в 1918—1920 гг. Здесь, наряду с портретами и предметами народного искусства, помещены исторические документы: самая В. И. Лениным листовка «Социалистическое отечество в опасности», текст воззвания Петроградского Комитета РКП(б) «Ко всем рабочим Петрограда», заканчивается обобщающим текстом о братском союзе и дружбе украинского и русского народов СССР, которая крепла и закалялась в огне гражданской войны. Благодаря этой дружбе украинский народ, как и все другие народы СССР, отвоюю свою свободу и независимость.

На щите 7-а экспонированы гербы республик — РСФСР, УССР, БССР, 30 портреты В. И. Ленина и И. В. Сталина, карта советских социалистических республик и ряд документов, говорящих об образовании СССР — этой величайшей победе советской власти. Здесь же текст из тезисов, одобренных ЦК КПСС: «Вхождение Советской Украины в состав Союза ССР дало возможность ей успешно восстановить народное хозяйство, развить социалистическую культуру и быстрыми шагами двинуться вперед к построению социализма».

Весь материал, посвященный Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне, установлению советской власти на Украине и образованию СССР, венчает текст о роли Коммунистической партии Советского Союза — организатора и вдохновителя побед советского народа в Великой Октябрьской социалистической революции и в строительстве первого в мире социалистического многонационального государства.

В результате всемирно-исторических побед, одержанных народами Советского Союза, благодаря осуществлению национальной политики Коммунистической партии украинский народ смог осуществить свое национальное возрождение, воссоединить украинские земли в едином Украинском социалистическом государстве. После объединения всех украинских земель Советская Украина стала одним из крупнейших государств Европы. Для иллюстрации этого положения на щите 8 показана административная карта УССР в современных границах с нанесением границы 1939 г. (В. Касияна «Радостная встреча бойцов Советской Армии с населением Закарпатской Украины».

Отстояв и сохранив свою культуру от уничтожения иноземными поработителями украинцы западных областей и Закарпатия внесли ее в сокровищницу культуры народов СССР. Произведения мастеров — колхозников и членов художественных коллективов — ковры, вышивки, керамика, резьба по дереву и т. п. (рис. 5) свидетельствуют о развитии народных талантов в едином Украинском советском государстве, о новом, высшего этапа развития национальной по форме, социалистической по содержанию украинской культуре.

За годы социалистического строительства Советская Украина превратилась в передовое индустриально-колхозное государство с высокоразвитой, оснащенной самой современной техникой промышленностью, с крупным механизированным сельским хозяйством. Раскрытию этой темы помогает оригинально исполненная экономическая карта (шит 9). На карте даны зоны распределения основных сельскохозяйственных культур, показаны промышленные центры Украины с обозначением отраслей промышленности, представленных в данных городах; показаны главнейшие месторождения полезных ископаемых. Карту дополняет таблица, демонстрирующая удельный вес хозяйства УССР в общей системе хозяйства Советского Союза.

Гравюры художника Куценко «Луга за рекой», «Колхозный пейзаж», «На Тиссе в Закарпатье», несколько рисунков, цветные фото дают наглядное представление о небывалом улучшении условий труда в промышленности и сельском хозяйстве, о бытовых и жилищных условиях рабочих и колхозников, о передовых людях украинского народа, овладевших высокой культурой производства; эти же экспонаты говорят о украинской природой.

С новыми явлениями в быту рабочих Советской Украины знакомит интерьер в этнографическом отношении сцена, изображающая условия домашнего быта украинского народа (шкаф 6). Сцена дана на фоне панно, представляющего вид на одну из улиц рабочего поселка на окраине г. Киева (рис. 6).

Успехи социалистического строительства и победа ленинско-сталинской национальной политики Коммунистической партии обеспечили расцвет национальной по форме социалистической по содержанию украинской культуры. Основанная в 1919 г.

Академия наук Украинской ССР является одним из крупнейших научных центров Советского Союза. В настоящее время Академия наук УССР насчитывает 90 действительных членов, 105 членов-корреспондентов и свыше 1300 научных работников. В Украинской ССР — 475 научно-исследовательских учреждений, охватывающих различные отрасли науки. За 1950—1952 гг. 43 украинских ученых получили звание лауреата Сталинской премии. Осуществляя указания партии о связи науки с производством, Академия наук УССР оказывает повседневную помощь развитию народного хозяйства. О расцвете всех областей культуры украинского народа убедительно свидетельствуют офорты художника А. С. Пашенко («Музей имени В. И. Ленина в г. Киеве», «Музей изобразительного искусства в г. Киеве»), цветные репродукции с картин украинских художников («Весна» Яблонской, «Обсуждение двойки» Григорьева и др.), эскизы декораций пьесы Корнейчука «Богдан Хмельницкий» в Львовском театре

Рис. 6. Часть жилища рабочего Украинской ССР (интерьер)

Фото А. А. Гречкина

им. Заньковецкой, постановки «Горе от ума» в Львовском театре юных зрителей и ряд цветных фотографий (щит 10), скульптура Я. Троупянского «Ученый-рабочий» (в центре зала), образцы народного творчества и художественной промышленности Советской Украины (шкаф 7), художественный фарфор украинских заводов и русский фарфор завода им. М. В. Ломоносова и, наконец, произведения украинских писателей на украинском языке, а также переведенные на русский язык и на язык других народов СССР.

Этот же материал, как и ряд других экспонатов, вместе с тем наглядно показывает действие основного закона социализма — обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путем непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники.

Дружба русского, украинского и всех народов нашей Родины окрепла и закалилась в годы Великой Отечественной войны. Украинский народ вместе со всеми народами СССР самоотверженно боролся против гитлеровских захватчиков. Многонациональная Советская Армия помогла украинскому народу очистить родную землю от фашистских орд. После войны братская помощь русского народа дала возможность Украине быстро залечить тяжкие раны, нанесенные войной, и широко развернуть мирное строительство. Украинская ССР, являясь одним из учредителей Организации Объединенных Наций, совместно с представителями всего Советского Союза, а также стран народной демократии, последовательно отстаивает дело мира и демократии, борется за укрепление сотрудничества между народами всех стран.

На щите 11, посвященном дружбе народов СССР и борьбе за мир, приведены слова Г. М. Маленкова: «Наша Партия хранит и впредь будет хранить как зеницу ока единство и дружбу народов СССР, укрепляла и будет укреплять Советское многонациональное государство». Здесь же помещена пластина «Миру — Мир», исполненная палехским художником Д. Н. Буторным, офорт А. С. Пашенко «Друзья», литография с картины художника Л. И. Чичкина «Гуцулы подписывают обращение к заключению Пакта Мира», фотомонтаж, посвященный Четвертой Всесоюзной конференции сторонников мира и Третьему Всемирному фестивалю молодежи и студентов в защиту мира. Далее показаны карта УССР в новых границах и текст указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области в состав УССР, явившегося новым замечательным свидетельством безграничного доверия и любви русского народа к братскому украинскому народу. Тема раскрыта скульптурной группой из фарфора — 16 мужских и женских фигур в национальных костюмах, изготовленной на заводе им. М. В. Ломоносова скульпторами тт. Велиховой и Халиной по эскизам т. Лебединской, офортами В. Мироненко, посвященными восстановлению гор. Украины, образцами народного творчества (шкаф 8), изготовленными в честь 300-летия воссоединения Украины с Россией. В центре зала — скульптура А. В. Мазина «Ковпак на коне» и «Ваза Мира», исполненная на фарфоровом заводе им. М. В. Ломоносова.

Советский Союз являет собой вдохновляющий пример страны, в которой впервые в истории человечества разрешен национальный вопрос. Коммунистическая партия Советского Союза — великая направляющая сила советского народа в борьбе за строительство коммунизма — неустанно заботится о развитии всех народов, входящих в Советский Союз, ведет непримиримую борьбу против проявлений буржуазного национализма, воспитывает советских людей в духе дружбы народов, советского патризма и пролетарского интернационализма (щит 12 — заключение).

На галерее, находящейся над основным залом выставки, размещена дополнительная часть экспозиции, отражающая тесные связи украинского и русского народного искусства и литературы. Материал галереи расположен по определенному экспозиционному плану, охватывающему темы: 1) древние корни культурных связей русских и украинского народов, 2) украинская литература, 3) изобразительное искусство Украины, 4) украинская тематика в русской литературе и искусстве, 5) украинская архитектура, 6) украинский театр, 7) украинская музыка, 8) украинская тематика в русском театре и музыке, 9) украинская советская литература, 10) изобразительное искусство Украинской ССР, 11) украинская тематика в творчестве советских художников и писателей, 12) архитектура Советской Украины, 13) украинский советский театр, 14) украинская советская музыка, 15) украинская тематика в советском театре и музыке.

Тема раскрывается с помощью многочисленных экспонатов, в числе которых издания книг русских и украинских писателей, произведения русских и украинских графиков и скульпторов, издания нот и партитур русских и украинских композиторов и т. п. Среди литературы ряд книг (рукописи И. Франко, Л. Н. Толстого, А. Ф. Школовского, М. Л. Кропивницкого) с пометкой цензуры о запрещении их публикации. Здесь же «Запрещенный Кобзарь» Т. Г. Шевченко изд. 1918 г., и другие материалы.

Юбилейная выставка, посвященная 300-летию воссоединения Украины с Россией, краткое описание которой мы попытались дать, имеет большое политическое и воспитательное значение. Материал, представленный на выставке, оставляет чувство глубокой уверенности в нерасторжимости братского союза народов СССР — оплота мира и безопасности во всем мире. Выставка воспитывает чувство безграничной любви и преданности Коммунистической партии, успешно ведущей советский народ вперед к коммунизму.

В экспозиционном отношении выставка хороша тем, что в ней правильно составлен исторический и этнографический материал.

В. И. Герасим

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Экспедиционные исследования, давшие материал для настоящей статьи, были проведены летом 1953 г. в районе правобережья Волги от Сызрани до Саратова. Автор посетил более десятка населенных пунктов, из которых одни расположены по берегам Волги, другие углублены в степь на 30—40 км. Маршрут экспедиции: Кашпир (Куйбышевская область) — Паншино — Калиновка (Ульяновская область) — Черный Затон — Хвалынский — Сосновка — Маза — Селитба — Широкий Буерак — Вольск — Куриловка — Вязовка — Усовка — Елшанка (Саратовская область).

В степных районах селения занимают преимущественно днища широких увалов, они расположены по берегам рек и ручьев. Так, цепочкой тянутся села и деревни по р. Терешке и ее притокам. Села обычно большие, напоминающие южновеликорусские.

не поселения. Например, в с. Сосновая Маза 730 дворов, в с. Кашпир 900, в Усовка 440 и т. д. По количеству дворов населенные пункты района значительно выше не только сел Верхнего Поволжья, но и части Среднего.

Селения в степных районах, как правило, имеют уличную планировку с двумя рядами домов. Два-три улицы они вытянуты в длину на несколько километров. Так, с. Багай-Барановка (Вязовского района) вытянуто двумя двусторонними улицами по течению р. Багай на 7 км. Дер. Куликовка (Вольского района) протянулась на 4 км. Она начинается сначала одной двусторонней улицей, затем разделяется две двусторонки и, наконец, на три. Село Селитьба (Хвалынского района) извилистой двусторонкой тянется на 7 км, Апалиха (Вольского района) на 5 км и т. д.

Села, расположенные по берегу Волги, имеют более сложный план. Начинаясь от линии высокого разлива, они занимают весь склон правого берега Волги и же часть водораздела (Широкий Буерак, Усовка и др.). И в этих селах главная улица двусторонняя. Она вытянута вдоль берега реки на несколько километров (Панно, Черный Затон и т. д.). Другие параллельные или перпендикулярные ряды могут быть односторонними, с окнами, обращенными к реке или оврагу. Некоторые селения — беспорядочного плана, дома лепятся по склону, приспособляясь к топографическим условиям местности.

Ширина улиц колеблется от 40 до 60 м. Озеленение деревень незначительное. В степных селах деревья растут лишь по берегу речки, пруда, около колхозного клуба. В последние годы отмечается тенденция сажать молодые деревья перед домом, на приусадебном участке, но таких посадок пока еще недостаточно.

Жилой дом представляет собой четырех- или пятистенный сруб, обычно обшитый доской. Встречаются также, особенно в степных районах, саманные и глинобитные постройки (например в Вязовке). Сруб собирают на месте стройки, в отличие от верхних ярусов Средней Волги, где сруб сначала собирают против дома или на краю деревни, потом разбирают и перевозят на место водворения. При постановке дома под углы оковы вырывают круглые стойки — «чураки» на глубину до 1 м. На эти стойки, возвышающиеся над землей на 60—100 см, кладут первый венец или «заставку». Во втором венце, а иногда и в первом врубают переводы для настила пола. В верхних же венцах Средней Волги (выше г. Куйбышева и в частности в Татарской АССР) ойки под углы дома заделываются «подлицо», так что создается впечатление, будто убо поставлен непосредственно на землю, а перерубы пола врубают в 4—5-м, а иногда 8—9-м венце.

Пространство между землей и первым венцом закладывают камнями, саманным кирпичом или тонкими стойками, которые ставят вплотную одна к другой и промазывают глиной. Отступая от стен 10—12 см, снова вбивают стойки высотой 1—1,5 м и обивают их тесом или плетенкой, а образовавшееся пространство заполняют землей или илом. Таким образом получается неширокая, но довольно высокая завалинка, тогда как в северных районах Среднего Поволжья завалинки низкие и широкие.

Всего в срубе 10—12 венцов. Последний венец сруба, которым покрывают матку, называется «черепными бревнами». К ним уже пришивают стропила.

Крыши жилых домов и различных хозяйственных и общественных построек исключительно стропильной конструкции. Самцовая конструкция встречается лишь на амбарах. На жилых домах крыши или двускатные (коньковые, флигером), или шатровые. Коньковых крыш значительно больше. Так, в с. Черный Затон коньковых крыш 70,4%, шатровых — 28,4% и шатровых, переделанных из коньковых, — 1,2%. В дер. Калиновка коньковых крыш 73%, а шатровых 27%. Примерно такое же соотношение и в других населенных пунктах. По словам колхозников, раньше все дома были с двускатными крышами (флигери), шатровые стали строить лишь в конце XIX в. преимущественно в богатых. В настоящее время новые дома часто ставят с шатровой крышей. Наблюдается тенденция переделки двускатных крыш в шатровые. Так, колхозник А. П. Чибряков (дер. Куриловка Вязовского района), построив в 1925 г. дом флигером, в настоящее время увеличил его за счет прируба вдоль улицы и переделал крышу на шатровую (рис. 1).

Материалом для крыши служат преимущественно тес и черепица.

Для всего района характерно двухкамерное членение дома (изба — сени). Клеть, столь характерная для северных районов Средней Волги, отсутствует. Не было клетки и раньше, за сенями непосредственно шли надворные постройки.

Широко распространенная в прошлом внутренняя планировка сохранилась в доме В. М. Навайкина (с. Черный Затон). Год постройки его точно не известен. Но о давности можно судить хотя бы по тому, что хозяину его в настоящее время 50 лет, а в этом доме жил еще его дед. Никаких переделок в доме не производилось. Дом сложен из массивных сосновых бревен диаметром 42—44 см. Сруб состоит из 9 венцов. Изба имеет типичный северновеликорусский план (рис. 2). Направо от входа печь, занимающая значительную часть избы. Она поставлена на деревянный опечек и жерлом повернута к передней стене. Направо, в переднем углу, стол. Вдоль стен массивные деревянные лавки, полати.

За годы советской власти во многих домах старый план претерпел очень сильные изменения. В деревнях появилось много пятистенных домов. Прируб часто делают на месте сеней, а сени пристраивают сбоку. Жилое помещение теперь делится на две по-

ловины: кухню и горницу (чистую половину). В кухне сохраняется северновеликий план, а чистая половина обставляется «по-городскому».

В связи с улучшением материального благосостояния колхозного крестьянства проявляется стремление к разделению жилого помещения на несколько комнат. Хартено замечание по этому поводу 75-летнего колхозника С. С. Ремизова (с. Курило Вязовского района): «Раньше избенки были маленькие, полати да печь, а сейчас од избы народу стало мало, все норовят еще комнатку пристроить». Увеличение жилищных помещений производится за счет расширения площади или путем устрой перегородок для выделения спальни, детской, рабочего кабинета. Примером мо служить показанный на рис. 3 дом А. В. Оленина, с. Сосновая Маза Хвалынс района).

Рис. 1. Дом А. П. Чибрякова постройки 1920-х годов, с шатровой крышей, поставленной после перестройки дома (дер. Куриловка Саратовской обл.)

Изменилась и обстановка жилого помещения. В избах колхозников появились жерки с книгами, географические карты, радиоприемники, электричество, мягкие диваны, шифоньеры и многое другое, о чем не могла и мечтать старая деревня.

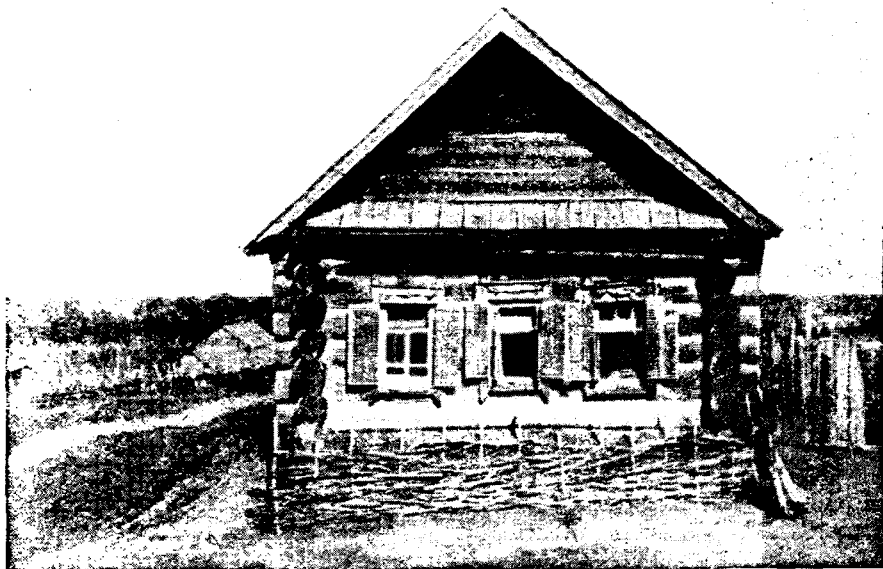
Внешняя сторона дома обыкновенно обшивается тесом. В прибрежных селениях необшитых домов почти нет. В степных селениях дома беленые, для этого их тщательно обмазывают глиной. У некоторых домов фасад и боковая стена обшиты тенькой. Украшения домов значительно беднее, чем в северных районах Сред Поволжья.

Для украшения домов применяют рельефную или долотную пропильную резьбу. Первая встречается очень редко, хотя, по словам стариков-колхозников, раньше применялась более широко. В настоящее время чаще применяется сквозная или пыльная резьба. Деревянными «кружевами» обрамляют наличники окон, карниз. Мотивы резных украшений не отличаются от применяемых по всей Средней Во Широко распространена накладная резьба. Выпиленные резные украшения «нашиваются» (прибивают гвоздями) к фасаду дома (рис. 4).

Жилой дом с надворными постройками называется двором или усадьбой. В пом «усадьба» иногда включается и приусадебный участок, занятый огородом. На улице выходят дом, ворота и амбар. Разрыв между соседними усадьбами 1 м. Через 3—4 усадьбы делается широкий проулок (6—7 м), ведущий на параллельную улицу деревни. Подобная группа усадеб, отделенная от другой проулком, называется «гнездом» (рис. 5).

В некоторых селениях, например в Черном Затоне, Сосновой Мазе и других, расположены очень тесно, на одной усадьбе стоят 2—3 дома. Такая скученность объясняется недостаточным земельным наделом в прошлом, когда сыну, отделившись от отца, негде было ставить дом.

Наиболее характерной связью жилого дома с надворными постройками всего района является П-образная застройка. В прошлом она была преобладающей

а

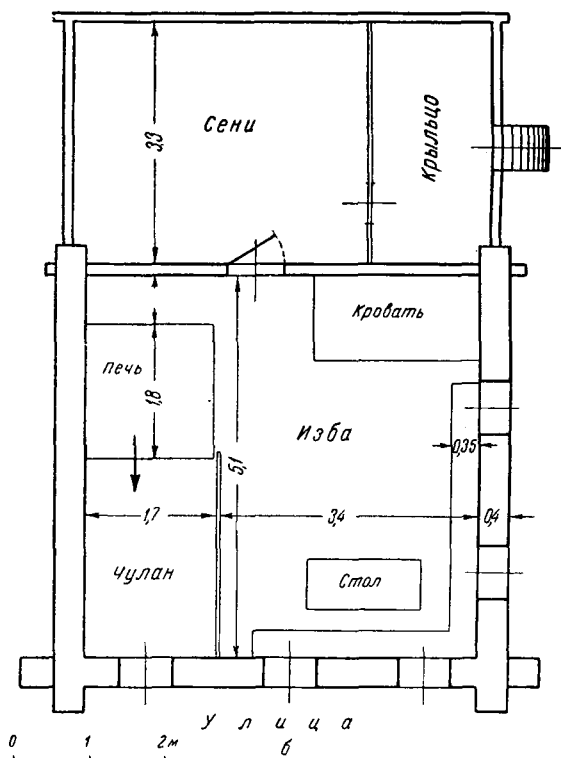
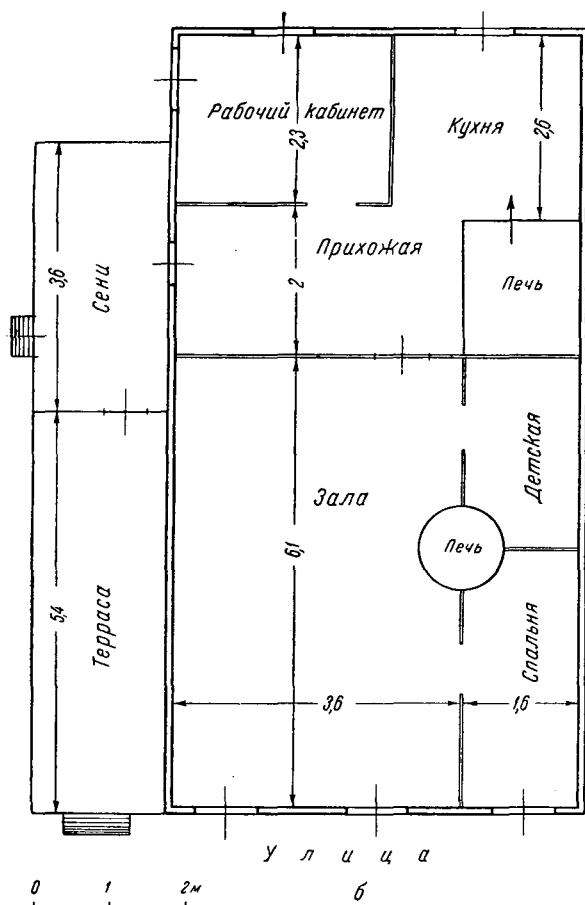

Рис. 2. Дом колхозника В. М. Навайкина постройки середины XIX в. (с. Черный Затон, Хвалынского р-на Саратовской обл.): а — внешний вид; б — план

а

б

Рис. 3. Дом А. В. Оленина постройки 1947 г. (с. Сосновая Маза, Хвалынского Саратовской обл.): а — внешний вид; б — план

К жилому дому непосредственно примыкали хозяйственные службы, которые в виде буквы «П» окаймляли территорию двора, оставляя внутреннюю часть открытой.

Хозяйственные службы состоят из помещений для скота — конюшен, кладовой, погреба и крытых сараев-навесов. При сооружении сараев обычно в землю вбивают столбы — «сохи» диаметром до 20 см и высотой до 3 м. На сохи кладут переклады — поперечные круглые балки, на них ставят стропила, на стропила — обрешетник

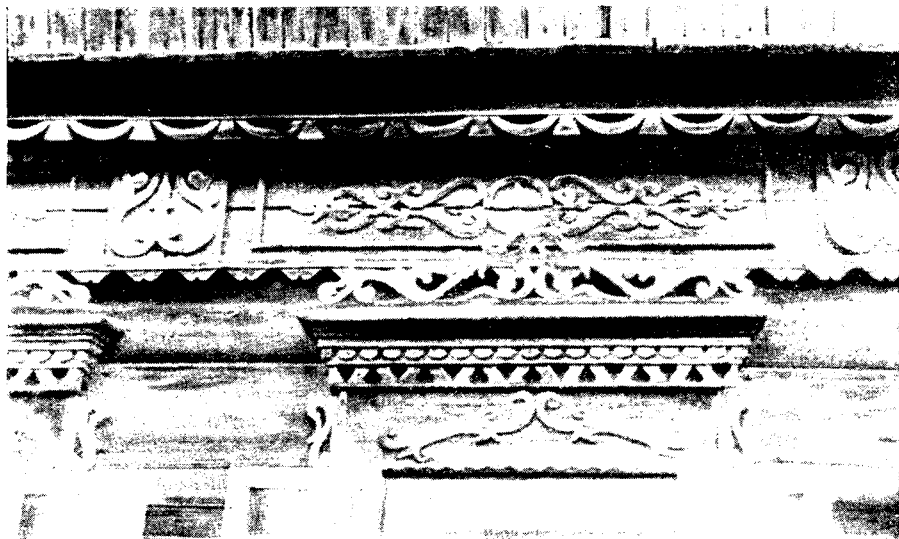

Рис. 4. Пропильная и наложенная резьба (с. Широкий Буерак, Вольского р-на Саратовской обл.)

Рис. 5. Гнездовое расположение усадеб (с. Усовка Саратовской обл.)

и на обрешетник — мелкий хворост («окладку»), а затем солому. В некоторых степных селениях внутреннюю часть двора покрывают плоской крышей («пласкухой»), которая не разбирается круглый год. Так крыты, например, все усадьбы в дер. Калиновка (Радищевский район). Местные жители объясняют это необходимостью защиты двора от сильных снежных заносов. При устройстве плоской крыши на сохи кладут «переклады», на них — обрешетник и окладку. Под навесами устраивают поветь — плоский настил из жердей, служащий для хранения сена.

В настоящее время П-образная застройка видоизменяется. Отдельные службы, необходимые прежде в единоличном хозяйстве, стали ненужными при колхозном

строе (например, конюшня, место для хранения телеги, саней). На освобожденных местах ставят ульи, разбивают огород или фруктовый сад. Помещения для скота чаще всего являются срубными постройками, которые рубят в угол, реже в лапу. Кладки строят из саманного кирпича, сараи — из плетня. Погребницы и амбары обычно нобитные. При сооружении их сначала кладут каменный фундамент и на нем воздвигают двойные деревянные стенки (опалубку). Пространство между стенами заполняют сухой соломой, а затем поливают жидкой глиной и, тщательно перемешивая, утаптывают ногами или специальными мялками. После того как глина высохнет, деревянные стенки разбирают.

Особое место в современном селении занимает хозяйственная усадьба колхоза. Обычно она располагается на окраине села. Постройки хозяйственной усадьбы сложены из саманного кирпича, плетня или являются срубными и крыты железным тесом, черепицей иногда соломой.

Следует отметить, что среди хозяйственных построек отсутствуют приспособленные для сушки зерна. Однако в XIX в. на данной территории были распространены овинные устройства ничем существенным не отличавшиеся от описанных для Среднего Поволжья¹. Видимо, русское население, пришедшее в край из северных районов, с Волги, в силу традиций долго сохраняло овинные, как неотъемлемую часть хозяйственных построек. Но постепенно овинные все же исчезли, так как достаточная сухость климата не требует специальных сооружений для сушки зерна.

Здания, где помещаются правление колхоза, сельсовет и клуб, т. е. административный и культурный центр колхоза, являются лучшими в деревне. Часто это специально построенные дома. Около них сажают деревья и цветы. При клубе обычно имеется радиоузел, работают библиотека, кружки художественной самодеятельности. Так, при клубе колхоза им. Молотова (с. Сосновая Маза) работают драматический хор, струнный и хореографический кружки. Клуб развернул большую культурную работу. Регулярно выходит стенная газета. Перед киносеансами показывают специальную киногазету, отражающую текущий день колхоза, передовых людей, их подвиги. В месяц проводится не менее 5—6 лекций. В составе лекторской группы колхоза свыше 15 человек — учителя средней школы, работники МТС, колхозные агрономы, зоотехники.

В колхозных библиотеках насчитываются сотни книг политической, художественной и сельскохозяйственной литературы.

Клуб в колхозе им. Калинина построен в 1947 г. по проекту председателя колхоза И. Т. Синяк. В обсуждении проекта приняли активное участие все колхозники. Это светлое, просторное помещение с обширной верандой. В зрительном зале 400 мест. В фойе на видном месте большой, красиво оформленный стенд с производственными показателями, озаглавленный «За что борется наш колхоз».

* * *

Приведенный материал позволяет сделать вывод, что русское население рай. Сызрань — Саратов в своей материальной культуре имеет много общего с великорусскими северных и центральных областей нашей страны. Это подтверждается и историческими данными о заселении края. Вместе с тем жилище и поселения имеют некоторые специфические особенности (отсутствие клети, постановка сруба на специальные столбы, наличие саманных и глинобитных построек, высокие и узкие завалинки и др.), обусловленные, с одной стороны, историей формирования русского населения края, с другой, — новыми природно-географическими условиями.

Характер развития жилища в настоящее время свидетельствует о глубочайших изменениях, происшедших в культуре и быте колхозной деревни за годы советской власти.

Е. П. Бусы

РАБОТА БАЛТИЙСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ АНТРОПОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1953 — НАЧАЛЕ 1954 года¹

Летом 1953 г. в Латвии, Эстонии и Литве продолжала работать Балтийская комплексная антрополого-этнографическая экспедиция (начальник экспедиции — профессор Н. Н. Чебоксаров).

Антропологический отряд экспедиции (начальник отряда — В. П. Якимов) продолжил обследование во всех трех Прибалтийских республиках. Кроме того, отряд об-

¹ См. Г. С. Маслова, Русские постройки Среднего Поволжья, «Сов. этнография», 1953, № 1; Е. П. Бусыгин, Поселения и жилища русского населения Татарской АССР, «Сов. этнография», 1953, № 2.

¹ Об организации и начале работ экспедиции см. «Советская этнография», 1953, № 1.

довал группу ижорского населения Ленинградской области. Антропологические исследования продолжались три месяца. В работе отряда, помимо московских и ленинградских антропологов Института этнографии АН СССР, принимали участие молодые антропологи Эстонии и Латвии (научная сотрудница Института истории Эстонской ССР К. Ю. Марк и заведующий отделом антропологии Музея природы Латвийской ССР П. П. Озолиньш). За период полевых работ антропологами изучено 18 групп по 200 человек. В отличие от 1952 г. антропологическому обследованию подвергались не только мужчины, но и женщины.

Можно считать, что за два сезона полевой работы отряд в основном закончил сбор антропологических материалов². Летом 1954 г. намечено провести лишь некоторые дополнительные контрольные обследования, что будет выполнено М. В. Витовым. В настоящее время завершается обработка материалов 1952 и 1953 гг.³ К концу 1954 г. будет подготовлен к печати I том трудов Балтийской экспедиции, посвященный проблемам этнической антропологии Прибалтики.

Этнографические работы, как и в 1952 г., были направлены на изучение материальной культуры латышей, литовцев и эстонцев для освещения их этнической истории и характера культурных связей с соседними народами. Вместе с тем в 1953 г. в значительно большей степени, чем в первый год работы экспедиции, уделялось внимание изучению социалистических преобразований в быту и культуре колхозного крестьянства.

Наиболее широко этнографические работы 1953 г. были развернуты на территории Латвийской ССР, где работали одновременно два этнографических отряда: отряд Института этнографии АН СССР в составе 7 человек (начальник отряда Л. Н. Терентьева) и отряд Института этнографии и фольклора АН Латвийской ССР в составе 8 человек (начальник отряда М. К. Слава). Основные полевые исследования оба отряда проводили в Видземе — центральной и северо-восточной части Латвийской ССР, в Цесиском и Алуksненском районах. Отряд Института этнографии АН СССР работал также в Гауенском районе (Вецпиебалгский сельсовет). Кроме того, отряд Института этнографии АН СССР провел рекогносцировочные обследования и некоторых других районов по маршруту антропологов, а именно: Элейского на юге Латвии (Земгале), Кулдигского и Дундагского — в западной части республики (Курземе).

Эстонский этнографический отряд, состоявший из трех самостоятельных групп общей численностью 7 человек, продолжал начатые в 1952 г. исследования в восточной Эстонии. Одна группа под руководством А. Х. Моора работала в северо-восточной Эстонии (Иихвиский район), вторая — под руководством Л. Трес — в юго-восточной Эстонии (Вастселинаский и Вырусский районы), третья — под руководством Е. В. Рихтер в Печорском районе Псковской области РСФСР, в селениях сету.

Литовский отряд, численностью 13 человек, работал в центральной Литве, в Дотнувском, Дадвилшском и Кедайнявском районах, соседних с районами, обследованными этим отрядом в 1952 г. Некоторые участники экспедиции провели дополнительные маршрутные обследования. Так, Л. Н. Терентьева работала в Зилупском, Гривском, Даугавпилском, Краславском, Резекненском районах Восточной Латвии, А. Х. Моора и Е. В. Рихтер обследовали Середкинский и Гдовский районы Псковской области вдоль правого берега Чудского озера.

Во всех этих районах работа проводилась совместно с организованным в 1953 г. Институтом этнографии АН СССР западным отрядом Русской экспедиции (начальник отряда — О. А. Ганюка). В задачи этого отряда входило изучение материальной культуры русского населения западных областей РСФСР (Смоленской, Великолукской, Псковской), а также смежных с ними восточных районов Латвийской ССР, в связи с подготовкой к изданию Русского этнографического атласа. Опыт проведения совместных работ отрядами Балтийской и Русской экспедиций в полосе этнических границ русского, белорусского, латышского и эстонского народов следует признать несомненно удачным. Это позволило, даже при довольно быстром продвижении экспедиции, вскрыть некоторые новые явления, характеризующие пути проникновения отдельных элементов материальной и духовной культуры от одного народа к другому и свидетельствующие об исторически сложившихся дружественных связях и тесных взаимоотношениях в быту этих соседних или смешанно живущих народов.

Все этнографические отряды основное внимание уделяли изучению крестьянского жилища, народной одежды и традиционных сельскохозяйственных орудий, так как прежде всего по этим трем элементам намечено проследить этническое развитие народов Восточной Прибалтики и характер их культурных связей с соседними народами.

Более всего собрано материалов по жилищу, особенно на территории Латвийской ССР. Данные двухлетних наблюдений Балтийской экспедиции и сборы западного отряда Русской экспедиции позволяют с большей достоверностью и полнотой выявить традиционные типы жилища населения восточных районов Прибалтийских

² В 1952 г. антропологические исследования в Прибалтике возглавлял проф. Г. Ф. Дебец, которого затем сменил М. В. Витов.

³ Итоги работы антропологического отряда экспедиции в 1952 г. опубликованы в статье Н. Н. Чебоксарова в «Вестнике АН Эстонской ССР», 1953, № 3.

республик, а также центральных и северных районов Латвии и Литвы. Уточнение границ распространения жилищ западных районов включено в план полевой работы 1954 г.

Отряды собирали также большой материал, характеризующий изменения типа и облика жилища, происходившие в эпоху капитализма, т. е. во второй половине XIX в. и особенно в первой четверти XX в. Из этих материалов видно, что в жилищах отражалась социальная принадлежность владельцев и что происходил отход от традиционных форм.

При полевых сборах материалов по одежде наибольшее внимание уделялось изучению современного костюма, так как по старинной одежде этих районов имеются богатые коллекции в музеях. Однако, учитывая отсутствие в большинстве музеев (например, в Государственном центральном историческом музее в Риге) достаточного количества удовлетворительных описаний одежды, а также разрозненность имеющихся коллекций, участники Балтийской экспедиции старались уточнить на местах обследования вопросы о локальных комплексах женской и мужской одежды и границах их распространения.

Изучению земледельческих орудий в 1953 г. было уделено сравнительно мало внимания. Члены экспедиции вели сбор этих материалов попутно с другими. Привлекая большое значение этой теме для решения вопросов этнической истории народов Прибалтики, руководство экспедицией добилось расширения состава ее участников за счет привлечения новых сотрудников, которые будут специально работать по изучению земледельческих орудий.

Существенное место в работах экспедиции в 1953 г., как и в предыдущий год, занимало изучение крестьянских поселений, выяснение их типов и форм, времени возникновения отдельных населенных пунктов и истории их развития. Одновременно изучались коренные преобразования в типах поселений и облике населенных пунктов в связи с начинающимся в Прибалтийских республиках переселением колхозников с хуторов в колхозные поселки.

Собранные материалы в значительной степени способствуют выяснению вопросов о типах и формах крестьянских поселений в Восточной Прибалтике, сознательно искажавшегося буржуазными националистами. Вместе с тем они рисуют мрачную картину жизни латышского, литовского и эстонского крестьянства в условиях капиталистического строя. Участники экспедиции, как и в 1952 г., нередко сталкивались с фактами свидетельствующими о неоднократно производившихся помещиками, а затем и местной буржуазией перемещениях крестьян с обжитых и разработанных земель на худшие или о полной ликвидации некоторых поселений с целью захвата земли. Сюда относятся и насильственная разбивка деревень на хутора, особенно интенсивно проводившаяся в Эстонии, Литве и Латвии в годы буржуазной диктатуры.

В материалах о поселениях отражена социальная дифференциация крестьян, усилившаяся в конце XIX в. и принявшая особенно острые формы в 20—30-х годах XX в. В этот период стало обычным явлением возникновение изолированных, обособленно расположенных поселений, объединяющих жителей по социальному признаку. Таковы поселки батраков, бобылей и ремесленников, расположенные неподалеку от помещичьих имений, а также на задворках деревень или хуторов крестьян, имевших более крупные земельные наделы. Экспедиция зафиксировала такие поселения в Неретском, Акнистском, Гривском, Элейском, Алуксненском районах Латвийской ССР, а также в Догнувском районе Литовской ССР.

На протяжении всего маршрута производился сбор материалов по новому строительству в колхозах, размах которого по сравнению с 1952 г. заметно возрос. Во всех колхозах, на территории которых останавливалась экспедиция при проведении маршрутных обследований, имелись утвержденные проекты новых колхозных селений в соответствии с которыми интенсивно строились производственные и хозяйственные сектора. Жилое строительство, наиболее успешное в 1953 г., проводилось в колхозе «Аушра» Дотнувского района Литовской ССР.

Для изучения процессов социалистических преобразований в быту и культуре колхозного крестьянства отряды экспедиции проводили стационарные наблюдения. Литовский отряд работал в колхозе «Аушра», Латвийский отряд — в двух колхозах Цесисского района: колхозе имени Ленина и «Сарканайс Октобрис».

Литовский и Латвийский отряды работали по программам Института этнографии АН СССР, изучая комплексно все стороны жизни колхозного крестьянства — производственный быт колхозников, общественную и культурную жизнь села, домашний быт и семейные отношения. В латвийских колхозах совместно с этнографами работали фольклористы, собиравшие материалы по устному народному творчеству, народные мелодии и танцам.

* * *

В IV квартале 1953 г. и в I квартале 1954 г. коллектив экспедиции проводил большую работу по учету и изучению материалов прежних экспедиций, а также музейных коллекций, архивных источников и литературы.

По наличию этнографических материалов, собранных в досоветский период, на первое место следует поставить Эстонию, где в годы буржуазной диктатуры и в дооктябрь-

ский период проводилась активная собирательская работа. Центром ее являлся Этнографический музей в Тарту, располагающий в настоящее время богатейшим собранием коллекций и большим научным архивом, содержащим материалы экспедиции и ответы на анкеты, рассылавшиеся широкому кругу корреспондентов. Большая часть этих материалов требует критической переработки и пополнения, но они, несомненно, имеют значительную ценность.

Второе место по сборам этнографических материалов в прошлом занимает Латвия. В годы буржуазной диктатуры из этнографической тематики в Латвии наибольшее внимание уделялось изучению жилища. Однако сбор этнографических материалов в буржуазной Латвии проводился в несоизмеримо меньших размерах, чем в Эстонии. К тому же в большинстве случаев этим занимались неэтнографические учреждения, например бывшее Управление охраны памятников⁴. Материалы эти по качеству исполнения во много раз уступают эстонским. Кроме того, в них, как правило, отсутствует самая элементарная этнографическая паспортизация, без которой воспользоваться ими крайне сложно, а часто и невозможно.

Хуже всего со сбором этнографических материалов обстоит в Литве, особенно в той части, которая была оккупирована панской Польшей. Материалы, собранные с 1920 по 1940 г., крайне малочисленны. Можно сказать, что этнографическая работа в эти годы в Литве по существу не проводилась.

Только после установления в Прибалтийских республиках советской власти и особенно после учреждения республиканских академий наук (1946), когда впервые были созданы необходимые условия для развития всех отраслей науки, в Литве, Латвии и Эстонии начались планомерные этнографические исследования. Размах их особенно возрос с момента организации Балтийской комплексной экспедиции.

Суммируя все имевшиеся ранее материалы и публикации, а также данные, собранные за два полевых сезона Балтийской экспедицией, можно сказать, что наиболее изученным из трех названных ранее элементов материальной культуры является народная одежда. В музеях Тарту, Риги, Вильнюса, Каунаса, Шяуляи сосредоточены богатейшие коллекции по народной одежде эстонцев, латышей и литовцев. Большая часть их собрана еще в дооктябрьский период при участии или с помощью центральных этнографических учреждений Москвы и Петербурга⁵. Большую ценность представляють также коллекции по одежде Государственного музея этнографии народов СССР в Ленинграде, подлежащие более детальному изучению.

Жилище народов Прибалтики изучено значительно меньше, о чем свидетельствует составленная участниками экспедиции карта изученности крестьянского жилища. Наиболее обследованы были жилища Эстонии. К началу работ Балтийской экспедиции отсутствовали главным образом материалы, относящиеся к восточным районам республики. В связи с этим именно там были начаты работы Эстонского отряда экспедиции. По жилищу центральной и западной частей республики достаточно обширный материал хранится в научном архиве Этнографического музея Академии наук Эстонской ССР в Тарту. Этот материал может быть положен в основу при описании традиционных типов эстонского жилища.

Материалы, собранные в прошлом по жилищу Латвии, относятся преимущественно к западным и частично к восточным районам. В настоящее время они сосредоточены в научном архиве Государственного центрального исторического музея в Риге, а также в библиотеке архитектурно-строительного факультета Латвийского государственного университета. Все эти материалы взяты на учет членами Балтийской экспедиции, работающими по жилищу.

По Литве старые материалы почти полностью отсутствуют.

Учет и изучение собранных в прошлом материалов по сельскохозяйственным орудиям в настоящее время еще не завершены, поэтому характеризовать эти материалы пока не представляется возможным.

За последние годы в Прибалтийских советских республиках заметно оживилась научно-исследовательская работа, что, несомненно, способствует выполнению поставленных перед экспедицией задач. Наряду со сбором новых оригинальных материалов подготовляются к публикации работы, близкие по тематике к работам экспедиции. Так, в Эстонии завершается работа над альбомом народной одежды, подготовляемым к печати Институтом истории и Этнографическим музеем АН Эстонской ССР. Составители альбома являются участниками Балтийской экспедиции. Редактируют альбом проф. Х. А. Моора и ст. научный сотрудник Института этнографии АН СССР В. Н. Белицер, непосредственно связанные с работами экспедиции.

В Латвии интересную работу по исследованию одежды и тканей на основе материалов археологических раскопок проводит А. Зарыня, научный сотрудник Института истории и материальной культуры АН Латвийской ССР⁶. Не меньший интерес

⁴ В настоящее время эти материалы хранятся в научном архиве Государственного центрального исторического музея Латвийской ССР.

⁵ Русского географического об-ва. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии.

⁶ Предварительные итоги своей трехлетней работы А. Зарыня сообщила в марте 1954 г. на отчетной конференции археологов Латвии в Ин-те истории и материальной культуры АН Латвийской ССР.

представляет также работа М. К. Славы (бывшего научного сотрудника Института этнографии и фольклора АН Латвийской ССР, ныне аспиранта Института этнографии АН СССР) по изучению женской латышской одежды за период с XVII в. до настоящего времени.

По изучению народной архитектуры за последние несколько лет на первое место выдвинулась Литовская ССР. Помимо Литовского отряда Балтийской экспедиции изучением жилища занимается Каунасский художественный музей. Значительный интерес представляют хранящиеся в этом музее материалы по жилищу, собранные К. Чабунасом в 1947—1950 гг. Большую научную ценность имеют полевые материалы к народному зодчеству, собранные в течение нескольких лет преподавателями и студентами старших курсов кафедры градостроительства архитектурно-строительного факультета Каунасского политехнического института. На основе этих материалов два архитектора Литвы уже защитили кандидатские диссертации: И. М. Бершаускас на тему «Усадьба литовского колхоза» и Э. С. Будрейка — «Архитектура малоэтажного строительства в Литовской ССР». В настоящее время коллектив кафедры подготовил к изданию четыре альбома по народному зодчеству.

В фондах Института этнографии АН СССР хранится кандидатская диссертация по жилищу восточной Литвы, защищенная Г. И. Гозиной в июне 1952 г. Диссертация представляет собой первую сводку полевых этнографических материалов, архивных литературных источников по названной теме.

В Латвии, кроме Института этнографии и фольклора АН СССР, а также Бригас музея, включившегося в работу Балтийской экспедиции еще в 1952 г., сбор полевых материалов по народному зодчеству проводит Отдел охраны памятников архитектуры Управления архитектуры при Совете Министров Латвийской ССР. По ходатайству Института этнографии АН СССР эти материалы любезно предоставлены Балтийской экспедиции для ознакомления.

Изучение народного зодчества с 1954 г. включено также в план научно-исследовательских работ Института архитектуры и строительства Академии наук Латвийской ССР, с которым руководство Балтийской экспедиции договорилось о координации работ. В мае 1954 г. научным сотрудником этого института О. Берзиньш защитил кандидатская диссертация на тему «Архитектура народного жилища Латвии и основные предпосылки к проектированию жилого дома колхозника Латвийской ССР», в которой имеется некоторый сводный материал о традиционном латышском крестьянском жилище.

По эстонскому народному жилищу в конце 1953 г. были защищены две кандидатские диссертации: аспирантки Института этнографии АН СССР Н. В. Шлыгиной и архитектора К. Я. Тихазе.

Специальные исследования по сельскохозяйственным орудиям советскими этнографами Латвии и Эстонии до последнего времени не проводились. По Литве старшим преподавателем кафедры археологии и этнографии Вильнюсского государственного университета П. В. Дундулене защищена в Ин-те этнографии АН СССР кандидатская диссертация на тему «Земледелие в Литве в феодальный период». В диссертации значительное место отведено описанию типов сельскохозяйственных орудий и их сравнению с орудиями соседних народов.

Ознакомление с названными выше работами, подготовляемыми в настоящее время к печати некоторыми из республиканских научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений, а также с защищенными или подлежащими в ближайшее время защите кандидатскими диссертациями показало, что подавляющее большинство из них (особенно работы архитекторов) не содержат прямых ответов на вопросы поставленные перед коллективом Балтийской экспедиции. Однако привлеченные авторы этих работ новые материалы представляют несомненный интерес, так как в дополняют и обогащают сведения о культуре и быте народов Советской Прибалтики накопленные экспедицией.

Работа экспедиции в свою очередь оказывает большое положительное влияние на развитие научной работы в республиканских учреждениях этнографического профиля и на ускорение роста научных кадров, что особенно выявилося при проведении в 1953 г. в республиках отчетно-экспедиционных конференций.

Дальнейший размах работы экспедиции в значительной мере будет зависеть от того, насколько широко будут вовлечены в ее работу специалисты смежных областей науки — историки, археологи, лингвисты, к чему надо всемерно стремиться. Некоторые шаги в этом отношении уже предприняты. Так, несомненно, большую пользу в работе экспедиции и в подготовке к публикации тома по этнической истории народов Прибалтики принесет участие в этом старшего научного сотрудника Института истории материальной культуры АН Латвийской ССР Т. Я. Зейда, взявшего на себя руководство разработкой темы «Земледельческие орудия». Значительный интерес представляет опыт использования данных лингвистики при решении вопросов этнической истории, проводимый научным сотрудником Института языка и литературы АН Латвийской ССР Д. Э. Земзаре, приглашенной для участия в работах экспедиции по той же теме. Заслуживает внимания опыт эстонских фольклористов по исследованию устного народного творчества в связи с решением проблем этногенеза эстонского народа. Работавшие над этими проблемами группа эстонских фольклористов выразила желание принять участие в полевых работах Балтийской экспедиции.

Особенно важным, в значительной мере способствующим дальнейшему развитию работы экспедиции является решение Бюро Отделения исторических наук АН СССР о включении в состав Балтийской экспедиции археологических отрядов Института истории материальной культуры АН СССР. В соответствии с этим и археологи Прибалтики намечают в значительно большей мере подчинить свои исследования общим задачам экспедиции. Только при условии такой координации работ можно рассчитывать на успешное разрешение сложных задач, стоящих перед экспедицией.

Л. Н. Терентьева

ФЕРГАНСКАЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Ферганская этнографическая экспедиция была организована в 1950 г. Основной задачей экспедиции являлось изучение процесса сложения национальной по форме, социалистической по содержанию культуры узбекского народа. Выбор в качестве района исследования Ферганской долины определялся двумя моментами: 1) изучение Ферганы является комплексной темой, разрабатываемой в текущей пятилетке всеми институтами АН УзССР в связи с громадным народнохозяйственным значением этой части Узбекской республики, и 2) работа Ферганской этнографической экспедиции координировалась с работой Памиро-Ферганской экспедиции АН СССР. В то время как Институт этнографии АН СССР взял на себя изучение таджикского и киргизского населения Ферганы, Отдел этнографии Института истории и археологии АН УзССР предпринял изучение узбеков Ферганы, составляющих основное население долины. В текущем году экспедиция начала свой пятый сезон; в 1955 г. должны быть завершены работы и подведены окончательные итоги.

Ферганская этнографическая экспедиция ведет работу в составе трех отдельных отрядов. Первый отряд работает в северо-восточной части Наманганской области, где расположены крупные высокоурожайные хлопководческие колхозы. Второй отряд занят обследованием сазерной части Ферганской долины, где находится большая часть кыпчакского населения Ферганы, в недалеком прошлом связанного со скотоводством, а теперь в основном перешедшего к интенсивному хлопководческому хозяйству, с сохранением скотоводства. Третий отряд работает в Ферганской области, изучая один из лучших колхозов республики — колхоз им. Сталина Ташлакского района.

Перед Первым отрядом в качестве основной была поставлена задача углубленного стационарного исследования одного из крупных высокоурожайных хлопководческих колхозов Наманганской области. Для этой цели был избран колхоз им. Сталина Чартакского района. На его примере должны быть выявлены основные линии развития современной национальной культуры сельского населения Ферганы. Дополнительно в первый год работы обследовались еще два колхоза, также им. Сталина, — один в Уйчинском районе и другой в пригородном районе Дерезлик. Они дали интересный сравнительный материал, который предполагалось использовать в монографическом исследовании, посвященном селениям и жилищу колхозников Ферганы, выполнявшемуся Ж. Я. Дехтеренко. С ее смертью исследование осталось незавершенным, и лишь в 1954 г. эта тема в несколько ином плане начала разрабатываться сотрудником Третьего отряда Х. Ф. Энаресом.

Работа в колхозе им. Сталина продолжалась в течение трех полевых сезонов: 1950, 1951 и 1952 гг. Число и состав сотрудников Первого отряда менялись. Состоя вначале из пяти научных сотрудников — трех этнографов, одного историка и одного экономиста, — отряд закончил работу в составе двух человек — автора настоящих строк и М. А. Бикжановой, которые и подвели итоги этнографического исследования колхоза в монографии «Прошлое и настоящее селения Айкыран». Кроме научных сотрудников, в работах отряда участвовали фотограф С. Я. Кравченко и художник Р. А. Акбальян. С 1953 г. Первый отряд начал разрабатывать новую тему, которая в ходе работ по изучению колхоза им. Сталина определилась как особенно актуальная, — «Семья и семейный быт в передовых колхозах северо-востока Ферганской долины». Постановка новой темы была вызвана необходимостью привлечь к исследованию этой важной проблемы более широкий круг источников (на предыдущем этапе работ ограниченных материалами Айкырана), чтобы углубить и обосновать те обобщения, которые намечались при изучении процесса становления новой семьи в колхозе им. Сталина Чартакского района. Итогом работ по теме «Семья и семейный быт в передовых колхозах северо-востока Ферганской долины», завершающихся в 1955 г., должна явиться монография. Таким образом, в результате шестилетних работ Первого отряда намечается издать две монографии.

Второй отряд имел своей задачей обследование колхозов в районах поселения кыпчаков, т. е. в северной части Ферганской долины. Основными вопросами, изучаемыми сотрудниками этого отряда, являлись: 1) происхождение кыпчаков Ферганы (на основе изучения их исторических преданий, родо-племенного состава и своеобразных форм быта); 2) процесс сложения современной социалистической культуры у недавних

полукочевников, в хозяйстве которых в прошлом основную роль играло скотоводство, земледелие стояло на низком уровне.

Работа этого отряда оказалась незавершенной вследствие смерти его руководителя — В. Г. Мошковой. Отряд проработал два сезона — 1950 г., когда в полевых работах приняли участие В. Г. Мошкова, Ш. И. Иногамов, фольклорист М. А. Афзал и фотограф М. Я. Розенкранц, и 1951 г., когда полевые работы проводила В. Г. Мошкова при участии лаборанта Т. Агзамходжаева. Еще до начала работ Ферганской этнографической экспедиции в этих районах побывал Ш. И. Иногамов со специальной целью сбора материалов по истории кыпчаков.

За время работы отряда и при поездке Ш. И. Иногамова были собраны материалы, освещающие как историю и старый быт кыпчаков, так и современный быт колхозников и деятельность посещенных отрядом колхозов. Ввиду большой важности изучен в плане этногенеза вошедших в узбекский народ этнических групп, среди которых особенно интересна группа кыпчаков, в 1955 г. полевая работа Второго отряда была продолжена.

Третий отряд начал свою работу позже других, в 1952 г. Его проблематику он делил собой те задачи, которые встали перед Ферганской экспедицией в ходе работы Первого отряда. Выяснилась необходимость более глубокой разработки некоторых просов, наиболее актуальных для этнографического исследования современности и понимания прошлой истории населения Ферганы: изучение социальных отношений до и после Великой Октябрьской социалистической революции, развития духовной культуры колхозного крестьянства, сложения социалистического поселка и нового жилища колхозников.

В работах Третьего отряда участвуют Р. Я. Якубова, М. Д. Имамкаримов, Х. Ф. Энарес. Работа отряда развернулась в одном из лучших колхозов республики — в крупном колхозе им. Сталина Ташлакского района, объединившем десять кишлаков Заркентского сельсовета, в прошлом составлявших Заркентское сельское общество.

Каковы основные научные итоги проделанной работы?

Работы Первого отряда дали возможность осветить ряд чрезвычайно важных вопросов истории сельского населения Узбекистана до и после Октябрьской революции с той конкретностью, какую обеспечивают лишь этнографические источники.

Для дореволюционного периода наиболее важным является детальное выяснение системы эксплуатации, определявшей собой социальные отношения в конце XIX — начале XX в. Эти данные намного уточняют наши знания об издольной аренде как основной форме закабаления дехкан землевладельцами. Так как обычно аренда не оформлялась документами (для Ферганы мы их пока не знаем вовсе), условия аренды оставались неясными и толковались историками только этимологически.

Однако, как показало наше исследование, термины, могли не соответствовать действительным условиям аренды. В Айкыране, например, термином «сеяк» (таджикский «одна треть») обозначался издольщик, получавший лишь пятую часть урожая. Кабальные условия, на которых работал сеяк, могли быть выяснены лишь этнографическим путем. Этим же путем удалось выяснить условия и других применявшихся в Айкыране форм аренды и иных форм эксплуатации чужого труда, обрисовать положение различных прослоек дехканства и степень их зависимости от богачей-землевладельцев.

Проведенная работа дала основание прийти к выводу, что, несмотря на отсутствие юридического закрепощения крестьян, несмотря на подрыв значения феодального землевладения реформой 1886 г., производственные отношения в сельском хозяйстве Айкырана вплоть до Октябрьской революции были в основном отношениями феодальными.

Этот вывод подтверждается и материалами, собранными Третьим отрядом в кишлаках Заркента. Вместе с тем сравнение данных, полученных в Айкыране, с данными по кишлакам Заркента показало, что в разных экономических районах складывались свои специфические черты социальных отношений, обусловившие различия в условиях жизни дехкан, в конкретных формах социальных отношений. Даже на территории Ферганской долины различия между Айкыраном и Заркентом настолько ощутимы, что приводит к выводу о необходимости охвата подобными исследованиями всех районов Узбекистана; только это даст право с достаточной уверенностью и точностью говорить о производственных отношениях в сельском хозяйстве доколхозного Узбекистана, вообще. С организацией таких работ необходимо торопиться, чтобы не исчезла возможность получить сведения из первых рук, — от тех, кто в молодости испытал на себе всю тяжесть подневольного труда.

В исследовании жизни дехканства Айкырана послереволюционного периода четко разграничивается картина социальных отношений до и после сплошной коллективизации, когда социалистический строй восторжествовал и в сельском хозяйстве. Этнографическое исследование позволило вскрыть различные этапы борьбы за социализм в конкретных условиях Айкырана и Заркента.

Большой научный интерес представляет обнаруженный экспедицией факт образования в Айкыране еще в 1924 г. двух сельскохозяйственных артелей, организованных батраками и беднейшими издольщиками и успешно развивавшихся вплоть до сплошной коллективизации, когда на базе их были созданы колхоз им. Сталина и колхоз «Кызыл Октябрь». О деятельности этих артелей, истории их организации и отношениях между их членами мы узнаем лишь из этнографических материалов.

История организации артелей, проведения земельно-водной реформы и, наконец, история колхоза — это история развития революционного процесса изживания и ниспровержения тех социальных отношений, которые закрепощали дехкан Айкырана, как и дехкан всего Узбекистана, до Октябрьской революции. Этот процесс затрагивал самые глубокие основы народной жизни, определял происходившие в ней изменения. Этнографический источник освещает этот процесс как процесс коренной перестройки всего быта, всего жизненного уклада дехканства. В этом плане история социальных отношений как тема этнографического исследования явилась одной из центральных проблем, разрабатываемых Ферганской этнографической экспедицией. Поставленная в работах Первого отряда в ряду других, она разрабатывается как специальная проблема Третьим отрядом.

Можно с уверенностью сказать, что выводы, сделанные на основании изучения этой важной темы в двух пунктах Ферганы, могут быть распространены и на Узбекистан в целом, так как вскрытые исследованием факты порождены общими историческими закономерностями в их узбекистанской специфике.

Исключительный интерес имеют добытые экспедицией факты, показывающие глубину той культурной революции, которая изменила лицо кишлака после Октября и в особенности — после перехода к колхозному строю. Эти факты говорят об изживании не только противоположности, но и существенных различий между городом и кишлаком. Они свидетельствуют о приобщении населения колхоза к высокой культуре социалистического общества. В основе колхозного хозяйства лежат достижения советской агробиологии и техники, в быт широко вошло электричество, дети колхозников получают среднее образование в школах колхоза, многие учатся в вузах и техникумах. Через учебные заведения в кишлак проникает культура узбекской социалистической нации: усваивается литературный язык, воспринимаются идеи, выраженные в литературе, в музыке, широко проникающей в жизнь колхоза через радио.

Велико влияние передовой русской культуры, обнаруживаемое во всех областях жизни колхоза. Одним из важных путей приобщения к ней являются произведения русской художественной литературы, переведенные на узбекский язык и широким потоком идущие в узбекский кишлак. До узбекской молодежи доходит героический патриотизм молодогвардейцев, революционное горение Павла Корчагина, образы «Людей с чистой совестью», «настоящего человека» Алексея Мересьева, гуманизм и передовые идеи великих русских писателей дереволуночной эпохи. Под этим благотворным влиянием формируется мировоззрение молодого поколения айкыранцев, и значение этого факта трудно пересчитать.

Изучение жизни колхозников выявило характерную для них большую любовь к художественному слову. Прежде выражавшаяся в устном творчестве, в фольклоре, сейчас, с распространением грамотности, она определила развитие своеобразной народной письменной литературы, в которой выражается внутренний мир многочисленных писателей и поэтов — колхозников.

Большое место в работах Ферганской этнографической экспедиции занимает тема формирования новой узбекской семьи. Конечно, новая семья складывается везде; и в городе, и в кишлаке. Однако в колхозах, где все женщины приобщены к общественному труду, этот процесс идет более интенсивно и охватывает всю массу женщин. Особенно благоприятные условия для его развития складываются в таких колхозах, как чартакский колхоз им. Сталина, где высокая оплата трудней и хорошо налаженное производство дают женщинам и девушкам реальную экономическую самостоятельность и самую широкую возможность проявить свои силы. Поэтому здесь мы могли наблюдать яркие примеры становления новых отношений между членами семьи и убедиться, что этот процесс идет в Айкыране чрезвычайно интенсивно и глубоко перестраивает семью.

Происходит полное изживание неразделенной семьи, восходящей к семье патриархальной и унаследовавшей от последней многие черты отсталости, а порой и реакционности. Наши наблюдения показывают, что неправы были те, кто считал такую семью изжитой в основном еще до Октябрьской революции. Лишь под влиянием новых условий колхозной жизни, в первую очередь под влиянием получения молодежью — мужчинами и женщинами — экономической независимости, происходит массовый переход к малой отдельной семье. Переход этот совершается безболезненно, в острой борьбе с отсталыми взглядами на обязательность совместного проживания женатых сыновей с отцом, с представлением о том, что отделение является оскорблением для отца и позором для сына. Собранные экспедицией материалы свидетельствуют, что типичной для узбекской семьи становится малая отдельная семья и сохранившиеся бытовые традиции уже в состоянии задержать массовый процесс ее становления.

Вместе с тем изучение неразделенных семей (которых пока что в колхозе им. Сталина, как и в других колхозах, а также в городах немало) показывает, что сохранившиеся неразделенные семьи ни в коем случае не могут быть отождествлены со старыми патриархальными семьями. Несмотря на то, что в них в гораздо большей степени сохраняются старые бытовые традиции, несмотря на то, что по своей форме эти семьи на первый взгляд напоминают патриархальную семью, отношения между членами неразделенных семей уже совершенно иные, современные, обусловленные колхозным строем.

Таковы в самом кратком изложении основные научные итоги работы Первого и Третьего отрядов Ферганской этнографической экспедиции, занимающихся стационарным изучением быта передовых колхозов в двух различных районах Ферганской долины.

Перерыв в работе Второго отряда не позволяет пока говорить о каких-либо определенных итогах. Однако и здесь можно отметить некоторые чрезвычайно интересные результаты, которые заставляют считать крайне желательным продолжение работы по изучению кыпчаков. Кыпчаки, в особенности ферганские, являются одной из интереснейших и очень мало изученных этнических групп, вошедших в состав узбекской социалистической нации. Собранные материалы не дают возможности решить вопросы происхождения ферганских кыпчаков, не говоря уже о кыпчаках в целом. Однако материалы проливают свет на общий облик кыпчаков, рисуют их как весьма своеобразную этническую группу, имевшую свои культурные традиции, которые слились в некоторой степени продолжают отличать их от соседей. Вместе с тем эти материалы свидетельствуют, что кыпчаки за длительный период их жизни в Фергане успели в значительной мере слиться с окружающим их узбекским населением, чему немало способствовала языковая близость: язык кыпчаков выделяется лишь как один из говоров узбекского языка.

Больше говорят о происхождении кыпчаков особенности их быта. Краткая этнографическая характеристика, которую на основании материалов, собранных во время экспедиции и предшествующей поездки, дал ферганским кыпчакам Ш. И. Иногамов в своей работе «Этнический состав и этнографические карты Ферганской долины», показывает, что они сохранили много особенностей кочевого быта, своеобразное племенное деление, особый календарь, особенности в именах людей и кличках животных. Ряд культурных традиций, сохранявшихся вплоть до перехода к колхозному строю, говорит о том, что этногенез кыпчаков на ранних этапах был иной, чем этногенез окружающих их населения. На поздних этапах этногенетического процесса они начали сливаться с узбеками, однако условий для завершения этого слияния Октябрьской революции не было, как не было условий и для завершения процесса формирования узбеков в буржуазную нацию. В настоящее время кыпчаки осознают себя узбеками, приобщаются к общеузбекской культуре, овладевают узбекским литературным языком. Если вспомнить, что до революции они резко противопоставляли себя узбекам, что между ними и остальным узбекским населением Ферганы была старая вражда, приведшая в середине XIX в. к резне кыпчаков, то можно еще раз убедиться в животворной силе советского строя, приводящего к сплочению, дружному слиянию разрозненных раньше этнических групп, которые в условиях дореволюционного Узбекистана не могли осознать свое единство и сплотиться.

Чрезвычайно важно с научной и практической точек зрения исследование вопроса о приобщении кыпчаков, в прошлом отличавшихся особенной отсталостью, к высококультурной социалистической культуре, в частности, о переходе их от экстенсивного полукочевого полупасторского хозяйства к культурному, высокопродуктивному хлопководству.

Материалы, собранные Вторым отрядом во время маршрутного обследования охватившего все основные области поселения кыпчаков, т. е. север Ферганской долины, показали, что кыпчакские колхозники идут общим для всей узбекской нации путем. Чем дальше, тем больше их культуру определяют черты общенациональной узбекской культуры. Кыпчаки активно втягиваются в нее всем строем колхозной жизни, школой, через которые идет приобщение их к узбекской литературе, к узбекскому литературному языку, происходит приобщение их к культуре русского народа.

Затронем несколько общих вопросов, касающихся постановки работы по этнографическому изучению современности, в частности монографическому исследованию колхозов.

1. Изучение колхоза им. Сталина показало, что такого рода темы чрезвычайно перспективны для разработки их по этнографическим источникам. Возможность привлечения многочисленных информаторов, которые освещают вопрос с разных сторон, получение самых разнообразных сведений, личные наблюдения, — все это дает возможность придать этнографическим исследованиям полноту, необходимую для монографических работ. Работы широкого плана — тематические исследования, охватывающие много объектов и выполняемые путем маршрутных поездок, «покрывающих значительную территорию, должны опираться на прочные и надежные выводы, полученные в результате длительного стационарного изучения одного объекта. В этом случае длительные связи с населением позволяют наблюдать его жизнь изнутри, открывать этнографу, при правильном подходе к информаторам, двери их домов, позволяют узнать людей и их жизнь. В силу своей углубленности такое изучение дает возможность обнаружить и понять наиболее характерные и типичные черты народной жизни, порожденные общими историческими закономерностями, но проявляющиеся в различных районах страны в своеобразных местных формах. Выяснение этих основных линий на одном конкретном примере дает ключ к правильному пониманию более широкого материала, позволяет избежать при его анализе поверхностной трактовки фактов и явлений. Таким образом, наше первое положение — это положение о необходимости сочетать при исследовании той или иной проблемы современности монографическое изучение одного объекта с последующим тематическим исследованием более широкого плана.

2. В силу условий самой жизни именно колхоз, а не селение является в наши дни той единицей, которая может и должна быть объектом монографического исследования. Выделение колхоза нельзя считать сколько-нибудь искусственным, формальным. Колхоз отнюдь не является лишь хозяйственной единицей. Его население связано в единый спаянный коллектив, сложившийся не произвольно, а в соответствии с определенными, иногда издавна сложившимися связями. Эти связи в условиях колхозного строя окрепли, получили новое содержание, соединили членов колхоза друг с другом и в хозяйственном, и в бытовом, и в культурном отношениях неизмеримо теснее, чем они когда-либо были связаны в прошлом жизнью в одном селении.

Колхоз, в особенности после укрупнения, обычно включает в себя либо несколько связанных между собой селений, либо одно большое селение, либо часть крупного населенного пункта, в прошлом представлявшую собой какую-то определенную единицу. Выделить для монографического изучения, скажем, одно из селений, входящих в колхоз, практически неосуществимо. Можно изучать несколько колхозов, составляющих одно крупное селение. Но и тогда, если мы будем ставить перед собой задачу исследования всех сторон жизни сельского населения, в их взаимной связи, мы неизбежно встанем на путь монографического углубленного изучения каждого из колхозов, существующих в селении, с последующим обобщением полученных результатов.

Следует сказать, что укрупнение колхозов намного облегчило задачу определения единицы монографического исследования, так как это мероприятие, по крайней мере в Узбекистане, привело к объединению в один колхоз всех частей исторически сложившегося микрорайона, которые до укрупнения были разобщены в силу организационных трудностей, сопутствовавших более ранним этапам колхозного строительства.

Итак, объектом монографического исследования должен являться колхоз.

3. Третье выдвигаемое нами положение — о необходимости при монографическом исследовании его хронологического углубления. Исследование должно охватывать не только современный этап жизни колхоза, но и историю его сложения, и историю его населения в прошлом, насколько это позволяют источники. Нельзя по-настоящему понять истоки своеобразия, отличающего один колхоз от другого, без выяснения таких вопросов, как вопрос о составе населения, вопрос о положении трудящихся до революции и до организации колхоза, включающий в себя важнейший вопрос о классовых противоречиях и о классовой борьбе, вопрос о производственных, бытовых и культурных традициях и т. п. Выяснение этих вопросов важно при любом этнографическом исследовании, ставящем перед собой задачу изучения важнейших сторон жизни народа, но при монографическом направлении оно совершенно необходимо. Здесь сравнения, которые являются важным элементом всякого исследования, помогая дать правильную оценку явлений, должны идти главным образом вглубь истории. Современные условия жизни и достижения культуры могут быть в полной мере оценены лишь при сравнении их с жизнью народа до Великой Октябрьской социалистической революции.

Исторические параллели, добываемые этнографическим путем, чрезвычайно обогащают исследование, позволяют с наибольшей яркостью обрисовать достижения современной культуры во всех ее конкретных проявлениях. Вряд ли надо говорить, что этот элемент исследования сможет по-настоящему сыграть свою роль только тогда, когда он представлен не в обобщенной форме, а полнокровными, яркими фактами, наличие которых характеризует этнографические работы. Ограничение лишь обобщенным показом жизни народных масс до революции, отсутствие полной, яркой картины угнетения трудящихся эксплуататорскими классами, отказ от выяснения конкретных форм эксплуатации, — все это лишило бы этнографическую работу ее драгоценного качества, так часто недостающего историческим трудам, — конкретности, полнокровности, яркости, благодаря которым изложение становится особенно убедительным.

Нам представляется совершенно необходимым, в особенности при монографических исследованиях, полностью использовать те возможности острого, политически действенного сопоставления прошлого с настоящим, которое дает глубокое изучение не только современной жизни народа, но и конкретное изучение его жизни в тяжелых условиях дореволюционного времени.

О. А. Сухарева

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ РАБОТА В ТАДЖИКИСТАНЕ В 1952—1953 гг.

Как уже отмечалось в информационном сообщении о работе таджикстанских этнографов в 1951 г. («Советская этнография», 1952, № 1), сектор этнографии в Таджикистане был организован в Институте истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР 16 июня 1951 г. и в полном составе начал работать с 1952 г.

В 1952 и 1953 гг. центральное место в работе сектора занимало изучение культуры и быта передового колхоза Ленинабадской области. Эта большая тема разрабатывалась сектором с 1950 г. совместно с Институтом этнографии АН СССР и под его руководством. Таджикстанские этнографы с самого начала включились в нее в лице Н. Н. Ершова, который взял на себя раздел «Сельскохозяйственные занятия населения». Завершением этой работы явилась монография «Культура и быт таджикского кол-

хозного крестьянства», подготовленная коллективом авторов (Н. А. Киселёв, Н. Н. Ершов, Е. М. Пещерева и С. П. Русайкина).

В настоящее время важнейшее место в работе сектора занимает сплошное этнографическое обследование Таджикистана. Работа эта была начата с обследования Кулябской области в 1948—1949 гг. Результатом ее явилась публикация ряда работ (см. А. К. Писарчик, Кулябская этнографическая экспедиция 1948 года, «Известия Таджикского филиала АН СССР», № 15, Сталинабад, 1949, стр. 85—97, и приложения к настоящей заметке библиографию, № 3, 15, 16, 17).

Опыт работы в Кулябской области показал, что, во-первых, проведение такой работы дает весьма ценные и разносторонние материалы, позволяющие делать не только частные выводы и обобщения, и ее следует продолжать по другим областям республики, во-вторых, что осуществлять эту обширную работу следует силами более многочисленного коллектива и в более длительный срок, чем это было сделано в Кулябе.

С 1952 г. сектором начато сплошное этнографическое обследование второй области — Гармской. Одной из главных причин, определивших выбор этой области, является то обстоятельство, что из нее в течение ряда последних лет происходит массовое организованное переселение горных таджиков на вновь осваиваемые земли в равнинной южной Таджикистана. Необходимо было спешить с обследованием, так как за несколько лет собрать необходимые материалы по этой области было бы невозможно.

В 1952—1953 гг. производился сбор полевого материала в бассейне р. Сурхоба (б. Каратегин). Собраны подробные этнографические материалы по истории расселения населения, его переселений, по топонимике, материальной культуре (одежда, пища, жилище), занятиям населения (земледелие, животноводство, ремесла, промыслы), семейному быту (рождение, свадьба, смерть), социальным отношениям в деревне, в свободное время, народным развлечениям, данные об изменениях в культуре и быте крестьянства в результате установления советской власти и победы колхозного строя.

Коротко остановимся на предварительных итогах работы экспедиции.

Материалы, собранные Р. Л. Неменовой и А. З. Розенфельд по истории расселения населения Каратегина, по топонимике и языку, а также по истории кишлаков, подтверждают высказанные ранее В. В. Бартольд, Н. Г. Маллицким и Н. А. Киселёвым предположение о том, что раньше, лет 300 назад, страна Каратегин была заселена киргизами; затем киргизы ушли, а в Каратегин стали переселяться таджики, главным образом из страны Вахьо (бассейн р. Хингоу), называемые «вахичи»; в меньшей степени — из долины р. Ях-су (преимущественно из ее верховьев), называемые «яхсу». В процессе заселения наблюдается некоторая закономерность, которая подтверждается лингвистическими и топонимическими данными. Селения, расположенные на правобережью Сурхоба, заселялись главным образом выходцами из Вахьо и в небольшой степени из Гиссара, а также отдельными семьями из Матчи; левобережные же селения выходцами из долины Ях-су, частично из Куляба и Матчи. Во многих правобережных селениях есть единичные семьи, предки которых были выходцами из Самарканата, Ленинабада (б. Ходжент) и Катта-Кургана. Имеются единичные семьи из Дарваза. В Джиргатальском районе (единственный район Гармской области, где еще сохранился в значительном числе киргизское население), большинство таджикского населения — вахичи, а большинство из них — из кишлака Арзинг. Они выселились, согласно преданиям, в начале прошлого столетия.

По собранным сведениям, причинами переселения таджиков в Каратегин из Вахьо и долины Ях-су явились малоземелье и суровые природные условия этих стран: эти переселения продолжались до недавнего времени. Связи многих более поздних выселений с их родной силой и по настоящее время.

В связи с вопросом о переселениях следует отметить, что по рассказам местных жителей, а также согласно материалам этнографических работ в Ферганской долине имело место переселение каратегинцев в Ферганскую долину и основание ряда таджикских кишлаков на территории современных Узбекистана и Киргизии. Н. А. Киселёвым приводятся сведения о выселениях из Каратегина в Исфаринском районе Таджикистана. По справедливому предположению Р. Л. Неменовой, переселения каратегинцев в Фергану связаны с отходничеством, без которого население Каратегина до революции не могло существовать и которое в настоящее время почти не наблюдается.

Материалы по топонимике и языку обширны и многообразны и представляют огромный интерес как для этнографов и историков, так и для географов и лингвистов. Не менее разнообразны материалы по занятиям населения, главным образом по земледелию и скотоводству, которые здесь являются ведущими отраслями хозяйства. Материалы по этой теме собираются в основном М. Р. Рахимовым.

Тщательно выяснялся характер земледелия в обследуемых районах и отдельные стороны — состав выращиваемых культур, способы обработки поля, способы высева зерна, уход за урожаем в различные периоды его роста и т. п. Записано довольно много старинных способов обработки земли и других сельскохозяйственных приемов. Зафиксированы и описаны все сельскохозяйственные орудия. Собирались материалы по народному календарю и мерам, по различным праздникам, связанным с земледелием, и по старинным верованиям и обычаям, связанным с земледелием и скотоводством, большинство из которых своими корнями уходит в глубокую древность; в числе их, например, представление о душе земли.

Собранный материал дает возможность детально охарактеризовать не только древнюю сельскохозяйственную культуру горных таджиков, но и сельскохозяйственную культуру современных колхозов, дать картину тех изменений и преобразований, которые произошли за годы коллективизации. Собранные экспедицией материалы по дореволюционным социальным отношениям показывают, что в Каратегине, как и во всей Восточной Бухаре, господствовали феодальные отношения. Хотя крепостная зависимость и не была оформлена юридически, фактически крестьяне были прикреплены к земле и находились в полной зависимости от феодалов. Материалы позволяют проследить сложный процесс перестройки быта, семейных отношений и сознания, превращения темного, забитого, задавленного нуждой и социальной приниженностью горного таджика в сознательного, культурного советского человека.

Как уже отмечалось, в последние годы происходит массовое организованное переселение горных таджиков на вновь осваиваемые земли на равнинах южного Таджикистана, что является, несомненно, весьма положительным фактом. Перед людьми, вышедшими из горных расщелин, раздвигаются широкие горизонты не только в буквальном смысле этого слова. Приобщение к передовой технике, к высокой культуре густозаселенных долин, близость к городским центрам, несравненно более высокая материальная обеспеченность и т. д. — все это за короткий срок совершенно преобразовывает жизнь переселенцев. Интересны и новые материалы по народным развлечениям и театру, собираемые Н. Х. Нурджановым.

Экспедиция проводит также этнографическое изучение каратегинских киргизов. Изучение их представляет интерес не только потому, что до сих пор не существует никакой специальной этнографической литературы по этой группе киргизов, но только потому, что, проживая на стыке путей из горного Таджикистана в Фергану, на Памиро-Алай и в Кашгар, они испытали на себе влияние языка и культуры таджиков, узбеков и уйгуров, но еще и потому, что каратегинские киргизы относятся к племени икчилек, которое считается генетически некиргизским, и изучение его представляет несомненный интерес с точки зрения этногенеза.

Таким образом, опыт сплошного этнографического обследования двух областей позволяет надеяться, что проведение аналогичной работы по всем областям даст обширные материалы для истории таджикского народа за последние 100—200 лет. истории сложения его культуры, истории становления таджикской социалистической нации.

Результаты работ 1952 г. опубликованы в ряде статей участников экспедиции (см. прилагаемую библиографию, № 11, 12, 13).

Работы 1952—1953 гг. по сплошному этнографическому обследованию Гармской области проводились под общим руководством Н. А. Кислякова; участниками экспедиции являлись Н. Х. Нурджанов, М. Р. Рахимов, Б. Х. Кармышева, Р. Л. Неменова, Ю. И. Богорад, А. З. Розенфельд, М. Х. Хамиджанова, художники Семчин и М. Р. Габеев.

На 1954 г. намечено обследование последнего района области — долины р. Пянджа (б. Дарваз) и каратегинских (джиргатайских) киргизов. На следующие два года планируется обработка и подготовка к изданию всех собранных материалов.

В 1952—1953 гг. проводилась также работа антрополого-этнографического отряда по изучению таджиков и других народов южного Таджикистана. Она была предпринята нашим институтом потому, что в результате работ Кулябской этнографической экспедиции 1948—1949 гг., в связи с выяснением этногенеза таджиков и узбеков (занимающих второе по численности место среди населения республики) встал вопрос об антропологическом обследовании весьма пестрого в этническом отношении населения южного Таджикистана по этническим и родо-племенным группам. В 1952—1953 гг. совместно с Институтом истории и археологии АН УзССР были проведены экспедиционные работы в районах Кулябской области и обследовано около 2,5 тыс. человек — таджиков (в том числе таджиков, ранее причислявших себя к роду Тюрк) и узбекоязычных групп — тюрков, карлуков, барласов, локайцев, семизов, кесамиров, катаганов и других. Результаты работ подтверждают предварительные выводы о происхождении тех или иных узбекских племен, сделанные ранее на основании этнографических данных, и об их участии в этногенезе таджикского народа.

Работа проводилась под руководством Л. В. Ошанина; начальником отряда была В. Я. Зезенкова, участниками экспедиции — Н. Х. Нурджанов и группа студентов САГУ.

Сектором разрабатывалась также тема «Материалы по этногенезу тюркоязычного населения южного Таджикистана», выдвинутая потому, что тюркоязычные племена южного Таджикистана, часть которых проживала на территории Таджикистана с очень отдаленных времен и играла значительную роль в этногенезе таджикского народа, до последнего времени оставались неизученными. Между тем без учета этих данных нельзя правильно решить вопросы этногенеза таджиков и связанных с ними теснейшими узлами общих исторических судеб узбеков. На ближайшие годы намечено последовательное сравнительное изучение двух больших групп узбекского населения Таджикистана — потомков более древних пришельцев (тюрки, карлуки, барласы, мугулы и др.) и полукочевых узбеков, пришедших в Среднюю Азию в XVI в. (локайцы, катаганы, кунграты и др.). В основу этого изучения положено детальное исследование двух племен, являющихся наиболее характерными представителями каждой из этих групп. Для

характеристики полукочевых узбеков были взяты локайцы, работа по изучению которых велась в 1945—1950 гг.; для доузбекских групп тюркоязычного населения южного Таджикистана — карлуки, изучение которых начато сектором в 1953 г. и закончено к завершению в 1955 г. В 1953 г. по этой теме совершена поездка для сбора нового материала и начат сбор литературных сведений. Работа в обоих случаях вел Б. Х. Кармышевой.

Еще одной большой и трудоемкой работой, осуществляемой сектором, являлась обработка и подготовка к изданию обширных материалов по быту и языкам народов Средней Азии из архива покойного М. С. Андреева. В первую очередь разрабатываются его материалы по этнографии так называемых припамирских таджиков. За предыдущие годы подготовлен к печати т. I монографии «Таджики долины Хуф», написанный самим М. С. Андреевым. В 1952 и 1953 гг. проводилась систематизация и подготовка к печати имеющихся в архиве материалов, предназначенных для т. II монографии. В т. II вошли главы: «Некоторые общие сведения о долине», «Земледелие», «Животноводство», «Промыслы», «Охота», «Жилище», «Одежда» и «Праздники». «Календарь», «Народные меры», Исполнитель работы — А. К. Писарчик.

В 1953 г. совместно с Институтом языка и литературы АН Таджикской ССР началась подготовка к изданию другой большой группы материалов М. С. Андреева — этнографических текстов и словаря. Работа должна быть завершена в 1954 г. Исполнители — А. К. Писарчик и В. А. Лившиц.

В 1952 г. сектором осуществлялось изучение культуры и быта рабочих Ленинадского шелкового комбината. Ввиду того, что изучение рабочего быта в этой, как и в других республиках, является новым делом, оно было поставлено в небольшом масштабе, в виде опыта. Собран некоторый материал по семейному быту, отдельным сторонам материальной культуры, по самодельному искусству. Этот материал показал, что большая часть рабочих-таджиков Ленинадского шелкового комбината теснейшим образом связана с колхозным крестьянством. Часто одни члены семьи работают в колхозе, в то время как другие — на комбинате. Отличия в быту и других заметны лишь в тех случаях, когда рабочие живут при комбинате в новостройках и благоустроенных домах. В случае же, когда они живут в колхозе, быт их мало отличается от быта прочих передовых колхозников. Исполнитель темы — Н. Х. Нурджанов.

За 1952—1953 гг. сотрудниками сектора этнографии проведена значительная работа по подысканию и приобретению этнографических экспонатов для существующего в Ленинградском музее этнографии им. М. С. Андреева. За эти два года было приобретено 297 экспонатов. Особый интерес представляют коллекция образцов золотоплетенных изделий (большие декоративные вышивки, халаты, нашивные воротники и рукава женских платьев, женские налобные повязки, женские и мужские головные уборы, кошельки и пр.), коллекция уратюбинских вышивок, дополняющая ранее приобретенную коллекцию исфаринских вышивок, небольшая коллекция предметов, украшенных искусно вышитыми надписями-стихами (платки, покрывала, рукава). Отдельные вещи из этой коллекции могут служить прекрасными образцами одновременно вышивки и каллиграфии. Наконец, следует отметить многочисленные предметы дореволюционного женского и мужского костюма различных слоев населения, начиная с роскошных экземпляров из дорогих шелковых тканей (фабричных или местного производства) и кончая рядовыми вещами из дешевого ситца или сатина, а также предметы современного костюма.

За два с половиной года существования сектора сотрудниками его опубликованы следующие работы¹.

1951 г.

Ершов Н. Н. Результаты обследования пещер в окрестностях Куляба. ДАН Тадж. ССР, вып. 1, С., 1951, стр. 48—50.

1952 г.

Богомолова К. А.² Следы древнего культа воды у таджиков. Изв. ООИ АН Тадж. ССР, № 2, С., 1952, стр. 109—120.

Ершов Н. Н. О каменных палочках из могильников и их аналогиях у таджиков. ДАН Тадж. ССР, вып. 3, С., 1952, стр. 27—32.

¹ Список этнографических работ, вышедших в свет до организации сектора, см. «Библиографии изданий Таджикской базы и Таджикского филиала Академии наук СССР. Книги и статьи. 1933—1951», Сталинабад, 1952.

В дальнейшем изложении приняты следующие сокращения: ДАН Тадж. ССР — Доклады Академии наук Таджикской ССР; С. — Сталинабад; ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии; КСИЭ АН СССР — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР; Изв. ООИ АН Тадж. ССР — Известия Отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР; Тр. — Труды; Сб. — Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 80-летию со дня рождения А. А. Семенова.

² Сотрудник сектора истории ИИАЭ АН Тадж. ССР.

Ершов Н. Н. и Писарчик А. К. Сектор этнографии ИИАЭ АН Тадж. ССР. Советская этнография, 1952, № 1, стр. 202—203.

Кармышева Б. Х. Этнографический очерк животноводства у локайцев. КСИЭ АН СССР, вып. XVII, 1952, стр. 81—86.

Кармышева Б. Х. К вопросу о происхождении локайцев. Советская этнография, 1952, № 4, стр. 11—29.

Нурджанов Н. Х. О народных театрализованных представлениях у таджиков Кулябской области. ДАН Тадж. ССР, вып. 3, С., 1952, стр. 39—43.

Писарчик А. К. и Широкова З. А. Музей археологии и этнографии им. М. С. Андреева. Изв. ООН АН Тадж. ССР, № 2, С., 1952, стр. 121—133.

1953 г.

Андреев М. С. Таджики долины Хуф. Тр. АН Тадж. ССР, т. VII, С., стр. 1—250.
Ершов Н. Н., «Туи гулдор» у кыстакозских таджиков. Сб., Тр. АН Тадж. ССР, XVII, С., 1953, стр. 87—97.

Кармышева Б. Х. К истории происхождения гиссарской овцы. ДАН Тадж. ССР, вып. 7, С., 1953, стр. 45—50.

Кармышева Б. Х. Сведения об узбекских родах Семиз и Кесамир. Сб., Тр. АН Тадж. ССР, т. XVII, С., 1953, стр. 99—110.

Кисляков Н. А. Из истории Горного Таджикистана (Материалы к характеристике феодальных отношений в долине р. Хингоу в конце XIX — начале XX в.) Изв. ООН АН Тадж. ССР, № 4, С., 1953, стр. 107—128.

Кисляков Н. А. Таджики долины Соха. Сб., Тр. АН Тадж. ССР, т. XVII, С., 1953, стр. 111—119.

Неменова Р. Л. Предварительный отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции 1952 года. ДАН Тадж. ССР, вып. 9, С., 1953, стр. 59—64.

Нурджанов Н. Х. Предварительный отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции 1952 года. ДАН Тадж. ССР, вып. 9, С., 1953, стр. 49—57.

Нурджанов Н. Х. Танцы таджиков Кулябской области, Изв. ООН АН Тадж. ССР, № 3, С., 1953, стр. 131—155.

Нурджанов Н. Х. Заметки по ходжентскому народному кукольному театру. Сб., Тр. АН Тадж. ССР, т. XVII, С., 1953, стр. 167—176.

Нурджанов Н. Х. Истоки народного театра у таджиков. КСИЭ АН СССР, XVIII, М., 1953, стр. 103—109.

Писарчик А. К. О некоторых терминах родства у таджиков. Сб., Тр. АН Тадж. ССР, т. XVII, С., 1953, стр. 177—185.

Писарчик А. К. и Кармышева Б. Х. Опыт сплошного этнографического исследования Кулябской области. Изв. ООН АН Тадж. ССР, № 3, С., 1953, стр. 73—97.

Рахимов М. Р. Предварительный отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции 1952 года. ДАН Тадж. ССР, вып. 9, С., 1953, стр. 65—72.

Рахимов М. Р. Обычай и обряды, связанные со смертью и похоронами, у таджиков Кулябской области. Изв. ООН АН Тадж. ССР, № 3, С., 1953, стр. 107—130.

Рахимов М. Р. Об институте «танхо» в Дарвазе (в долине р. Хингоу). Изв. ООН АН Тадж. ССР, № 4, С., 1953, стр. 129—137.

Рахимов М. Р. Меры сыпучих тел у таджиков бассейна р. Хингоу. Сб., Тр. АН Тадж. ССР, т. XVII, С., 1953, стр. 197—203.

Широкова З. А. Архаические детали в женской одежде горных таджиков Кулябской области. Изв. ООН АН Тадж. ССР, № 3, С., 1953, стр. 99—105.

Известная работа проведена в области подготовки кадров и повышения квалификации сотрудников сектора. В 1951 г. в Институте этнографии АН СССР аспирантами Института были защищены две диссертации: Н. Х. Нурджановым на тему «Истоки народного театра у таджиков (по материалам Кулябской области)» и Б. Х. Кармышевой на тему «Этнографический очерк животноводства у локайцев»³. Сотрудником сектора М. Р. Рахимовым в 1954 г. защищена кандидатская диссертация на тему «Земледельные таджиков бассейна р. Хингоу (Историко-этнографический очерк)», сотрудником сектора Н. Н. Ершовым подготовлена к защите диссертация на тему «Сельскохозяйственные занятия таджиков Ленинабадского района». В течение ряда лет участвует в экспедиционных работах сектора студентка Таджикского гос. университета М. Хамиджанова. Собранные ею материалы положены в основу ее дипломной работы на тему «Современная свадьба таджиков».

А. К. Писарчик, Б. Х. Кармышева

³ См. О. А. Корбе, Защита диссертаций в Институте этнографии АН СССР, «Советская этнография», 1952, № 3, стр. 212—213.

ИССЛЕДОВАНИЕ НОВОЙ КУЛЬТУРЫ И БЫТА В ВЕНГРИИ

Венгерская этнографическая наука считает одной из своих важнейших задач систематическое исследование формирования новой культуры и быта. Никогда в прошлом венгерским этнографам не представлялась возможность наблюдать преобразование столь крупного масштаба, как в наши дни, когда все большее число крестьян вступило на путь общественного хозяйства. Наблюдения и выводы этнографов, касающиеся закономерностей формирования нового быта, оказывают значительную помощь в этнографической работе государственных органов.

Этнографическая работа по изучению социалистической перестройки деревни началась в Венгрии в 1949 г. в одном из сел Большой венгерской низменности — в Гаре (комитат Солнок). Исследователи, работники Этнографического музея, уделяли большое внимание классовой борьбе в деревне. Большинство сельского населения в годы состояло из батраков, аграрных пролетариев. После освобождения страны сельское население все шире становилось на путь кооперации, создавались первые кооперативно-кооперативные группы.

На совещании этнографов, состоявшемся в 1950 г. в г. Шиофок, была выдвинута первая задача исследования нового быта и культуры. Однако задачи и методы исследования не были в должной мере ясны. Существенную помощь в этом отношении венгерским этнографам оказало знакомство с работой советских этнографов. Начиная с 1947 г., в журнале «Советская этнография» и в других советских изданиях появилось все больше статей, посвященных социалистической культуре и быту на территории СССР; в гектографированных изданиях *Szoviet Néprajztudomány* («Советская этнографическая наука») они становились доступными венгерским исследователям.

В конце 1951 г. Этнографической комиссией Академии наук Венгрии был создан «Трудовой коллектив по исследованию новой культуры и нового быта». Коллектив приступил к работе в начале 1952 г. Первоначально в его состав входило 5 человек, но затем в результате вовлечения в работу научных сотрудников провинциальных музеев число членов трудового коллектива достигло 30 человек. В 1952 и 1953 гг. созваны совещания, посвященные итогам работы и обсуждению планов на последующий год.

«Трудовой коллектив» стремился наладить связь со всеми органами, руководящими производственно-кооперативным движением. В частности, Отдел по делам производственных кооперативов Министерства земледелия обратил внимание этнографов на необходимость специального изучения таких вопросов, как быт хуторян, капиталистические пережитки в организации работы, привлечение женщин к кооперативной работе и пр.

Для разработки методики исследования венгерский этнографический журнал открыл дискуссию, в которой были широко использованы результаты работы советских этнографов в этой области. Основой для дискуссии послужила статья автора настоящего замечания «Некоторые вопросы этнографического исследования строительства социалистической жизни в деревне»¹. Статья встретила горячий отклик. В 1953 г. была опубликована статья Л. Кардош «Развитие социалистического культурно-бытового уклада населения деревень»². После появления этих статей в редакцию поступили еще материалы по данному вопросу.

Первые результаты исследований представлены рядом очерков. В 1952 г. вышла работа Б. Молнар «Данные к истории комадских хуторов и к современному положению быта их населения»³. Первая часть статьи посвящена образованию хутор, вторая — роли хуторов в коллективном хозяйстве и некоторым вопросам быта хуторян. Ф. Бако в статье «Данные к построению социализма в деревне (Дьёрдтарло)»⁴ исследует этнографический состав новой деревни, образовавшейся из батраков бывших помещичьих усадеб. Л. Солнок в статье «Этнографические наблюдения в связи с созданием нового социалистического села»⁵ изучает создание новой деревни в окрестности г. Дебрецен, строительство в ней жилых домов и быт ее населения — в противовес быту батраков, живших на кулацких хуторах, расположенных в окрестностях городов и сел. Опубликованные или подготовляемые к печати работы уже позволяют издать к десятилетию со дня освобождения Венгрии сборник, посвященный созданию нового культурно-бытового уклада венгерской деревни.

Основным недостатком опубликованных работ является их описательность, отсутствие широких обобщений. Венгерским этнографам предстоит перейти от простого описания явлений на более высокую ступень исследования объективных закономерностей, действующих при сложении новой, социалистической культуры и быта. Осуществление этой задачи требует большой и упорной работы, в первую очередь выявления основных линий и основных объектов исследования.

¹ «Ethnographia», 1952, стр. 434—436.

² «Ethnographia», 1953, стр. 366—380.

³ «Ethnographia», 1952, стр. 371—407.

⁴ «Ethnographia», 1953, стр. 24—86.

⁵ Там же, стр. 104—147.

Ввиду того, что в эпоху построения социализма новые черты культуры и быта не во всех областях проявляются с одинаковой интенсивностью, необходимо выделить такую тематику, которая дает возможность уловить новое, растущее. Существенную помощь в этом вопросе оказывают результаты советских исследований. Резолюция этнографической конференции, состоявшейся в ноябре 1952 г. в Москве, рекомендует Институту этнографии АН СССР и этнографическим учреждениям союзных республик уделить особое внимание проблемам «Семья и семейная жизнь» и «Современное жилище». Эта же тематика поставлена в центре внимания венгерских этнографов — исследователей нового быта.

Большинство исследований в области изучения жилища и поселений ведется на хуторах Большой венгерской низменности. Часть этих хуторов прекращает свое существование, другая часть включается в коллективные хозяйства. Ведется также работа по изучению новых поселков и деревень. Исследования показали, что в тех местах, где при планировании стандартных домов не учитывались местные условия и традиции, дома нередко перестраиваются в соответствии с местными требованиями.

Этнографическое изучение семьи и семейной жизни ведется пока в меньших масштабах.

Больше всего внимания уделяется вопросам хозяйственного быта. Многие исследователи изучают местные особенности в рыболовстве, животноводстве, земледелии; формы организации труда в отдельных областях страны. Изучается и культурно-бытовой уклад рабочих государственных хозяйств (Охатский животноводческий госхоз в Хортобаде, Большая венгерская низменность).

Ведется работа по изучению нового декоративного искусства. Народное декоративное искусство, обогащенное новыми сюжетами, теперь начинает расцветать даже в тех районах, где оно было разрушено под действием капитализма. В первую очередь новое декоративное искусство внедряется в тех местах, где крепнет движение сельскохозяйственных производственных кооперативов.

Результаты исследований в области фольклора показывают появление новой тематики, связанной с социалистической перестройкой деревни.

Значительное внимание уделяется изучению преобразований в национальных районах. Ценные этнографические материалы собраны среди словацкого и румынского населения Большой венгерской низменности, южнославянского населения Трансданубии.

Этнографические материалы собирают не только члены «Трудового коллектива», но и педагоги, студенты, которые немало способствуют развертыванию этнографической работы в республике.

«Трудовой коллектив по исследованию новой культуры и нового быта» работает три года. Им проведена и проводится полезная работа, но очевидно, что этнографическую работу в этой области необходимо еще значительно расширить и усилить.

И. Балашиа

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ ДЬЯКОНОВ

Советское востоковедение, археологическая наука и искусствоведение понесли тяжелую утрату. В расцвете творческих сил безвременно скончался один из крупнейших советских востоковедов-иранистов — Михаил Михайлович Дьяконов.

С начала своего жизненного пути Михаил Михайлович избрал областью своей работы иранистику и искусство Востока.

Деятельно включившись в изучение истории и литературы Востока, он сразу после окончания Ленинградского университета, с 1930 г., начал и свои археологические работы под руководством старейшего археолога Средней Азии В. Л. Вяткина.

С 1931 по 1941 г. М. М. Дьяконов работал в Отделе востока Гос. Эрмитажа, закончил под руководством И. А. Орбели и А. Ю. Якубовского аспирантуру, а по защите кандидатской диссертации продолжал работу уже ст. научным сотрудником затем зав. Отделом Ирана и Ближнего Востока, наконец, с 1938 г. заведующим сектором Востока.

Посвятив свои основные исследования и научные труды искусству Востока, Михаил Михайлович продолжал работу в области иранистики, занимаясь переводом Низами и Фирдоуси и изучением их творчества. Одновременно он вел преподавательскую работу в Ленинградском гос. университете и в Академии художеств.

В годы Великой Отечественной войны М. М. Дьяконов ушел добровольцем на Ленинградский фронт, где был ранен, затем участвовал в военных действиях в Закавказье и в Иране. С 1943 года М. М. Дьяконов — член КПСС.

После возвращения с фронта Михаил Михайлович вел преподавательскую работу в Московском гос. университете, совмещая ее с обязанностями заместителя декана Исторического факультета и с серьезной научной работой в Институте истории материальной культуры АН СССР в области археологии Средней Азии.

Защитив в 1946 г. докторскую диссертацию по истории Ирана, Михаил Михайлович начал глубокое археологическое изучение Таджикистана, работая в составе (

ийско-Таджикской экспедиции сначала заместителем, потом начальником этой экспедиции. Одновременно он руководил Кафирниганским археологическим отрядом. Основное внимание М. М. Дьяконова как исследователя было направлено на изучение памятников древности долины Кафирнигана, где он проводил большие стационарные работы, совмещая их с широкой археологической разведкой в других районах республики, на территории древней северной Бактрии. Результаты этих работ, проводившихся в 1946 г. до настоящего времени, были опубликованы в «Материалах и исследованиях по археологии СССР» и в сборнике «Советская археология».

Блестящую работу Михаил Михайлович провел совместно с другими специалистами по дешифровке древних письменных документов из Нисы и Бухары. Большой специалист по восточной эпиграфике, истории Ирана и Средней Азии, истории искусства Востока, археологии, — М. М. Дьяконов обладал замечательными качествами подлинно крупного ученого — прекрасным знанием предметов материальной культуры, соединенным с широким кругозором советского историка — востоковеда. Последовательный историк, Михаил Михайлович никогда не отходил от принципов марксистско-ленинской исторической науки. Вся его работа, и научная и преподавательская, показывает глубокую гражданскую честность и принципиальность, что снискало искреннее уважение и любовь к нему товарищей и учеников, которым Михаил Михайлович с исключительным вниманием передавал свой опыт и знания.

До последних дней своей жизни М. М. Дьяконов участвовал в научной и общественной жизни, связанной с исследованием Средней Азии. Еще недавно, в феврале того года, он выступал на Ташкентской сессии историков по актуальным вопросам древней истории Средней Азии. Не все работы М. М. Дьяконова опубликованы. Наш долг довести до широкой научной общественности все его талантливые труды — как отдельные статьи и выступления, так и монументальные исследования, в числе которых прежде всего надо отметить его докторскую диссертацию.

Мы приложим все силы к тому, чтобы дело изучения Востока, которому М. М. Дьяконов отдал все лучшие годы своей жизни, было продолжено.

С. Толстов

ОСНОВНЫЕ ПЕЧАТНЫЕ РАБОТЫ М. М. ДЬЯКОНОВА

- Рукописи «Шах-намэ» в ленинградских собраниях. Л., 1934. (Совместно с Л. Г. Гюзальян).
- Иранские миниатюры в рукописях «Шах-намэ» ленинградских собраний. М.— Л., 1935. (Совместно с Л. Г. Гюзальян).
- Выставка иранского искусства. Журн. «Искусство», 1936, № 1.
- Фердоуси. Гав и Тальхаманд. Эпизод из «Шах-намэ», перев. с персидского. В кн.: И. А. Орбели и К. В. Тревер, «Шатранг», Л., 1937.
- Мюстровое блюдо с изображением царского двора. Сб. «Памятники эпохи Руставели», Л., 1938.
- Бронзовый водолей 1206 г. до н. э. «Доклады на III международной конференции по иранскому искусству и археологии, 1935 г.», М.— Л., 1939.
- Фаянсовый сосуд с иллюстрациями к «Шах-намэ». Гос. Эрмитаж, Труды отдела Востока, т. I, Л., 1939.
- Фердоуси. Жизнь и творчество. М.— Л., 1940.
- Бронзовая гиря с именем Исмаила Самани. Гос. Эрмитаж, Труды отдела Востока, т. II, Л., 1940.
- Рукопись «Хамсэ» Низами 1431 г. и ее значение для истории миниатюрной живописи на Востоке. Гос. Эрмитаж, Труды отдела Востока, т. III, 1940.
- История древнего Ирана (Автореферат докторской диссертации). «Вопросы истории», 1946, № 1.
- Об одной ранней арабской надписи. «Эпиграфика Востока», I, 1947.
- Бронзовая пластика первых веков хиджры. Гос. Эрмитаж. Труды отдела Востока, т. IV, Л., 1947.
- О дате Данденаканской мечети. «Краткие сообщения ИИМК», XXIII, 1948.
- Несколько надписей на кайраках из Киргизии. «Эпиграфика Востока», II, 1948.
- Работы Таджикско-Согдийской археологической экспедиции в 1946—1948 гг., «Сообщения Таджикистанского филиала АН СССР», X, Сталинабад, 1948.
- Керамика Пайкенда. «Краткие сообщения ИИМК», XXVIII, 1949.
- Надписи на звездчатых изразцах XIII в. с городища Новая Ниса. (Совместно с Л. Г. Гюзальян). В кн.: Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. I, Ашхабад 1949.
- Работы Кафирниганского отряда. Труды Таджикско-Согдийской археологической экспедиции, т. I, М.— Л., 1950.
- Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии. «Краткие сообщения ИИМК», XL, 1951.
- Арабская надпись на бронзовом орле из собраний Государственного Эрмитажа. «Эпиграфика Востока», IV, 1951.

- Перспективы археологического изучения Таджикистана. Труды Таджикистанского филиала АН СССР, XXIX, 1951.
- Налоговые парфянские документы II в. до н. э. из Нисы. М.—Л., 1951. Перед зап. авт.: И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, М. Е. Массон.
- Парфянский архив из древней Нисы. «Вестник древней истории», 1953, № 4 (См. местно с И. М. Дьяконовым и В. А. Лившиц).
- Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобалджа: (1950—1951). «Материалы и исследования по археологии СССР», 37, М.—Л. 1953.
- Сложение классового общества в Северной Бактрии. «Советская археология», т. XII, 1953.

М. М. ДЯКОНОВ

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЕССИИ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА В ДООКТЯБРЬСКИЙ ПЕРИОД

(Ташкент, февраль 1954 г.)¹

Настоящее совещание убедительно показывает, что, несмотря на ряд разногласий и неразработанность ряда проблем, советская историческая наука, и в частности историография Средней Азии и Казахстана, достигли за 20 лет, истекших со времени решений ЦК нашей партии по историческим вопросам, значительных успехов.

В вопросах периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана также достигнуты значительные успехи, и мне кажется, что тот скептицизм, который прозвучал в выступлении В. А. Шишкина, все же излишен.

Конечно, остается много спорных вопросов, и для окончательного решения ряда основных проблем у нас пока еще нет достаточного количества данных, но все же мы пришли к единству в основных вопросах, связанных с периодизацией истории народов Средней Азии и Казахстана. Это уже большой успех, и в частности большое значение имеет тот факт, что товарищи, которые отстаивают точку зрения «вечной феодализма» и отрицают наличие рабовладельческого строя в истории народов Средней Азии и Казахстана, остались в абсолютном меньшинстве.

Мне кажется, что напрасно И. С. Брагинский, давая краткую историю вопроса, опустил или, вернее, не подчеркнул достаточно ясно все значение, которое имело для установления единой периодизации совещание археологов и историков Средней Азии в 1948 г. в Ленинграде, и не привел в своем докладе предложенной тогда схемы периодизации.

Правда, периодизация, предложенная тогда С. П. Толстовым, имеется в применении на шестой странице печатного текста доклада И. С. Брагинского, но периодизация, выдвинутая покойным А. Ю. Якубовским, не вошла в доклад. А ведь эта важная работа, проработанная А. Ю. Якубовским, хотя и имеет ряд существенных недостатков, являлась серьезным шагом вперед в деле установления научной периодизации истории народов Средней Азии; следовало привести ее, а не ограничиваться одной цитатой из этой работы к тому же, как указал В. А. Шишкин, искаженной.

Я не стану здесь затрагивать вопроса о периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана в эпоху первобытно-общинного строя, хотя этот важный вопрос может быть, и требует специального обсуждения. В данный момент нас интересуют более близкие нашему времени эпохи.

Ввиду краткости моего выступления, я, к сожалению, не смогу затронуть все интересующих меня вопросов и остановлюсь лишь на вопросах общей характеристики рабовладельческого строя в истории народов Средней Азии, возникновения классового общества у племен и народов Средней Азии и перехода от рабовладельческой эпохи к феодальной.

Сейчас уже нельзя отрицать существования в истории народов Средней Азии и Казахстана важного и большого этапа, характеризующегося господством рабовладельческого способа производства. Следует говорить именно об эпохе господства рабовладельческой формации, а не просто о существовании в определенное время рабо-

¹ Информацию о сессии см. в предыдущем номере нашего журнала.

владельческого уклада наряду с другими укладами. Естественно, что в эпоху рабства существовали в разных районах этой обширной территории разные общественно-экономические уклады, но они не просто сосуществовали в каком-то аморфном обществе: рабовладельческий уклад был господствующим и определял основной способ производства, характерный для передовых обществ Средней Азии того времени.

Некоторые скептики говорят, что у нас мало данных о наличии в древней Средней Азии рабовладельческого общества. Действительно, письменные источники пока что дают нам мало прямых данных о рабовладельческих отношениях. Только документальные, а не повествовательные письменные источники могут дать нам такие прямые свидетельства. Кстати сказать, уже начинают появляться такие документы, и несомненно, что при тех успехах советской археологии, какие мы наблюдаем в последние годы, такие документы будут появляться во все большем и большем количестве. Я вспомню здесь хотя бы хорезмийские документы, открытые С. П. Толстым, документы явно отчетно-хозяйственного характера, и парфянские документы, в расшифровке которых я принимаю участие. Когда эти документы будут полностью расшифрованы и изданы, мы, несомненно, получим новые важнейшие данные по истории общественного строя древней Средней Азии.

Я не сомневаюсь, что такие документы будут во все увеличивающемся количестве добываться из-под земли. Но пока эти данные не вошли в обиход науки, мы обязаны широко пользоваться важнейшим историческим источником, к которому, между прочим, историки древности и раннего средневековья, обязанные особенно широко им пользоваться, обращаются не часто. Я имею в виду археологический материал. Об том в своем выступлении говорил и М. Е. Массон. Огромные успехи археологической науки в Средней Азии и Казахстане за последнее десятилетие обязывают нас особенно внимательно относиться к данным археологии.

Советские историки вооружены сильнейшим оружием — марксистско-ленинской теорией, которая позволяет нам правильно осмысливать имеющиеся в нашем распоряжении богатейшие фактические данные. Пусть эти данные еще неполны, пусть целый ряд периодов мы не можем еще осветить с достаточной точностью, пусть мы не можем расчленить большие периоды на отдельные подпериоды, — все это не извлекает нас от обязанности осмысления исторического процесса в целом.

Богатейшие памятники материальной культуры, добываемые археологами, должны быть осмыслены в свете марксистско-ленинской теории, и тогда мы можем заставить их говорить очень явственно. В этом деле нам должен чрезвычайно помочь открытый марксистско-ленинской наукой, особенно ясно сформулированный И. В. Сталиным в его последней работе «Экономические проблемы социализма в СССР» закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, этот уровень производительных сил, который еще до середины I тысячелетия до н. э. отсутствовал для передовых районов Средней Азии археологический материал, говорит о неизбежности господства в этом обществе рабовладельческих отношений.

Естественно встает вопрос: а как быть с обществами, где преобладало кочевое животноводство? Неужели и они знали в своем развитии рабовладельческую эпоху? Здесь нужно ясно отдать себе отчет в том, что, во-первых, кочевники северных степей были в древности, как и в более позднее время, теснейшим образом связаны с земледельческими оазисами, а во-вторых, не нужно забывать и того, что кочевники проникали во все поры среднеазиатских обществ древности даже в старых земледельческих районах, вроде Согды и Бактрии. В. А. Шишкин может это подтвердить для Бухарского оазиса, многие археологи подтвердят это.

Кочевники и оседлые земледельцы — это не два обособленных и противопоставленных друг другу мира. Это единый мир. Только понимание сложного взаимодействия кочевников и оседлых земледельцев даст возможность разобраться в проблемах среднеазиатской древности. Когда мы говорим о разноукладности, то мы имеем в виду главным образом отставание части племен и народностей, в основном именно кочевых племен и очень важных в истории Средней Азии горных племен, которые также сильно отставали в своем общественном развитии. У этих племен долгое время господствовал медленно распадавшийся общинно-родовой уклад.

Мне вспоминается выступление С. С. Черникова, который уже в самом конце своей речи предостерег товарищей, чтобы они особенно не увлеклись определением земли как важнейшего средства производства кочевников, говоря, что в ранние периоды земля не могла играть этой роли и что скот был важнейшим средством производства. Мне кажется, что С. С. Черников неправ. Феодальный способ производства без собственности на землю представить себе нельзя. Но на ранних этапах развития кочевого общества не было феодализма, не было и феодальной собственности на землю.

Мне кажется, что позиция А. А. Рослякова, выраженная в его содокладе, несколько противоречива и недialeктична. Правильно, с моей точки зрения, критикуя тех товарищей из Казахстана, которые говорят о зарождении феодальных отношений в кочевом обществе уже в первых веках нашей эры, он вместе с тем, докладывая здесь о кочевых обществах Средней Азии, сам невольно приписывает им более высокую ступень развития, чем обществам оседлых земледельцев. А. А. Росляков пытается оторвать (несмотря на утверждение, что он этого не делает) кочевое население от земледельческого, а это неверно. Это был единый мир, и создавать отдельные схемы периодизации для кочевого населения и земледельческого вряд ли правомерно.

В связи с рассмотрением эпохи господства рабовладельческого строя, возникает и вопрос о роли общины при этом строе.

Некоторых товарищей смущает та большая роль, которую играют в общественной жизни этой эпохи свободные общины. Некоторым товарищам почему-то кажется, что общество рабовладельческой эпохи состояло из рабовладельцев и рабов, причем рабы составляли абсолютное большинство населения. Это неверная точка зрения.

Возьмем пример из всем известной истории древнего Средиземноморья. В Греции большая концентрация рабов, скажем, в пятом веке до н. э. была в Афинах и еще в 2—3 городах-государствах. Но если взять всю Грецию в целом с такими общинами, как Беотия, Фессалия и ряд других, то мы увидим, что свободный крестьянин-общинник играл в общественной жизни Греции того времени огромную роль. Но даже на этом основании не станет утверждать, что Беотия и Фессалия, в противоположность Аттике, не знали рабовладельческого строя.

Возьмем республиканский Рим двух последних веков до н. э. Кто был римским легионером? Кто, как не свободный итальянский крестьянин-общинник, покорил Рим Средиземноморью?

В связи с этим я считаю противоречивой формулировку, которая имеется у И. С. Брагинского на шестой странице его доклада. Она очень двойственна и непонятна: «Несмотря на интенсивное развитие рабовладения в Средней Азии как ведущего уклада общества, преобладающую роль сохраняла сельская община с мелким крестьянским хозяйством внутри нее». Это конглобирование терминами. Здесь наше свое отражение старая точка зрения докладчика, от которой он теперь уже, как видно, отошел, — ведь он не склонен был вообще признавать существование рабовладельческой формации в Средней Азии, господство там рабовладельческого способа производства.

Я не поднимаю в данной связи спора о том, какую роль в древней Средней Азии играла родовая община, а какую сельская община, хотя я и считаю этот вопрос чрезвычайно интересным. За недостатком времени я не стану касаться этого важного вопроса, хочу только сказать, что мы имеем право утверждать, что в основном рабовладельческий способ производства в древней Средней Азии не отличался от рабовладельческого способа производства в других странах древнего мира, несмотря на все свое своеобразие.

Кстати, о своеобразии и о классической форме того или иного общественного строя. Кто-то здесь упоминал о «классической форме феодализма». Что такое классическая форма феодализма или рабовладения? Мне это непонятно. Мы обязаны находить общие закономерности за разнообразием конкретной действительности. Если мы будем искать «классический феодализм», то только в иерусалимских ассизах. И, конечно, феодализм во Франции существенно отличался от феодализма в Англии. Феодализм в России имел другой облик, чем в Германии. Возьмем, скажем, Норвегию, который вообще не знала крепостного крестьянства. Думаю, что в Казахстане в XVIII в. было именно феодализм, а не какой-то другой строй. Поэтому я считаю неправильно называть общественный строй древней Средней Азии общинно-рабовладельческим и патриархально-рабовладельческим. Это рабовладельческий строй с теми местными особенностями, которые присущи рабовладению в разных областях древнего мира.

Не будучи в состоянии в кратком выступлении коснуться вопроса о внутренней периодизации этой большой эпохи, я хочу сказать лишь о ее начале и конце (хотя я должен заметить, что уже и сейчас можно в какой-то мере наметить членение внутри этой важной эпохи; между прочим, в выступлении М. Е. Массона был уже некоторый материал для такого членения по периодам рабовладельческой эпохи).

В советской исторической науке можно считать уже установившейся ту точку зрения, что сложение классового, именно рабовладельческого, общества в переломных районах Средней Азии, переход к более сложным ирригационным системам, пашному земледелию, к внедрению железного плуга в земледелие — происходит примерно во второй четверти I тысячелетия до н. э.

Мне кажется, что В. А. Шишкин напрасно проявляет такой скептицизм в вопросе о начале рабовладельческого общества, потому что он сам немало сделал для выяснения этого вопроса своими работами в Бухарском оазисе.

Сейчас нет возможности подробно на этом останавливаться, но следует отметить, что археологические данные по этому вопросу растут с каждым годом. Между тем, вот очень интересный факт. Нижние археологические слои важнейших центров Средней Азии, таких, как Мерв, Балх, Самарканд, относятся именно ко второй четверти I тысячелетия до н. э. Эта культура обнаружена также в Северной Бактрии в Хорезме (правда, мы еще не имеем подробной публикации по этому вопросу, но уже знаем из общих работ С. П. Толстова о наличии такой культуры в Хорезме).

Мне самому приходилось работать над этой проблемой. Неправильно утверждение одного из выступавших здесь товарищей, что города появляются в Средней Азии в III в. до н. э. Это точка зрения Тарна, известного английского эллиниста, который приписывал появление городов в Средней Азии влиянию греков. На самом деле жизнь городов Средней Азии, как хорошо показал М. Е. Массон, начиналась гораздо раньше, а именно во второй четверти I тысячелетия до н. э.

Оговорюсь сразу, что в особом положении стоят общества прикопетдагской флоры. Там земледелие развивалось на несколько иной основе. Судя по уровню ра

тия производительных сил, который рисуют нам раскопки, проведенные там за последнее время, можно думать, что там классовое общество и начатки государственности возникли несколько раньше (несколько раньше — не берусь утверждать), чем вторая четверть I тысячелетия до н. э. К сожалению, мы имеем мало публикаций по этим памятникам. Но все же кое-что дают публикации работ Б. А. Литвинского на городище Намазга-Тепе и даже старые, плохо и методически неправильно проведенные работы американской экспедиции начала XX в.

Важность этого вопроса сама по себе понятна и заставляет меня с этой трибуны обратиться к Академии наук Туркменской ССР. Я прошу обратить внимание Президиума Академии на неудовлетворительную постановку изучения этих важнейших, я бы сказал, мировых памятников культуры, находящихся на юге Туркмении.

Смерть Б. А. Куфтина, принявшего в 1952 г. за систематическое изучение этих памятников, весьма прискорбна, но она не может нас заставить отступить и передать изучение этих важных памятников в руки некомпетентных лиц. Мне кажется, что Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция в ближайшее время должна начать их серьезное изучение, поставив это перед собой как научную проблему первостепенного значения. Без таких работ все построения, вроде тех, которые фигурировали в проспекте первого тома «Истории Туркменской ССР», останутся праздными домыслами.

Что касается конца рабовладельческой эпохи, то и он вырисовывается археологически довольно отчетливо. В этом вопросе существует еще много разногласий, есть довольно большая группа товарищей, которые сомневаются в четкости и ясности грани между рабовладельческим и феодальным обществом. Однако мне кажется, что мы с каждым годом получаем от археологов, работающих в самых различных районах Средней Азии, все больше и больше подтверждений действительного существования такой грани, определяющей своеобразный кризис рабовладельческого строя. Я не имею возможности входить здесь во все детали этого вопроса, а снова сошлюсь на выступление М. Е. Массона, который привел один очень существенный и важный пример этого кризиса на материале своих работ. Подобные примеры можно было бы умножить, но мне кажется, что и те сведения, которые имеются по этому вопросу в работах С. П. Толстова, а также во многих статьях других исследователей, вполне подтверждают, что в IV—V вв. произошли чрезвычайно серьезные события, приведшие к изменению в Средней Азии всей экономики и общественной жизни народов, ее населявших.

В дальнейшем начинается быстрый рост культуры, возникающей на другой основе. К сожалению, за недостатком времени я не смогу остановиться на этом важном вопросе.

Причины перехода от рабовладельческого к феодальному способу производства представлены в докладе И. С. Брагинского несколько упрощенно, и то, что там сказано относительно «эксплуатации поливальщиков», вряд ли может нас удовлетворить. Кроме того, я не согласен с гипотезой о коренном изменении ирригационной системы, о чем говорил И. С. Брагинский. Я считаю, что нет данных для того, чтобы говорить о коренном изменении ирригационной системы. Дело не в коренном изменении системы ирригации, а в других процессах, происходивших внутри самого общества. Если изменения в ирригационной сети и произошли, то они были следствием процессов, происходивших в недрах общества, а не их причиной. Мы не имеем точных данных письменных источников о ходе разложения рабовладельческого общества и возникновении феодального строя в Средней Азии, но мы можем приведенные выше археологические данные связать с известными нам сведениями письменных источников по соседнему Ирану, где этот процесс освещен лучше. Я имею в виду замечательный, еще недостаточно использованный историками памятник — сасанидский судебник «Матикан и Хазар датестан», сборник различных юридических прецедентов, сведенных воедино в конце господства династии сасанидов (VI—VII вв.). В этом судебнике хорошо отражен процесс превращения раба в зависимого человека, нечто вроде колона. Особенно интересны приводимые судебником данные о частичном освобождении рабов, на одну десятую, одну пятую, на половину. Это означало, что раб получил право на присвоение указанной части своего труда. Следовательно, шел процесс, сходный с образованием колоната в Римской империи. Но он сочетался с процессом закабаления свободного общинника и превращением его в феодально-зависимого крестьянина, каким, в конечном счете, становится и бывший раб. Так что это были как бы две стороны одного процесса, являвшегося выражением наступившего несоответствия производственных отношений характеру производительных сил. Исчезала возможность расширенного воспроизводства; возросший уровень развития производительных сил требовал замены безинициативного раба работником другого типа. Словом, происходил процесс, известный нам и по другим странам древнего мира. Есть все основания для того, чтобы постулировать его в качестве гипотезы и для Средней Азии.

Волна народных крестьянских движений, начиная с конца V в. охвативших Иран, Среднюю Азию, Закавказье, была проявлением этого процесса, борьбой общинников против закабаления.

Почему-то из всей обширной советской литературы по вопросам истории Средней Азии и Ирана И. С. Брагинский избрал для критики только мою скромную персону; причем на основании выдержки о движении маздакитов, взятой из моей статьи, опу-

бликованной восемь лет назад, он обвинил меня в недооценке народных движений. Я не стану отстаивать эту выдержку, там есть чрезвычайно неудачное слово «попное», неправильно примененное к движению маздакитов. Но все мы растем, и я рос за эти восемь лет и считаю теперь, что данное мной определение несправедливо. Но мне кажется, что и И. С. Брагинский, несмотря на сделанную им декларацию, дал в своем докладе объяснения причин прогрессивности раннесредневековых крестьянских движений.

Я говорил тогда и сейчас продолжаю утверждать, что движение, подобное маздакитскому, в своей программе ничего не могло противопоставить надвигающему феодализму и было обречено на поражение. Вместе с тем, разумеется, все эти огромные по размаху движения составляли неотъемлемую часть процесса становления феодализма, в них находила свое выражение борьба закабаляемого общинника с наступающим феодализмом.

В свете изложенного становится ясной ошибочность утверждения о сложении патриархально-феодальных, т. е., как мы уже договорились, феодальных, но сохраняющих лишь патриархальную оболочку, отношений в степях Казахстана в первые века нашей эры. За неимением времени я не имею возможности остановиться более подробно на этой теме и надеюсь, что последующие товарищи дополняют меня.

Таким образом, феодальную эпоху, судя по археологическим данным и по письменным источникам, относящимся к соседнему Ирану, следует начинать с VI, а не IX в., как это делает докладчик на странице 10 печатного текста. Материальная и духовная культура с этого времени носит уже явно феодальный характер. Существовавшее некоторое время тому назад и частично нашедшее свое отражение и в противоречивости некоторых положений доклада тенденцию приблизить начало феодальной эпохи к нам, установив некий промежуточный «дофеодальный» период, следует признать неудачной. Эта тенденция была вызвана к жизни тем обстоятельством, что некоторые исследователи были склонны считать решающими при определении феодальной формации формы эксплуатации. Не видя в ранние века существования феодализма такого, например, явления, как прикрепление крестьян к земле, эти исследователи отказывались признать общество феодальным. Однако мы знаем ряд случаев в истории Европы, в частности в упоминавшейся уже мною сегодня Норвегии, где вообще не было в средние века крепостного крестьянства, хотя строй там был несомненно феодальный. И. В. Сталин подчеркнул в своей последней работе «Экономические проблемы социализма в СССР», что основой феодализма является феодальная собственность на землю, поэтому отсутствие известных нам по другим, лучше изученным странам форм эксплуатации непосредственного производителя еще не означает отсутствия в Средней Азии VI—IX вв. феодального способа производства.

Несколько слов по вопросу об икта. И. С. Брагинский неправ, когда говорит, что икта, упоминаемая в ранних сочинениях по фикху,— это тот же феодальный институт, что и икта, известная нам по XI в. Это неверно. В ранних сочинениях по фикху слово «икта» употреблено в своем первоначальном значении, т. е. в смысле раздела земель мавлят, выморочных земель, земель «main mortie».

Советская историческая наука, в частности тот ее раздел, который посвящен изучению Средней Азии и Казахстана, стоит перед блестящими перспективами развития. Однако нам нужны сейчас конкретные исследования, которые помогут уточнить целый ряд невыясненных вопросов. Правильно сказал В. А. Шишкин, что периодизация понимается нами как итог всей нашей большой работы над конкретными источниками. Нам следует заняться всемерным углублением конкретно-исторических исследований. В частности, важный вопрос был поставлен в выступлении Б. А. Литвинского. Я считаю, что действительно необходимо реабилитировать такую вспомогательную историческую дисциплину, как нумизматика, которая должна помочь в решении очень важных вопросов товарного производства, экономики рабовладельческого и феодального общества.

Будем надеяться, что настоящее совещание подведет итоги новым достижениям нашей науки, связанным с решением важнейших проблем, а следующее совещание, которое, несомненно, будет создано в ближайшие годы, отразит наше движение вперед в деле создания подлинно марксистской, насыщенной фактами, глубоко идейной истории народов Средней Азии и Казахстана.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В СОВРЕМЕННЫХ СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ ГЕОГРАФИИ

Знания, получаемые ребенком в школе, закладывают основы мировоззрения человека. Поэтому и в фактах, и в их освещении, и в обобщающих сведениях, и в характере обобщений, даваемых школой ребенку, необходимы особая точность, четкость принципиальность. Особенно важно, конечно, чтобы школа заложила в сознании ребенка правильные представления о человечестве, о составляющих его народах, языках, на которых говорят люди разных национальностей.

Характеристика населения должна быть одной из самых важных составных частей географического описания части света, страны или области. Человек не только является важнейшей производительной силой, — человек накладывает тот или иной отпечаток весь облик страны, даже на ее физико-географические особенности. Деятельность живущих масс человечества создает материальные и духовные ценности, которые вместе с географическими условиями образуют то своеобразие, те индивидуальные черты каждой страны земного шара, изучение и описание которых и составляют в значительной степени предмет географии, особенно экономической географии.

В любую эпоху, в любой области земного шара человек существовал и действовал не в качестве какого-то отвлеченного, абстрактного человека «вообще», а в качестве человека, принадлежащего к определенной нации, народности или другой этнографической общности, т. е. в качестве человека с определенными, историческими обусловленными этнографическими особенностями, находившими свое выражение и в производственных навыках, и в бытовых привычках, словом, во всей материальной и духовной культуре той или иной группы людей.

Но если посмотреть, как показан этот человек — деятель и потребитель — в наших учебниках географии, то сразу бросается в глаза и неприятно поражает фрагментарность, случайность и неполнота тех сведений, которые авторы учебников считают необходимым сообщить учащимся о населении описываемых частей света, стран и областей. Кроме того, эти сведения часто неверны, а также обнаруживают теоретические недостатки, существующие в тех разделах географии, которые занимаются человеком.

Прежде чем перейти к различным частным замечаниям, остановимся на некоторых главных принципиальных вопросах.

* * *

Самым серьезным недостатком многих учебников географии в той части, где речь идет о населении, является смешение или, по крайней мере, нечеткое проведение различных принципов классификации человечества, а именно классификаций лингвистической и антропологической, иначе говоря, смешение группировки народов (наций, одностей, племен) по родственности их языков с группировками людей по их физическому облику (чертам лица, цвету кожи, глаз, волос, форме волос и т. д.).

В учебнике Г. И. Иванова и А. С. Доброва «География частей света»¹, на стр. 27

¹ Г. И. Иванов и А. С. Добров, География частей света, учебник для 6-го класса средней школы, изд. 11-е, утвержден Министерством просвещения РСФСР, М., 1963.

и 68 сказано, что по языку² венгры принадлежат к угро-финской группе народов. Это, конечно, правильно. Но тут же на стр. 68 говорится, что «венгры обоснованно придунайских степях еще в X в., когда массы монгольских племен двинулись с востока в Европу». Почему монгольских? Вероятно, в данном случае авторы употребили слово «монгольские» не в качестве названия лингвистической группы (венгры не являлись монгольским по языку народом), а для обозначения расовой принадлежности предков венгров. Основными большими расами человечества, как известно, являются европеоидная, монголоидная и негроидная³. Автор другого учебника географии — В. А. Грузинская относительно тех же венгров пишет еще «определеннее»: «В разных частях Европы живут также народы *желтой расы*: венгры по среднему Дунаю, турки на Балканском полуострове и др.»⁴.

Таким образом, один учебник прямо утверждает, что венгры принадлежат к монголоидной («желтой») расе, другой относит к ней предков венгров. Чтобы сразу решить ясность в этот вопрос, укажем, что венгры такие же европеоиды по своему расовому типу, как и окружающие их славянские по языку народы, австрийцы и румыны. К «желтой» (монголоидной) расе авторы учебников относят венгров явно лишь потому, что они не являются индо-европейцами по языку, а принадлежат по языку к угро-финской языковой группе, входящей в финно-угорскую или финно-угро-самоедскую (уральскую) семью языков. Также и турки по своему расовому типу являются европеоидами, хотя в языковом отношении они входят в тюркскую ветвь алтайской семьи языков.

Несомненно, авторы вышеупомянутых учебников заключали о расовом типе венгров (или их предков) и турок на основании принадлежности языков венгров и турок к уральской и алтайской языковым семьям, т. е. грешили в отношении основных признаков советской этнографии, антропологии и лингвистики, всегда подчеркивавших, между языком народа и его антропологическим типом нет никакой взаимосвязи.

Обратим также внимание на то, что в учебнике для 6-го класса средней школы место венгров среди других народов Европы определяется главным образом их языком, а в учебнике для 7-го класса вспомогательной школы венгры характеризуются (и неверно) лишь с точки зрения их расового типа. Никакими методическими соображениями этот разный подход не может быть оправдан. Обе книги вышли в свет в одном том же 1949 году. Несомненно, перед нами в данном случае серьезный промах в подготовке учебников.

Народам Азии Г. И. Иванов и А. С. Добров дают такую классификацию: «В Азии живет много народов, из которых наиболее многочисленны народы монгольской группы. Главные по численности народы этой группы — китайцы, японцы и корейцы. Другую группу составляют народы Индо-Китая и Индонезии. Особую группу по языку составляют тюрки — казахи, узбеки, туркмены, турки».

К большой группе индо-европейских народов относится ряд народов Индии, к ней принадлежат также русские, иранцы, таджики. Арабы и евреи образуют особую группу.

Наконец, в Азии обитает еще одна многочисленная группа народов — негроиды, к которым относятся негритосы Филиппинских островов и отчасти дравиды Индостана.

Здесь мы имеем снова вопиющий пример смешения лингвистического и антропологического принципов классификации. Ни ребенку, ни взрослому эта классификация ничего не дает, более того, она только может запутать учащегося. «Тюрки» (правильнее было бы сказать тюркоязычные народы) и «индо-европейские народы» (лучше бы было сказать народы, говорящие на различных языках индо-европейской языковой семьи), несомненно, выделены по лингвистическому принципу. Негроиды в Азии являются исключительно по их расовому типу, так как говорят на языках различных языковых групп (дравидской, малайско-полинезийской и австро-азиатской).

Китайцы, корейцы и японцы выделены в «монгольскую» группу, по видимому, по расовому типу (очевидно, имелась в виду монголоидная большая раса), так как языку китайцы с монголами не имеют ничего общего⁵. Очень неясен принцип выделения в особую группу народов Индо-Китая и Индонезии. Едва ли мы и здесь не имеем отзвука старой классификации рас Блументбаха, который наряду с расами «кавказской» (т. е. европеоидной), «монгольской» (т. е. монголоидной), «эфиопской» (т. е. негроидной), «американской» (т. е. антропологического типа индейцев Америки, предков

² На стр. 68 оговорки «по языку» нет, но на стр. 27 языковый принцип классификации оговорен.

³ Эти названия приняты сейчас в советской антропологии вместо расистских старых названий рас «белая», «желтая» и «черная».

⁴ В. А. Грузинская, География, Учебник для VII класса вспомогательной школы. Утверждено Министерством просвещения РСФСР, М., 1949, стр. 68.

⁵ Г. И. Иванов и А. С. Добров, Указ. раб., стр. 97 (изд. 1950 г., стр. 97).

⁶ Монгольские языки (собственно монгольский, бурятский и некоторые другие) вместе с тюркскими и тунгусо-маньчжурскими образуют алтайскую семью языков. Китайский язык тай, вьетнамский, тибетский, бирманский и некоторые другие образуют китайско-тибетскую семью языков, в которой выделяются две основные ветви тай-китайская и тибето-бирманская.

яющего один из вариантов монголоидной большой расы), первоначально выделяя еще «малайскую расу», относя к ней антропологические типы населения Индо-Китая и Индонезии. Но Блуменбах сам отказался от выделения «малайской расы» еще в 1795 г., и вряд ли есть необходимость вводить это понятие в наши учебники. По языку же эти народы Индонезии входят в малайско-полинезийскую семью языков, а народы Индо-Китая говорят по большей части на китайско-тибетских языках, меньшая же часть (кхмеры и родственные им народы) — на австро-азиатских языках.

Несомненно, таким образом, что авторы не только не проводят четкой грани между классификациями по языку и расовому типу, но и не ясно представляют себе современную классификацию языков Восточной и Юго-Восточной Азии.

Отметим еще одну непоследовательность. Классифицируя население Азии, С. И. Иванов и А. С. Добров нашли нужным упомянуть об индо-европейской семье языков. Но в отношении населения Европы, где живет большая часть народов, говорящих на индо-европейских языках, это обобщающее название большинства европейских языков не упомянуто, и самый факт родства славянских, германских, романских и некоторых других языков Европы не отмечен⁷.

Зато в Европе почти все народы (мы бы предпочли писать «языки») перечислены сгруппированными по основным ветвям индо-европейской семьи языков. Исключение представляют лишь латыши с литовцами и греки; совсем пропущены албанцы и народы, говорящие на кельтских языках⁸. Наоборот, в отношении индо-европейских по языку народов Азии не указаны языковые ветви, к которым они принадлежат, а лишь названо выборочно несколько народов. Чтобы быть последовательным, нужно было бы указать, что индо-европейские языки Азии принадлежат в основном к трем ветвям этой семьи: индийской, иранской (персы, таджики, афганцы, курды, осетины и др.) и славянской (русские).

Смешение лингвистического и антропологического принципов классификации имеет-ся и в других учебниках. Например, С. В. Чефранов пишет: «Народы групп славянской, летто-литовской, кавказской, армянской, иранской, а также еврей, молдаване и западно-европейцы относятся к белой расе, народы же групп тюркской, угро-финской, монгольской и палеазиатской — к желтой»⁹. По этой классификации получается, что эстонцы и буряты, азербайджанцы и якуты принадлежат к одной — «желтой» (т. е. монголоидной) расе. Ошибка С. В. Чефранова — результат забвения того принципа, что лингвистическая и антропологическая классификации совершенно независимы и смешение их, создание какой-то объединенной антрополого-лингвистической классификации народов ни к чему, кроме бессмыслицы и вреда, привести не может. Конечно, и эстонцы, и карелы, и мордвины, и азербайджанцы, несмотря на свои финские и тюркские языки, являющиеся такими же европеоидами по своему расовому типу, как и говорящие на индо-европейских языках русские, шведы, латыши и армяне. Мы уже не говорим об употребляемых С. В. Чефрановым ненаучных названиях рас — «белая», «желтая».

Мы не сомневаемся, что авторы учебников географии знают разницу между лингвистической и антропологической классификациями. И. А. Витвер вопросу о том, что такое расы и нации, посвящает даже специальный параграф¹⁰. Чем же все-таки объяснить приведенные выше ошибочные положения? Нам кажется, что дело здесь в неправильных методических установках, а именно в желании как-то упростить вопрос, подать школьникам какую-то единую классификацию народов, вместо того чтобы «путать» их двумя разными, не связанными друг с другом классификациями — лингвистической и антропологической. Очевидно, что это опасный и неверный путь. Советская школа должна дать нашим детям правильное понятие о соотношении рас и языков. С каким сожалением приходится иногда отмечать в разговорах со взрослыми людьми, что они смешивают понятие расы и нации (или народности), толкуют, например, о «монгольских» языках Средней Азии или Северной Сибири и т. д. Все это результаты курсов географии, которые эти люди проходили в школе. Необходимо с первых же уроков географии, на которых речь идет о населении, рассказать учащимся о трех основных расах и противопоставить эту классификацию человечества классификации народов (наций, народностей, племен) по происхождению их языков. Для того чтобы провести в жизнь это педагогическое мероприятие, Министерству просвещения РСФСР

⁷ Г. И. Иванов и А. С. Добров, Указ. раб., стр. 27.

⁸ Упомянуты, правда, ирландцы. Но большинство ирландцев говорит на английском языке и только часть на кельтском (ирском).

⁹ С. В. Чефранов, Физическая география СССР. Учебник для 7-го класса семилетней и средней школы, изд. 7-е, дополн., Учпедгиз, М., 1948, стр. 48.

¹⁰ И. А. Витвер, Экономическая география зарубежных стран, изд. 14-е, М., 1953, стр. 18—19. Правда, не все авторы учебников географии оказываются в вопросе о таком расе, на должной высоте. А. С. Барков и А. А. Половинкин (Физическая география, учебник для 5-го класса, Учпедгиз, 1949) в разделе «Человек» (стр. 155—158) почему-то стыдливо именуют расы «группами, различающимися по окраске кожи, а также и по другим внешним признакам». Об этих «других внешних признаках» ничего не говорится. Поэтому в дальнейшем авторы поневоле вынуждены объяснять самих себя, указывая, что «хотя индусы (т. е. индийцы. — Б. Д.) относятся к белой (!) группе народов, но они имеют очень смуглый оттенок кожи».

надо подготовить типовую классификацию рас и отдельно типовую же классификацию языков мира и обязать авторов учебников географии руководствоваться этими классификациями. Эти классификации должны быть составлены с помощью Академии наук СССР — и Институтов этнографии и языкознания. Конечно, в зависимости от климата и типа школы, в одних случаях эти классификации могут быть в учебниках полнее, в других даны лишь в своих основных звеньях. Все это не так сложно, как кажется. Школьная расовая классификация, например, может быть ограничена лишь тремя большими расами (европеоидной, монголоидной, негроидной) с указанием разделов: европеоидной расы на северную (светлую) и южную (темную) подрасы, выделенных в монголоидной расе ее американоидного варианта (индейцев Америки), а в негроидной — негроидных типов Южной Азии и Австралии. Где это необходимо, могут быть даны указания о древних смешанных и переходных типах (Северо-Восточная Европа и Северо-Западная Азия, Средняя Азия, Индия, Северная Африка) и о метисах негроидного образования (главным образом Америки). Во всех учебниках необходимо так ясно и определенно указать, что расовые различия не связаны со способностями и никогда не оказывали влияния на их историю и уровень хозяйственного и культурного развития.

Основная же классификация народов должна быть дана по языку. При этом надо бы избегали таких выражений, как «тюрки», «романские» и «германские» народы и т. д., а всегда писали бы точно «тюркские по языку народы», «германские по языку народы» и т. д. Это необходимо потому, что родство по языку далеко не всегда обуславливает родство народов по происхождению и культуре. Например, якуты анатолийские турки являются тюркскими по языку народами, но они имеют между собой очень мало общего по происхождению и ничего общего по своей современной культуре. Так же и молдаване, являясь по языку, несомненно, романским народом, своему происхождению и культуре больше связаны со славянами. Между тем многие авторы учебников географии не соблюдают этого правила и пишут: «Средняя Азия заселена иранскими и тюркскими (или тюрко-монгольскими) народами»¹¹. «Ирландцы... принадлежат к кельтской группе народов»¹². «Большую часть населения Индонезии составляют народы *малайской группы*»¹³. Нам кажется, что добавление «по языку» при таких определениях не усложнит изложения, но будет способствовать его научной точности.

Особенно много подобных нечетких определений в учебнике С. В. Чефранова. Там сказано, что «население нашей страны по сходству языков и других признаков рас дается на несколько групп»¹⁴. Далее называются эти группы: славянская, тюркская, угро-финская, летто-литовская, кавказская, иранская, монгольская и палеазиатская. Отдельно названы армяне, молдаване и евреи¹⁵. Речь, несомненно, идет о лингвистической классификации, правда, непоследовательной, без указания на все более широкое объединение родственных языков типа индо-европейской, уральской, алтайской семей языков. Остается неясным, что автор подразумевал под «другими признаками» положенными в основу его классификации, так же как остается неясной сама возможность классификации народов сразу по нескольким признакам. Ввиду того, у автора нет четкости в принципах классификации всех народов СССР, у него оказывается много неясностей и тогда, когда он пишет об этнографическом составе населения отдельных физико-географических областей Советского Союза — Кавказа, Волжья, Восточной Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии. В население распадается у него на «группы», но нигде не сказано, что это языковые группы¹⁶.

¹¹ Н. Н. Баранский, Экономическая география СССР, М., 1953, стр. 354. Значит заключенное в скобки выражение «тюрко-монгольскими», для нас неясно. В нем имеется в виду то обстоятельство, что в отдаленном прошлом некоторые группы народов вошли в состав предков узбеков, казахов, каракалпаков и киргизов, то в том случае следовало бы очень многие народы, и не только в Средней Азии, называть с перечислением всех инноплеменников, когда-то вошедших в их состав.

¹² И. А. Витвер, Указ. раб., стр. 124. Кстати, большинство ирландцев, как уже указывали, говорит на английском языке и является кельтами лишь по происхождению. С таким же основанием можно назвать кельтами значительную часть говорящих на романском языке французов. Однако французов автор не относит к кельтам (стр. 131), а правильно указывает, что они принадлежат «по языку к романской группе европейских народов».

¹³ Там же, стр. 275. Очевидно, здесь имеется в виду малайско-полинезийская семья языков. В данном случае необходима особая четкость формулировки, так как выражение «малайская группа», поданное без всяких оговорок, может быть понято как «минавшаяся выше «малайская раса» Блуменбаха».

¹⁴ С. В. Чефранов. Указ. раб., стр. 47.

¹⁵ Там же, стр. 47—48. Неясно также, почему в книге, изданной в 1948 г., говорится о Бессарабии, а не о Молдавской ССР; почему чукчи названы непривычным названием луораветланы, хотя национальный округ чукчей в Конституции СССР называется Чукотским.

¹⁶ Там же, стр. 119—120, 129, 163, 173, 174, 195. На стр. 174 непонятно, чем «палеазиаты «близки» к индейцам Америки. Ссылка на эскимосов ничего не объясняет,

Непонятны и такие формулировки, как: «китайцы относятся к монгольской группе народов»¹⁷ или «более двух третей населения Африки относится к негритянской группе»¹⁸. Если С. В. Чефранов под «группами» населения СССР подразумевает в основном лингвистические группировки, то в данном случае Г. И. Иванов и А. С. Добров под словом «группы» явно имеют в виду расовые типы. Здесь, конечно, следовало писать, что китайцы по своему физическому типу принадлежат к монголоидной расе, а более двух третей населения Африки по этому же признаку относится к негроидной расе. Таким образом, одним неопределенным термином «группа» в учебнике для 7-го класса названы лингвистические общности, а в учебнике для 6-го класса — антропологические типы. Несомненно, что вся эта путаница отрицательно сказывается и на общем развитии подрастающего поколения, и на усвоении им основных, элементарных сведений о человечестве, его расах и языках.

* * *

Следующим серьезным изъяном наших учебников географии является общая недостаточность в них этнографического материала, почти полное перенебрежение этнографическими характеристиками народов.

Конечно, география — не этнография. Мы не ожидаем и не требуем от учебников географии развернутых этнографических описаний народов. Но некоторая минимальная характеристика производственных навыков, материальной и духовной культуры, психического склада народов обязательна и для учебников географии.

Например, Г. И. Иванов и А. С. Добров на стр. 54—55 своего учебника дают краткую этнографическую характеристику итальянцев. На стр. 109—110 они описывают китайцев, на стр. 118—119 — японцев, на стр. 126—127 — индийцев («индусов»), на стр. 157—158 — индейцев Америки и эскимосов, на стр. 180 — коренных жителей Австралии. Эти характеристики далеко не полны¹⁹, и, может быть, не все в них верно. Но все же мы видим здесь живых людей, которых нет в других главах этого же учебника. Найдя нужным и возможным дать этнографическую характеристику итальянцев, авторы ни одним словом не характеризуют англичан, французов, немцев, не говоря уже о других нациях Западной Европы. Найдя возможным дать хорошие, сжатые описания Лондона и Парижа, даже лондонских туманов, авторы не нашли места для английского и французского народов. Особенно досадно, конечно, отсутствие этнографических характеристик при описании населения стран народной демократии.

К сожалению, совершенно отсутствуют также этнографические характеристики в учебниках географии СССР²⁰. Читая эти учебники, можно подумать, что народы Советского Союза не имеют ни национальной по форме культуры, ни национальных особенностей в быту. Учащиеся не получают никакого представления о национальном своеобразии многочисленных народов нашей многонациональной родины. Все, что авторы учебников географии СССР считают нужным сообщить о национальностях Советского Союза, по большей части сводится к лаконическим сведениям о трудовых навыках того или иного народа. Так, о населении Казахстана сообщается: «казахи — мастера пастбищного скотоводства, узбеки — мастера поливного земледелия, украинцы — бесполовного земледелия, дунгане — замечательные огородники и т. д.»²¹. Все это верно, но все же это чрезвычайно односторонне и недостаточно.

Дать краткую, но верную и содержательную характеристику народа, конечно, очень трудно. Здесь всегда подстерегает опасность сбиться на тривиальные, пошлые характеристики, принятые у буржуазных этнографов и географов. Особенно было бы неуместно в этнографических описаниях народов, состоящих из антагонистических классов, переносить отличительные черты господствующего, эксплуататорского класса данного народа на весь народ, на всю его трудящуюся и эксплуатируемую массу. В отношении народов Советского Союза следует также проводить различие между старым и новым бытом, старой и новой культурой и не относить элементы старого быта и старой культуры к числу черт, характеризующих современный национальный облик народа. Но вполне возможно и в отношении народов СССР давать краткую характеристику их старого быта с тем, чтобы в сравнении с тяжелым прошлым наро-

как эскимосы СССР близки по языку эскимосам Аляски, Канады и Гренландии, но не индейцам. На стр. 149 следует снять упоминание об ойратах.

¹⁷ Г. И. Иванов и А. С. Добров, Указ. раб., стр. 108.

¹⁸ Там же, стр. 140.

¹⁹ Мы узнаем, например, о бедности трудящихся масс Италии, об их скудной пище, об отсталости широких масс вследствие их нищеты и засилья духовенства. Вместе с этим мы узнаем кое-что о духовной жизни трудящихся масс итальянского народа, о музыкальности итальянцев, об их прекрасных уличных певцах и т. д. Но в этой характеристике итальянцев нет ничего об их жилищах, одежде, обычаях, праздниках, нет ничего о традиционных народных производственных навыках в области сельского хозяйства, ремесла и т. д.

²⁰ Н. Н. Баранский, Экономическая география СССР, М., 1953; С. В. Чефранов, Физическая география СССР, М., 1948.

²¹ Н. Н. Баранский, Указ. раб., стр. 388.

дов царской России еще ярче выступали достижения настоящего, ярче выступало то новое, что дала народам СССР Советская власть.

Как уже говорилось, учебники по географии СССР очень бедны этнографическим материалом. По существу мы не узнаем из них ничего, кроме названий народов. Страница, посвященная культуре и исторической роли русского народа в учебнике С. В. Чефранова²², и шесть иллюстраций в учебнике Н. Н. Баранского²³ — это, пожалуй, все, чем показаны быт и культура народов Советского Союза в курсах географии СССР для средней школы.

На фоне этого невнимания учебников географии СССР к человеку в его национальной специфике выделяется учебник В. А. Грузинской для 6-го класса вспомогательных школ²⁴. Здесь (на стр. 21—23) мы находим описание русских поморов с соответствующим рисунком, а также ненцев и чукчей (стр. 24—27) с несколькими иллюстрациями. Далее, на стр. 37—42, снова рассказывается о народах тундры, об их старой и новой жизни. Имеется шесть иллюстраций на эту тему. На стр. 56 мы видим фотографию, показывающую русских охотников-тигролов с пойманными ими тиграми. На стр. 62—64 рассказывается о жителях сибирской тайги; имеется три иллюстрации. На стр. 91—92 рассказывается об украинцах и опять дана соответствующая иллюстрация. Подробно рассказано о старом и новом быте Казахстана (стр. 98—107), при этом текст снабжен шестью фотографиями, в том числе фотографией народного танца Казахстана Джамбула. На стр. 113—124 рассказывается о народах Средней Азии. На стр. 134—140 о населении горных областей СССР — Алтая, Тянь-Шаня и Кавказа. Здесь тоже помещен ряд этнографических иллюстраций.

Но не все в этом учебнике правильно. Трудно, например, согласиться с тем, что чукчи и ненцы описываются вместе. Вследствие этого получается, что чукчи живут в чумах, что ненцы живут на берегу моря у Таймыра и т. п. В разделе «Жизнь в тундре» на стр. 36 дана фотография эвенкийских верховых оленей в лесу и т. д. при всех недостатках, имеющихся как в этом, так и в упоминавшемся выше другом учебнике этого же автора (для 7-го класса вспомогательных школ)²⁵, здесь мы все же находим некоторый этнографический материал, снабженный иллюстрациями. Невольно возникает вопрос, почему в учебники для вспомогательной школы оказалось возможным ввести хотя бы элементарные этнографические характеристики народов, а в обычных для нормальных школ этому не нашлось места. Мы думаем, что на этот вопрос можно дать лишь один удовлетворительный ответ: дело составления школьных учебников географии, а особенно их разделов, касающихся населения, было предоставлено самотеку.

Необходимо резко улучшить в этнографическом отношении иллюстративную часть учебников. Кроме пристаней, причалов, улиц, паромов, труб, крыш домов и др. с автомобилями, учащиеся должны видеть на страницах учебников географии побольше живых людей в их национальной специфике.

* * *

Наши учебники географии, особенно экономической географии, показывают человека главным образом как производителя, и почти не интересуются человеком как потребителем. Авторы забывают о том, что конечной целью производства является потребление, и совершенно ничего не говорят о национальной специфике в потреблении. А между тем традиции населения в области пищи, одежды, жилища, средств передвижения, будучи сами в конечном счете обусловлены материальными условиями

²² С. В. Чефранов, Указ. раб., стр. 48—49.

²³ Н. Н. Баранский, Указ. раб., стр. 216, 312, 316, 366, 368, 369. Любопытно, что из 6 иллюстраций 3 посвящены узбекам и по одной — осетинам, латышам и эстонцам. Фотография, показывающая старую латышскую супружескую пару в национальных костюмах, технически очень хороша (стр. 312), но представляет латышей из крайнего юго-западного угла Латвийской ССР, костюмы которых близки литовским (жмудским) и не характерны для остальной Латвии. Для русских, украинцев, белорусов и других народов СССР здесь совсем не нашлось места.

²⁴ В. А. Грузинская, География, Учебник для VI класса вспомогательных школ, М., 1951.

²⁵ В. А. Грузинская, География, М., 1949. Здесь, помимо недоразумения с отнесением венгров и турок к «желтой» расе (стр. 68), необходимо также пересмотреть классификацию народов Азии (стр. 97—98). Неудобно, перечислив чукчей, якутов и эвенков, писать «и другие немногочисленные народы». Это верно в отношении чукчей (12 тыс.), эвенков (около 30 тыс.), но вряд ли приложимо к якутам (240 тыс.). Во всяком случае по сравнению с чукчами якуты являются даже многочисленным народом. Нельзя писать индусы (т. е. последователи индуистской религии), а следует писать индийцы. Странно звучит фраза «родственники европейских народов (белой расы)». Вряд ли стоит говорить о родстве по расе. Большая часть индийцев и жителей Афганистана и Ирана родственна европейским народам по языку. Это и следует указать. Для Европы автор дает главным образом классификацию по языку, для Азии, Африки и Америки — главным образом по расовому типу. Все это надо исправить и унифицировать.

жизни общества, в том числе в известной степени и географическими условиями, являются серьезным экономическим фактором, с которым нельзя не считаться и который нельзя игнорировать в учебниках географии, особенно экономической. Нельзя ройти мимо отсутствия в китайском сельском хозяйстве молочного хозяйства. Нельзя считать с тем, что в Индии большинство населения не ест мяса не только вследствие недостатка средств, но и из религиозных предрассудков. Это отвращение индийцев к любому мясу, пожалуй, равносильно нашему отвращению к собачьему мясу. Учебник экономической географии не может пройти мимо факта отсутствия свиноводства и виноделия в большинстве стран, население которых исповедует ислам. Мы иногда не поймем направления перевозок и размеров мировой торговли чаем или кофе, если не будем учитывать привычки пить кофе в одних странах и чай — в других.

В нашей прессе, в выступлениях руководителей партии и правительства неоднократно указывалось на случаи неправильного планирования, неправильного распределения товаров, в результате чего в одни районы Советского Союза не завозились нужные им товары, а в другие завозились товары, не имевшие там сбыта. Причиной их ошибок в первую очередь является невнимание к вопросам потребления. Между тем и наша школа своими учебниками не направляет внимание подрастающего поколения к вопросам потребления. Более того, учебники географии почти не замечают потребления ни как одного из разделов экономической науки, ни как этнографического географического явления. Если отдельные факты особенностей потребления и отмечаются, то необходимых выводов и обобщений в этой области не делается²⁶. На страницах учебников географии упоминаются массы производимых товаров, описываются их перевозки, торговля ими и т. д., но для чего производятся эти товары, кто, как и где потребляет, об этом почти ничего не говорится.

* * *

Отметим отдельные неточности в названных учебниках. Национально-освободительное движение стало расти в Индии не после первой мировой войны и Октябрьской революции²⁷, а раньше, с середины XIX в. Совершенно неправильно писать «индусы (хинду) и бенгальцы»²⁸, так как индусами называют лишь индуистов (последователей индуистской религии), которые говорят и на языке хиндустани и на бенгальском. Надо объяснить, почему господствующие классы Индии поддерживают кастовый строй. Здесь дело, конечно, в том, что кастовый строй облегчал эксплуатацию трудящихся масс. Нельзя объяснять голодовки индийцев лишь неурожаями²⁹, следовало бы сказать об английской колониальной политике, доведшей Индию до нищеты и разорения. В партии «Индийский национальный конгресс» руководящая роль принадлежит не только буржуазии³⁰, но и помещикам.

Вряд ли можно утверждать, что язык эльзасцев «представляет собой смесь французского с немецким»³¹. И. А. Витвер правильно пишет, что «большая часть населения Эльзаса и северо-восточной части Лотарингии говорит на эльзасском диалекте немецкого языка»³². Венгры в Румынии живут главным образом в центре, в северо-восточной части Трансильвании, там, где сейчас Венгерская автономная область, а не на западе³³. В Болгарии турки живут главным образом на северо-востоке, а не на юго-востоке³⁴. Говоря о населении Югославии, следовало бы отметить, что сербы и хорваты говорят на одном языке и лишь имеют разную письменность³⁵. О населении Турции сказано: «имеются греки, турецкие армяне и другие племена»³⁶. Называть греков и армян — народы, история которых исчисляется тысячелетиями, — племенами, по меньшей мере, странно. Говоря о населении Южной Африки³⁷, следовало бы отметить, что готтентотов и бушменов осталось очень немного. Неверно, что эскимосы отличались от всех народов Северной Азии тем, что не знали оленеводства³⁸.

²⁶ И. А. Витвер (Указ. раб., стр. 269) и Г. И. Иванов и А. С. Добров (Указ. раб., стр. 127) упоминают о том, что индуисты не едят мяса. Но говорится об этом походе вскользь причины и следствия этого явления остаются нераскрытыми.

²⁷ Г. И. Иванов и А. С. Добров, Указ. раб., стр. 121.

²⁸ Там же, стр. 126. Вообще о населении Индии сказано очень бегло и сумбурно. Надо было бы, по крайней мере, назвать основные расовые типы — темный европеоидный (на большей части территории Индии) и негроидный — в виде примеси на юге, а также основные лингвистические группы: индо-европейскую, дравидскую и австро-азиятскую (мунда-кол), назвав главные народы каждой из этих лингвистических групп.

²⁹ Там же, стр. 127.

³⁰ Там же, стр. 130.

³¹ Там же, стр. 41.

³² И. А. Витвер, Указ. раб., стр. 131.

³³ Г. И. Иванов и А. С. Добров, Указ. раб., стр. 71.

³⁴ Там же, стр. 74.

³⁵ Там же, стр. 79.

³⁶ Там же, стр. 101.

³⁷ Там же, стр. 143.

³⁸ Там же, стр. 157.

В Северной Азии эскимосы, оседлые чукчи и коряки, ительмены (камчадалы), нивхи (гиляки) и другие народы также не знали оленеводства. В перечислении языков современного населения Америки³⁹ следовало бы упомянуть о французском языке в восточной Канаде и в республике Гаити. В учебнике С. В. Чефранова вызывает неумение утверждение о том, что в Москве рабочие составляют лишь шестую часть всего населения⁴⁰. Здесь, очевидно, смешана статистика всего населения со статистикой самостоятельного населения. Неверна также классификация народов Кавказа группы грузинскую, армянскую, иранскую и кавказскую⁴¹. Автор забыл об объединении армянского и иранских языков в индо-европейскую семью языков, забыл, что и русское население Кавказа входит в ту же индо-европейскую семью языков, почему-то выделил грузинский язык из числа остальных языков кавказской семьи, следовало также имеретин выделять в качестве особого народа, так как это этнографическая группа грузинского народа. Неверно утверждать, что азербайджанцы — пришлый народ на Кавказе. Из-за Каспийского моря пришли лишь некоторые составные элементы азербайджанского народа, принесшие на территорию Азербайджана тюркский язык кыпчакской группы, который в дальнейшем и был усвоен коренным населением Азербайджана. Среди кавказских народов следовало бы упомянуть кумыков, чеченцев и осетин, а также и индейцев Дагестана — аварцев.

Неполна характеристика народов Кавказа также в учебнике Н. Е. Виткевича. Кроме грузин, черкесов (лучше бы сказать адыгейцы) и осетин, следовало бы назвать армян, азербайджанцев, кабардинцев и дагестанцев.

В учебнике Н. Н. Баранского при перечислении народов Дагестана⁴³ следовало бы назвать еще кумыков, горских евреев и табасаран, имеющих не только особые языки и свою письменность. Наоборот, можно было не называть такие мелкие, слившиеся с аварцами, этнографические группы, как андийцы; иначе не понятно, почему не названы другие подобные же мелкие группы населения Дагестана. При описании национального состава Азербайджана⁴⁴ следовало бы упомянуть дагестанские народы (лезгин, аварцев, цахуров и др.), которые составляют значительный процент населения северного Азербайджана. В Грузии даже не упомянуты алжарцы, абхазы и осетинцы, имеющие свои республики или области. При описании Таймырского национального округа из его разнообразного населения названы лишь ненцы⁴⁵; не названы также большая, основная часть населения этого округа — долганы, не говоря о нганасанах и других. Не назван ни один из коренных народов Хабаровского края⁴⁶, хотя в нем выделения Магаданской области было два национальных округа. Ничего не сказано об этнографическом составе населения Латвийской ССР, Туркменской ССР⁴⁷, хотя в Казахстане названы уйгуры, дунгане и др.⁴⁸.

В учебнике И. А. Витвера о населении Голландии сказано: «Почти все население голландцев»⁴⁹. Забыты фламандцы и фризы, хотя рядом на стр. 157 в описании населения Бельгии и на стр. 131 в описании населения Франции фламандцы упомянуты. Неизвестным остается, кто живет в Дании⁵⁰, какие некитайские народы живут в западном Китае⁵¹. В числе народов Синьцзяна⁵² следует упомянуть киргизов. А древнее, коренное население Японии, среди населения Японии не названы⁵³ (хотя сохранилось 15—20 тыс.), а упомянуты только мимоходом в истории колонизации острова Хоккайдо⁵⁴. Очень неопределенно и сбивчиво характеризует И. А. Витвер этнический состав населения Индии⁵⁵. Вместо того, чтобы назвать основные три семьи языков Индии и главные народности, входящие в эти семьи, автор говорит только о двух языках (хинди и бенгали). Урду, о котором говорит И. А. Витвер, представляет тот же хинди (или хиндустани), но с арабской письменностью и незначительными лексическими расхождениями.

В Иране, кроме персов, азербайджанцев, курдов, арабов⁵⁶, проживают калалы, бахтиары и другие народности, которые следовало бы назвать. В Турции, кроме лазов⁵⁷, живут грузины, а также черкесы. Неверно, что абиссинцы (эфи-

³⁹ Г. И. Иванов и А. С. Добров, Указ. раб., стр. 158.

⁴⁰ С. В. Чефранов, Указ. раб., стр. 82.

⁴¹ Там же, стр. 119.

⁴² Н. Е. Виткевич, География, Учебник для 4-го класса, М., 1950, стр. 132.

⁴³ Н. Н. Баранский, Указ. раб., стр. 205.

⁴⁴ Там же, стр. 330.

⁴⁵ Там же, стр. 254.

⁴⁶ Там же, стр. 266—277.

⁴⁷ Там же, стр. 312—313, 358.

⁴⁸ Там же, стр. 388.

⁴⁹ И. А. Витвер, Указ. раб., стр. 153.

⁵⁰ Там же, стр. 280.

⁵¹ Там же, стр. 187.

⁵² Там же, стр. 210.

⁵³ Там же, стр. 257.

⁵⁴ Там же, стр. 286.

⁵⁵ Там же, стр. 131.

⁵⁶ Там же, стр. 231.

⁵⁷ Там же, стр. 263.

представляют результат смешения «арабо-берберов» и «негров». Совершенно неизвестным остается, кто живет в Египте⁵⁸.

При описании населения США в параграфе «Иммиграция и американизация» весьма неудачно сказано, что «американизация» новоприбывшего является обязательным условием его успеха⁵⁹. Именно так и хотя бы представить дело защитники «американского образа жизни», пропагандирующие «идею» о том, что каждый человек, воспринявший американскую «цивилизацию», имеет все возможности разбогатеть в условиях «свободы частной инициативы». О «переваривании» «разноплеменной массы» в США надо было сказать иначе, указав, что нигде так не велики классовые противоречия и национальная дискриминация, как в США. Так называемая «американизация» является одним из методов угнетения иммигрантов, снижения иммигрантам заработной платы и т. д. Разобшение народов США по расовому и национальному признаку касается всех живущих там народов, хотя по отношению к неграм этот шовинистический принцип проводится с особенной силой⁶⁰. Необходимо было указать, что основой разжигания всего этого расового и национального шовинизма является желание удержать трудящихся негров, индейцев и другие народы в рабском подчинении, желание обеспечить дешевую рабочую силу. Следовало указать, что вся система правовой и бытовой дискриминации, безудержного террора в отношении негров направлена на то, чтобы «освобожденные» в годы войны Севера и Юга негры продолжали повиноваться помещикам и капиталистам, чтобы они чувствовали себя изолированными от трудящихся других национальностей, чтобы помешать все растущему стремлению трудящихся США всех рас и национальностей к классовому единению.

В небольшом разделе об индейцах⁶¹ следовало разъяснить происхождение этого названия, чтобы учащимся было понятно, отчего похожи названия «индейцы» и «индийцы». В описании населения Латинской Америки⁶² необходимо было указать, что в ряде латино-американских стран образуются нации на индейской основе (Парагвай, Гватемала), что в ряде стран индейцы составляют значительную часть населения (Перу, Мексика и др.) и что индейцы Латинской Америки принимают активное участие в общественной жизни своих стран. В книге И. А. Витвера индейцы поданы какой-то безликой массой, вне связи с окружающей жизнью, будто бы они не оказали никакого влияния на сформировавшиеся и формирующиеся нации Латинской Америки, будто бы они не внесли крупного вклада в культуру латино-американских стран.

В описании коренного населения Австралии⁶³ следовало бы сказать хоть несколько слов о культурном уровне австралийцев до колонизации, о разрушении их культуры колонизаторами, о бедственном положении австралийцев в резервациях и т. п.

Вызывает недоумение отсутствие в учебнике И. А. Витвера очерков об Океании и Индонезии. непонятно, откуда школьник должен черпать свои познания по географии, в частности о населении, этих районов земного шара.

Можно было бы отметить и ряд других недочетов и неточностей в школьных учебниках географии.

Изложенное показывает, что в деле подготовки учебников географии все еще имеется много недостатков, на которые пора обратить самое серьезное внимание. Особенно нетерпимы, конечно, отмеченные выше ошибки, снижающие уровень идейного воспитания подрастающего поколения советских людей.

Б. О. Долгих

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА О МОЛДАВАНАХ

Вопросы этнографического изучения молдавского народа не раз привлекали к себе внимание различных исследователей. Однако изучением молдаван занимались крайне несистематично. В результате такого положения до сих пор у нас нет фундаментальных трудов по этнографии этого народа. Плохая изученность молдаван объясняется в значительной степени и тем, что после Великой Октябрьской социалистической революции, когда в нашей стране широким фронтом развернулось этнографическое изучение самых различных народов, населяющих нашу многонациональную родину, территория Бессарабии, где живет большая часть молдаван, была временно оккупирована буржуазно-помещичьей Румынией. Правители последней вовсе не были заинтересованы в установлении научной истины о происхождении молдавского народа и развитии его культуры. Широкое хождение имели всякого рода фальсификаторские «теории» о происхождении молдаван и румын непосредственно от римских колонистов, оккупировавших территорию Дакии в первых веках н. э. (так называемая «латинская

⁵⁸ И. В. Витвер, Указ. раб. стр. 360—370.

⁵⁹ Там же, стр. 301.

⁶⁰ Там же, стр. 301—302.

⁶¹ Там же, стр. 302.

⁶² Там же, стр. 343—344.

⁶³ Там же, стр. 375.

школа») или же о происхождении их непосредственно от фракийцев («фракомаж»). Все эти «теории» замалчивали вопрос об огромном вкладе славян как в этногенез так и формирование культуры молдавского и румынского народов. Поэтому сами приступая к исследованиям в области этнографии молдаван, мы вынуждены ограничиваться или трудами лингвистов, а в последнее время и археологов, или же отдельными этнографическими статьями и даже замечаниями, разбросанными по различным изданиям, которые, конечно, не могут воссоздать всей картины в целом.

Учитывая настоятельную потребность в ознакомлении со всем тем, что было сказано по вопросам этногенеза и культуры молдавского народа, авторы данного обзора отнюдь не претендуют на исчерпывающую полноту охвата материала, пытаются охарактеризовать ряд работ, посвященных как общим вопросам молдавской этнографии, так и разработке отдельных тем в этой области.

Восточные романцы, населявшие территорию Дакии в первые века н. э., являлись предками двух родственных народов: молдаван и румын, в состав которых в состав особые исторические условия вошли не одни и те же этнические компоненты. Для того, чтобы стала понятна оживленная дискуссия, развернувшаяся с конца XVIII по этим вопросам, необходимо дать краткую историческую справку о тех процессах, которые проходили на территории Дакии в первые века н. э.

Считается установленным, что восточные романцы, населявшие эту территорию были дакийскими племенами, подвергшимися частичной романизации после завоевания Дакии Римом в первых веках н. э. Римлянами значительно лучше были освоены западные области обширной дакийской провинции; коренное население востока и в массе своей сохраняло старые обычаи и древнее общинное устройство. Оно не платило римлянам налоги и обязано было поставлять воинов для дакийских корпусов несущих гарнизонную службу в римских провинциях. Чтобы удерживать покоренное население Дакии в повиновении, римляне вынуждены были разместить там несколько легионов и создать многочисленные укрепленные пункты, которые заселялись колонистами из Галлии, Паннонии, Малой Азии и Северной Африки.

Господство Рима в Дакии продолжалось около 170 лет. Между 271—274 гг. (дата точно не установлена) император Аврелиан вынужден был уступить Траяну Дакию, угрожавшим окраинным провинциям Римской империи. Римские колонисты часть местного романизованного населения были переселены в Верхнюю Мезию (южный берег Дуная), где была образована Аврелианова Дакия.

В эпоху «переселения народов» на территории Дакии последовательно сменялись готы, гунны, гепиды, авары.

Что же стало с коренным населением Дакии и каково его отношение к современным румынам и молдаванам; остались ли романизованные дакийцы на территории старой Дакии или все они ушли с римскими легионами в Верхнюю Мезию?

Согласно «теории непрерывности» романизованного населения на северном берегу Дуная, выдвинутой в 1774 г. Иоганном Тунманом, современные румыны и молдавы являются прямыми потомками романизованных фракийцев (даков), живших на территории старой Дакии. По мнению Тунмана, они остались после ухода римских легионов на своих местах, а от последующих нашествий спасались в горах, в частности горах Трансильвании.

Противоположное мнение высказал в 1781 г. Фр. Зильцер, который считал, что романизованное население не могло удержаться к северу от Дуная во время неоднократных нашествий других народов. Оно могло сохраниться лишь южнее, в провинциях Мезии, Фракии и Иллирии. Там, по мнению Зильцера, и сформировались настоящие романцы, а затем, уже после прекращения нашествий степных кочевников XIII в. (печенегов, половцев, монголо-татар), они появились в пределах теперешней Валахии, Молдавии и Трансильвании. Однако, придя сюда, они не застали эти территории пустыми. Здесь имелось уже мадьярское население.

Особенно широкая полемика по этому вопросу развернулась после выхода в свет «*Romänische Studien*» Роберта Рёслера¹ — ярого сторонника «теории непрерывности» романизованного населения на территории Дакии. Его поддержали венгерский ученый Хунфальви и чешский ученый Томашек. Надо сказать, что для ряда националистически настроенных венгерских ученых теория Зильцера — Рёслера, отстаивавшая точку зрения позднего появления предков молдаван и румын на территории старой Дакии и особенно Трансильвании, явилась своеобразным «сгедо», так как позволяла обосновать притязания Венгрии на Трансильванию².

Противниками «теории непрерывности» выступили Юнг, Пич, Калужняцкий и другие румынских и молдавских ученых.

Вторая половина XVII и XVIII в. характерны пробуждением в дунайских княжествах (Молдавии и Валахии) национального самосознания, что было связано развитием экономики княжеств, появлением мануфактуры, ростом городов и торговли. Нарождавшаяся буржуазия возглавляла борьбу народа против иноземных захватчиков. Выразителями интересов зарождавшейся буржуазии явились такие ученые, как

¹ Robert Rösler, *Romänische Studien*, Leipzig, 1871.

² P. Hunfalvy, *Ethnographie von Ungarn*, Budapest, 1877, стр. 336—34; J. Jung, *Römer und Romanen in den Donauländer*, Innsbruck, 1877; A. Pič, *Über die Abstammung d. Rumänen*, Leipzig, 1880.

Дмитрий Кантемир (1673—1727) в Молдавии и Михаил Кантакузино (1723—1787) в Валахии. В своих трудах они проводили мысль о единстве восточно-романского населения этих княжеств, а Дмитрий Кантемир явился создателем теории о его чисто латинском происхождении³. Этот взгляд и явился той базой, на которой в конце XVIII в. в Трансильвании создавалась «латинская школа»; наиболее яркими ее представителями были Георгий Шинкай и Самуил Мику-Клайн. Они считали, что фракийское население Дакии было поголовно уничтожено римскими оккупантами и восточные романцы являются непосредственными потомками римских колонистов. Несмотря на наивную и антинаучную постановку вопроса, в свое время эта теория сыграла определенную роль, так как будила самосознание народа и призывала его к объединению. Однако очень скоро «латинская школа» стала выразителем идей румынских шовинистов; она господствовала в румынской историографии вплоть до первой мировой войны.

Наряду с работами представителей «латинской школы», в Румынии появляются исследования, написанные с совершенно иных позиций. Б. Хэшдэу (1836—1907) в своих работах отстаивает мысль о влиянии соседних народов на формирование культуры восточно-романских народов. И. Богдан (1862—1919) всю свою жизнь занимался изучением влияния славянских народов на этногенез и культуру валахов и молдаван.

После победы Октябрьской революции в России в румынской историографии господствующее положение занимает «фракийская теория», представители которой рассматривают восточных романцев, как непосредственных потомков древнего фракийского населения. Появление этой теории неслучайно. После мировой войны территория Румынии увеличилась почти вдвое. Реакционными буржуазно-помещичьими кругами открыто провозглашалась идея создания «Великой Румынии» за счет империалистических захватов территорий Юго-Восточной Европы. Фашиствующая «фракийская теория», выдававшая восточных романцев за единственно «законных» наследников древнего населения этой огромной области, представителей «высшей расы», явилась удобным теоретическим «обоснованием» дальнейших захватов.

Однако и в это время не все румынские ученые разделяли официальную точку зрения. Большой научный интерес представляет собой много томный труд Александра Филиппиде «Originea Românilor» (Происхождение румын)⁴. На основе изучения громадного количества документов и данных лингвистики этот исследователь пришел к выводу, что восточные романцы формировались на большой территории к югу и северу от Дуная. Жившие здесь иллиро-фракийские племена во время римского владычества были в значительной степени романизованы. В III—IV вв. н. э. северная часть этой территории (Старая Дакия) была занята другими народами, которые оттеснили коренное население к горам. Но уже с VII в. романизованные иллиро-фракийцы, жившие на южном берегу Дуная, под давлением славян начали обратное продвижение на север, за Дунай. Это продвижение шло двумя основными потоками: один из них направлялся в Банат и Трансильванию, а оттуда за Карпаты в Молдавию, Буковину и Бессарабию, другой шел восточнее и распространился на Валахию и восточную часть Трансильвании. Переселенцы, пришедшие в эти районы, застали здесь остатки прежнего романизованного населения и слились с ним. Два потока колонизации дали начало двум народностям: молдавской и валашской. Меньшая часть романизованного населения, оставшаяся в Верхней Мезии, в результате движения славян на Балканский полуостров сдвинулась на юг в Македонию, где потомки ее сохранились и ныне (аромуны). Еще менее значительная часть этого населения шла на запад, на Далматинское побережье, где она держалась в горах как носитель своего далматинского языка, исчезнувшего окончательно только в XIV в.

Очень важно отметить, что Филиппиде убедительно доказал историческую связь романского населения Трансильвании (кроме юго-восточной ее части) с Молдавией. Эта связь подтверждается лингвистическими исследованиями Густава Вейганда⁵, бездвигавшего в конце XIX — начале XX в. почти все румынские области и установившего, что население Северной Трансильвании и Маромуреша говорит на наречии, очень близком к молдавскому языку. Труд Филиппиде как бы подвел итог дискуссии «прерывности» и «непрерывности» романизованного населения на территории старой Дакии. Теория Зульцера — Реслера оказалась несостоятельной.

Однако в общем серьезная работа Филиппиде оказалась несвободной от ряда существенных недостатков. Основным из них был тот, что Филиппиде недоучитывал роль славянства в процессе этногенеза румын и молдаван и его роль в формировании культуры этих народов. Филиппиде не говорит о том факте, что, придя из-за Дуная на северный берег, восточные романцы, помимо родственных им народов, застали почти во всех областях этой территории значительное славянское население, вшившееся существенным компонентом в формирование молдавской и румынской народностей.

³ Дмитрий Кантемир, Историческое, географическое и политическое описание Молдавии, М., 1879.

⁴ Al. Philippide, Originea românilor, Iași, 1925—1928.

⁵ G. Weigand, Linguistischer Atlas des dakorumänischen Sprachgebietes eipzig, 1909.

Большое значение для изучения вопросов этногенеза молдаван и румын имеют труды советских исследователей. В первую очередь здесь следует назвать наших лингвистов М. В. Сергиевского и С. Б. Бернштейна. Используя все достижения зарубежной науки, они поставили вопрос на строго историческую почву и вскрыли сложность процесса формирования восточнороманских народов. В частности, советскими исследователями показана крупная роль славянского элемента в формировании языка и культуры этих народов. При этом важно отметить, что славянский элемент был не один и тот же для разных восточнороманских групп. В то время как в формировании валашской народности участвовали преимущественно южнославянские племена, в образовании молдавской народности приняли участие восточнославянские племена. Исследование названий населенных пунктов Северной Молдавии и Бессарабии показало, что там имеется значительное количество наименований или частей восточнославянского происхождения, или с восточнославянским окончанием в «овцы». Этот факт говорит о том, что часть восточнороманского населения, пришедшая на территорию Молдавии в XIV в., застала здесь уже прочное славянское население. В это позволило Сергиевскому высказать мысль о самостоятельном от валашского развития языка и культуры молдаван⁶.

Трудно переоценить в данном случае и заслуги советской археологии. Раскопки Г. Б. Федорова на территории Молдавской ССР, систематически ведущиеся с 1950 г. показали мощный славянский пласт на этой территории, охватывающий время с конца I тысячелетия до н. э. до XII в. н. э., включительно. Экспедицией открыто свыше 70 славянских поселений, относящихся к различному времени. «Доказано, что более чем тысячелетняя история Поднестровья неразрывно связана со славянами, что Днестр — древняя славянская река»⁷. В результате археологических изысканий Г. Б. Федорова можно утверждать, что до сих пор мало известное восточнославянское племя тиверцев, которому и принадлежали эти памятники, вошло существенным компонентом в этногенез молдавского народа.

Особая точка зрения по вопросу о происхождении молдаван, валахов и балканских романцев представлена в работе С. П. Толстова⁸. Он считает восточных романцев продуктом сложного и довольно позднего скрещения, в котором ведущую роль играл славянский элемент. По мнению С. П. Толстова, в качестве романского элемента в этом скрещении выступили не романизованные дакийцы, а кельты, язык которых был близок к латинскому и поэтому был легко романизован в период римского владычества. Романизацию всех вообще кельтских языков материковой Европы облегчили близость к романским языкам, что делало ненужным двуязычие. С. П. Толстов считает, что в областях по нижнему течению Днестра и Дуная жили романизованные кельты: бастарны, певкины и бритолаги, дакийский же элемент вошел в состав молдавского и валашского народов через славян и вошел дважды: в раннем средневековье в долинах Семиградья и в XIV и последующих веках в долинах нижнего Днестра и Дуная.

С этой точкой зрения нельзя согласиться, во-первых, потому, что в ней наш отражение ошибочные взгляды Н. Я. Марра по вопросу о скрещении языков, во-вторых, потому, что С. П. Толстов, с нашей точки зрения, явно преувеличивает значение кельтского элемента на этой территории. Хотя вопрос о кельтах в Дакии изучен слабо, все же известно, что они никогда не проникали в гущу коренного населения, а оцели тонким слоем в части придунайских городов западной Дакии и, следовательно, не могли оказать существенного влияния на этногенез и этническую историю населения этой области⁹.

Если по вопросу о происхождении восточнороманских народностей существовало как мы видели, довольно значительная литература, то этого, к сожалению, нельзя сказать об изучении материальной и духовной культуры молдаван. Такому состоянию изучения молдавского народа есть свое объяснение. В условиях царской России могло быть сколько-нибудь глубокого изучения народного быта молдаван. Этому препятствовала руссификаторская политика, проводившаяся русской администрацией в Бессарабии. Это обстоятельство усугублялось и тем фактом, что существовало очень распространенное заблуждение считать молдаван не самостоятельным народом, а частью румын. Этому заблуждению поддавался даже такой крупный ученый, как акад. Л. С. Берг, начавший раздел «Молдаване» в своей монографии «Бессарабия» следующим определением национальной принадлежности молдаван: «Молдаване — это румыны, населяющие Молдавию, Бессарабию и соседние с Бессарабией части губерний Подольской и Херсонской».

Право называться собственным именем, право на признание собственного языка и культуры молдаване получили лишь в результате победы Октябрьской революции. Однако на первых порах это относилось лишь к той части молдавского народа,

⁶ М. В. Сергиевский, Молдавские этюды, М.—Л., 1936; см. также «Труды ИФЛИ», т. V, 1939.

⁷ Г. Б. Федоров, Славянские городища в Молдавии, «Вестник Академии наук СССР», 1953, № 4, стр. 44.

⁸ С. П. Толстов, Нарцы и волхи на Дунае, «Советская этнография», 1948 №

⁹ См. Т. Д. Златковская, Мезия в I и II веках нашей эры (К истории нижнего Дуная в Римское время), М., 1951.

рая жила на левобережье Днестра. Большая часть молдаван, жившая на территории собственно Бессарабии, еще свыше 20 лет (вплоть до 1940 г.) была лишена возможности развивать свою национальную культуру. Эту возможность она получила лишь после воссоединения Бессарабии с СССР.

Первым русским письменным источником о волохах — предках нынешних румын молдаван — является сообщение «Повести временных лет». Говоря о вторжении энгров в конце IX в. в Карпатскую область, летопись отмечает: «В лето 406 (898 г.)... пришедше от Востока и устремишася через горы великия .яже прозашася горы Угорския и почаша воевати на живущая ту волохи и словени. Седяхо о ту преже словени и волохове приша землю словенскую, по сем же угры прогнаша злохи и наследоша землю ту»¹⁰. В последующих русских летописях наряду с волохами упоминаются молдавалахи и, наконец, молдаване.

С начала X в. Дунайско-Днестровские земли входили в состав Киевского государства, и там, как и на всей территории Киевского государства, распространились христианство и письменность на старославянском языке. Этот язык в качестве официального продолжал господствовать на территории Молдавии даже тогда, когда она стала самостоятельным княжеством. Лишь в XVII в. появились первые летописи на молдавском языке. Огромная заслуга в этом отношении принадлежала таким выдающимся летописцам, как Григорий Уреке (1590—1646) и Мирон Костин (1633—1691). С этих пор официальный старославянский язык начал вытесняться молдавским.

Между Молдавским княжеством и Россией издавна существовали дружественные отношения, особенно усилившиеся в конце XV в., при Иване III. В это время в Москву был завезен один из списков молдавской Путнянской летописи, который включили в русскую летопись (Воскресенский список).

Среди деятелей русской культуры, способствовавших установлению более тесных связей между Россией и Молдавией в XVI в., особенно выделялся идеолог русского юнрства Иван Пересветов, полгода прослуживший при дворе молдавского господаря Петра Рареша. Как известно, свою дворянскую программу Пересветов изложил в идеиноказательных «Речей мудрых докторов и философов и воеводы волошского етра».

В XVIII в., в связи с начавшейся борьбой России с Турцией за освобождение авянских земель от турецкого гнета, интерес русской общественности к территориям алкано-Дунайского бассейна в целом, и к Молдавии и Валахии в частности, усилился. Издаются записки путешественников, отчеты и воспоминания лиц, бывших в Молдавии в составе русской армии или ездивших самостоятельно. К сожалению, для нографа вся эта литература не представляет интереса, так как авторы основное внимание уделяли положению боярства, а народным бытом не занимались совсем.

Во второй половине XIX в. вышла работа А. С. Афанасьева-Чужбинского «Очерки нестра»¹¹. Автор — профессиональный писатель, совершивший ряд поездок по Днестру в 1863 г. Его работа заслуживает нашего внимания тем, что в ней, пожалуй впервые в русской литературе, делается попытка разобраться в сложном вопросе, что представляет собой резешская община. Впоследствии более основательно вопрос о резешах был изучен Шимановским и Суручаном¹².

Весьма серьезным источником для этнографического изучения молдаван являются материалы, собранные офицерами генерального штаба под руководством капитана О. Защука и изданные во второй половине XIX в.¹³. Правда, собиратели этих материалов преследовали не этнографические, а скорее военно-географические и статистические цели, но для этнографа немалый интерес представляет обширная глава сборника, озаглавленная «Племена, нравы и очерки быта». Материал, представленный в ней, является до сих пор наиболее полным этнографическим описанием молдаван. главе дается подробное описание жилища, одежды и пищи середины XIX в. В разделе, посвященном семейному быту, дается одно из лучших в этнографической литературе описание молдавской народной свадьбы. Собранные Защуком данные по материальной и духовной культуре молдаван впоследствии были использованы для описания их быта при составлении различных сборников по народам России¹⁴.

Большой интерес представляет работа молдавского ученого Полихрония Сырку из быта бессарабских румын»¹⁵. Работа эта распадается на два раздела: 1) народный календарь румынского населения Бессарабии и 2) погребальные обычаи и обря-

¹⁰ Летопись Нестора, СПб., 1903, стр. 11—12.

¹¹ А. С. Афанасьев-Чужбинский, Очерки Днестра, СПб., 1863.

¹² И. В. Шимановский, О резешах и резешском владении, Одесса, 1898; Д. Суручан, Происхождение и первоначальная история резешей и резешских общин, «Бессарабский вестник», 1892, № 699.

¹³ А. О. Защук, Материалы для географии и статистики, составленные офицерами генерального штаба, СПб., 1863.

¹⁴ П. Плюсин, Бессарабия, СПб., 1899; Д. Семенов, Отечествоведение, т. II, М., 1879; М. Мостовский, Этнографические очерки России, М., 1874; «Народы России», «Досуг и дело», вып. III, СПб., 1879; П. П. Сорока, География Бессарабской губернии, Кишинев, 1878; В. Львович, Народы Русского царства, М., 1901.

¹⁵ П. Сырку, Из быта бессарабских румын. П., 1914.

ды румын Бессарабии. По обоим этим вопросам в ней дана довольно систематическая сводка.

В 1902 г. в Кишиневе вышел сборник «Бессарабия» под редакцией П. А. Крушавана¹⁶, известного бессарабского помещика-черносотенца. Помимо шовинистической направленности этого сборника, в нем с особенной остротой сказалось влияние «латинской школы». Здесь отмечаются «чисто римские» черты в физическом облике молдаван, содержатся заявления о том, что молдавский свадебный обряд сохранил в себе элементы римских сатурналий, что фабула многих народных сказок до мельчайших подробностей походит на новеллы Бокаччио и т. д. и т. п. Но в сборнике имеются разделы, в которых автор не втискивает факты в шовинистическую «латинскую» схему. Так, неплохо описаны сельские танцы, организуемые юношами, девицами поделки (шэзэтоаре).

Значительный интерес представляет библиографический указатель «Bessarabijan» вышедший в Кишиневе в 1912 г. под редакцией П. Д. Драганова. В нем исследователи разных специальностей найдут довольно полную сводку всего, что писалось в Бессарабии с 1812—1912 гг. по различным областям знаний.

Особо следует отметить работу В. Н. Бутовича «Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии», вышедшую в 1916 г.¹⁷ В этой книге систематизированы многочисленные статистические данные, собиравшиеся автором с 1907 г. Работа стоит из детального перечисления уездов со всеми селами и деревнями, с указанием численности их населения по национальности. Бутович отмечает интересное явление в смешанных уездах, таких, например, как Хотинский, наблюдается ассимиляция украинцев молдаванами. В заключение автор дает общий обзор национального состава населения Бессарабии по переписи 1897 г.

Отдельные замечания по тем или иным вопросам материальной и духовной культуры молдаван разбросаны в работах Сабурова, Могилянского, Лашкова, Нах Лъвовича, Мартыновского, Семенова-Тян-Шанского, Мурзакевича, Кочубинского, Скальковского, Куницкого, Яблоновского, Александра¹⁸.

На грани дореволюционной и советской литературы стоят две работы ак Л. С. Берга: «Бессарабия» и «Население Бессарабии»¹⁹, изданные в 1918 и 1923

Говоря о молдавском языке, Л. С. Берг правильно определяет его своеобразие — романское происхождение и сильную славянизацию. Он указывает, что славянские заимствования в молдавском языке не ограничиваются словарным составом, а влияние славян заметно и в фонетике и в морфологии. Описывая физический облик молдаван, Берг отмечает темную пигментацию волос, узкий нос, брахицефальное строение черепа. Значительный интерес представляет этническая карта Бессарабии, составленная ак Бергом²⁰.

Книга «Бессарабия» распадается на семь глав. Первые две главы посвящены географическому положению Бессарабии и ее природе. Третья глава является историческим очерком территории, четвертая — содержит этнографический очерк, последние три главы посвящены сельскому хозяйству и путям сообщения. Этнографический очерк не является результатом исследований автора: он написан на основании издававшихся ранее работ по молдаванам, в основном по работе А. О. Зашука.

Исследованию народного молдавского жилища посвящена статья М. Я. Салмановича «Народное жилище коренного населения МССР», опубликованная в 1947 г. Статья, содержащая довольно полное описание этого важнейшего элемента материальной культуры, вместе с тем несвободна от ряда существенных недостатков. Основным из них является крупная методологическая ошибка: прослеживая историю развития молдавского жилища, автор оказался в плену у «теории единого потока» — рассматривает этот элемент материальной культуры вне классового состава молдавского общества. Более частного характера замечания вызывает то обстоятельство, что

¹⁶ «Бессарабия», под ред. П. А. Крушавана, Кишинев, 1902.

¹⁷ В. Н. Бутович, Материалы для этнографической карты Бессарабской губернии, Киев, 1916.

¹⁸ Я. Сабуров, Земледелие, промышленность и торговля Бессарабии, М., 1898; Н. К. Могилянский, Материалы для географии и статистики Бессарабии, Кишинев, 1913; И. В. Лашков, Бессарабия к столетию присоединения к России, Кишинев, 1912; А. Накко, История Бессарабии с древнейших времен, Одесса, 1873—1874; В. Лъвович, Народы Русского царства; В. Мартыновский, Черты нравов молдаван, «Этнографический сборник», изд. РГО, вып. V, СПб., 1862; В. П. Семенов-Тян-Шанский, Россия, СПб., 1910; Н. Н. Мурзакевич, Очерк успехов Новороссийского края и Бессарабии, Одесса, 1846; А. Кочубинский, Статистическое описание Бессарабии, Аккерман, 1899; А. Скальковский, Хронологическое описание истории Новороссийского края, Одесса, 1836; П. С. Куницкий, Краткое статистическое описание Заднепровской области, СПб., 1913; В. Яблоновский, Весна в Атаках, Киев, 1905; Н. А. Александров, Степи, М., 1900.

¹⁹ Л. С. Берг, Бессарабия; его же, Население Бессарабии, Пгтр., 1923.

²⁰ Л. С. Берг, Население Бессарабии.

²¹ М. Я. Салманович, Жилище коренного населения МССР, «Советская этнография», 1947, № 3.

в разделе «Строительная техника» автор не указывает на наличие в северных районах Молдавии срубного обмазанного дома. В разделе «Усадьба» нет обобщения типов усадьбы по всей территории Молдавии.

Серьезным подспорьем для изучения молдавского жилища являются статьи архитекторов И. Г. Кадиной «Народное жилище в северных районах Молдавии» и Н. Н. Владимирской «Народное жилище в центральных районах Молдавии», опубликованные в 1950 г.²² Работа И. Г. Кадиной содержит много интересного этнографического материала. В статье Н. Н. Владимирской в основном исследуются архитектурные детали дома.

Исследованию социалистических преобразований в молдавском селе посвящена статья Н. Ф. Николаева, опубликованная в 1951 г.²³ К сожалению, отчет об экономических и политических победах колхозного строя в Молдавской ССР почти совершенно вытеснил в этой статье чисто этнографический материал; этнограф мало узнает из нее о том, как изменились домашний быт молдаванина и его духовный облик.

Приведенными работами этнографическая литература по молдаванам в основном исчерпывается. Отсюда видно, как мало еще сделано в деле изучения культуры и быта этого народа и какое обширное поле деятельности ждет новых исследователей.

М. Салманович, В. Зеленчук

АФРИКА В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Африка — одна из частей света, где противоречия между империалистическими державами после второй мировой войны значительно обострились. Интенсивное проникновение в Африку капитала США обостряет их в еще большей мере. Поражение, которое потерпел американский империализм в Китае и в странах Юго-Восточной Азии, заставило монополистов Уолл-стрита обратить свои взоры на Африку, вступить в борьбу с Англией, Францией, Бельгией за экономическое преобладание на континенте.

20 января 1949 г. при вступлении на пост президента Трумэн произнес речь, в которой сформулировал программу действий правительства США. Четвертым пунктом этой программы являлась «помощь» отсталым странам в их экономическом развитии. К числу нуждавшихся в «помощи» американская печать отнесла прежде всего африканские и азиатские колониальные и зависимые страны, которые в той или иной степени находились под контролем Англии, Франции, Бельгии, Голландии. Четвертый пункт программы Трумэна, предполагающий увеличение капиталовложений в хозяйство отсталых стран, по существу представляет собой широкий план проникновения США в колонии своих империалистических соперников. Под самыми разнообразными предложениями и, в частности под предлогом экономической «помощи», американский капитал проникает также и в страны Африки.

В Либерии, которая юридически считается независимой республикой, а фактически является колонией США, американские монополисты захватили в свои руки все главнейшие отрасли экономики. Запасы каучука эксплуатирует каучуковая компания Файрстоуна (Firestone Rubber Company), железорудные месторождения Боми Хилз, близ столицы Либерии Монровии, находятся в руках американской фирмы Либерийская горная компания (Liberia Mining Company) и т. д.¹

В связи с подготовкой новой мировой войны и гонкой вооружения особое значение для США приобретают колонии, обладающие запасами военно-стратегического сырья. Среди них первое место принадлежит Бельгийскому Конго, недра которого содержат большие залежи различного рода цветных металлов и урановой руды. Урановые рудники номинально принадлежат англо-бельгийской компании Горнопромышленный союз Верхней Катанги (Union Minière du Haut-Katanga). Однако договор об эксплуатации минеральных богатств Бельгийского Конго между США и Бельгией, а также приобретение американскими монополистами крупного пакета акций горнорудных предприятий Бельгийского Конго привели к тому, что добычей урана фактически распоряжаются американские капиталисты. Вся добытая урановая руда в настоящее время вывозится в США.

В значительной мере американский капитал проник во французские, английские и португальские колонии, а также в Эфиопию и Египет. Здесь действуют крупные американские нефтяные компании: «Стандард ойл», «Сокони вакуум», «Синклер ойл»

²² «Жилый дом» (журн. Академии архитектуры СССР, Ин-т архитектуры жилища), 1950, № 2.

²³ Н. Ф. Николаев, Рост социалистической культуры молдаван села Журы, «Советская этнография», 1951, № 2.

¹ Десмонд Бекл, Либерия — колония США, «Всемирное профсоюзное движение», 1952, № 24, стр. 31.

и ряд других монополистических объединений, эксплуатирующих минеральные ресурсы этих стран.

Однако это только одна сторона деятельности американского империализма в Африке. В связи с подготовкой новой мировой войны реакционные круги США стремятся к быстрейшей милитаризации континента. На побережье Африки, омываемое Атлантическим океаном, Средиземным и Красным морями, возникают многочисленные американские военно-воздушные и военно-морские базы. Особая роль американскими генералами отводится североафриканскому побережью, в различных частях которого расположено значительное число военных баз США. Во многих других частях Африки, как, например, в Либерии, расширяются старые порты и строятся железные и шоссейные дороги, имеющие большое военно-стратегическое значение. Империалисты США не жалеют ни сил, ни денег для быстрейшей милитаризации Африки.

В целях наиболее успешного осуществления планов экономического и политического подчинения континента американскому капиталу и превращения африканцев в послушных рабов американского империализма реакционные круги США широко используют идеологическое оружие.

Не последнюю роль в деле идеологической подготовки экономического и политического порабощения народов Африки играет сейчас реакционная американская этнография. Реакционные американские этнографы прямо или косвенно способствуют экспансионистским устремлениям США в отношении африканского континента. Так, например, американский миссионер Георг Шваб — автор большой работы по племенам Либерии — старается скрыть истинный характер деятельности в Африке американского капиталиста Гарвея Файерстона, выдать его за человека, стяжавшего своими делами вечную благодарность народов Либерии. В начале его книги имеется следующее посвящение: «Памяти Гарвея Файерстона, благодарность народа Либерии которого стоит подобно нерушимому памятнику в Хинтерленде»².

Каково же истинное лицо человека, которого Шваб относит к числу бескорыстных друзей либерийцев?

Гарвей Файерстон, основатель компании «Файерстон раббер компани» по эксплуатации каучуковых ресурсов Либерии, был одним из пионеров американского капитала в Африке. Еще в 1925 г. он получил от либерийского правительства в концессионное пользование на 100 лет один миллион акров земли, отнятых в разное время у коренного населения страны. Договор, заключенный Файерстоном с либерийским правительством, включал также право на строительство порта, железных и шоссейных дорог. Иначе говоря, Файерстон получил неограниченные права эксплуатации природных ресурсов и коренное население Либерии. В настоящее время на плантациях этой компании работает около 30 000 рабочих и работниц, насильно завербованных среди местного населения. В феврале 1950 г., когда 20 000 рабочих каучуковых плантаций забастовали, требуя повышения заработной платы (их, повидимому, Шваб также отнес бы к числу «благодарных» Файерстону), либерийское правительство, по соглашению с администрацией плантации, направило против бастующих ряды солдат, вооруженных винтовками и пулеметами.

Таким образом, позиция Шваба ясна: он старается оправдать проникновение США в Лиерию и является сторонником таких действий США в отношении Африки, которые в 1949 г. были определены Трумэном в четвертом пункте его программы как «помощь отсталым странам в экономическом развитии».

Сущность всех буржуазных реакционных течений в этнографии, будь то так называемая функциональная школа или различные американские направления, одинаково оказывают активную помощь империализму в эксплуатации народов колониальных и зависимых стран, а также трудящихся своих собственных государств. Реакционные этнографы США выполняют классовый заказ своей буржуазии. Отсюда совершенно ясно, почему большинство американских работ по этнографии характеризуется крайней реакционностью, антиисторизмом и эклектичностью. Особенно показательны в этом отношении работы А. Кардинера, Р. Линтона, Рут Бенедикт, Маргарет Мид и других³. Теоретическую базу их составляют субъективно-идеалистические философские течения: прагматизм с его разновидностями, различные расистско-психологические концепции в духе Фрейда, Шпенглера и других творцов антинаучных реакционных теорий. Американские работы по Африке в настоящее время в этом смысле не составляют исключения, так как в той или иной степени содержат в себе все перечисленные порочные качества.

* * *

История изучения народов Африки американскими этнографами тесно связана с историей проникновения на материк американского капитала. Большая или меньшая интенсивность его деятельности, а также характер этнографических исследований, опре-

² G. Schwab, *Tribes of the Liberian Hinterland*. Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, vol. XXXI, Cambridge, Massachusetts, 1947.

³ См. «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, новая серия, т. XII, М., 1951.

лись в основном заинтересованностью американской буржуазии в африканских историях и тем политическим курсом, которого США в различное время придерживались в отношении стран Африки. Изучение населения африканского континента американскими этнографами можно было бы разделить на два основных периода. Из них охватывает время с первой половины XIX в. до второй мировой войны, второй — с начала второй мировой войны до настоящего времени. Американская литература по африканистике, вышедшая в свет за эти неодинаковые отрезки времени, различна как по своему содержанию и задачам, так и по количеству изданных книг. Проникновение США в Африку началось с 1821 г., с того момента, когда созданные в Америке при содействии правительства так называемое «Американское колониальное общество» начало переселять партиями освобожденных рабов-негров из восточных Штатов в Западный Судан, на территорию современной Либерии. Уже тогда молодую американскую буржуазию интересовали африканские страны. Либерию рассматривала как опорный пункт для дальнейшего распространения своего влияния на континенте. Начиная с 1840 г., американские миссионеры стали проникать так же в Западную Тропическую Африку и Восточный Судан.

В конце XIX в. появились первые американские работы по народам Африки, не только словарей и грамматик языков бакеле, мпонгве, умбунду и других. Однако только с 1920-х годов, в связи с проникновением американского капитала в страны Африки (что потребовало известных знаний местных условий: природных ресурсов, этнического состава, обычаев населения и т. д.), деятельность американских этнографов в отношении африканского континента приняла заметные размеры. В этнографических журналах США («American Anthropologist» и др.) начали появляться статьи по народам Западной, Восточной и Южной Африки. Было организовано несколько экспедиций в различные районы Африки. В 1928 г. в Либерии побывал американский этнограф Шваб, в 1929/30 г. в Нигерию и Анголу была послана экспедиция под руководством Хэмбли, куратора африканской этнографии при Чикагском музее естественной истории. В 1930 г. с целью полевых исследований в Дагомею приехал М. Герсковиц, профессор Северо-Западного университета в США, который в то время занимался главным образом изучением культуры американских негров.

Результатом этих исследований явились монографии и статьи, содержащие ценный фактический материал, но написанные с ярко выраженных идеалистических позиций. К числу их следует отнести работу Барлин «Песни и сказки с Черного континента»⁴, в которой довольно подробно описан африканский фольклор, двухтомную монографию М. Герсковица о населении Дагомеи⁵ и некоторые другие работы, написанные в большинстве случаев в духе так называемой «концепции культурных ареалов», возникшей под влиянием теоретических положений географического детерминизма и германской «культурно-исторической школы».

Концепцию «культурных ареалов» четко сформулировал в 1922 г. в работе «The American Indian» американский этнограф Вислер, занимавшийся индейцами Америки. Взгляды Вислера разделили Кребер, М. Герсковиц и ряд других этнографов США. Суть ее в общих чертах заключалась в том, что культура человеческого общества, в частности обычаи и представления, якобы определяются типом хозяйства, который в свою очередь определяется географической средой: наличием известных видов растений и животных, климатическими условиями и т. д. Развивая эту точку зрения, сторонники ее пришли к выводу, что на территории с одинаковыми географическими условиями (часто очень большой по площади) встречаются одинаковые культуры. Ряд таких отдельных одинаковых или сходных культур образует так называемый «культурный ареал» или «культурный комплекс», который может быть нанесен на географическую карту. Для определения «ареала» картографировались «основные черты культур», которые фактически выбирались совершенно произвольно.

Одной из главных проблем этой концепции являлась проблема «центра культурного ареала». Под ним подразумевалась территория, заселенная двумя или тремя племенами, обладавшими, по представлению сторонников этой теории, наиболее ярко выраженными, типичными для данного ареала чертами культуры. Что считать «типичными чертами», последователи этого направления точно не знали и никогда над этим особенно не задумывались.

По отношению к Африке концепция «культурных ареалов» впервые в широких масштабах была применена М. Герсковицем в 1924 г. в статье «Предварительное рассмотрение культурных ареалов в Африке»⁶ и в 1926 г. в работе «Скотоводческий комплекс в Восточной Африке»⁷. В первой статье он разделил весь африканский материк на девять «культурных ареалов»: готтентотский, бушменский, восточноафриканский скотоводческий, Конго, ареал восточного рога (Сомали и большая часть Эфиопии), Восточный Судан, Западный Судан, ареал пустыни Сахары, Египет. В этой

⁴ N. G. Burlin, Songs and tales from the Dark Continent, New York, 1920.

⁵ M. Herskovits, Dahomey, an ancient West African Kingdom, vol. I, II, New York, 1938.

⁶ M. Herskovits, A Preliminary Consideration of the Culture areas of Afrika, «American Anthropologist», vol. 26, No. 1, 1924, стр. 50—64.

⁷ M. Herskovits, The Cattle Complex in East Africa, «American Anthropologist», vol. 28, No. 1, 2, 3, 4, 1926, стр. 230—273, 361—389, 494—529, 633—665.

¹⁰ Советская этнография, № 3

классификации африканских культур по совершенно непонятной причине отсутствовало все побережье Северной Африки, а в ареал Конго была включена почти вся Верхняя Гвинея, точнее территория, населенная ибо, йоруба, фанти и другими народами, говорящими на языках группы ква.

Ход рассуждений американских африканистов — сторонников теории «культурных ареалов» — ясно виден даже из краткого изложения «признаков культуры» народов Восточной Африки, данных М. Герсковицем в описании так называемого «восточноафриканского культурного комплекса». Главным признаком, на основе которого М. Герсковиц считает возможным выделить «восточноафриканский скотоводческий комплекс», является роль скотоводства в жизни населения. М. Герсковиц считает, что этот «культурный ареал» по площади является самым обширным по сравнению с другими «культурными комплексами» африканского материка. Начинается он приблизительно в районе слияния Голубого и Белого Нила, затем тянется на юг и захватывает область Англо-Египетского Судана между Белым Нилом и Эфиопией (и даже юго-западную часть восточной Эфиопии), всю Восточную Тропическую Африку и примерно половину Южной Африки (разделенную в меридиональном направлении), омываемую водами Индийского океана. Культура различных народов этой обширной области Африки представляет, по Герсковицу, следующую картину. Основное занятие населения — земледелие и скотоводство. Земледелием занимаются почти все племена, но скотоводство играет наиболее важную роль в жизни людей (исключая районы, расположенный между озерами Ньяса и Танганьика, где особенно сильно распространена муха це-це). Среди народов этого «ареала» развито употребление в пищу молока. Скот не является священным, но выполняет роль всеобщей единицы обмена. Только владение скотом создает высокий престиж. Уход за скотом на севере осуществляют женщины, на юге — мужчины. Обработка железа, а иногда и дерева, которая является делом мужчин, — специализированное занятие. Племена «ареала» политически очень крепко спаяны. Политические объединения на севере прочнее, чем на юге. На севере «ареала» имеются четко очерченные правила наследования трона. К северо-западу от озера Виктория наблюдается жесткость правления. Распорядителем земли является вождь, который обычно дает ее в пользование членам племени. Земля не может быть отчуждена. Дома имеют различную форму. В южной и западной частях «ареала» дома круглые в плане, покрытые соломой. Хижины масаев и нанди, четырехугольные в плане, сделаны из глины. В религиозных представлениях преобладает культ предков, однако в некоторых районах «культурного комплекса» распространены также фетишизм. Для всего «ареала» характерна склонность к соблюдению существующих законов. Одежда изготавливается из кожи (север и северо-восток ареала) или из коры деревьев (северо-запад) и пр.⁸

Здесь, как и в работах представителей культурно-исторической школы, взят комплекс совершенно различных явлений, которые преподносятся читателю как особые «признаки культуры», свойственные только народам Восточной Африки. Это покажет, что концепция «культурных ареалов» в сущности является разновидностью немецкой теории «культурных кругов». Между ними не существует принципиальных различий.

Последователи концепции «культурных ареалов», так же как Гребнер, Анкермюллер и другие, в основу своего метода положили метод картографирования отдельных, на их мнению, устойчивых, неизменных «элементов культуры». Культуре при этом придавали самодовлеющий характер, отрывали ее от народа и возводили в самостоятельную субстанцию. По мнению Вислера, Кребера, Герсковица и других американских этнографов, культура развивается и распространяется независимо от человеческого общества. Отдельные культурные явления и даже целые комплексы культурных элементов могут самостоятельно странствовать, проникать в другие культуры или, как выражаются американские этнографы, «диффундировать». Это идеалистическое утверждение перекликается с полумистической концепцией Фробениуса, который считал, что культура — живое существо, что она не является продуктом деятельности человека, что человек лишь пассивный носитель культуры, объект ее действия и т. п.

Таким образом, сторонники теории «культурных ареалов» изучали культуру во времени и пространстве, а отдельные явления материальной, духовной, социальной жизни общества они выдавали за особые, неизменные признаки культуры.

Позднее Герсковиц дал несколько иную классификацию «африканских культур». Он объединил бушменов и готтентотов в один комплекс (койсанский), выделил из «ареала Конго» в самостоятельный комплекс все Гвинейское побережье, а часть Анголы (районы, где развито скотоводство) отнес к «скотоводческому ареалу Восточной Африки»⁹. Однако это не изменило существа дела. Выделение «восточноафриканского культурного комплекса» было произведено на основе ведущей роли скотоводства; при этом языки народов Восточной Африки во внимание не принимались. Наоборот, «койсанский комплекс» был выделен по языковой принадлежности, в то время как данные материальной культуры готтентотов и бушменов, а также их занятия и социальный строй игнорировались. В основу выделения народов Гвинейского

⁸ M. J. Herskovits, A Preliminary Consideration of the Culture areas of Africa, стр. 56—58.

⁹ M. Herskovits, Man and his Works, New York, 1949, стр. 191—192.

побережья, повидимому, был положен социальный строй и некоторые другие признаки.

Хэмбли в классификации африканских культур, данной в 1937 г.¹⁰, лишь несколько видоизменил «культурные комплексы», предложенные Герсковичем. Однако в целом Хэмбли — сторонник так называемого «психоанализа». В качестве образца методологии исследований народов Африки он рекомендует известную психорасистскую работу Рут Бенедикт «Модели культуры», критический анализ которой был уже дан советской этнографической печатью¹¹.

Следуя методам Рут Бенедикт и Маргарет Мид, Хэмбли, разумеется, достигает тех же результатов. Он находит более или менее типичные «модели негритянской культуры». «Область 6А, — пишет он, — включает Ашанти, Дагомею и Южную Нигерию, где имеется специализированное развитие религии, искусства и социальной организации, отличное от обычной модели негритянской культуры»¹². Итак, особая «модель культуры» некоторых народов Гвинейского побережья — в отличие от типичной «модели культуры» негров вообще!

Что же, по мнению Хэмбли, характерно для культуры негров? На этот вопрос он дал ответ еще в одной из своих более ранних работ — «Овимбунду Анголы», изданной в 1934 г., в которой перечислен 21 признак, характеризующий «модель негритянской культуры». «Негритянская культура», с его точки зрения, включает такие черты, как подпиливание и выбивание зубов, татуировка тела, классификационная система родства, большая роль в наследовании и управлении семьей дяди с материнской стороны, рабство как экономический институт и пр.¹³ Здесь, как и в «признаках культуры», выдвинутых Герсковичем, налицо нагромождение и смешение самых разнообразных явлений и возведение их в особые «признаки культуры». Разница только в том, что части клеветнических построений по поводу народов Африки Хэмбли оставил далеко позади других американских этнографов. Он не пожалел мрачных красок для африканцев и их культуры. Для действительного решения основных вопросов истории культуры рассуждения Хэмбли ничего, кроме вреда, не дают. Известно, например, что рабство, большая роль дяди с материнской стороны, классификационная система родства и т. п. существовали в различные времена не только у народов Африки, но и у народов Америки, Европы и других континентов.

Большое распространение среди американских этнографов получила так называемая теория «аккультурации», окончательно оформившаяся еще до второй мировой войны.

Теория «аккультурации» — это смесь различных идеалистических и реакционных этнографических концепций: немецкой концепции «культурных кругов», американского этно-психологизма, английского функционализма и других. Странники ее на словах отвергают некоторые положения школы Гребнера — Анкермана и Малиновского, на деле же при каждом удобном случае вводят их в свою концепцию, которую пытаются выдать за последнее слово этнографической науки.

Весь процесс «аккультурации» американские этнографы сводят к взаимодействию двух «культурных моделей» («евро-американцев» и «туземных народов»), трактуемых в обычном для буржуазной науки идеалистическом понимании. Одна из этих «культур», иногда и обе воспринимают друг от друга отдельные культурные черты или даже целые «комплексы»¹⁴. Для того чтобы придать больший вес исследованиям этого процесса и возвести «аккультурацию» в закон общественного развития, привлекаются исторические, этнографические и различные другие источники. Затем все выводы переносят на современное общество и «доказывают», что нет никакой разницы между теми культурными связями, которые существовали у различных народов в прошлом, и империалистической колонизацией, превратившей самостоятельное развитие многих народов мира. Этнограф, занимающийся исследованием процесса «аккультурации», может изучать жизнь населения в резерватах, констатировать факт изменения занятий в среде населения, приписывая это влиянию европейской или американской культур, но не обязан вскрывать внутренние причины этих изменений.

Таким образом, под видом «аккультурации» в закон общественного развития возводится уничтожение культур, истребление населения Африки, Америки, Австралии, геноцид в период колонизации, чудовищный гнет и расовая дискриминация в настоящее время.

Империалистическая сущность этой теории еще резче выступает при ознакомлении с несколькими установочными положениями, рекомендованными в качестве руководства для этнографов, занимающихся исследованием «аккультурации». В конце книги М. Герсковича «Аккультурация, исследование культурного контакта», изданной в 1938 г., дается нечто вроде приложения под названием «Основа для исследования

¹⁰ W. H. A. m b l y. Source Book for African Anthropology, Part I. Field Museum of Natural History, vol. XXVI, Chicago, 1937, стр. 325—327.

¹¹ См. «Англо-американская этнография на службе империализма».

¹² W. H. A. m b l y, Указ. раб., стр. 326.

¹³ W. H. A. m b l y, The Ovimbundu of Angola, Chicago, 1934, стр. 333.

¹⁴ R. Redfield, R. Linton and M. H. e r s k o v i t s, A Memorandum for the study of acculturation, «American Anthropologist», 38.

аккультурации», разработанного Редфилдом, Линтоном и М. Герсковичем¹⁵. Ав довольно подробно останавливаются на целях, которые могут быть поставлены изучении «аккультурации», видов так называемых «культурных контактов», протек самого процесса «аккультурации» и роли в нем индивида. По Редфилду, Линто Герсковичу, каждый этнограф, изучающий «аккультурацию», прежде всего должен в виду цель исследования. Исследование может быть не только чисто научным, предназначаться для того, чтобы помочь администрации в проведении определенной политики¹⁶.

Это положение теории «аккультурации» близко смыкается с целевой установкой функциональной школы Малиновского, считавшего, что основная задача этнографов — помочь властям в управлении колониями путем изучения социального строя на колоний и применения этнографических данных в целях управления населением этих чужденцев.

Американские этнографы — последователи теории «аккультурации» и, в частности их коллеги, которые занимаются изучением Африки, советуют колониальной администрации учитывать и использовать данные этнографии в колониальном управлении. В 1934 г. Хэмбли в своей книге «Овимбунду Анголы» заявил, что из его работы можно сделать полезные выводы для урегулирования различного рода отношений между канцелярией и колониальными властями. Миссионер Георг Шваб также рекомендует колониальным администраторам изучать социальную организацию народов Африки, так как знание ее оказывает большую помощь в управлении колониями. В качестве основной задачи в исследовании населения Либерии он ставил перед собой разрешение следующих вопросов: какие элементы культуры племен нужно развивать и укреплять необходимо для приспособления племен к жизни в новых условиях и, наконец, каковы условия миссионерской работы среди исследуемых племен?¹⁷ Под новыми условиями Шваб подразумевал те изменения в экономике Либерии, которые произошли вследствие проникновения в страну американского капитала. Таким образом, целевая установка Шваба ясна: способствовать своими исследованиями и миссионерской работой к наиболее полному порабощению народов Либерии монополистами США.

Лишь некоторые работы американских этнографов об Африке выгодно отличаются тем, что в них в меньшей мере отражены различного рода реакционные этнографические теории. К числу таких работ можно отнести книги Герсковича о Дагомее¹⁸, о тайном союзе Поро в Либерии¹⁹ и др., которые, несмотря на свою идеалистическую основу, представляют большой интерес, так как содержат обширный этнографический материал.

* * *

Второй период в истории исследования Африки американскими этнографами начался с момента вступления США во вторую мировую войну. В это время американский империализм получил дополнительную возможность проникновения на территорию Африки. По мере того как росли захватнические стремления правящих кругов США к Африке, служебная роль американской африканистики, в том числе и этнографии, все больше повышалась.

Для американской африканистики миновали времена так называемого «академического» изучения Африки. В действительности, довоенный период, как мы видели, отнюдь не был «академическим», но теперь прежние работы уже не удовлетворяют американских капиталистов. Политическая обстановка в Африке внушает сильные опасения океанским «покровителям». С каждым днем растет и становится более организованной борьба народов континента против колонизаторов. Идеологи империализма бьют тревогу. Глава европейского отдела библиотеки конгресса Краулд с беспокойством отмечает, в Африке налицо «признаки шторма»²⁰. Эти зловещие для империализма признаки видит в росте «национализма» (т. е. национального самосознания.— А. С.), под влиянием революционности масс и т. п.

Принимая во внимание большое экономическое и военно-стратегическое значение Африки, правительство США еще в период второй мировой войны стало в большей мере контролировать курс развития американской африканистики. По словам американского этнографа Эмори Росса, еще в начале второй мировой войны при Государственном департаменте США был учрежден специальный отдел по африканским делам, укомплектованный сотрудниками, хорошо знающими Африку, а изучение африканских языков

¹⁵ M. Herskovits, *Acculturation, the Study of Culture Contact*, New York, 1941, стр. 130—136.

¹⁶ Там же, стр. 131.

¹⁷ G. Schwab, Указ, раб. стр. 144.

¹⁸ M. Herskovits, *Dahomey, an ancient West African Kingdom*.

¹⁹ G. W. Harley, *Notes on the Poro in Liberia*. Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, vol. XIX, No. 2, Cambridge, Massachusetts, USA, 1941.

²⁰ «Introduction to Africa. A Selective Guide to background residing», Washington, стр. 111.

з, которое велось в Пенсильванском университете, было «стимулировано» и предназначено для военных и разведывательных (intelligence) целей²¹.

Резким изменением курса политики США по отношению к Африке за последние —12 лет следует объяснить количественный рост публикуемых работ, а также иную сравнительно с довоенной целенаправленность книг и статей по Африке.

Прежде всего поражает обилие вышедшей литературы. Лет 20 назад трудно былойти в США издательство, которое согласилось бы напечатать книгу об Африке. Так, например, работа Ребеки Гурвич Рейер о зулусской женщине²², написанная в 1930-х годах, была опубликована лишь в 1948 г., так как автор во всех издательствах получил один ответ: Зулуленд очень далек от Америки. Сейчас в связи с возросшим «интересом» США к Африке печатается большое число книг и статей. В написании их участвуют лица самых разнообразных профессий и специальностей: этнографы, языковеды, юристы, социологи, представители различного рода американских экономических миссий, корреспонденты, служители культа и пр. Ценность этих работ как этнографических источников различна. Содержательные этнографические работы американского этнографа

Васкома «Социальная роль культовых групп йоруба»²³, «Пища йоруба»²⁴ и некоторые другие буквально тонут в массе книг и статей, авторами которых в большинстве случаев являются лица, не имеющие никакого отношения к африканистике. Таковы, например, «Африканская примитивная жизнь»²⁵ Харгрейва, «Это Африка» Франклина²⁶, «Ольше об Африке» Бэкера²⁷. Ценность их как этнографических источников очень незначительна.

Даже краткий обзор книг о коренном населении, появившихся в США в период первой мировой войны и в послевоенное время, свидетельствует о тупике, в которыйшла американская африканистика, и показывает, что многие американские африканисты самым недвусмысленным образом перешли на службу империализму.

Так, например, автор ряда работ по Северной Африке, напечатанных в американском издании «General Series of Anthropology», американский этнограф Уолтер Клайн, гордый в первые годы второй мировой войны был одним из советников по организации высадки американских войск в Северной Африке, даже не пытается скрывать истинные цели своих «этнографических исследований». В 1942 г., когда шла усиленная подготовка к высадке американских войск в Северной Африке, правительство США потребовались детальные сведения об этой части континента. Клайн получил задание от так называемого Комитета по африканской антропологии, созданного при Национальном исследовательском совете, составить библиографию по Северной Африке для правительственного пользования. Кроме того, он был вызван в Вашингтон для участия в приглашениях к вторжению. Судя по его словам, и он, и многие другие этнографы были плохо осведомлены о далеко идущих планах американских правящих кругов в отношении Африки и великолепно понимали, что они должны делать.

В предисловии к одной из своих работ о теде — населении восточной части Сахары — Клайн показывает, чем занимались американские этнографы во время второй мировой войны: «Подобно многим моим коллегам, — пишет Клайн, — я предполагал, что ши (американские. — А. С.) войска должны будут жить с различного рода туземцами дикой внутренней части страны и что американцы в послевоенные годы должны будут правлять большей частью территории, отторгнутой у итальянцев и французов. Руководители столь трудных предприятий должны были бы кое-что знать о туземном политическом и экономическом строе. Литература о густо населенном побережье Средиземного моря уже имела в большом числе и могла быть увеличена при помощи дружественных информаторов после высадки. Этнограф мог бы оказать большую услугу путем компиляции менее известных данных о народах внутренней части страны»²⁸. Таким образом, важная задача этнографических исследований для Клайна и его «многих коллег» заключалась в собирании наиболее важных сведений экономического, этнографического и политического характера, чтобы облегчить захват африканских территорий и дальнейшее правление ими.

Кроме работ У. Клайна «Теда Тибести, Борку и Кауара», «Стратегическая служба Тибести, Борку и Кауаре» и других, написанных с целью содействия проникновению ЦА в страны Северной Африки и изданных после окончания второй мировой войны, этой же категории литературы по Африке следует отнести ряд справочников, объединенных в серию под общим названием «African Handbooks».

Различного рода справочники были необходимы американским империалистам и администраторам для более точного ознакомления с местными условиями оккупированных территорий, областей, уже втянутых в сферу влияния американского капитала, а

²¹ «American Interest in African Studies», «Africa», vol. XV, No. 3, 1945, стр. 144.

²² Rebecca Hourwich Reyer, Zulu woman, New York, 1948.

²³ W. R. Bascom, The Sociological Role of the Yoruba Cult Group, «American anthropologist», vol. 46, No. 1, 1944.

²⁴ W. R. Bascom, Yoruba Food, «Africa», vol. XXI, No. 1, London, 1951.

²⁵ C. C. Hargrave, African primitive life, Washington, 1944.

²⁶ Mack S. Franklin, This is Africa, New York, 1945.

²⁷ H. E. Baker, More About Africa, New York, 1945.

²⁸ W. Cline, The Teda of Tibesti, Borku and Kavar in the Eastern Sahara, «General Series of Anthropology», No. 12, Menasha, 1950, стр. 3.

также различных других районов колониальной Африки, в которые они надеялись проникнуть в ближайшем будущем. Естественно, что для более успешного проведения политики экономического и политического закабаления народов Африки им весьма полезны были точные и краткие сведения о населении (языки, численность и т. д.), способах управления, которые применялись и применяются колониальными правительствами, и т. д. Особо важное значение придавалось данным, которые позволяли судить о возможных масштабах использования американским капиталом экономических и людских ресурсов Африки во время войны и в послевоенный период.

С 1943 по 1947 г. было издано семь выпусков этой серии, включавших сведения о самом разнообразном вопросе: языковой состав и численность населения, экономические ресурсы, колониальное управление, возможность использования в широких масштабах африканцев в качестве рабочей силы и пр. Все выпуски издавались африканской секцией музея Пенсильванского университета.

В первом выпуске этой серии («Управление французской Северной Африкой») изданном в 1943 г., вскоре после высадки американских войск в Африке, рассматривались проблемы управления Марокко, Алжиром и Тунисом. О том, насколько велика была потребность в подобной литературе, говорит хотя бы тот факт, что только в течение 1944 г. одна за другой появились три другие работы этой серии: «Языки и прессы Африки» Д. Мак-Дугалда, «Колониальная политика в Африке» Генриха Вишхоффа и «Проблема труда в Африке» Джона Нуна.

В работе Вишхоффа, издателя всей серии справочников, и в особенности в книге Нуна, затрагивались вопросы, отнюдь не безразличные для американских капиталистов. Так, например, Д. Нун³⁰ задался целью выяснить следующий вопрос: может ли быть обеспечено рабочей силой в условиях Африки дальнейшее «экономическое развитие континента», т. е., иными словами, дальнейшее проникновение американского империализма в колонии, выкачивание из них различного сырья, вывоз туда американского капитала и эксплуатация африканского населения. Произведя анализ статистического материала, Д. Нун пришел к выводу, который вполне отвечал интересам представителей крупного американского капитала: Африка обладает недостаточными резервами рабочей силы и в состоянии обеспечить «экономическое развитие» континента.

В период второй мировой войны и в послевоенное время изучение народов африканского континента приобрело в США некоторые новые весьма характерные черты. С одной стороны, в исследовании и решении многих проблем, связанных с коренным населением Африки, стали принимать участие лица разнообразных специальностей, не имеющие прямого отношения к этнографии (например, Нун, Бьюел и др.), с другой стороны, американские этнографы, изучающие народы Африки, значительно расширили тематику своих исследований. Появились работы, в которых этнографы пытаются решать все проблемы, связанные с Африкой. Так, например, в написании объемистой работы «Большая часть мира», включающей страны Африки, Латинской Америки и Востока, изданной в 1949 г. под руководством известного американского психолога Ральфа Линтона, участвовали и этнографы³¹. Профессор Филадельфийского университета Карлтон Кун написал раздел по Северной Африке (исключая Египет), в котором рассматривает вопросы ее истории, социальной организации, религии населения и problems административного управления. Этнограф Симонс исследовал отношения между расами в Восточной и Южной Африке и некоторые другие вопросы. Виллиам Баском написал раздел по Центральной и Западной Африке, природные ресурсы которой так привлекают американских дельцов. Он разбирает все вопросы, начиная географическими и кончая национальным движением. Проблемы, имеющие отношение к населению (религия, образование, отношения между народами, система колониального управления и т. п.), рассматриваются им с позиций порочной американской теории «аккультурации».

Изменение в тематике работ Баскома и других этнографов-африканистов и переход их от изучения чисто этнографических явлений к изучению таких проблем, как методы колониального управления, вопросы национального движения, вопросы «аккультурации» следует рассматривать в связи с общим курсом политики США по отношению к Африке. Известно, что американское антропологическое общество «Веннер-Грин фаундейшн» членами которого являются Баском, Герскович и другие этнографы, а также языковеды, социологи, психологи и т. д., работает над разрешением так называемой проблемы связей между народами. В отношении Африканского континента под рубрику «связи» подводятся, например, распространение тканей в Восточной Африке³². Ясно, что изучение вопроса о распространении тканей в колониальных странах вполне соответствует интересам американского капитала.

Американский корреспондент Фарсон написал толстую книгу под крикливым заголовком «Последняя возможность в Африке»³³, в которой пытается дать рецепт «миф-

²⁹ H. J. Liebasny, The Government of French North Africa, «African Handbooks», 1, Philadelphia, 1943.

³⁰ J. A. Noon, Labor problems of Africa, «African Handbooks», 6, Philadelphia, 1944.

³¹ R. Linton (edit.), Most of the World. The Peoples of Africa, Latin America, and East Today, New York, 1949.

³² Report on the Foundation's Activities for the Year ended, January 31, 1952. Wenner-Green Foundation for Anthropological Research Incorporated, стр. 4.

³³ N. Farson, Last Chance in Africa, New York, 1950.

его» сосуществования колонизаторов и угнетенных народов Кении. Фарсон получил широкую известность в реакционных кругах после того, как он еще в 1941 г. издал книгу, в которой сравнивал английскую, французскую и германскую колониальные системы. Книга настолько понравилась губернатору Кении, что он решил пригласить автора посетить колонию и «правдиво» ее описать. После изучения таких вопросов, как положение населения, расовая политика колониальных властей и другие, Фарсон пришел к выводу, что в Кении имеются все возможности для того, чтобы «белые» и «черные» жили в мирном сотрудничестве». Было бы ошибкой думать, что этот вывод предполагает извращение отобранных колонизаторами у населения земель, ликвидацию резерватов т. п. Нет, основой экономического развития и сотрудничества между «белыми» и «черными» Фарсон считает насаждение больших плантационных хозяйств крупных предпринимателей. Автора, конечно, не интересует вопрос, где и как будут жить люди, согнанные с земель, предназначенных под такие плантации.

Идеологи империалистической политики США обманывают народы Африки, прикрывают свою деятельность цветистыми фразами о «сотрудничестве», «демократии», «ответственности» США за проведение демократических реформ в странах, находящихся под контролем американского капитала. Раймонд Лесли Бьюел, автор двухтомного сочинения «Туземная проблема в Африке»³⁴, в котором он, наряду с этническим составом, рассматривает системы колониального управления, пытается выдать себя за друга колониальных народов. В своей последней работе «Либерия»³⁵ он пишет о тяжелом положении коренного населения страны, критикует деятельность либерийского правительства, призывает к демократизации порядков и т. п. Однако на деле это лишь хитрый тактический маневр, рассчитанный на обман народов Африки, вызванный к жизни ростом антимпериалистической борьбы в Западном Судане, волна которой все сильнее и сильнее захватывает также и Либерию.

Для установления нормального положения в Либерии, по мнению Бьюела, необходимо провести четыре основных мероприятия, направленных на повышение ответственности США в отношении демократизации управления в стране и на улучшение жизни коренного населения. Мероприятия эти в общих чертах сводятся к следующему: 1. Улучшение дипломатического представительства между США и Либерией. Этот пункт предполагает обмен послами между обеими сторонами. Однако американским послом ни в коем случае не должен быть негр, так как это, по словам Бьюела, «не соответствует системе американского государства в настоящее время». Кроме посла, президент США в качестве своего особого представителя должен назначить в Либерию морского офицера высокого звания. 2. Созыв в течение 20 лет четырех объединенных комиссий из представителей США и Либерии, в обязанность которых вошла бы выработка программы восстановления страны: постройка либерийского порта, разрешение экономических и политических вопросов, а также вопрос здравоохранения и образования. Председатель экономической комиссии назначается президентом США. 3. Предоставление со стороны правительства США правительству Либерии для восстановительных работ займа в размере 5 миллионов долларов. 4. Создание Западно-Африканской региональной комиссии (West African Regional Commission), организации, в которой могли бы консультироваться правительства колоний, расположенных от испанских владений Рио-де-Оро на юго-западе до португальской колонии Анголы на юге. В сферу действия региональной комиссии должны войти весь Западный Судан и Западная Тропическая Африка, т. е. четыре британские колонии (Нигерия, Золотой Берег, Сьерра Леоне, Гамбия), Французская Западная и Французская Экваториальная Африка, Бельгийское Конго и Либерия. Итак, еще большее экономическое и политическое подчинение Либерии и дальнейшее укрепление в колониальные владения других империалистических держав — вот сущность предложений Бьюела.

За последние несколько лет в США появилось немало разнообразных работ, способствующих проведению четвертого пункта программы Трумэна. Так, например, в 1951 г. в Вашингтоне был издан большой библиографический справочник, который, по мысли его составителей, должен оказать помощь в проведении программ Трумэна в странах Ближнего Востока, Южной Азии и Африки³⁶. В справочнике собрана французская, английская и американская литература об этих странах (преимущественно за последние 10 лет). В ней рассматриваются природные ресурсы, промышленность, сельское хозяйство, разведение монокультур и т. д.

Однако деятельность американских африканистов не ограничивается только составлением справочников. Некоторые из них активно пропагандируют программу Трумэна как наилучший путь развития африканских колоний. Особенно ярко это выявляется в книге Андерсона «Либерия — африканский друг Америки»³⁷. Книга содержит 21 главу. Несколько из них отведены описанию жизни населения и представляют известный интерес для этнографа. Однако в целом работа написана с империалистических позиций. Автор возмущается политикой американских правящих кругов, поддерживает четвертый

³⁴ R. L. Buell, *The Native Problem in Africa*, vol. I, II, New York, 1928.

³⁵ R. L. Buell, *Liberia: a Century of Survival 1847—1947*, «African Handbooks», Philadelphia, 1947.

³⁶ «Point four Near East and Africa. A selected bibliography of Studies on economically underdeveloped countries», Washington, 1951.

³⁷ R. E. Anderson, *Liberia America's African Friend*, «North Carolina Press», 1952.

пункт программы Трумэна, не жалеет сил для того, чтобы представить в розовом свете деятельность американского капиталиста Файерстона в Либерии и пр. Книга ясно говорит, что автор ее — сторонник еще большего закабаления народов Либерии американским капиталом. Книга Андерсона является одной из тех работ, в которых наиболее четко видна реакционная роль современной американской африканистики в деле дальнейшего проникновения США на африканский континент.

* * *

Большое значение для африканистики имеют работы прогрессивных ученых США. Авторы их стараются восстановить подлинную историю народов африканского континента и выяснить исторические причины отсталости народов Африки, разоблачают империалистическую политику колонизаторов.

Крупнейший ученый США Вильям Эдвард Бургхард Дюбуа, специалист по истории и экономике, известный борец за мир и демократию, написал около 100 работ по негритянскому вопросу. Многие из них посвящены Африке. В своих работах об Африке Дюбуа правдиво освещает историю, жизнь и антиимпериалистическую борьбу ее народов.

В книгах «Черный народ раньше и теперь»³⁸, «Мир и Африка»³⁹ и других, в большом, систематически подобранном материале Дюбуа опровергает различные реакционные положения о неспособности африканцев развивать свою собственную культуру. Дюбуа показывает историю государств на территории Африки, историю развития материальной и духовной культуры африканцев, выявляет исторические причины отсталости народов африканского континента в настоящее время. В своих работах Дюбуа призывает сплотить силы всего прогрессивного человечества для борьбы за мир и демократию, разоблачает политику американских монополистов в Африке. В статье «Африка — ключ к войне или миру»⁴⁰ он описывает жизнь населения Либерии. В отличие от реакционных американских авторов, нередко употребляющих для Либерии термин «боратория демократии», Дюбуа подчеркивает, что Либерия фактически является колонией США, развенчивает миф о «независимости» этой страны.

Еще в 1945 г. была издана книга «Африканское путешествие»⁴¹. Автор книги Эсланда Робсон, жена известного борца за мир и демократию Поля Робсона. Вместе со своим сыном она совершила поездку по Африке, побывала в Южно-Африканском Союзе, Уганде, Бельгийском Конго. Книга «Африканское путешествие» представляет большой интерес для этнографа, так как автор показал в ней жизнь самых различных слоев населения современной Африки и описал материальную и духовную культуру некоторых народов континента. В своей работе Э. Робсон неоднократно показывает слабость расистской теории «примитивности ума» африканца. Симпатии автора — на стороне угнетенных классов населения. Э. Робсон показывает страшный колониальный и нарастающее с каждым днем сопротивление народов Африки империалистической политике метрополий. Э. Робсон особо подчеркивает огромный интерес африканцев к жизни народов Советского Союза — этого, по выражению автора, «обнадеживающего маяка на горизонте».

Прогрессивные американские деятели неустанно разоблачают ложь об Африке. Еще до второй мировой войны в США была создана организация прогрессивных деятелей науки и культуры — Совет по африканским делам (Council on African Affairs). Председатель Совета — Поль Робсон, его заместитель — Вильям Дюбуа, секретарь — А. Хант. Основные цели этой организации — сообщение правды об Африке и поддержка освободительного движения народов африканского континента. В 1953 г. Совет по африканским делам оказал денежную помощь борцам движения сопротивления дискриминационным мероприятиям южноафриканского правительства Малане. Печатным органом Совета по африканским делам является газета «Фридом» («Свобода»). В ней сотрудничают Дюбуа, Поль Робсон, А. Хант, Эсланда Робсон и многие другие американские прогрессивные ученые и деятели культуры. Они ведут борьбу с реакционными направлениями в африканистике, разоблачают политику империализма в отношении народов африканского континента.

Сами народы Африки все лучше понимают истинные цели американской политики. Вот, например, что говорят африканские прогрессивные общественные деятели по поводу действий США на африканском континенте:

«Правительство США прилагает в настоящее время огромные усилия к порабощению народов Африки. Сотни тысяч долларов расходуются, чтобы заставить африканцев принять «американский образ жизни» и изобразить проникновение американцев в Африку как «благодеяние и бескорыстную помощь ее народам». Наряду с этим предпринимается все, чтобы скрыть факты зверского линчевания негров в самих Соединенных Штатах Америки.

³⁸ W. E. Du Bois, *Black Folk: Then and Now*, New York, 1939.

³⁹ W. E. B. Du Bois, *The World and Africa*, New York, 1947.

⁴⁰ W. E. B. Du Bois, *Africa: key to war or peace*, «Freedom», vol. III, No. 3, June, 1953.

⁴¹ Eslanda Goode Robeson, *African journey*, New York, 1945.

Цель всех этих усилий — вытеснить Англию и Францию из их владений на африканском континенте. Но это делается не ради интересов африканского народа и его борьбы за национальную независимость, а ради интересов крупных американских монополий, стремящихся обеспечить себе максимум прибылей за счет усиления эксплуатации коренного населения Африки⁴².

Народы Африки протестуют против идеологического проникновения США на материк. Так, например, прогрессивная интеллигенция Нигерии борется против наводнения Нигерии американскими и английскими гангстерскими фильмами и требует фильмов со своими национальными героями⁴³. Сила сопротивления проникновению империалистической идеологии реакционных кругов США растет и крепнет с каждым днем.

А. И. Собченко

НАРОДЫ СССР

П. Н. Третьяков. *Восточнославянские племена*. Академия наук СССР. Институт истории материальной культуры. Научно-популярная серия. Издательство Академии наук СССР. Москва, 1953.

Книга известного знатока археологии восточных славян П. Н. Третьякова представляет собой второе, переработанное и расширенное издание его труда, вышедшего в 1948 г. под тем же названием и в том же издательстве. Но это не только переработанное издание старого труда, расширенное за счет материала, добытого последними раскопками советских археологов, в том числе и самого автора, но и в значительной степени новая книга, лишенная того влияния «нового учения о языке» Н. Я. Марра, оторым характеризуется первое издание.

В своем труде П. Н. Третьяков затрагивает две основные проблемы: 1) этническое развитие славянского мира и в частности восточных славян и 2) социально-экономический строй восточных славян и начало их государственной жизни. П. Н. Третьяков обобщает огромный опыт как советских археологов, так и археологов народно-демократических стран — Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Болгарии. Автор книги, рупный исследователь, сочетающий искусство полевых археологических работ с теоретическими обобщениями, поставил своей целью, используя данные археологии, нарисовать на большом полотне величественную картину этнического развития славянского мира. Это тем более необходимо, что в вопросе об этнической истории славян большой вред принесли различные псевдонаучные теории Н. Я. Марра, дань которым отдали не только многие языковеды, но и историки, этнографы, археологи, в том числе авторы и рецензируемой книги и самой рецензии.

Нельзя не приветствовать попытку П. Н. Третьякова решить проблему древнейшей истории славян на основе археологических материалов. Следует считать совершенно правильным принцип, которого придерживается автор, связывая этапы этнического развития славянства с развитием производительных сил, с эволюцией социально-экономического строя, с развитием общественных отношений. Первоначально общинному строю соответствуют род и племя, феодальному — народность.

П. Н. Третьяков отличает славянские племена, которыми он считает венедов, гутиев и «некоторые древние племена Поднепровья и Поднестровья» (стр. 19), от тех племен, которые лишь с течением времени «были вовлечены в русло славянского этногенеза» (стр. 19). Таковыми он считает киммерийцев, фракийцев, скифов, сарматов, гелтов, языки и культура которых «потерпели поражение» при встрече с языками и культурой славян. Своей целью П. Н. Третьяков ставит поиски среди населения Восточной и Центральной Европы тех племен, которые могут быть признаны праславянскими или собственно славянскими. В пастушеских племенах, обитавших в III тысячелетии в бассейне Вислы, на Волыни и на среднем Днепре, создателях так называемой «культуры шаровидных амфор», сжигавших своих покойников (обряд, столь характерный для славян), П. Н. Третьяков видит протославян или балтославян. Во II тысячелетии пастушеские племена балтославян расселились в области верховьев Днепра, проникли на Десну и в Верхнее Поволжье.

В первой половине II тысячелетия до н. э. на Волыни и на Днепре, вплоть до Тесны, обитало несколько групп волынских и днепровских племен, нередко сжигавших мертвых или погребавших их остатки в курганах или могилах из каменных плит (стр. 39). Это указание П. Н. Третьякова весьма существенно. Если считать, что могилы имитировали жилище, то следует признать возможность наличия у волынских и днепровских племен жилищ из камня (стр. 53). Нам кажется это весьма возможным, так как в старославянском языке «стена», как в готском «stains», означает «камень». Корни этих слов в двух языках — образец закономерного языкового соответ-

⁴² Десмонд Бэккл, Указ. раб., стр. 31.

⁴³ African nix U. S. Films: Demand their Own Heroes, «Freedom», vol. III, No. 5, May 1953, стр. 7.

ствия. Данные сравнительной грамматики индоевропейских языков говорят, что основа на «а» («стьяна») имели собирательное значение. Следовательно, когда-то «стена» — «груда» или «ряд камней» или, позднее, «сооружение из камней», «каменная ограда». Отсюда явствует, что предки славян, во всяком случае в какой-то своей части, некогда жили в предгорьях, где строили каменные сооружения. Вряд ли мы ошибемся, если свяжем эту область с Карпатами, к которым примыкает область расселения волинских племен. Поэтому едва ли следует в такой категорической форме отрицать, что предки восточных славян в какой-то части жили у Карпат (стр. 262). Кстати, в Карпатах и на Балканах еще в XIX—XX вв. воздвигались «хизы» из камней. Интересно одновременно отметить, что немецкое «wand» — стена связано с «winden» — вить, плести. Следовательно, «wand» когда-то означало плетенка, плетеная стена хижины, шалаши. Это соответствует условиям жизни германских племен в дремучих лесах при отсутствии прочной оседлости (по Страбону, германцы каждый день строят хижины)¹.

В белоготских, комаровских, белогрудовских, ивенских, тищенских, унетичских и других племенах П. Н. Третьяков усматривает протославян (стр. 39—41). Их потомками явились раннеславянские племена, составлявшие более или менее компактную группу, занимавшую земли между Днепром и Одером, нижней Вислой и Карпатами с Верхним Поднестровьем (стр. 45). Это было время разрушения первобытно-общинных отношений, ломки старых родоплеменных связей, войн и военных союзов, «военной демократии» (стр. 43). В Верхнем Поднепровье, по мнению П. Н. Третьякова, в I тысячелетии до н. э. обитали раннеславянские племена, отличные по культуре от своих соседей — балтийских и финно-угорских племен. При этом автор замечает, что «каких-либо данных, указывающих на смену населения в области Верхнего Поднепровья, в распоряжении археологической науки не имеется. Веками здесь жило одно и то же население» (стр. 83—84). Северо-восточную группу раннеславянских племен он считает прямыми потомками пастушеских балтославянских племен, расселившихся в Верхнем Поднепровье во II тысячелетии до н. э. Что касается верхней Волги, то сюда «проникали лишь отдельные группы раннеславянского населения» (стр. 91). Нам кажется достойным внимания категорическое утверждение П. Н. Третьякова о том, что городища дьякова типа с их сетчатой (текстильной) керамикой являются памятниками материальной культуры финно-угорских племен (стр. 94).

К началу н. э. разложение первобытно-общинного строя, передвижение племен на юге (сарматы) и на севере (поморяне), борьба с Римом, рост торговых связей привели к изменению этнографической карты Европы. Это было время, когда на сцену мировой истории выступили вены. К первым векам н. э. относится широкое распространение «полей погребальных урн». П. Н. Третьяков считает, что вопрос об этнической принадлежности племен «полей погребений» не вызывает сомнений. Это были славяне, причем деление культуры «полей погребений» на две области — пшеворскую (к западу от Днестра) и днепровскую (к востоку от Днестра) — соответствует делению на склавин и антов (VI—VII вв. н. э.).

Остановившаяся на распространении в последних веках до н. э. в Поднепровье полей погребальных урн зарубинецкого, корчеватовского и других типов, П. Н. Третьяков не отрицает их близости к лужицким и высоцким, но в то же самое время подчеркивает, что племена зарубинецких и корчеватовских «полей погребений» обитали в Поднепровье в I тысячелетии до н. э. и являлись потомками местных племен протославян (стр. 111—116). В последние века до н. э. зарубинецкая культура распространилась в бассейне верхнего Днепра, где ее область совпала с областью расселения верхнеднепровских протославянских племен. Причины распространения зарубинецкой культуры на север автору книги остаются неясными, хотя он допускает, что это могло быть результатом продвижения некоторых среднеднепровских племен на север (стр. 117). Это предложение П. Н. Третьякова, как мы увидим дальше, чрезвычайно интересно.

Следует также отметить утверждение П. Н. Третьякова о сохранении до начала II тысячелетия н. э. на севере, в лесах Восточной Европы, древних форм патриархально-семейного быта и родовых связей (стр. 117). Даже подсечное земледелие здесь, на севере, «еще не являлось... абсолютно преобладающей отраслью хозяйства» (стр. 121). Во всем наблюдается «весьма архаичная картина социально-экономических отношений» (стр. 123). Новым и передовым является только то, что пришло с юга, из Среднего Поднепровья (стр. 123).

В первые века н. э. славянские племена из Верхнего Поднепровья проникают на северо-восток до Москвы-реки, Мологи и Шексны, на север до верховьев Волги и Валдайской возвышенности и на северо-запад до Ильменя (стр. 128). Видимо, П. Н. Третьяков полагает, что славяне расселились в это время до Волхова, так как утверждает, что Ладоге VII—VIII вв. н. э. предшествовало еще более древнее славянское поселение (стр. 277). К сожалению, в данное время это утверждение никакими материалами не может быть подкреплено.

Автор отказался от своего старого мнения об упадке Среднего Поднепровья в результате опустошения его гуннами и, в частности, об исчезновении гончарного

¹ См. А. В. Десницкая, Сравнительно-исторический метод, «Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка», т. X, вып. 4, 1951, стр. 351.

друга (стр. 150, 172). В то же самое время П. Н. Третьяков соглашается с И. И. Ляпушкиным, который в результате своих работ пришел к выводу об исчезновении на Днепровском левобережье с конца IV—V вв. н. э. поселений и «полей погребальных урн».

Чрезвычайно интересным является экскурс автора в область истории славянских войн на Балканах, в котором мы встречаемся с утверждением о переселении восточных славян на Дунай и за Дунай. Эти восточные славяне приняли участие в формировании болгарского народа (стр. 196—200). Подчеркивая огромное всемирно-историческое значение славянских переселений на территорию Византийской империи, приведших к развитию здесь новых, более передовых феодальных отношений, П. Н. Третьяков отмечает, что, в отличие от германцев, наводнивших земли западного Рима, славяне не растворились в среде местного населения (стр. 202).

В главе «Этнография племен „Повести временных лет“» П. Н. Третьяков дает характеристику летописных славянских племен Восточной Европы. При этом он считает, что к концу I тысячелетия н. э. племена восточных славян представляли собой «небольшие народности», «народцы», «примитивные народности», формировавшиеся «на основе теряющих свою древнюю структуру мощных восточнославянских племенных конфедераций» (стр. 228). Далее П. Н. Третьяков останавливается на специфических особенностях материальной культуры словен, кривичей, вятичей, радимичей и северян, а также на племенах Днепровского правобережья, Прикарпатья и Поднестровья: полянах, древлянах, дреговичах, волянянах, дулебах (бужанах), уличах и тиверцах, в культуре которых, в силу более высокого уровня развития общественных отношений, давно уже исчезли племенные черты (стр. 172, 247).

Книга заканчивается главой «Экономический и общественный строй восточного славянства в VII—IX столетиях». Отмечая неравномерные темпы развития восточных славян на юге и на севере, автор приходит к выводу, что на севере, в лесах, пашенного земледелия до VII в. не было, и только с этого времени новые орудия труда (плуг, рало, соха) обуславливают переход от подсечного к пашенному земледелию. С этого, и только с этого времени земледелие у северных, лесных, восточнославянских племен становится господствующей отраслью хозяйства. Железный лемех — «верный предвестник нового, уже не первобытного строя жизни» (стр. 271).

VII—VIII вв. П. Н. Третьяков считает временем развития, а IX в. — господства феодальных отношений у восточных славян. Правда, он должен признать, что «прямых доказательств, рисующих у восточных славян процесс феодализации в его начальных формах, в нашем распоряжении не имеется» (стр. 292).

Таковы основные выводы, к которым приходит П. Н. Третьяков. Считаем, что они являются вкладом в нашу науку, должны быть учтены всеми исследователями, преподавателями и пропагандистами и вряд ли вызовут серьезные возражения, так как основаны на огромном материале и тщательно продуманы. Но именно поэтому, работая в дальнейшем над древнейшей историей славян, П. Н. Третьяков должен учесть некоторые слабые стороны своего труда, восполнить пробелы, устранить недочеты и ответить на недоуменные вопросы, встающие у читателя.

Прежде всего о самом термине «происхождение славян», а именно так («О происхождении славян») автор назвал первую часть своей книги. Что означают термины «происхождение» славян, «этногенез» славян? «Рождение» славян? Но народ имеет своих предков, и в поисках их мы в принципе не можем остановиться на каком-нибудь определенном, хронологически ограниченном отрезке времени, объявив его и только его временем «происхождения» славян. Дело другое, что при современном уровне знаний мы можем проследить древнейшие судьбы славян, только начиная с какого-то определенного времени. Что же даст нам в этом отношении завтрашний день советской науки языкознания, археологии, антропологии, мы не знаем. Но во всяком случае больше, чем сегодняшний.

При этом следует разграничивать вопрос о физических предках славян и вопрос о создателях и носителях древнейших элементов славянской речи. Такое разграничение тем более важно, что нам известны факты смены языка целыми народностями (например, кельты — ирландцы и шотландцы, — сменившие свой язык на английский). Можно с полной уверенностью говорить, что часть физических предков славян с какой-то праславянской речью с течением времени стала носителем неславянских языков, зато другая их часть, будучи на определенном этапе не связанной с прямыми предками славян узлами кровного родства и являясь носителем неславянских языков, с течением времени восприняла славянский язык и стала составной частью славянства. И так как принадлежность человека к роду, племени, народности, нации определяется прежде всего языком, на котором он говорит, то, следовательно, нельзя решать задачу поисков корней современных народов, в том числе славянских, в отрыве от изучения истории их языков. Попытка же ответить на эти вопросы, используя лишь один археологический материал, каковы бы ни были объем сведений автора, его исследовательская методика и широта теоретических обобщений, не может быть признана успешной, так как «археологическая культура» и язык не всегда совпадают. Одна и та же материальная культура свойственна племенам, различным по языку, и один и тот же язык распространен среди племен разных «археологических культур». Если бы мы не могли пользоваться письменными источниками по истории Башкирии XVIII в., а положились бы только на «археологические культуры», мы должны были бы признать наличие

трех «культур»: 1) кочевников-скотоводов, 2) земледельцев и 3) охотников. А тем все эти три «археологические культуры» принадлежали единому башкирскому роду с единым языком. В материальной культуре терского казака больше общ с материальной культурой соседей — горцев, чем с культурой рязанской, воронежской, орловской деревни или донской станицы, откуда вышли его предки и на чем, в лекте русского языка он говорит. Подобных примеров можно было бы привести очень много. Вот поэтому-то П. Н. Третьяков неправ, когда он, не учтя в должной мере явление, пытается доказать наличием археологического единства на обширной территории несостоятельность утверждения древних авторов о многоплеменном составе населения Восточной Европы (стр. 106, 107, 109). Эти авторы достойны большего доверия и лучшего к себе отношения и уж во всяком случае были лучше информированы о своих ближних и дальних соседях и современниках, чем авторы значительно более поздних времен.

Полагаем, что работа П. Н. Третьякова очень выиграла бы, если бы он привел хотя бы общеизвестные и ни у кого не вызывающие сомнения данные из основного словарного фонда славянских языков, позволяющие сделать вывод о существовании европейского неолита племен, в хозяйстве которых еще играли большую (если не решающую) роль охота и рыболовство, сохранялся счет родства по материнской линии и в языках которых уже имели место элементы славянской речи². Впрочем, приходится отметить, что слависты до сих пор не пришли на помощь историкам и археологам, предоставив им нелегкую работу по сбору материалов и изучению устаревших трудов.

В начале своей работы П. Н. Третьяков возводил деление неолитической Европы на несколько групп племен к очень давним временам, подчеркивая, что «исток» этого деления еще далеко не выяснены. Они теряются в той отдаленной поре, когда древние обитатели южных областей Европы после отступления ледника расселились по всей материке» (стр. 20). К сожалению, известный знаток мезолита и раннего неолита П. Н. Третьяков не стал искать «истоки этого деления», хотя мог бы не без успеха попытаться это сделать. Но и приведенное указание автора ценно тем, что позволяет покончить с наивным автохтонизмом. Совершенно очевидно, что предки всех современных народов, заселяющих среднюю полосу и север Европы, в том числе и славян, пришли сюда только вслед за отступающим ледником. Но, к сожалению, П. Н. Третьяков не следует своему же тезису, утверждая на стр. 13, что «индоевропейцы... исконные обитатели Европы». Нельзя так легко обращаться с термином «искони», т. е. сиюкон веков. Можно лишь утверждать, что в нашем распоряжении имеются материалы, говорящие о том, что племена с индоевропейской речью в такое-то время обитали в Европе. На территории, покрытой ледником, никакого населения, конечно, не было.

Были ли среди племен, продвигавшихся на север вслед за отступающим ледником, племена с древней индоевропейской речью? Отрицательный ответ на этот вопрос отнюдь не более резонантен, чем положительный. Обычное утверждение, что индоевропейские языки связаны только с мотыжным-земледельческим или пастушеским скотоводческим хозяйством, вряд ли можно считать обоснованным, так как предки земледельцев и пастухов, охотники и рыболовы имели в своем основном словарном фонде какие-то слова, унаследованные потомством, перешедшим к другим, более совершенным видам хозяйственной деятельности. По отношению к индоевропейским племенам автор рецензируемой книги считает данное положение вполне приемлемым (стр. 20—37).

Остается неясным, чем объяснить наличие группы «ближних и территориально смежных племенных диалектов каменного века» (стр. 17), являвшейся «основой индоевропейских языков», — наличием ли в далеком прошлом какого-то индоевропейского языка-основы (стр. 17)³ или каких-то внутренних причин, «индоевропеизировавших» неиндоевропейскую речь «территориально смежных» племен, или, наконец, результатом «первобытной языковой непрерывности», устанавливающей особенную близость языков племен-соседей.

Идя по пути поисков протославян, или древних славян, П. Н. Третьяков считает таковыми венедов, лугиев письменных источников, а также некоторые другие племена Средней и Восточной Европы, тогда как иллирийцы, фракийцы, кельты, сарматы играют в славянском этногенезе явно второстепенную или третьестепенную роль» (стр. 16). Не отрицая последнего, должен отметить, что сами лугие вряд ли были этнически едины и одноязычны. Не случайно не только припоминание славян об Иллирии⁴ и наличие иллирийских венетов и Венеции на берегах Адриатического моря (стр. 111) и кельтских венетов у Бискайского залива. Да и кто знает язык иллирийцев, а тем более лугиев! Что же касается венедов, то и сам П. Н. Третьяков готов признать в них не только славян, но и балтийцев. Отсюда широкое распространение термина «венд» в топонимике Прибалтики («Венден», «Виндава», «Вента» и пр.) и наличие загадочных

² См. Л. П. Якубинский. Образование народностей и их языков, «Вестник ЛГУ», 1947, № 1; Л. С. Берг. Название рыб и этнические взаимоотношения славян, «Советская этнография», 1948, № 2.

³ См. Предисловие Р. Аванесова и П. Кузнецова в книге А. Мейе «Общеславянский язык», стр. XII—XIV.

⁴ См. С. П. Толстов, Нарцы и Волхи на Дунае, «Советская этнография», 1944, № 2.

вендов в Прибалтике еще в XIII в. Население у р. Минге, впадающей в Курский залив, называлось *ventinied*, а районы Венты — *ventin-i*. Как наличие общих названий у различных славянских племен (или частей племен), как, например, дулебов русских и дулебов чешских, полян русских и полян «ляшских», северян на Дунае и на Десне и т. п., может быть объяснено расселением из одной области и происхождением от одного племени, так и наличие названия «вент» у ряда племен древности, обитавших на больших расстояниях друг от друга, должно увести нас в далекие времена древней индоевропейской общности и к началу расселения пастухов-индоевропейцев по обширным пространствам Европы до Адриатики и Атлантического океана, где они вытесняли или ассимилировали племена неиндоевропейских языков: этрусков, пеласгов, иберов, пиктов и т. д. Термин же «вент» — «венды» закрепляется сперва за балтославянскими племенами, а затем за славянами и, временно, за частью восточных германцев — вандалами.

Следовательно, в поисках древнейших славян надо обращаться не ко времени лугиев и венодов, а к гораздо более ранним. Сам же тезис об ассимиляции славянскими племенами племен с неславянской речью, конечно, не может вызвать сомнений⁵.

В этой же связи стоит вопрос о переселениях племен. П. Н. Третьяков отрицает возможность «грандиозного расселения первобытных племен» (стр. 32). Так, например, только тем, что картина подобного рода грандиозного расселения первобытных племен является «нереальной», он объясняет автохтонное происхождение культуры племен «шнуровой керамики». Но разве расселение первобытных племен из Азии по обширным пространствам Америки от Берингова перешейка до Огненной Земли нереально? Разве нереально расселение по Океании? Или грандиозное передвижение племен по Африке? Или является мифом передвижение индийских племен с севера, из Средней Азии на юг, на Индостанский полуостров? Или появление монголоидов на севере Европы? Переселения племен (народов) — историческая реальность. Поэтому совсем не следует «решительно отказаться от теории великого европейского расселения в начале II тысячелетия до н. эры» (стр. 33) и представлять себе, что племена пастухов-скотоводов «появились сразу на значительной территории» (стр. 33).

Ни у кого же не вызывает сомнения наличие племен с индоевропейской речью вплоть до Синьцзяна (тохарский язык). Кем же были носители этих языков, как не пастухами-индоевропейцами, создателями Авесты и Вед? Пришли они сюда или обитали здесь с давних пор? П. Н. Третьяков соглашается с советскими лингвистами (всеми ли?), утверждающими, что первоначально индоевропейские племена обитали где-то в лесостепной полосе Средней и Восточной Европы (стр. 17). Если так, то индоевропейцы в Азии — пришлое население. Но если мы признаем достоверным переселение пастушеских племен из Европы в Азию и расселение их оттуда по плоскогорьям Ирана и Декана, то почему же невозможно передвижение подвижных пастушеских племен по обширным просторам Европы?

Недооценка реальных, исторических передвижений и переселений приводит к тому, что, по мнению П. Н. Третьякова, «обширное скифское объединение» возникло в Северном Причерноморье (стр. 45). А как же быть со скифами Средней Азии, с вполне достоверным рассказом Геродота о продвижении скифов на запад? По той же причине П. Н. Третьяков весьма скептически относится к рассказу Геродота о переселении невров с запада, хотя версия о лужицком происхождении высоцких племен (невров) очень правдоподобна и сам автор признает интенсивное передвижение каких-то славянских племен из Поморья на восток (стр. 99, 102, 114, 125—126).

Надо иметь в виду, что ссылка на непрерывность бытования и развития археологических культур на данной территории и отсутствие, судя по памятникам материальной культуры, каких-либо существенных изменений в этническом составе края еще отнюдь не означает, что не произошла смена языка, подчас не сопровождающаяся не только массовыми сдвигами, но даже сколько-нибудь ощутительными переселениями. Поэтому вряд ли можно так часто говорить о «возникновении» племен: лужицких (стр. 40), скифских (стр. 45) и других. Племена не возникают, как гомункулы, не рождаются из матери сырой земли, а имеют своих предков. Можно, подчеркиваем еще раз, говорить только о том, что с такого-то времени нам становятся известны лугии, скифы и т. д.

Такое отношение к вопросу о переселениях племен приводит к тому, что П. Н. Третьяков впадает в противоречие со столь достоверным историческим материалом, как топонимика, «язык земли». В частности, чем объяснить то обстоятельство, что в ряде земель, по мнению П. Н. Третьякова заселенных протославянами во всяком случае не позднее II тысячелетия до н. э., когда сюда, на Десну, в верховья Днепра и Волги, проникли древние балтославянские племена пастухов-скотоводов, носителей «культуры шаровидных амфор», господствует не славянская, а балтийская и финно-угорская топонимика?

Говоря об исконных обитателях лесов Восточной Европы — вятичах, радимицах, кривичах, словенах, северянах, П. Н. Третьяков игнорирует то обстоятельство, что

⁵ См. Д. В. Бубрих, О названии анты и связанных с ним названиях. «Изв. АН СССР», т. V, вып. 6, 1946, стр. 479; В. В. Мавродин, Образование древнерусского государства, 1946, стр. 23—26.

словене жили в землях, где лежат озера Ильмень или Ильмерь («Ilmjarv — финно-угорск. — бурливое, непогодливое озеро), Нево (от финно-угорского «neva» — болото, стоит Ладога (от вепского «alodejogi» — самая низшая, т. е. последний приток низов Волхова), течет Мста (от финно-угорского «musta» — черная), раскинулось озеро Selgjarv («Selgjarv» — чистое озеро, озеро с заливами); кривичи занимали земли по сплоску с нерусской топонимикой (реки с окончанием на «га» — Шунга, Молога, Ва и др.; Черепеть, Вытебеть, Ирпа, Титва, Вазуза, Яуза, Страпа, Жарна, Габа, Ишта, Вегма и др., неславянское происхождение названий которых вряд ли вызовет сомнение). Здесь же лежали бесчисленные «сельги», «ламбины», «лахты», «соломи» и т. е. проливы, реки, заливы, обозначающие не просто топонимику, а топографическую терминологию. Те же вятичи и кривичи жили в местах, где текут Упа (балтийский литовское «упе» — река), Жиздра («ži(g)zdras» — песок), Нара («пага» — пегла Обжа (ольховая), Оболь (яблоко), реки, в названиях которых встречается тот корень «ира» (упа, опа) — Жукола, Торопа, Воль и другие, т. е., где превалирует балтийская топонимика⁶. Там же течет Угра — двойник северо-восточной Югры, зывавшаяся восточными славянами Угрой в силу тех же самых причин, которые заставляли русских называть Югрой землю, заселенную «уграми» («югрой») — хантами манси.

Кто же дал эти нерусские названия рекам и озерам, где, по мнению П. Н. Третьякова, славяне жили искони? Или они сохранились от III—II тысячелетий до н. э., дофатьяновских и фатьяновских времен (см. стр. 230, 233, 236, 237, 238, 239, 241, 242).

Говоря о языковых скрещиваниях и их результатах, И. В. Сталин указывал: «И было, например, с русским языком, с которым скрещивались в ходе исторического развития языки ряда других народов и который выходил всегда победителем»⁷. И именно так, в процессе скрещивания, были поглощены и обрусели не только летописные голядь, меря, мурома, весь, но и другие, неизвестные нам племена балтийских, финно-угорских и других языков, оставившие память о себе в топонимике и обогатившие состав русского языка. Обрусевшее население лесов Восточной Европы, и не только, сохраняло много особенностей и своей культуры. Так, например, медвежий кулю северо-восточных славян несомненно был унаследован ими от каких-то своих неславянских предков, близких финно-угорским и палеазиатским племенам, среди которых вплоть до Камчатки и Сахалина, широко распространено почитание медведя, отступающее у западных и южных славян. Надо полагать, что здесь, в лесах, если сплошным массивом, то во всяком случае вперемежку с более поздними обителями края — славянами жили балтийцы и еще более древние насельники, племена с финно-угорской речью. Они были ассимилированы восточными славянами очень поздно. Голядь — потомки древних галиндов, обитавших когда-то на Немане и далее на востоке, по свидетельству Ипатьевской летописи, еще в XII в. (1147 г.) жили на р. Протве («верх Поротве»).

Все эти факты следовало учесть автору, но отсутствие анализа топонимики позволило П. Н. Третьякову не только предусмотреть возможные и резонные возражения, но и обосновать собственные положения.

Недооценка роли передвижений и расселений приводит к неправильной трактовке значения эпохи «великого переселения народов» в истории славян. Вряд ли можно согласиться с утверждением П. Н. Третьякова о том, что эта эпоха была временем «сплочения славянских племен» (стр. 142) и «окончательного упрочения исторических связей в среде славянских племен» (стр. 204). Если можно говорить о сплочении славян на определенной территории в период Балканских войн, то неужели расселение славян от заальбских земель, Рейна, Франконии, Ютландии до Ладоги и Оки, от Малой Азии до Ильменя было временем не их большого расхождения, а схождения, сплочения? Чем же тогда объяснить, что именно на это время падает размежевание славян и антов, двух ветвей «многолюдного племени венедов», которые, «происходя из одного племени, имеют теперь три имени, т. е. венеды, анты и склавины» (Иордан), у которых некогда «имя... было одно и то же» (Прокопий)⁸.

Появление особенностей восточнославянской речи (выпадение «д» и «т» перед «я», например, вместо «сadlo» — «сало», появление полногласия, переход «е» в «о», например, вместо «елень», «есень», «езеро» — «олень», «осень», «озеро» и т. п.) восходит к VI—VII вв. и зарегистрировано в памятниках той поры (Моисей Утнец, византийские источники, топонимика)⁹. Неужели в языке и культуре славян, расселенных в

⁶ Ю. В. Готье, Железный век в Восточной Европе, стр. 129—131; А. И. Попов, Топонимическое изучение Восточной Европы, «Ученые записки ЛГУ, серия востоковедческих наук», вып. 2 (№ 105), 1947; его же, Топонимика Белозерского края; его же, Топонимика Новгородского Заволочья.

⁷ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1951, стр. 30.

⁸ См. «Вестник древней истории», 1941, № 1, стр. 232, 237.

⁹ Как совершенно правильно указывает А. И. Лебедева, «топонимические термины часто сохраняют более древние фонетические особенности, чем те, которые восстанавливаются по памятникам письменности и живым говорам». Так, например, топонимика Псковской области сохранила наиболее характерные и архаические черты псковского диалекта: аканье («Магильник»), дзеканье (Дзяды), сочетание «гл» вместо

период «великого переселения народов» на тысячи километров, стало больше общего, нежели в те времена, когда они соседнили друг с другом?

Вряд ли П. Н. Третьяков ошибся бы, если бы привлек антропологический материал. Существуют ли исторические обусловленные совпадения между языком и антропологическим типом? Полагаем, что да, поскольку речь идет о языковых семьях и основных антропологических типах. Вряд ли кто-либо будет сомневаться в том, что индоевропейские языки сложились среди населения европеоидного типа (распространенного и среди неиндоевропейских народов, например, семитов, басков и т. д.), китайский, тибетский, монгольский — среди монголоидов (хотя монголоиды встречаются и среди племен и народов иных языковых семей), банту, суахели и другие — среди негроидов, финно-угорские — среди смешанного лапоноидного, европеоидного и субуральского антропологического типов. Даже и более мелкие языковые образования характеризуются господством определенных антропологических типов. Так, например, балтийский тип не распространен среди северян, но очень часто встречается среди кривичей и словен, лапоноидный тип встречается среди славян северо-востока, но отсутствует в Приднепровье, и т. д. Все это дает возможность сделать какие-то выводы и о реальных скрещеннях, и о языковых связях, и о соприкосновении различных этнических компонентов в определенных областях Восточной Европы. Поэтому не следовало игнорировать работы Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой и других советских антропологов, сделавших ряд очень интересных наблюдений, касающихся распространения различных расовых типов среди древних славян.

Несколько мелких замечаний.

Чрезмерно критический подход к летописи вряд ли может привести к положительным результатам. Так, например, автором теории дунайской прародины славян объявляется летописец (стр. 7, 142). Но летопись говорит только о том, что славяне «по мнозех же временах сели суть ... по Дунаеву», т. е. пришли и заняли («сели») земли по Дунаю, а не сидели здесь искони («седяху»). Да и вообще кажется странным отрицание автором роли населения Дуная в формировании славянства при признании участия в этом процессе фракодакийских и иллирийских племен.

То же самое можно сказать и в отношении летописной легенды о радимицах и вятичах, пришедших «от ляхов». Ведь продвижение славян с запада не отрицает и сам П. Н. Третьяков. Тесная связь радимичей и вятичей подтверждается и летописью и археологией (сходство такого стойкого племенного признака, как височные кольца). Летописное выражение «из ляхов» совсем не значит буквально «из поляков», так как в летописные времена земли западных славян были «Ляшской землей». В XVI—XVII вв. в России «литовские люди», «литвины» — это отнюдь не только литовцы и даже не столько литовцы, сколько население Великого княжества Литовского и в первую очередь белорусы.

Непонятным является стремление категорически отрицать объяснение наименования «дреговичей» от «дрегва» «дрягва» — болото (стр. 248—249). То обстоятельство, что это наименование встречается среди славян Фракии и Родопских гор, еще не является доказательством иного его происхождения. Выселившись с севера, из болотистых лесов, они, как и их сородичи, на новых местах сохраняли старые названия. Хорошо известно, что название «украинец» происходит от слова «украина», «край», «окраина», «крайна» (Крайна, Юлийская Крайна), но украинец, поселившись даже на островах, все же остается украинцем. Наименования славянских племен или славянского населения отдельных земель по типу местности или по названиям рек, озер и т. п. имели место и в глубокой древности и в более поздние времена. Стоит вспомнить «полочан», которые назывались так «речки ради Полоты», «древляны» и «поляны» (аналогии представляют готы-тервинги и готы-грейтунги, «лугари» XVII в. и т. п.), «верховинцев» и «горалей» — украинцев и поляков Карпат, «полешуков» украинского и белорусского Полесья, «поморов» русского Севера и т. д.

Вряд ли следует в такой категорической форме отрицать рассказ Феофана о трех славянах-гуслярах, пришедших во Фракию с берегов Балтийского моря, объявив его «выдумкой» (стр. 203). Славяне с берегов Балтики в VIII в. могли добраться до Фракии, и в рассказе Феофана ничего фантастического нет. Зато, с другой стороны П. Н. Третьяков, идя вслед за другими исследователями, безоговорочно признает в *kras*, *росомонах* и *росах* — славян (стр. 208 и др.). Не стоит ли напомнить, что единственное известное нам имя росомона, вернее, росомонки — Сунильда, что ведет не к Предславе, Любуше и т. п., а Брунгильде и Кримгильде «Нибелунгов»?

На стр. 151 П. Н. Третьяков утверждает, что Приск Паннонский записал у гуннов среди ряда других славянских слов («medos» «strava») слова «кавас», что означает квас. Но у Приска Паннонского речь идет не о «cavas», а о «camos», что скорее похоже на кумыс, чем на квас.

Нам кажется, что напрасно П. Н. Третьяков называет летописные племена не племенами, а «народцами», «примитивными народностями», «небольшими народностями» (стр. 228). Народность складывается, если речь идет о славянах, только в период фео-

сл» (Жерегло, Жаглово), неразличие твердого и мягкого «р» (Крючи, Скрыпова) и другие (см. А. И. Лебедева, Топонимика Псковской области (Лингвистический анализ), 1952, стр. 16—17).

дализма, не ранее, и дело не в том, большая она или небольшая, примитивная и развитая, представляет ли она собой народ или «народец». Если признать, что к концу I тысячелетия н. э. везде и повсеместно среди «словенеск язык на Руси», в дремучих вятичских лесах и болотах Полесья, на берегах Белого озера и в северной лесостепи, утверждался феодальный способ производства, тогда перед нами народность, слившаяся в единую древнерусскую народность. Но никаких материалов, подтверждающих эту точку зрения, мы не найдем, и вводить между племенами и народностью промежуточное звено типа «небольшой народности» или «народца» вряд ли целесообразно.

В этой связи следует указать, что, избрав правильный путь увязки этнического развития с социальным, П. Н. Третьяков высказывает ряд положений, связанных с характеристикой общественного развития восточных славян, которые не подтверждаются никакими источниками.

На стр. 272 мы встречаем утверждение, что Русь в VII—IX вв. была покрыта городами — местом регулярных торжищ. При этом П. Н. Третьяков ссылается на наименование Руси скандинавами *Garðariki* — «Страна городов». Но можно ли в каждом городище видеть город? Разве города географа Баварского — места регулярных торжищ? Разве варягу не казались «гардами» все вообще городища славян, в том числе и «кромеского типа», которые вряд ли были городами в собственном смысле слова?

Вряд ли возможно говорить о том, что рабство у антов не носило патриархального характера (стр. 175, 242). Оно не было ни рабством Древнего Востока, ни античным, ни плантационным, ни рабством, сопутствующим феодализму, следовательно, оно было патриархальным.

Никаких данных о наличии у антов сельской общины в источниках нет (стр. 176). Нет никаких оснований считать, что у антов уже не было племен, а были лишь «политические объединения территориальных общин» (стр. 179). П. Н. Третьяков утверждает, что анты — вооруженный народ (стр. 180; как известно, это характерно для эпохи «военной демократии»). Но Псевдо-Маврикий в «Стратегиконе» говорит о том, что анты «не имеют военного строя», очевидно, привычного для византийцев, «живут в народоправстве» (Прокопий Кесарийский), все вооружены, воинство делится на отряды взрослых, опытных и пожилых воинов и «легковооруженную молодежь» (пережитком чего является дружинная терминология времен древнерусского государства — «старшая» и «молодшая дружина», все эти «детские», «отроки», «уные», «паробки» и т. п.). Разве это не вооруженный народ?

П. Н. Третьяков IX в. считает временем победы и утверждения феодализма. Но основой феодализма является, как известно, феодальная собственность на землю. Мы не располагаем материалами, говорящими о наличии феодальной земельной собственности в IX в. Они заменяются смелыми и более или менее интересными гипотезами, в которых археологи ссылаются на историков, а историки на археологов. Единственным доказательством наличия феодального землевладения являются раскопки поселений, в которых усматривают усадьбы феодалов, хотя они, как и городки древлян типа «города Мала», могли принадлежать и племенной знати (стр. 293—294). Нельзя также игнорировать длительное существование пережитков первобытно-общинных отношений «Печище» Севера, как и «дворище» Полесья столь же живучи, как и «задруга» южных славян, а еще в 1914 г. вооруженные маузерами черногорцы шли в бой не ротами, батальонами, а задругами и родами («кланами»). Поэтому-то П. Н. Третьякову в вопросе о зарождении феодализма на Руси приходится констатировать, что «прямых доказательств» процесса феодализации в VII—IX вв. нет, и нельзя прибегать к такому приему убеждения: «тем не менее здесь не должны иметь место какие-либо сомнения» (стр. 292), что является уже просто либо запугиванием инакомыслящих, либо призывом принимать все на веру, не прибегая к доказательствам.

Подводя итог рассмотрению книги П. Н. Третьякова, следует признать в ней ценный и полезный труд выдающегося советского археолога, прекрасного знатока славянских древностей. Однако отсутствие анализа истории славянских языков, что отражается в известной мере состояние нашего славянского языкознания, обусловило специфику источников, на которых построена книга. Может быть, поэтому следовало бы назвать книгу П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена по археологическим данным».

В. В. Мавродин

А. И. Робакидзе. *Некоторые стороны быта рабочих чиатурской марганцевой промышленности*, Изд. Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1953.

За последние годы вопросы, связанные с изучением современной социалистической культуры и быта народа, занимают все более видное место в работах советских этнографов. Проблематика эта разрабатывается в ряде диссертаций, ей посвящено значительное количество статей, собран и частично опубликован большой фактический материал. Если еще недавно, как это неоднократно указывалось в критической лит-

атуре, большинство работ носило поверхностно-описательный характер, то в результате проведенных за последнее время длительных монографических исследований культуры и быта колхозного крестьянства более четко определились пути и методы их исследования. Значительно хуже обстоит дело с изучением современного быта рабочих. В этой области делаются пока еще первые опыты. Вот почему нельзя не приветствовать появление выпущенной Академией наук Грузинской ССР брошюры А. И. Робакидзе «Некоторые стороны быта рабочих чаиурской марганцевой промышленности».

В небольшом по объему исследовании автор касается ряда существенных вопросов этнографического изучения современного быта рабочих. Автор исходит из теоретически правильной предпосылки, выдвигая в качестве одного из главных условий исследования необходимости исторического подхода к явлениям современности. Изучение некоторых, но весьма существенных сторон жизни рабочих в эпоху, непосредственно предшествовавшую социалистической революции, позволило автору четко выявить своеобразие общественно-исторического процесса в условиях социалистической действительности.

А. И. Робакидзе исследует весьма важный вопрос: процесс вызревания промышленных кадров, принявший в условиях социализма качественно отличные от досоветского периода формы. Привлекая интереснейшие материалы генеалогий отдельных семейств, фиксируемые на протяжении четырех, а иногда и пяти поколений (стр. 24, 25), А. И. Робакидзе вскрывает длительный процесс образования кадров чаиурских горнопромышленных рабочих, начало которого падает на последнюю четверть XIX в. Процесс этот зарождается первоначально в семьях, занятых исключительно сельским хозяйством, проходит затем стадию преимущественно извозного промысла, характеризуемого непостоянной связью с производством, и, наконец, вступает стадию главным образом промышленных занятий: при этом связь с производством становится постоянной, а сельское хозяйство начинает терять господствующее положение (стр. 26).

В советское время, в условиях социалистического преобразования промышленности, завершается процесс складывания типичной горняцкой семьи, причем данный процесс, как это убедительно раскрыто автором, проходит на принципиально новой основе. С одной стороны, он протекает в порядке продолжения старых традиций, под знаком постепенного увеличения внутри семьи удельного веса промышленных рабочих; с другой, в отличие от дореволюционного времени, изменения происходят за счет рабочих, прошедших уже советскую школу производства и получивших вместе с определенной профессией соответствующее общественно-политическое воспитание (стр. 48). Горняцкие семьи, по утверждению автора, превратились и в основной источник образования технической интеллигенции, что хорошо прослежено им на генеалогиях рабочих семейств (стр. 48, 50).

Формирование рабочего класса в марганцевой промышленности проходило в среде местного населения без участия сколько-нибудь значительных групп пришлого населения. Этот факт представляет существенное значение для уяснения путей развития современной культуры рабочих, причин живучести многих старых форм быта.

Интересны замечания А. И. Робакидзе о стойкости на протяжении XIX — начала XX в. традиций неразделенной семьи, несмотря на раннее и широкое развитие в этих районах промышленности (стр. 25). Автор правильно указывает, что живучесть большинства семейных традиций в условиях глубокого проникновения денежных отношений в крестьянское хозяйство не является специфической особенностью общественного быта Грузии XIX в. (стр. 25). Этнографические исследования последних лет показали, что это было в равной мере характерным и для центральных районов России в связи с массовым отходом крестьянства в промышленность. Сохранность неразделенной семьи была связана с необходимостью сочетания сельского хозяйства, составлявшего основу экономики крестьянской семьи, с побочным заработком на стороне¹.

Развитие новых, социалистических форм культуры и быта рабочих базируется на ряде крупнейших изменений, которые произошли в марганцевой промышленности за годы Советской власти; оно протекает в условиях подъема материального благосостояния трудящихся и общего роста культуры. Это убедительно подтверждается приведенными автором цифровыми данными о капиталовложениях в марганцевую промышленность, о крупных ассигнованиях на новое жилищное строительство, на сеть культурно-образовательных учреждений и т. д. Важнейшими факторами социалистического переустройства быта явились широкое вовлечение женщин в производство, формирование в составе рабочих семей интеллигентской прослойки.

Автором, таким образом, четко сформулированы главнейшие факторы социалистического преобразования культуры и быта рабочих. К сожалению, это не нашло достаточно полного освещения на живом этнографическом материале, в силу чего многие правильные по существу положения звучат декларативно, а самый процесс социалистической перестройки не выявлен с достаточной глубиной и четкостью.

В вопросах чисто этнографических автор в какой-то мере как бы останавливается на пороге изучения. Особенно это касается раздела семейного быта. Бесспорно утверждение автора, что новая экономика семьи, в основе которой лежит социалисти-

¹ Аналогичные данные получены Тамбовской экспедицией Института этнографии АН СССР 1953—1954 гг.

ческая промышленность, явилась той почвой, на которой создавались новые, социалистические отношения в семье. Однако характер этого процесса, проявившийся в живой конкретной действительности остались невыясненными. Трудно предположить, чтобы в семьях чиятурских горняков, столь длительное сохранявших старое семейного уклада, новые взаимоотношения складывались так гладко, как это поставлено автором (стр. 44), не встречая на своем пути никаких противоречий и ностей. Не проследжено на конкретном этнографическом материале новое положение женщины в семье, обусловленное ее широким вовлечением в общественное водство. Не выявлены вместе с тем пережиточные явления в современном быту, связанные с дореволюционным прошлым чиятурских горняков, в частности вызывает сомнение категорическое утверждение автора, что семейные праздники ляются советским календарем. Невольно возникает вопрос: каковы же судьбы семейной обрядности? По существу нераскрытым осталось и принципиально положение автора о роли внутрисемейной интеллигентской прослойки в развитии черт семейного быта.

Несколько схематично изложена характеристика тех изменений, которые произошли за годы Советской власти в материальной культуре чиятурских рабочих. Автор навливается на двух ее элементах — поселении и жилище, и в этой области им ряд интересных наблюдений. Анализируя пути развития современного жилища, указывает, что строительство домов нового типа, происходившее в основном из старого западногрузинского типа, отнюдь не являлось механическим воспроизведением старого жилища. Наоборот, оно сопровождалось активной переработкой традиционных форм применительно к требованиям современной жизни (стр. 40, 42). Однако это принципиально важное положение недостаточно четко раскрыто. Отчасти это объясняется отсутствием хотя бы схематических планов дореволюционного жилища анализируемого типа. Вообще прилагаемые в брошюре интересно задуманные иллюстрации по технически выполнены плохо и не всегда дают четкое представление о расплаив усадьбы, о внутренней планировке жилых помещений. Была бы желательной детальная разработка вопроса об использовании современной строительной практики национальных приемов жилищного строительства. В частности, детализации и интересное замечание автора о внедрении в строительную практику грузинского мента, грузинских архитектурных форм, о все более основательном утверждении современного жилищного строительстве грузинского стиля (стр. 42).

Автором не привлечен сравнительный материал по другим районам Грузии, частности, по крестьянскому быту, что дало бы возможность в общих чертах осв выдвинутую автором проблему изучения ведущей роли рабочего класса в преобразовании быта грузинского народа (стр. 43).

Несмотря на отдельные, отмеченные мной недостатки, брошюра в целом живаает серьезного внимания. Грузинскими этнографами поднята одна из важнейших проблем этнографического изучения современности, проделана большая исследовательская работа. Правильно намеченные пути изучения социалистического быта рабочих открывают широкие перспективы для дальнейших углубленных исследований.

В. Ю. Крупин

Народное творчество Дона. Книга I. Редакция текстов, вступительная статья, комментарии П. Т. Громова. Ростов-на-Дону, 1952.

Казачий Дон по праву считается одним из крупнейших в прошлом очагов русского народно-поэтического творчества. Многочисленные произведения, создававшиеся в течение веков трудовым казачеством, характеризуются замечательными идейно-художественными качествами. Лучшие донские песни высоко ценились декабристами, Пушкиным, Белинским и другими представителями передовой общественной мысли России. Яркое выражение в них героико-патриотических вольнолюбивых идей, за поэтичное изображение многих важных страниц истории нашей Родины.

Донской казачий фольклор собирается и публикуется вот уже почти два столетия. Наиболее ранние его записи имеются в известном собрании М. Д. Чулкова; последнее монументальное издание словесных и нотных записей различных песен жанров — итог полувековой работы А. М. Листопада — близко к полному завершению.

Рецензируемый сборник задуман как антология «наиболее значительных произведений народного творчества» донского казачества, имеющая своей целью «дать представление о всем многообразии его жанров» и рассчитанная на массового читателя (стр. 4). Книга I посвящена былинам, историческим песням, лирике (походные, семейные и любовные песни), народной прозе.

Самую идею подобного издания можно только приветствовать. Советский читатель с большим интересом встречает сборники лучших произведений народного творчества; такие книги нужны студентам и школьникам, учителям, начинающим поэтам, агитаторам, участникам художественной самодеятельности.

Задачи, стоящие перед научно-популярным фольклорным сборником, определяют основные требования, предъявляемые к изданиям подобного рода, серьезно отличающимся от изданий, адресуемых кругу людей, специально занимающихся изучением народного творчества.

Необходим, во-первых, самый тщательный отбор образцов действительно подлинного народного творчества. Составитель обязан из обширного, многообразного, подчас пестрого материала выбрать все наиболее значительное в идейно-художественном отношении, все действительно типическое для репертуара данного района.

Необходимы, во-вторых, тщательно продуманные, в научном отношении безукоризненные и в то же время популярные, доходчивые, яркие по форме вступительные статьи и комментарий, помогающие читателю лучше понять основные особенности держания и формы произведений народного творчества, раскрывающие основные эстетические вопросы истории, судеб, идейно-художественного значения материала и т. д. К сожалению, рецензируемый сборник составлен в значительной степени без учета этих основных требований и во многих отношениях является примером недостаточного продуманного и несерьезного отношения к важному делу пропаганды русского классического фольклора. Составитель сборника не потрудился провести тщательную боту по просмотру хотя бы основных изданий, посвященных старой донской песне, ранивший крайне узким кругом источников. В результате ряд ценных текстов, имеющих подчас прямо хрестоматийный характер, остался за пределами сборника: мы встретим здесь, не говоря уже о материалах Чулкова, текстов из декабристского альманаха «Русская старина», сборников Савельева, Пивоварова и других. В то же время далеко не все произведения, помещенные в книгу, имеют право на внимание читателя.

Примерно половину сборника составляют перепечатки записей известного собирателя фольклора музыкального творчества Дона А. М. Листопада, — и это, несомненно, лучше, что есть в книге. К сожалению, материалы Листопада совершенно не нашлись в разделе военно-бытовых песен, что значительно обеднило последний. Остальной материал сборника составлен из перепечаток текстов во многом слабого сборника «Фольклор Дона и Кубани» (ч. 1, 1938) и публикаций записей экспедиции, осуществленной под руководством составителя книги П. Громова. Среди последних есть интересные тексты, показывающие, в частности, судьбу традиционного фольклора в самое последнее время (две былины о Добрыне, исторические песни о Матвее Горемыкине, гачеве, Отечественной войне 1812 г., некоторые лирические песни). Однако в результате некритического отбора книга оказалась засоренной текстами, которым явно не место на страницах издания.

Раздел «Былины и эпические песни о зверях и птицах» включает всего пять произведений — этого, конечно, недостаточно для того, чтобы дать более или менее ясное представление о донском эпосе, представляющем значительный историко-поэтический интерес.

Центральное место в книге с полным правом заняли исторические песни: именно жанре исторических песен с особенной силой и полнотой проявилось самобытное огулово-казачье творчество донского казачества. Однако в разделе, посвященном исторической песенной поэзии, допущено наибольшее количество грубых ошибок. В сборник вошел целый ряд текстов, подлинность которых вызывает самые серьезные сомнения: здесь даны частью перепечатки из сборника «Фольклор Дона и Кубани», частью — выписки. Несмотря на наличие при публикуемых текстах паспортных данных, надобно ставить вопрос об их подлинности. Больше всего таких сомнительных текстов раздала песен о Ермаке и Разине.

Псевдофольклорный характер «песен» о Ермаке, помещенных под № 14—19, совершенно очевиден. Это стихотворения, сочиненные, по видимому, «по мотивам» известного текста из сборника Кириш Данилова, с характерным для подобного рода произведений мнимым народным стихом, никакого отношения не имеющим к подлинной ритмике, с «переработанными» в лубочно-кишечном духе фольклорными образами и фразеологическими оборотами.

Песни под № 4—5 и 21 попали в ермаковский цикл случайно: сюжеты указанных песен прочно связаны с разинским циклом. Для исследователей такие тексты, может быть, представляют некоторый интерес, но в издании избранных народных песен им не место.

Тексты под № 6, 8, 9, 10 не являются самостоятельными песнями и не представляют чего-то нового для науки: они являются частями большой эпической песни о мощи Ермака Ивану Грозному под Казанью и почти буквально повторяют многие строки песни из сборника Пивоварова (стр. 13—18, перепечатано в книге В. Ф. Миллера «Исторические песни русского народа XVI—XVII вв.», № 166). К тому же сборку восходят и песни под № 7 и 13, а также названные выше песни под № 4—5.

В итоге выясняется, что раздел песен о Ермаке в рецензируемом сборнике, засоренный явно ненародными и сомнительными текстами, искажает действительное состояние одного из значительных циклов исторического фольклора XVI—XVII вв.

Аналогичные факты обнаруживаются и в другом важном отделе сборника, посвященном Разину. Разинский фольклор — ярчайшая страница народно-революционной ээзии. Его революционный дух нашел своеобразное художественное воплощение, он олицетворяет всю систему образов и поэтических средств этих песен. Художественная специфика разинских песен, в которой сказались и сила и слабость народного политического мировоззрения прошлого, не устраняет, однако, вульгаризаторов от науки, которые в своем стремлении «приблизить» старый фольклор к современности сочиняют песни, внешне острые, а по существу абсолютно далекие от народного творчества, оде следующие, помещенной в сборнике «Фольклор Дона и Кубани» и перепечатанной П. Громовым:

Давайте мы, братцы, на царя пойдем,
С царем-ворогом здоровляться будем,
Не голосом своим, братцы, ласковым,
А казацкой вострой шашкой по затылице...

(Стр. 52)

Нисколько не уступает приведенной, а кое в чем и «превосходит» ее песня, ликованная в сборнике как запись экспедиции:

Валяй, братцы, плясовую, тюрьмы царски раскрывай,
Ой люли, ой люли, тюрьмы царски раскрывай!

Пляши во всю, Степан пирует,
Беднякам свободу дарует.

(Стр. 53—54)

Тексты, помещенные в разинском отделе под № 20 и 21, несомненно, фольклорные по своей основе. Однако в связи с ними возникают сомнения иного характера. Первая из песен «Что пониже было города Саратова» до сих пор была известна только в одной записи из сборника Д. Кашина (перепечатана в сборнике песен, собранных П. В. Киреевским, вып. 7, стр. 149—150; у В. Ф. Миллера — № 353); вторая — об убийстве Репнина — в единственной записи из сборника Кириши Данилова. Текст публикуемые П. Грозовым, представляют легкую переделку известных вариантов, местами буквально их повторяют, причем воспроизводят, в частности, и их ритмическую неупорядоченность. Песня об убийстве Карамышева (стр. 48) почти буквально повторяет текст из сборника А. Пивоварова.

Значительно лучше составлен раздел лирики, но и здесь, наряду с ценными идейно-художественными песнями, встречается немало таких, которым не место в собрании избранных произведений народного творчества, — слабые в художественном отношении, незавершенные сюжетно, отрывочные, путанные, неудачно адаптированные и т. д. (см., например, стр. 155—156, 168—169, 210, 229, 244, 251 и др.).

Совершенно неудовлетворительно составлен отдел прозы, который не может дать ни малейшего представления о характере и особенностях сказочного репертуара Дона. Общеизвестные сюжеты русской сказки представлены слабыми и невыразительными вариантами, к тому же плохо записанными (№ 3, 4, 6, 7). Текст под названием «Месть», конечно, к коллективному народному творчеству имеет только самое отдаленное отношение: это литературный рассказ, подлежащий соответствующей критической оценке, но не имеющий права на опубликование в подобном издании. К нему могут быть причислены к образцам народной сатиры и рассказы «Как солдат генералов переспорил», «Бугай», «Лапша», «Чапурас».

Вступительная статья и комментарий содержат многие правильные мысли и факты, касающиеся некоторых общих и конкретных вопросов казацкой донской поэзии. Верна их общая тенденция к раскрытию в донском фольклоре как сильных, так и слабых сторон мировоззрения трудовых казацких масс в прошлом. Но в целом они носят иллюстративный, описательный характер и поверхностно трактуют ряд сложных проблем. В статье даже не поставлены актуальные вопросы истории донского фольклора, его художественной специфики, его места в общерусском народном творчестве. К тому же, несмотря на свой небольшой объем, они содержат немало ошибочных положений, неверных фактических справок и неточностей.

Эпические песни «о зверях и птицах» совершенно неверно толкуются как произведения, «интересные своим мифологическим характером»: никакой мифологии в этих песнях нет, и ни о каком выражении в них «дерзкой мечты народа о покорении природы» говорить не приходится (стр. 4).

Особенно много ошибок в толковании исторических песен. Они являются результатом того, что автор делает выводы на основании слишком зыбких, а то и просто ненаучных данных. Заявление П. Громова о том, что тексты песен о Ермаке, помещенные в его сборнике, «знаменуют новый этап народного понимания истории» в сравнении с записями прошлого столетия, совершенно не обосновано. Автор ошибается, говоря, что только в новых вариантах Ермак решает взять Казань не для искупления «вины» перед царем. Во многих старых вариантах XIX в. мотива «вины» также нет. Рассуждения П. Громова относительно изображений в песнях взятия Сибири ошибаются, поскольку песни о сибирском походе, напечатанные в сборнике, не могут считаться народными. Утверждение автора, будто «в исторические песни народ внес свое представление о желаемом социальном укладе жизни», расходится с научным положением об отсутствии в самых революционных песнях — о Разине — четкой сформулированной программы¹.

¹ Ср., например, в статье В. К. Соколовой «Песни и предания о крестьянских восстаниях Разина и Пугачева», Русское народно-поэтическое творчество, Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XX, М., 1953, стр. 31.

Большую натяжку допускает автор, характеризуя песню «Булавину слава» как изыв к дальнейшей борьбе с крепостничеством (стр. 12 и 281). На самом деле по своему складу эта песня должна быть отнесена к XIX в.: она во многом переключается песнями, которые создавались в среде верхушечного казачества для прославления аманов и военачальников, и не содержит никаких революционных мотивов.

Гребенские и яицкие казаки, вопреки утверждению Громова, повторенному дважды, на стр. 49 и 276, не ведут свое происхождение от Ермака, так как оформились долго до его появления. О песне, в которой Разин зовет казаков на Куму, комментарию говорят почему-то как об отражении первоначальных намерений атамана пойти в Крым (стр. 279). Крайне наивно звучит следующий комментарий: «Для казачьих сен характерен спор сокола с конем. Отсюда и укоренившееся среди казаков мнение, передаваемое в песнях, что конь казачий — быстрее птицы» (стр. 275).

Беспомощными представляются попытки автора проанализировать песни в единстве содержания и формы. Так, строки «усеяно поле казачьими головами, поливано оно рязей казачьей кровью» приводятся как доказательство выражения в песнях об Отечественной войне 1812 г. нового этапа народного самосознания (стр. 13). Неужели тор не знает, что этот образ был известен по крайней мере уже в XII в. Обычай для казачьих песен вводные словечки «скажем», «вот бы» в комментариях толкуются весьма претенциозно, вопреки их истинному смыслу (стр. 276). Во многом думанный характер носит анализ художественных особенностей разинских песен (стр. 10), филологический анализ песенной поэтики нередко подменяется восторженными оценками (ср., например, о любовных песнях на стр. 16).

Статья и комментарии не всегда должным образом отредактированы, встречаются исторические шероховатости, нечеткие формулировки. Неясно, например, о каких разинских песнях, удельный вес которых «в общем плане высокопатриотических произведений народного творчества» «весьма незначителен», идет речь на стр. 10. Как понять слова автора, что «на материале исторических преданий и дум народа песня proportionally решила наиболее злободневные явления современности?» (стр. 8). Какую временность имеет в виду автор? И разве материалом для песен были предания думы народа, а не реальная история, не классовая борьба народных масс? К сожалению, подобные странные формулировки и неточности в статье нередки.

Все сказанное заставляет сделать вывод о том, что рецензируемый сборник содержит гораздо больше недостатков, чем достоинств, и вряд ли может быть рекомендован как пособие для массового читателя, желающего познакомиться с богатствами разинской казачьей поэзии.

Б. Н. Путилов

Сказки Абрама Новопольцева. Редакция и вступительная статья Э. В. Померанцевой. Художник [А. И. Волков.] Куйбышевское областное гос. изд-во, 1952.

Издание одного из основных видов народного творчества — сказки — оказалось за последнее время заброшенным. Центральные научно-исследовательские учреждения страны, которые должны были бы заниматься научным изданием этого важнейшего источника по истории народного мировоззрения, — Институт этнографии, Институт русской литературы АН СССР, Государственный литературный музей — за послевоенное время не выпустили ни одного нового сборника сказок, если не считать сборника «Сказки и легенды пушкинских мест», выпущенного в дни празднования юбилея Пушкина. Публикациями сказок в настоящее время занимаются почти исключительно областные издательства, причем научный уровень этих публикаций зачастую крайне низок, что уже неоднократно отмечалось, в частности, и «Советской этнографией». Вместо точной передачи текста, любовного и идейно выдержанного подбора, областные издательства зачастую выпускали сборники, не только не отражавшие подлинную духовную культуру трудового народа той или иной области, но искажавшие ее, дававшие превратное представление об устном поэтическом творчестве советского народа.

Еще большие затруднения испытывают исследователи, когда они бывают вынуждены обратиться к старым записям народных сказок. Издания, в которых эти сказки вышли в свое время, давно уже сделались библиографической редкостью и отсутствуют не только во многих областных, но и в ряде центральных библиотек СССР. В советское время они не переиздавались. И если за послевоенный период были переизданы «Онежские былины», то переизданий сказочных сборников мы не встретим совсем. В то же время настоятельная потребность в таких переизданиях весьма велика.

Тем больший интерес представляет выход в свет хотя и помещенного 1952 г., но появившегося в продаже лишь в конце 1953 г. сборника сказок одного из виднейших мастеров устного сказа, замечательного самарского сказочника Абрама Кузьмича Новопольцева.

Репертуар Новопольцева, как известно, составил основное содержание сборника поэта и литератора фольклориста-демократа Д. Н. Садовникова «Сказки и предания Самарского края», изданного Русским географическим обществом в 1884 г. в свои «Записках». Рецензируемый сборник представляет собой переиздание (с известным, отбором и некоторой литературной правкой) текста сказок Новопольцева в 3 письмах Д. Н. Садовникова.

Составительница сборника отобрала из дошедших до нас 72 сказок Новопольцева 40 текстов, соответствующих по объему $\frac{1}{5}$ всего сказочного творчества Новопольцева, так как оставшиеся 32 сказки представляют собой большей частью мелкие сказки, анекдоты или небольшие предания. В рецензируемый сборник вошли все основные сказочные тексты Новопольцева, в которых он проявил себя опытным и зрелым мастером знатоком сказочной обрядности, умело и со вкусом строящим сказочный сюжет. Это — главным образом волшебные сказки, в которых представлены почти все основные сюжеты русского сказочного эпоса; волшебные сказки составляют основной костяк репертуара Новопольцева. Помимо них, в сборник включены также и бытовые сказки («Поп и дьякон», «Барин и мужик», «Про нужду» и другие), исторические сказки, предания («О Петре Первом») и сказки о животных.

Какие же сказки Новопольцева не вошли в сборник и почему? Составитель рецензируемого сборника правильно сделал, не включив в переиздание те сказки, которые Новопольцевым рассказаны слабо, бледны по содержанию и по форме, переданы наспех и небрежно. Это сказки из сборника Д. Н. Садовникова № 6 (где слабо разработан сюжет, особенно конец), № 12 (представляющая собой вариант к «Коньку Горбуну» и бледная по рассказу), № 38 (о жене-предательнице, сказка со слабо разработанным сюжетом), № 54 (о том, как журавль учил лису летать). Ряд сказок не был включен в рецензируемый сборник из-за непристойностей и грубостей: это те сказки «не для детей», о которых писал еще Н. Г. Чернышевский: № 21 (о бычке, помогающем чудесному бегству), № 48 (летух и жерновки), № 79 и т. д. Правильно поступил редактор сборника, не включивший в переиздание и довольно значительное количество легендарных текстов или сказок «о нечистой силе» — № 23 (мужика обратили в волка), № 35 (сказка о черте-помощнике и невесте-предательнице), № 42 (жена-изменница), № 72 (о мертвецах), № 81 (черти расправились с кузнецом), № 84 (легенла об ачле, пожалевшем вынуть душу из человека), № 85 (о явлении бога нищему), № 101 (о Николае-угоднике), № 97 (сказка «про тот свет»), № 99 (о расквашенном разбо-нике), № 100 (о муках на «том свете»), № 101 (о крещении еврея), № 103 (о разбо-никах). Не включены в сборник и анекдоты про вятчан (№ 44) и немцев (№ 46), представляющие большого интереса ни для изучения творчества самого Новопольцева, ни для анализа русской сказки вообще. Неясно, однако, почему составитель сборника отказался от сказки № 41 (о хитром мужике) и № 68г (о лешем): обе они и по своему содержанию и по своей форме должны быть признаны типичными для творчества Новопольцева, и их переиздание было бы вполне оправданным.

При передаче текста составитель счел возможным отступить от ряда диалектных особенностей языка Новопольцева, нашедших свое отражение в записях Д. Н. Садовникова. Например, вместо «в некотором царстве» — «в некотором царстве»; «ездил» заменено на «ездит», «оседляил» на «оседлал» и т. д. Все это пригладило текст сказок Новопольцева, олитературило их, хотя следует сказать, что в целом составитель сборника бережно отнесся к лексике сказок и сохранил большую часть лексических особенностей языка Новопольцева. Очень многие диалектизмы объяснены составителем («ложак» — постель, «инный» — чужеземный, «бакалдинка» — ямка, «шлыченка» — шапка и т. д.). Для удобства восприятия сказки сплошной текст записей Д. Н. Садовникова дан большим количеством абзацев, прямая речь также начинается с абзацев и т. д. Такая обработка сказки, не искажая языка сказочника, дает возможность читателю сборника все свое внимание уделить художественной стороне сказки; известно, что в силу «академических» изданий запись сказки бывает порой так перегружена мелкими скрупулезными деталями фонетического характера, что за ними попросту пропадает эмоциональная, поэтическая сторона сказки. Составитель сборника положил много труда на то, чтобы, не снижая научной значимости сборника, сделать его доступным для широких слоев читательской публики.

Этим же целям служит и вводная статья к сборнику. Э. В. Померанцева правильно поступила, обратив внимание преимущественно на анализ художественной манеры сказывания у Новопольцева, на поэтический анализ его сказок. Вместе с тем автор вводной статьи правильно оценил социальное значение этих сказок, дал запоминающийся образ балагура-бедняка, для которого смех и сатира, ирония и насмешка были средством борьбы с социальной несправедливостью. Язык вводной статьи прост и выразителен. Частные замечания стилистического характера не снижают общей высокой оценки вводной статьи, в которой особенно хорошо показано, что сказка есть синтез коллективных и индивидуальных начал в народном творчестве. Отметим все же, что едва ли в популярной статье следовало употреблять такой спорный и неопределенный термин, как «устная литература» (стр. 11). Неясно, почему автор не указал точно откуда взята цитата из Белинского на стр. IX, хотя вообще он всегда точно оглашает свои ссылки. Автору следовало бы показать, что в своем мастерстве присказки зачина Новопольцев исходит из богатого запаса всей русской народной сказки, что ее присказки характерны для многих народных сказок и даже получили широкое распространение в лубке.

Однако, наряду с несомненными достоинствами сборника, у него есть и существенные недостатки. Важнейшим из них является полное отсутствие комментариев к сказкам. Выше уже говорилось, что ни Академия наук СССР, ни Государственный литературный музей не издают научных сборников сказок. Областным издательствам следовало бы исправить ошибку, допущенную центральными научными учреждениями. В связи с этим нельзя не вспомнить того, что до войны вышли хорошо изданные и прокомментированные сборники воронежских, тамбовских и других сказок в областных издательствах, и пожелать продолжить эту забытую, но весьма нужную и полезную традицию.

В сказках Абрама Новопольцева есть что комментировать. Комментатор мог бы показать, как тесно был связан этот замечательный сказочник со всей традицией русской сказки, как много он взял сам из неиссякаемого родника народного творчества. Как много его, Новопольцева, в свою очередь вошло в русскую сказку позднейшего времени. Комментарий к сказкам Новопольцева мог бы показать, как советские сказочники используют яркое мастерство художника сказочного образа; как в сказках, написанных в советское время, развивается и пополняется волшебнo-эпическая сторона сказки, с одной стороны, как получает новое идейное освещение и новый общественный смысл сказка юмористическая и сатирическая. То, что в сборнике отсутствует даже самый минимальный комментарий (ибо нельзя же считать достаточным комментарием подстрочные примечания), значительно обеднило этот нужный и интересный сборник. Думается, что в этом вила не столько составителя сборника Э. В. Померанцевой, достаточно зарекомендовавшей себя как вдумчивый и опытный издатель сказок, сколько Куйбышевского областного издательства и его редакторов А. Зусиной и К. Чулковой, выпустивших в свет книгу без необходимого научного аппарата.

Художник-оформитель книги А. И. Волков и художественные редакторы сборника С. Макаров и В. Антонов многое сделали для того, чтобы выпустить книгу привлекательной. В заставках и концовках к сказкам удачно применены народные орнаментальные мотивы, хорошо и любовно выполненные также и в полиграфическом отношении. Удивляет только не вполне понятное стремление оформителей книги дать ко всем без исключения сказкам орнамент, содержащий изображения птиц всех видов и во всех видах. Тут и райские сказочные птицы на форзаце, куры (стр. 3), голуби (стр. 23), медведи (стр. 50), птицы с распушенными крыльями (стр. 87), птицы со сложенными крыльями (стр. 181) и т. д. Невольно создается впечатление, что перед нами сборник сказок про птиц или в лучшем случае книга из животного эпоса... Издательству и редактору книги следовало бы с большей строгостью относиться к оформлению сборника.

За последнее время в советской фольклористике увеличилась тяга к изучению коллективного начала в народном творчестве. Эту тягу можно только приветствовать. Анализируя рецензируемый сборник, мы хотели бы подчеркнуть, что выход в свет сборника сказок, посвященного одному сказочнику, дает новый материал для исследования в этой области, потому что каждый выдающийся мастер сказки тесно связан с тем коллективом, который его породил и который в конечном итоге определил его творчество. Мастер сказки творит в коллективе, творит для коллектива, творит в зависимости от требований и нужд коллектива. Единство коллективного и индивидуального начал в русской сказке — это одна из основных проблем советского сказковедения, ожидающая еще своего разрешения.

В заключение несколько слов о перспективах издания сказок. Русское сказковедение по праву гордится своими имеющими мировое значение сборниками сказок А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова, Эрленвейна, Зеленина, братьев Соколовых, Азадовского и т. д. Из них сказки А. Н. Афанасьева выдержали 6 изданий, последнее из которых имело место уже в советское время. Все это — несомненный и серьезный вклад в нашу науку.

Но есть еще у нас сборник сказок последователя революционных демократов, ученого-революционера, незаслуженно забытый не только буржуазной наукой (что вполне понятно), но и советскими исследователями. Я имею в виду трехтомный сборник сказок И. А. Худякова. По своему объему он, правда, уступает сборнику А. Н. Афанасьева, но по подбору сказок, по принципам записи и передачи текста, по самой системе обращения с устным творчеством трудового народа сборник сказок И. А. Худякова представляет собой выдающееся явление в истории русской демократической фольклористики.

Вышедшее около 100 лет назад издание сказок Худякова давно уже сделалось библиографической редкостью. Его сборник редко можно встретить в наши дни в научном обороте. Это обедняет и наше представление о русской народной сказке, и наше понимание революционно-демократической фольклористики. Не пора ли Академии наук или Государственному литературному музею задуматься над новым научным изданием сборника сказок И. А. Худякова, снабженным обстоятельной вводной статьей и полноценным научным комментарием, изданием, которого ждут научные работники нашей страны и которое будет достойным памятником одному из интереснейших фольклористов середины прошлого века?

Интересное соображение автора о появлении новых кочевников на территории Закамья в период Золотой Орды объясняет наличие пережитков кочевого быта в культуре казанских татар XIX—XX вв. Повидимому, автор прав, считая, что вопрос о значительном культурном влиянии татар на соседей и постепенном слиянии с ними не связан с процессом исламизации. Уделяя достаточное внимание вопросу о влиянии русской культуры на татар на разных этапах истории местного края и, в частности, после присоединения Поволжья к Русскому государству, автор указывает, что русские принесли в край более высокие формы хозяйства. Жаль только, что он не раскрывает шире этот важный тезис. Интересный материал приведен для характеристики связей с Хорезмом и Бухарой в XVIII—XIX вв., причем подчеркнут консервативный характер этих связей.

Достаточное внимание уделено сложению капиталистических отношений, которые привели к возникновению татарской буржуазной нации. Правильно отмечен прогрессивный характер капитализма того времени и новых идей, которые проникли в деревню и ослабляли влияние мусульманского духовенства и баев, прививавших татарам религиозный фанатизм.

Развитие капиталистических отношений сопровождалось усилением влияния России. Трудящиеся массы татар сближались с русским рабочим классом. Автор отметил большую прогрессивную роль Казани, которая в конце XIX—начале XX в. являлась средоточием представителей сначала демократической, а потом и пролетарской идеологии. В этой главе отмечена деятельность В. И. Ленина, В. М. Молотова, С. М. Кирова, нашедшая отклик в татарском обществе и повлиявшая на развитие культуры татарского народа. Кратко, но исчерпывающе, сформулированы изменения, происшедшие в татарском обществе и его культуре в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

Во второй главе дан обзор исследований и литературы. Автор охватил всю литературу, начиная с X в. и кончая нашим временем. Труды средневековых авторов — Плано Карпини, Рубруквиса, Марко Поло — заслуживают более развернутой критической оценки. Их описания нельзя назвать обстоятельными, как это делает автор (стр. 34). Сказанию о Казанском царстве князя Курбского, а также казанскому летописцу следовало бы уделить больше внимания, раскрыв, какие наблюдения, касающиеся быта казанских татар, представляют интерес для исследователей. Значительно лучше разобраны труды более позднего времени — XVIII—XIX вв.

В третьей главе — «Природные условия места обитания татар и демографические данные о народности» — рассматривается влияние природной обстановки на сложение культуры народа. Но при оценке явлений автор принимал во внимание современную природную обстановку, не учитывая исторических изменений, которые вскрыты в специальных исследованиях, посвященных этому вопросу. В частности, большой интерес представляет труд В. Д. Авдеева «К вопросу о происхождении и характере современной степной растительности западного Закамья» (М., 1952), в котором дана история природной обстановки за длительный период, начиная с эпохи бронзы. Необходимо отметить богатство материала, приведенного автором рецензируемой работы при характеристике демографических данных.

Четвертая глава — «Основная экономическая база казанских татар» — посвящена хозяйству в период капитализма. Много внимания уделено сельскому хозяйству, четко обрисован процесс разорения трудящегося крестьянства. Большой интерес представляют статистические данные, иллюстрирующие основные положения автора. Меньше внимания уделено промыслам. Заканчивается глава краткой характеристикой изменений, произошедших в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

В пятой главе довольно полно охарактеризована техника сельского хозяйства и промыслов и вскрыты их национальные особенности. К сожалению, автор не учел новых данных, полученных археологами и историками, изучавшими технику земледелия у булгар и в Казанском ханстве. В настоящее время установлено, что уже в эпоху Золотой Орды начала применяться паровая система. В этом убеждают находки семян сорных растений, типичных для старопашотных почв, вместе со злаками. Поэтому совершенно неправильно утверждать, как это сделано на стр. 98, что только с XVI в., с появлением русских, появились новые способы ведения хозяйства (трехполье), заменившие господствовавшую в Волжско-Камском крае переложную систему, применявшуюся при наличии больших запасов земли. Конечно, нельзя считать, что уже в эпоху Золотой Орды всюду применялось трехполье. Несомненно, были районы, где практиковались более примитивные системы хозяйства, — это были окраины Булгарского царства. Более передовая техника характерна только для центральных районов.

Интересны страницы, посвященные характеристике промыслов. Подробно описаны сапожный промысел, ткацкое дело, вышивки, обработка металла и дерева. едва ли можно согласиться с утверждением автора о том, что растительный орнамент, применявшийся в вышивках, был занесен в Среднее Поволжье из степных районов от тюрок. Растительный орнамент неодинаков по своему характеру. Наряду с восточным орнаментом, характерным для памятников прикладного искусства тюркских народов Средней Азии, у татар был широко распространен орнамент, воспринятый от русских еще в период XII—XIII вв.

Неверно и утверждение о том, что у татар не мог сохраниться зооморфный орнамент. Неверна ссылка на археологические материалы, якобы показывающие, что такой орнамент исчез под влиянием ислама (стр. 124). Последние раскопки в

Булгарах дали неоспоримые доказательства применения в прикладном искусстве булгар XIV в. различных мотивов зооморфного стиля. Среди них можно отметить, например, пластинку с реалистическим изображением северного оленя², изображения птиц на стенках сосудов (коллекция Гос. исторического музея и музея ТАССР). Все это дает основание утверждать, что изображения животных в прикладном искусстве казанских татар применялись еще в конце XIV — начале XV вв., хотя мусульманство и неохотно допускало эти мотивы.

В шестой главе описаны жилища и поселения татар. Отмечены территориальные особенности поселений и показаны жилища различных социальных групп. Приведены сравнительные данные из истории и археологии, указывающие на глубокие местные корни типов жилищ. Много материала приведено для характеристики декоративных элементов, обнаруживающих связь со строительным искусством города. К сожалению, дав подробное описание многочисленных элементов, не имеющих прототипов в более раннем строительном искусстве, автор не раскрыл их истоков. К таким элементам относятся: полная зашивка стен горизонтальными досками и слуховые окна на фронтонах. Эти окна украшены наличниками, нередко они имеют вид балконов с красивой решеткой, колонками и сияньем над полукруглой средней частью. Обычно слуховые окна устраивали больше нормального окна дома (стр. 172—173). Данный орнаментальный мотив характерен для богатых домов и был распространен в Закамье. Автор предполагает, что введение таких архитектурных деталей обусловлено наличием высоких заборов, из-за которых обычно видны только фронтоны и верхняя часть окон, поэтому их и украшали наиболее тщательно. Такое объяснение едва ли справедливо. Вернее данный прием декорирования здания рассматривать как влияние городской архитектуры стиля ампира, для которой характерны подобного рода балконы с арками. Для городских домов типична и обшивка стен горизонтальными досками. Конечно, в деревенской архитектуре все приемы упрощались. Крыльца богатых домов, украшенные двумя колоннами по бокам, также отражают влияние построек стиля ампира. Декоративные приемы в стиле ампира стали известны деревенским строителям от русских. Было бы важно выявить степень влияния архитектуры соседних народов и характер переработки заимствованных мотивов, чтобы уяснить своеобразие татарского деревенского «ампира».

Интересны данные о раскраске татарских домов со своеобразным подбором цветов создававшим так называемый «татарский вкус». Автор подметил типичные черты этого приема декора здания, выражающиеся не только в подборе цветов, но и в манере избегать полутонов. Почему-то в этом он видит влияние средневековой городской культуры Туркестана с ее своеобразной раскраской зданий. По нашему мнению, не нужно искать сравнительные данные так далеко. Булгарская архитектура дает то же набор красок, который определен как характерный для татарской архитектуры. В то же время булгарская архитектура обладала своеобразными чертами и отличалась от среднеазиатской.

Немало внимания уделено анализу внутреннего устройства жилища и описанию его убранства. Автор отмечает характерные детали, определяющие своеобразие татарской культуры. При анализе архитектуры жилища и его убранства подчеркнуты социальные различия владельцев.

В седьмой главе — «Одежда и украшения» — дан подробный разбор тканей, одежды, приемов ее изготовления с указанием социальных различий. Отмечены изменения наблюдавшиеся в типе одежды в течение XIX—XX вв. Показаны черты своеобразия одежды в разных районах Татарии и отличия от соответствующих типов одежды соседних народов Поволжья.

Для выяснения происхождения татарских головных уборов приведены материалы собранные Георги, а также данные археологических раскопок. Удачны сравнения шапок из Ананьинского могильника и с головными уборами на вышивке из Булгара и на киевских фресках. Автор отметил также, что к ним близки головные уборы казахов, узбеков и тюрков Восточного Туркестана.

Особенно интересны материалы, характеризующие украшения. Многие из них имеют прототипы в археологических находках. Таковы наконечники, напоминающие аналогичные украшения XIII—XIV вв., серьги, близкие к найденным в могильнике «Бабь бугор» в Булгарах, датируемые XI—XII вв.³. То же относится к браслетам и застежкам. Несомненно, с ранними украшениями, известными в культуре местных племен можно сопоставить «яка чылбыры», напоминающие шумящие украшения, получившие особенно широкое распространение с X в. н. э. Техника их изготовления ничем не отличается от приемов булгарских ремесленников.

Восьмая глава — «Пища» — содержит описание питания различных классов татарского общества в XIX—XX вв. Приведены данные, характеризующие повседневную и праздничную кухню различных социальных групп татар. Автор отметил культурные запреты в пище.

В заключении сформулированы главные выводы, к которым пришел исследователь. Он указывает, что основными компонентами татарской культуры являются булгарская и алано-сарматская, развившиеся из более ранних культур Поволжья — срубной и андроновской. Отмечены кочевнические вторжения на протяжении длительного

² «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», XL, 1951, стр. 22, рис. 3.

³ «Краткие сообщения ИИМК АН СССР», XXVII, 1947, стр. 102.

риода, которые наложили отпечаток на культуру волжских булгар, а затем и казанских татар. Большое внимание уделено вопросу проникновения русского влияния и сной связи трудовых слоев русского и татарского народов, особенно усилившейся эпоху капитализма. Хорошо выявлены исторические предпосылки развития татарской социалистической культуры, имеющей много общего с культурой русского народа, авшей основой социалистической культуры всех народов СССР.

Книга Н. И. Воробьева «Казанские татары», несмотря на некоторые недочеты, дает авильное представление о развитии культуры казанских татар и содержит цен-й материал для выяснения этногенеза народов Поволжья. К сожалению, Татгос-ат не уделит должного внимания оформлению издания. Книга напечатана на пло-й бумаге. Иллюстрации серые и невыразительные. Особенно неудачны рис. 18 и 19, создающие никакого впечатления о различии между старой и современной деревней.

А. П. Смирнов

О КНИГЕ Н. И. ВОРОБЬЕВА «КАЗАНСКИЕ ТАТАРЫ»

Выпущенная в 1953 г. Татгосиздатом книга проф. Н. И. Воробьева, одного из крупней-их специалистов в области этнографии казанских татар, по существу является вторным изданием его работы «Материальная культура казанских татар», вышедшей 1930 г. В свое время работа проф. Н. И. Воробьева «Материальная культура казан-их татар», несомненно, сыграла положительную роль как единственный в этом роде од фактического материала, не утративший своего значения и в настоящее время. днако за истекшее время накопилось много новых данных по истории татарского рода, позволяющих, по выражению автора, «устранить допуславшиеся ранее ошиб-, подтвердить или отбросить выставленные в прошлом положения, выдвинуть новые» тр. 5).

В новом издании автор сократил число глав (вместо 9 оставил 8), изменил их звания, заново написал первую главу «Очерк формирования народа и его культу-» и заключение. Это существенным образом улучшило книгу по сравнению с пер-м изданием, но приходится отметить, что основная часть исследования не подверг-сь необходимой переработке. В частности, рецензируемая работа повторяет ряд достатков и ошибок, содержащихся в первом издании; на них мы преимущественно сосредоточим свое внимание.

В 1930 г., когда вышла работа Н. И. Воробьева, автору был сделан законный рек в том, что он ограничился простым описанием фактов из быта татар, не следовал описываемых явлений исторически. К сожалению, этот упрек приходится вторить в отношении новой работы: многие явления из области материальной куль-ры даются здесь в описательном плане и рассматриваются вне связи с развитием шества; по книге трудно проследить историю развития многих важных элементов териальной культуры и бытовых явлений.

В ввводной главе («Очерк формирования народа и его культуры») не нашел лжного отражения процесс формирования татар в народность и в нацию. Читателю таается неясным даже то, насколько правомерно самое название «татары»: автор дчеркивает длительное бытование самоназвания «булгары», а затем утверждает о «термин 'татары' в качестве самоназвания народа появился только сколько десятков лет назад (? — М. С.). Раньше же казанские татары это название итали обидной для себя кличкой, сами называли себя... общим для всех магометан званием 'мусульман'» (стр. 19). Непонятно, зачем автору понадобилось в данном учае воскрешать панисламистские идеи, давно забытые советским татарским наро-м.

При переработке книги ко второму изданию Н. И. Воробьев пересмотрел свою ежную точку зрения о влиянии культуры востока на культуру казанских татар. лне автор совершенно правильно ставит вопрос о благотворном влиянии культуры ликого русского народа на культуру татар, говорит о сближении русского и татар-ого народов на базе совместной жизни, труда, совместной борьбы против поме-ичего и буржуазного гнета. Но, говоря о проникновении русской культуры, автор совсем удачно выдвигает тезис о том, что «влияние русской культуры проходило умя путями: насильственной руссификации через крещение и естественным сближе-ем с русскими, на базе совместной жизни и труда обеих народностей» (стр. 22). ли второе положение автора бесспорно, то с первым его положением о насильствен-м проникновении русской культуры согласиться никак нельзя.

Столь же неправильно и заимствованное из арсенала школы Покровского утверж-ние автора о том, что «конец XVIII и начало XIX века были периодом расцвета тарского торгового капитала» (стр. 25).

Пятая глава книги, посвященная технике сельского хозяйства и промыслов, пред-авляет большой интерес. Автор хорошо сделал, исключив содержавшуюся в первом дании неверную характеристику хозяйства татарских кулаков. Однако сделано это совсем последовательно. В прежнем издании говорилось: «Татарские кулаки отли-лись от русских тем, что у них главным источником богатства была торговля, а не

большая запашка земель»¹. Во втором издании автор по сути дела только смят эту неверную формулировку, указывая, что «татарское кулачество больше интересовало торговлей и мало занималось улучшением техники сельского хозяйства, предпочитая усиление эксплуатации бедноты и батраков» (стр. 88).

Здесь же, при описании развития основных орудий земледелия, содержится явное противоречие. Автор указывает:

«Орудиями вспашки до революции являлись преимущественно плуг (сабан) и соха (сука). Плуги употреблялись однолемешные, сохи обычно русского образца, распространенного в Среднем Поволжье. Плуги начали появляться в конце прошлого века, преимущественно у кулаков, а большую роль стали играть только незадолго до революции 1917 г. Раньше же главными орудиями вспашки были соха и древние орудия сабан и косуля. К моменту революции сабан (т. е. плуг.— М. С.) и косуля уже совершенно вышли из быта и даже найти их было почти совершенно невозможно» (стр. 88). Одно из двух: или плуг (сабан) стал играть большую роль только незадолго до революции 1917 г., или к моменту революции он совершенно вышел из быта. Из контекста этого понять невозможно.

Заканчивая описание культуры земледелия у татар, автор делает вывод: «Земледелие в крае у предков татар является очень древним занятием. Переход к плужному земледелию в крае произошел в период формирования булгарских племен, когда связи с югом и юго-востоком были весьма значительны, и, возможно, некоторая часть инвентаря была занесена оттуда» (стр. 98). Мы не оспариваем возникновения в Поволжье плужного земледелия в указанный автором период, но невольно возникает вопрос: почему татары, предки которых знали плужное земледелие в столь древнее время, не выработали своей собственной терминологии, связанной с плужным земледелием, а пользуются русскими терминами. Автору следовало объяснить, каким образом его точка зрения согласуется с наличием в татарском языке терминов «сука» (соха), «буразна» (борозда), «межа», «озем», «пар» с наименованием самого распространенного у татар хлебного злака «арш», т. е. рожь². Не говорит ли это о переходе татар к пашенному земледелию в более позднее время — время установления теснейших экономических и культурных связей с соседним русским народом?

Наиболее содержательным и ценным разделом рецензируемой книги, бесспорно, является глава VI, посвященная жилищам и поселениям татар. Эта глава основана на большом фактическом материале. Н. И. Воробьев с большим знанием дела описывает татарские поселения, дома и предметы домашнего обихода, до сих пор сохранявшие свои национальные особенности. Однако непонятно, почему автор связывает своеобразные черты татарских поселений с пережитками родового строя и в то же время обращает недостаточно внимания на наличие пережитков кочевого быта. Следует также отметить, что при изучении татарских поселений автор описывает главным образом сельское жилище и лишь мимоходом говорит о жилищах горожан, их быте и культуре. Между тем у казанских татар имелась уже сложившаяся городская культура, характеристике которой следовало отвести больше места.

Глава VIII, посвященная пище казанских татар, в отличие от двух предыдущих глав, представляется менее тщательно обработанной. Она содержит преимущественно названия национальных блюд и описание их изготовления. Из книги не видно, каково было повседневное питание тех или иных социальных групп татарского населения до революции, насколько указанные автором разнообразные блюда были доступны простому народу.

Ряд упреков следует сделать в адрес издательства. В книге нередко встречаются опечатки. Так, например, изданные Устряловым «Сказания князя Курбского» превращены в «Сказание о Казанском царстве» (стр. 48). На стр. 36 неверно указывается, что книга татарского историка Т. Марджани «Мустафад-эль-ахбар» написана на арабском языке. Небрежно исполнены многие иллюстрации (стр. 123, 179, 252, 268).

Несмотря на указанные недостатки, новая книга Н. И. Воробьева безусловно является нужным и полезным исследованием. Надо надеяться, что проф. Н. И. Воробьев продолжит этнографическое изучение казанских татар в плане исследования их духовной культуры и, главное, изучения формирования и развития социалистической культуры и быта.

М. Сафаргали

¹ Н. Воробьев, Материальная культура казанских татар, Казань, 19 стр. 101.

² См. проф. Богородицкий, Введение в татарское языкознание, Казань, 19 стр. 165.

В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. *Архитектура туркменского народного жилища*. Труды Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. III, М., 1953.

Изучение народного жилища, его архитектуры, внутренней планировки помещений приобретает в настоящее время все большее значение в связи с усилением и в городе и в деревне жилищного строительства, которому партия и правительство уделяют большое внимание. Растущие потребности общества вызывают необходимость улучшения архитектурных форм жилища; при этом в жилищном строительстве используются лучшие достижения народной архитектуры. Особенно большой интерес представляет исследование народного жилища в национальных республиках, где создается свой новый архитектурный стиль, отражающий национальную по форме, социалистическую по содержанию культуру народа. Изучение народного жилища важно и для освещения вопросов истории создателей архитектурных форм.

Рецензируемая книга является одной из таких, пока еще немногочисленных работ, посвященных изучению народной архитектуры республик Средней Азии и в то же время помогающих осветить некоторые вопросы истории, так как в литературе до сих пор еще достаточно прочно сохраняется мнение о том, что туркмены — народ, не знавший оседлости, и что единственным типом туркменского жилища была юрта.

Все крепостные сооружения и жилые постройки XVIII—XIX вв., существовавшие у туркмен, считались созданием пленных мастеров других национальностей, главным образом иранцев или узбеков. Развалины таких жилых домов и крепостных сооружений до сих пор еще встречаются в оазисах Туркменской ССР (особенно в Хорезмском оазисе) и подвергаются постепенному разрушению вследствие выветривания и размывания, а иногда просто разбираются жителями близлежащих колхозов. Выяснение этнической принадлежности строителей этих зданий и архитектуры последних — дело настоятельной необходимости.

Авторы рецензируемой работы, как они и сами правильно отмечают, впервые ставят вопрос о наличии у туркмен юго-восточных и южных районов республики своих архитектурных традиций, прослеживаемых повсеместно по крайней мере на два столетия назад. Это подтверждается богатым конкретным иллюстративным материалом. Архитектурные традиции южнотуркменского жилища устойчивы и своеобразны. В каждом из обследованных районов они имеют свои специфические особенности.

Рецензируемая работа, небольшая по объему (7 п. л. с небольшим), разделена на 6 глав, в каждой из которых рассматривается жилище определенного района и племени. Таким образом, в отдельные главы выделены: 1) текинские кала селения Багир, 2) народная архитектура племени мурчали (сел. Мурча), 3) жилище анаулизов (городище Анау), 4) архитектура али-элинцев (городище Пештак), 5) жилище сарыков и оседлых текинцев Мерва, 6) усадьбы эрсаринцев приамударьинских районов. В последней главе выделены две группы селений Чарджоуской области: Чарджоу — Сакар — Лямбе — Халач и Бурдалык — Астана-баба — Хатаб-Бассага, различающихся между собой по ряду признаков.

Кроме этих глав, в работе имеются введение и заключение. Богатый иллюстративный материал, состоящий из рисунков и чертежей, помещен в конце книги и достигает $\frac{1}{3}$ всего ее объема. Заметим кстати, что это выделение иллюстраций затрудняет чтение книги, так как требует постоянного отвлечения от текста.

В книге показано то чрезвычайное своеобразие, которым отличается жилище племен, населявших прикопетдагские районы Туркмении. У каждого из этих племен жилище имело свои особые формы, а вместе с тем и общие с жилищем других туркменских племен черты. Так, своеобразие жилища небольшого племени мурчали (сел. Мурча), отличающееся многими чертами от жилища соседних текинцев, имеет большое сходство в планировке, в деталях украшений колонн с жилищем племени нохурли, которое считается родственным мурчинцам¹. Авторы книги устанавливают в прикопетдагской полосе два типа поселения — сельское и городское. Убедительно доказано наличие чисто туркменских городов (Анау, Пештак — Абиверд), населенных в значительной степени ремесленниками. Это чрезвычайно важное дополнительное свидетельство в пользу того, что туркмены не были «чистыми» кочевниками, а сочетали скотоводство с оседлым земледелием и ремесленной деятельностью.

Постройки в городах были социально дифференцированы. Жилище текинцев и сарыков Марыйской области выделено в особый раздел; оно действительно занимает совершенно особое положение по своим архитектурным формам. Особенностью жилых помещений, как отмечают авторы работы, являются сырцовые купола, применявшиеся наряду с балочными перекрытиями. Строителями этих жилых помещений, по мнению авторов, были сарыки, проживавшие в Мургабском оазисе до 1855 г., т. е. до времени изгнания их текинцами. Странно, однако, что сарыки, переселившиеся во второй половине XIX в. вверх по Мургабу в Пендинский и Иолотанский оазисы, на новых местах не сохранили искусства строительства купольных перекрытий и жили в юртах или глинобитных домах чрезвычайно примитивной конструкции. Нам думается, что вопрос о племенной принадлежности строителей сводчато-купольных систем требует еще проверки и уточнения, так как совершенно несомненны длительные местные архитектур-

¹ См. Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, Среднеазиатский этнографический сборник, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XXI, М., 1954.

ные традиции, позволяющие связывать сырцовые купола марыйских туркмен XIX в. подобным же архитектурным приемом, наблюдавшимся в районе Мерва еще в X-XIII вв. Забыть за несколько лет вековые традиции, передававшиеся из поколения в поколение, невозможно.

Как уже указывалось выше, жилище туркмен приамударьинских районов отличается от жилых построек остальных районов, описанных авторами рецензируемой работы. Поселения строителей этих жилищ — туркмен-эрсаринцев — были хуторского типа. По своим архитектурным формам, как правильно указывают авторы работы, усадьбы — ховлы и жилища внутри них имеют много общего с жилищем населения керкинской группы районов и Хорезмского оазиса. Обособленно стоит тип жилища туркмен-мукринцев, сохранивших до наших дней кадры строителей-профессионалов. Своеобразный прием, отмеченный авторами для чарджоуской группы районов, — мышевая прокладка в нижней части стены, предохраняющая стену от сырости засоления, характерен также и для других районов с высоким стоянием грунтовых (Хорезм). Строительный материал во всех районах — сырцовый кирпич квадратной формы или пахса.

Несмотря на наличие известных особенностей в архитектурных формах у разных групп туркмен, создавших свои оседлые жилища, необходимо отметить и ряд сходства. По нашему мнению, это прежде всего своеобразные архитектурные сооружения — башни, называемые в разных районах по-разному (динг, оммар, учек), выполнявшие в разное время различные функции либо оборонных, либо хозяйственных помещений, а также айваны — крытые террасы, характерные для жилища почти во всех районах Средней Азии. Общими для всех туркмен надо считать и продухи в стенах (вентиляционные отверстия), помещаемые на разных уровнях у различных племен, имеющих одно и то же назначение — вентиляцию помещений в жаркое время года. Кстати, такие продухи встречаются и у туркмен Хорезмского оазиса, тогда как у узбеков Хорезма вентиляция воздуха летом в помещении достигается разными уровнями кровли соседних помещений, между которыми образуется отверстие². Авторы детально рассматривают внутреннюю планировку жилища и устанавливают наряду со своими разными чертами, характерными для различных районов и племен, различные общие черты групп, черты сходства.

Характерной деталью для всех без исключения обследованных районов являются жилища разных размеров, расположенные на различной высоте, выполняющие различные функции и вместе с тем имеющие утилитарное значение.

В подавляющем большинстве обследованных жилищ для отопления помещений сооружался камин, находившийся или в углу, или посередине стены. Внутреннее устройство помещений туркменского дома, независимо от имущественного положения владельцев, была чрезвычайно скромна, что авторы совершенно правильно объясняют важной ролью ковра, которую последний играл в быту.

Нельзя согласиться с авторами в том, что «общими чертами туркменской жилищной архитектуры являлась замкнутость планировки..., связь с сельскохозяйственным участком и наличие чистого скотного двора» (стр. 46). Эти черты не были особенностью только туркмен, а отмечались и у узбеков, равнинных таджиков и других оседлых народов Средней Азии в период феодализма.

Чрезвычайно важно, что авторы подчеркивают связь народной архитектуры XVIII—XIX вв. с местными строительными традициями, прослеживающимися в раннем феодализме, а иногда и в античном зодчестве этих районов.

Рецензируемая работа дает интересный и нужный материал, характеризующий туркменское народное жилище и подтвержденный многочисленными иллюстрациями, что, конечно, усиливает ее ценность. Этот материал вместе с тем показывает, что южные туркмены в значительно большей степени, чем это принято было считать, знали земледельческую оседлость и в известной своей части составляли население городов. Таким образом рецензируемая работа помогает по-новому осветить вопросы истории южного Туркменистана.

Г. П. Васильев

Л. П. Семенов. *Из истории работы Музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии*. Гос. изд-во Северо-Осетинской АССР, Дзауджикау, 1952.

Брошюра рассказывает о многосторонней деятельности бывшего научного сотрудника Музея краеведения Северо-Осетинской АССР ныне покойного Ивана Павловича Щеплыкина, «выдающегося археолога-кавказоведа и реставратора архитектурных памятников старины, талантливого художника, энтузиаста экскурсионной краеведческой работы» (стр. 5). Выход в свет этой брошюры является отрядным событием, так как за последние годы наш книжный рынок был очень беден сочинениями о благородном

² М. В. Сазонова, К этнографии узбеков Южного Хорезма, Труды Хорезмской экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 286.

иуде краеведов, большая роль которых в развитии нашей науки часто оказывается в тени. Рецензируемая работа выигрывает от того, что автор ее на протяжении многих лет работал совместно с И. П. Щерблыкиным над разрешением одних и тех же вопросов и давчо считается лучшим знатоком памятников материальной культуры энтральной части Северного Кавказа. Наш интерес к брошюре Л. П. Семенова ограничен тем, что мы видим в ней своего рода *gequiem* о его товарище по работе. На фоне деятельности И. П. Щерблыкина автор дает общий обзор памятников материальной культуры Северной Осетии. Несмотря на популярный характер издания, Юшора содержит немало важных исторических выводов И. П. Щерблыкина и самого автора, причем автор излишне скромно оставляет в тени свою часть исследовательской работы, отчего читателю приходится только догадываться, что содержащиеся в брошюре выводы не все принадлежат покойному кавказоведу.

Очерк памятников материальной культуры Северной Осетии проникнут идеей исторической преемственности археологических культур, начиная с эпохи бронзы. Автор латко, но убедительно показывает, что кобанская, скифо-сармато-аланская и позднететинская культуры являются всего лишь последовательными ступенями развития культуры предков современного населения Северной Осетии.

Наибольшее место в брошюре уделено памятникам поздней осетинской культуры (IV—XVII вв.). Л. П. Семенов вместе с И. П. Щерблыкиным утверждает, что илые башни древнее боевых и что при сооружении башен пользовались внутренними лесами. Интересна типологическая классификация фортификационных сооружений IV—XVII вв. в Северной Осетии. Вызывает сомнение утверждение автора, будто нижний этаж башен «предназначался для пленных, которые содержались здесь до выкупа или обмена» (стр. 19). В действительности же пленные, которых требовалось содержать взаперти, были не частым явлением, особенно на стороне обороняющихся. В то время обороняющиеся в башнях испытывали постоянную потребность в специальном помещении для запасов продовольствия, воды, боеприпасов, наконец, просто для анболее ценного имущества, которое в случае опасности нужно было перенести в ашню. Вполне естественным было приспособить для этого именно первый этаж, где целях безопасности не проделывали наружных окон и дверей. Совершенно неубедительно предположение, будто при выборе места под башню строители руководствовались не столько учетом тактических (автор неправильно говорит «стратегических») условий местности, сколько исходили из эстетических соображений (стр. 37).

В брошюре дана подробная характеристика старой культовой архитектуры Осетии (склепы, святилища, христианские церкви). Автор убедительно показывает следующую рологическую последовательность осетинских склеповых сооружений: подземные склепы с двускатной крышей, полуподземные, наземные с двускатной крышей и, наконец, наземные с пирамидальной или конической крышей. Ценно описание старинного остюма, обнаруженного в склепе. Упоминание «кисетов» (стр. 27) в аланских погребениях раннего средневековья следует считать, очевидно, оговоркой.

В разделе, посвященном святилищам, приведена продуманная типологическая классификация этого рода памятников Северной Осетии и намечены их хронологические рамки. Автор прав, отвергая попытки прежних исследователей сопоставлять ступенчатые крыши на кавказских башнях, склепах и святилищах с крышами индийских агод.

Нам кажется, что автор преувеличивает грузинские влияния на старую оборонительную и культовую архитектуру Северной Осетии. Достаточно сказать, что к числу грузинских влияний в брошюре отнесены такие элементы, как столбообразные святилища с нишей, часовни с двускатной крышей и арочным входом, отпечатки рук и знаки реста на стенах, наличие у некоторых башен машикули и пр. Между тем столбообразные святилища с нишей нам известны в Дагестане. Там же исстари широко распространены арки. Отпечатки и изображения рук часто встречаются в горах Кабарды, Дагестане, Азербайджане, Армении и в Иране. Часовни с двускатным кровом и речным входом генетически связаны не только с грузинским, но и с византийским церковным зодчеством в Абхазии. Если бы сохранились до наших дней древние христианские храмы, когда-то существовавшие в разных местах Краснодарского и Ставропольского краев (на Тамани, в Черкесии и пр.), а также в Джуглате, то среди их мы безусловно встретили бы немало маленьких построек с двускатными крышами и арочными входами. Изображения креста на осетинских постройках свидетельствуют

е о грузинском влиянии, а о былом христианстве, которое на Северном Кавказе аспространялось не столько грузинами, сколько разноплеменным населением средневековых городов северо-восточного Причерноморья и других мест Северного Кавказа. Достаточно вспомнить хотя бы рассказ И. Шильтбергера о том, что в городе Джуглате (территория Осетии) в самом начале XV в. была епископская кафедра и церковная лужба происходила на татарском языке. Находки же в Осетии колоколов с поздними грузинскими надписями (вторая половина XVII в.) свидетельствуют не о том, что христианство было импортировано в Осетию из Грузии, а лишь о том, что эти колокола грузинского происхождения.

Отмеченные недостатки не уменьшают общего положительного впечатления от рецензируемой работы.

В заключение нужно сказать, что назрела необходимость в появлении обобщающих работ по старой архитектуре Кавказа в целом.

Л. Лавров

СТРАНЫ НАРОДНОЙ ДЕМОКРАТИИ

НОВЫЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

(Обзор журнала «Československá ethnografie». Praha, 1953, № 1—4)

29 октября 1952 г. в Чехословакии была основана Чехословацкая Академия наук объединившая основные научные институты страны, открывшая неограниченные возможности для развития всех отраслей наук. В составе Академии был создан Кабинет этнографии (Kabinet pro parodopis) — центр научной этнографической работы в республике. После реорганизации Словацкой академии наук в Братиславе здесь также был создан Кабинет этнографии. Одновременно продолжает работу Чехословацкое этнографическое общество (Národopisná společnost československá), старейшее этнографическое учреждение страны. Координация работы трех этнографических центров при руководящей и направляющей роли Чехословацкой Академии наук — залог успешного развития этнографической науки в Чехословакии.

В 1953 г. Кабинет этнографии и Кабинет по изучению народной песни Чехословацкой Академии наук в сотрудничестве с Кабинетом этнографии Словацкой академии наук приступили к изданию нового этнографического журнала «Чехословацкая этнография», объединившего вокруг себя крупнейших этнографов страны.

Программа журнала широка и многообразна¹. Опираясь на решения Второй общегосударственной конференции этнографов, редакция журнала ставит своей основной задачей изучение с марксистско-ленинских позиций культуры и быта народов Чехословакии в прошлом и в настоящее время. Строительство социализма в стране вносит коренные изменения в жизнь населения Чехословакии. Являясь ведущим марксистским этнографическим органом, журнал «Чехословацкая этнография» большое место уделяет освещению современной жизни народов Чехословакии, изучению процессов изменения народного быта и развития социалистической культуры чехов и словаков. Наряду с этим редакция журнала в сотрудничестве с журналами «Чешский народ» («Český lid») и «Этнографический сборник» (Národopisný sborník)² ставит задачи истории этнографического изучения прошлого, публикации статей о прогрессивных традициях в истории чехов и словаков. Большое внимание в программе журнала уделяется изучению истории чехословацкой этнографии и освещению современной научной жизни в стране.

Журнал содержит следующие разделы: 1) теоретические проблемы, 2) этнография Чехословакии, 3) этнография зарубежных народов, 4) вопросы методики этнографической науки, 5) история науки, 6) сообщения о полевых работах, 7) хроника, 8) критика и библиография.

В научной жизни страны за 1953 г. произошли два значительных события, которым журнал уделяет большое внимание. 24—25 марта в Либлицах состоялась первая общегосударственная конференция фольклористов; с 21 по 23 октября в этом же городе проходила третья общегосударственная конференция этнографов. Обе конференции подвели итоги работы в области этнографии и фольклористики и наметили дальнейшие перспективы развития этих наук в Чехословакии.

Этнографическая конференция отметила значительные успехи чехословацких этнографов в овладении марксистско-ленинской методологии и ее творческом применении при разработке отдельных этнографических проблем.

Руководствуясь указаниями предшествующей конференции, чехословацкие этнографы занялись изучением современного быта и культуры сельского населения, а также населения промышленных центров страны. Полевые работы в Горшовскотынских Кладенской, Росицко-Ославской областях, на территории Словакии принесли разнообразный материал, дали возможность поставить ряд важных теоретических проблем. В то же время чехословацкие этнографы уделяют серьезное внимание критической разработке прогрессивного наследия прошлого, popularизируя работы специалистов этнографов и этнографические материалы, содержащиеся в произведениях крупнейших писателей, художников прошлого. Конференция отметила, что чехословацкая этнография сделала большой шаг вперед, выйдя за рамки вопросов только национальной этнографии и перейдя к постановке и разработке проблем этнографии зарубежных народов.

В резолюции, принятой участниками этнографической конференции, поставлены ряд очередных задач, разрешение которых послужит залогом дальнейшего успешного развития этнографической науки в стране³. Для улучшения работы в области изучения культуры и быта населения промышленных областей намечены мероприятия по дальнейшей координации работы этнографов и их сотрудничеству с представителями др

¹ См. O. Nahodil, O programu nového ethnografického časopisu — «Československá ethnografie» (в дальнейших упоминаниях «Cs ethn.»), 1953, № 1, стр. 1—3.

² «Český lid», Praha. Dvuměsíčník, Časopis Kabinetu pro národopis Československé akademie věd.

³ «Národopisný sborník», Slovenkej akademie vied, Bratislava.

⁴ Resoluce III. celostátní ethnografické konference v Liblicích, «Cs ethn.», 1953, No 4, стр. 294—295.

гих отраслей науки, в частности выработка комплексных планов работы этнографов, историков, археологов, фольклористов, взаимный обмен материалами. Решено расширить полевые исследования на территории Моравии и внутренних чешских областей, а также среди украинского и цыганского населения Словакии. В целях обмена опытом и подведения итогов полевых исследований намечено проведение два раза в год общегосударственных этнографических конференций. Намечено создание в Брно центра этнографической и фольклорной документации с постоянно действующей библиографической комиссией⁵.

Первая общегосударственная конференция фольклористов, созванная Кабинетом этнографии и Кабинетом по изучению народной песни Чехословацкой академии наук в сотрудничестве с Кабинетом этнографии Словацкой академии наук, проходила под лозунгом «советская фольклористика — наш пример». Конференция отметила методологическую слабость исследований в области фольклора, а в связи с этим и слабую разработку теоретических проблем. Первоочередной задачей в области чехословацкой фольклористики, отмечает резолюция, является овладение марксистско-ленинскими методами исследования, использование опыта советской фольклористики, беспощадная борьба с имеющими еще место буржуазными теориями в области фольклористики. Дальнейшая работа фольклористов должна протекать как в направлении изучения современного народного творчества, так и в направлении критического исследования классического фольклора с целью популяризации прогрессивных традиций прошлого. На ближайшее время намечено изучение рабочего фольклора в Кладненской, Остравской и Росицко-Ославанской областях. Для успешного выполнения поставленных задач необходима координация работы всех фольклористов страны, создание кафедр фольклористики на филологических факультетах университетов, разработка полевых программ и системы записи диалектологических текстов, проведение каталогизации всех фольклорных материалов в библиотеках и архивах⁶.

Журнал «Чехословацкая этнография» за 1953 г. отражает основные направления в работе чехословацких этнографов.

В разделе «Теоретические проблемы» журнала помещены доклад Евы Врabcовой на Первой общегосударственной конференции фольклористов⁷ и статья О. Нагодила посвященная критике буржуазных теорий происхождения религии.

Теоретическая разработка вопросов народного творчества, отмечает Е. Врabcова, — одно из слабых мест чехословацкой науки. Испытав на себе в прошлом сильное влияние реакционных буржуазных школ Запада, чехословацкая фольклористика не сумела быстро перестроиться в свете новых задач. «Настал переломный момент, — указывает Врabcова, — когда стало ясно, что по-старому работать нельзя, а новые методы не стали еще главным критерием в нашей повседневной работе»⁸. Автор совершенно правильно отмечает необходимость творческого использования опыта советской науки как важнейшего условия успешного развития чехословацкой фольклористики. «Было бы ошибочно думать, — пишет Е. Врabcова, — что раз советская фольклористика преодолела буржуазные влияния и пережитки, то нам достаточно заимствовать ее готовые аксиомы, которыми она сегодня руководствуется в своей повседневной работе, для того, чтобы наша фольклористика стала марксистской, социалистической»⁹.

Происхождение религии — один из наименее освещенных в науке вопросов, который со всей актуальностью встает в наши дни в странах народной демократии в условиях борьбы с идеалистическими и реакционными концепциями в науке. Поэтому статья Отакара Нагодила¹⁰, посвященная критике основных буржуазных теорий происхождения религии, очень своевременна и представляет значительный интерес. Она вскрывает с боевых позиций марксизма-ленинизма реакционную сущность «учений» крупнейших представителей буржуазной науки Запада, долго державших в плену своих лженаучных концепций и ученых буржуазной Чехословакии. Автор подвергает научной критике «анимистическую теорию» Тейлора, «доанимистические теории» Маретта, Прейса, Фиркандта, Лемана и наиболее реакционную «теорию прамотеизма» сторонников «школы» патера Шмидта.

В журнале содержится ряд ценных материалов по этнографии Чехословакии.

Статья Ольги Скальняковой «К вопросу об изучении культуры и образа жизни чешских и словацких горняков»¹¹ является одной из немногих работ чехословацких этнографов, посвященных этнографическому изучению рабочего класса.

⁵ Rozvinuti organizované terénni práce československých ethnografů, «Čs ethn.», 1953, № 4, стр. 293.

⁶ Nové perspektivy československé folkloristiky, «Čs ethn.», 1953, № 2—3, стр. 97—99; Resoluce I celostátní folkloristické konference v Liblicích, «Čs ethn.», 1953, № 2—3, стр. 99—100.

⁷ E. Vrabcová, Sovětská folkloristika — náš vzor, «Čs ethn.», 1953, № 2—3, стр. 101—113.

⁸ E. Vrabcová, Указ. раб., стр. 101.

⁹ Там же, стр. 109.

¹⁰ O. Nahodil, Ke kritice některých idealistických teorií o původu náboženství, «Čs ethn.», 1953, № 2—3, стр. 116—135.

¹¹ O. Skalníková, K otázce o studiu kultury a způsobu života českých a slovenských horníků, «Čs ethn.», 1953, № 2—3, стр. 153—162.

¹² Советская этнография, № 3

Чехословацкая этнографическая наука, отмечает автор, имеет глубокие и славные традиции. Связанная своими корнями с эпохой славянского возрождения, борьбы чехи и словаки за национальную независимость, она в лице своих прогрессивных представителей внесла большой вклад в дело изучения славянских народов. Однако в поля зрения этнографов оставался рабочий быт. Приступая в настоящее время к примеру советской науки к изучению быта рабочих, чехословацкие этнографы уделяя первоочередное внимание жизни шахтеров — старейших представителей рабочего класса, вписавших в прошлое немало славных страниц в историю революционной борьбы.

Статья Скальниковой содержит ряд методических положений по изучению быта шахтеров и подробно разработанную программу. Исходя из правильного положения, что научное изучение современности невозможно без знания прошлого, автор ставит ряд методических установок для изучения прошлого быта горняков.

Характер работы горняков, отмечает автор, в условиях феодализма и капиталистического строя, когда происходило хищническое разграбление земных богатств добыча полезных ископаемых носила экстенсивный характер, не позволял шахтерам длительное время жить на одном месте. Тем не менее горнорабочие сумели создать и сохранить специфические черты культуры, свои традиции. В эпоху феодализма горнорабочие пользовались рядом привилегий, способствовавших их изоляции, кастовым обособленности, характерной вообще для средневековья. В среде горняков с течением времени сложились свои обычаи, праздники, особенности костюма, народного творчества. В условиях капитализма эти старые традиции сохранились как внешняя форма как реквизит прошлого. Автор подчеркивает, что при изучении быта горнорабочих нужно учитывать их славные революционные традиции, их ведущую роль в боях за права рабочего класса.

В настоящее время в Чехословакии изучением быта горняков занимается несколько научно-исследовательских учреждений, однако до сих пор не выработан единый план работы, нет программы полевых исследований. Автор статьи предлагает проект такой программы.

Она делится на три крупных раздела. Первый раздел, который не объединен одним названием, включает такие вопросы, как занятия населения, образ жизни, одежда, жилища. Второй раздел, посвященный общественному и семейному быту, ориентирует полевого работника на сбор сведений об общественном положении горняков в прошлом и настоящем, взаимоотношениях между соседями, лицами разных национальностей. В этот же раздел включены сведения о просвещении, постановке школьного дела в прошлом и в настоящее время, о жизни в семье. Большую часть раздела занимают сведения о народных обычаях при рождении, свадьбе, похоронах, календарных праздниках, поверьях и религиозные верования, народная медицина. Третий раздел программы включает литературный и музыкальный фольклор и изобразительное искусство.

Как видно из вводной части статьи, программа рассчитана на «широкое систематическое изучение жизни и культуры горняков, способствующее изучению образа жизни и культуры рабочего класса»¹². Однако охватывая в основном все стороны жизни горнорабочих в прошлом, представленная программа очень слабо отражает изменения культуры и быта в условиях народно-демократического строя. Говоря о полноте программы, необходимо также отметить недостаточность разработки вопросов семейного быта. Содержащиеся в разделе «Жизнь семьи» вопросы рассчитаны на общую характеристику горняцкой семьи в прошлом, в основном по письменным источникам. Между тем изучение в полевых условиях современной семьи горнорабочего должно быть связано с знакомством с конкретным семейным коллективом, а потому соответствующий раздел программы должен содержать вопросы о составе семьи, основных занятиях ее членов, наличии в семье учащихся, образовании членов семьи, связи семьи с сельской местностью, работе членов семьи на производстве, материальном положении, жилищных условиях, внутреннем распорядке жизни в семье, распределении домашних обязанностей, сочетании общесемейных и личных интересов, о культурных интересах и т. д.

Статья Отакара Нагодилы «К вопросу о большой семье и ее распаде у восточных словаков украинцев»¹³ содержит материал о пережиточном бытовании семейной общины в условиях капитализма и народно-демократического строя. Статья написана на основе полевых данных, собранных этнографическим отрядом Комплексной украинской экспедиции 1953 г. на территории Снинского округа. Статья состоит из двух тесно связанных между собой частей: характеристики существующей у украинцев восточной Словакии терминологии родства (в сравнении с другими славянскими народами) и описания бытующих здесь в настоящее время больших семей.

В 1951 г. О. Нагодилом была опубликована статья о большой семье в Словакии в XIX и начале XX в., где автор, используя литературный этнографический материал, стремится решить с марксистских позиций вопрос о сохранности большой семьи в условиях капитализма¹⁴. В новой своей статье О. Нагодил на конкретном полевом материале уточняет и углубляет высказанные им ранее положения. У украинского

¹² O. Skalnikova, Указ. раб., стр. 158.

¹³ O. Nahodil, K otázce o velikorodíně a jejím rozkladu a východoslovenských Ukrajinců, «Čs ethn.», 1953, № 4, стр. 303—329.

¹⁴ O. Nahodil, K otázce dějin rodinného společenství na Slovensku. «Český lid» 1951, № 3—4.

населения горных районов Словакии в условиях малоземелья и отсталой техники держится большая семья («велика фамилия»). В пределах семейной общины сохраняется экономическая общность. Пахотная земля, пастбища, скот и сельскохозяйственный инвентарь продолжают оставаться общей собственностью всех членов семьи. Семейная община продолжает жить в общем доме, в котором, как правило, каждая семейная ячейка имеет отдельную комнату при наличии общей кухни и общих хозяйственных построек. Однако собранный полевой материал указывает на значительные изменения в этой, на первый взгляд кажущейся «классической» большой семье. Главой семьи является, как и раньше, старший из мужчин общины, однако права его значительно ограничены, так как все взрослые члены семьи пользуются равными правами на все движимое и недвижимое имущество общины. Видимо, изменяется положение женщины в семье, так как при разделе общины дочери получают выдел наравне с сыновьями. Значительно возрастает индивидуальная собственность в пределах общины за счет заработков на стороне отдельных ее членов. Меняется и состав семьи за счет сокращения общего числа ее членов и введения в нее семей замужних дочерей. Нередки случаи, когда дочери при женатых сыновьях приводят в семью мужей, которые ведут в ней хозяйство на равных правах.

Наряду с указанной выше семейной общиной автор приводит описание малоизвестного ее вида («двойка фамилия»), представляющего собой одну из форм распада большой семьи. Таковы встречающиеся в настоящее время в Словакии семьи, в которых женатые братья, ведя раздельно хозяйство, продолжают жить в одном доме, помогая друг другу в работе. Приведенный значительный материал по этому виду большой семьи служит интересным дополнением к известным уже в сербской литературе¹⁵ переходным формам, предшествующим окончательному распаду большой семьи.

Анализируя причины сохранности большой семьи на территории Словакии, автор обращается к социально-экономическим условиям жизни населения данной области, в первую очередь малоземелью, препятствовавшему не только разделу земли, но и постройке отдельного дома. В настоящее время, отмечает автор, большая семья, как правило, сохраняется там, где существуют некооперированные хозяйства. Поднятие общего экономического уровня отсталых районов Словакии путем вступления мелкого и среднего крестьянства в единые сельскохозяйственные кооперативы, а также работа значительной части населения на новостройках вызывают массовые разделы семейной общины.

В статье приведено описание нескольких больших семей и даны планы жилых и хозяйственных построек большесемейного дома.

Содержательная статья Ярослава Крамаржика «Строительные условия в ходской деревне в 30—40 гг. XIX в.» ставит задачей дать картину развития строительства в ходских деревнях этого времени на основе архивного материала¹⁶. Однако статья затрагивает более широкий круг вопросов. Используя строительное законодательство указанного периода и малоизвестный до сих пор в чешской литературе вид архивных материалов — просьбы крестьян о возведении жилых и хозяйственных строений, протоколы о нарушении строительных законов, — автор не только характеризует ходское жилище того времени, но и исследует социально-экономические отношения в ходской деревне в период проникновения в нее капитализма.

В XVIII в. австрийским правительством был издан ряд законов, регламентирующих строительство в чешских деревнях, запрещавших возведение новых строений без разрешения властей, а также ограничивавших возведение деревянных построек в целях уменьшения числа пожаров и сохранения лесов. В 1785 г. Иосифом II был издан первый сводный указ о порядке строительства в чешских деревнях, подтверждавший существовавшие ранее ограничения. В 1834 г. был опубликован первый свод законов о строительстве на территории Чешского королевства¹⁷, детально регламентирующий размеры жилых и хозяйственных построек, их планировку, строительный материал, характеризующий строительную технику того времени. Указанные законодательные акты в совокупности с полевым материалом позволили автору дать подробную характеристику всего комплекса крестьянских построек первой половины XIX в. в ходских областях. В то же время прошения о возведении жилых и хозяйственных строений, протоколы о нарушении строительных законов наглядно вскрывают социально-экономические отношения в ходской деревне того времени, характеризуя взаимоотношения между отдельными слоями крестьянства.

Автор исходит из методологически правильной установки о необходимости изучения жилых и хозяйственных построек в тесной связи с историческими и социально-экономическими условиями соответствующего времени. Анализируя конкретный материал, автор приходит к выводу, что в ходских деревнях 1830—1840-х годов преобладали два основных типа жилища, каждый из которых был связан с определенной

¹⁵ М. Филиповић, Несродничка и предвојена задруга, Београд, 1946.

¹⁶ J. K r a m a r ž i k, Stavební poměry na chodské vesnici v 30 a 40 letech XIX století (Příspěvek k dějinám českých venkovských staveb), «Cs ethn.», 1953, № 2—3, стр. 136—152.

¹⁷ Rád stavební pro města království českého a pro širé kraje nebo dědiny, Praha, 1834.

классовой прослойкой крестьянства. Двухкамерное жилище — светлица (světnice) + сени (dům, síň) было характерно для бедных слоев крестьянства. Трехкамерный дом — светлица + сени + комора — преобладал среди зажиточного населения. Среди беднейшего крестьянства и батраков был также распространен жилой дом, состоящий из двух светлиц, соединенных общими сенями и кухней, так называемый dvojdom, в нем жило две семьи. Здесь же автор подробно останавливается на внешней конструкции жилого дома и его внутренней планировке.

Итка Станкова в статье «Ручное ткачество в Горнацкой области»¹⁸ подробно знакомит читателя с видами орнамента в одной из областей юго-восточной Моравии способом его изготовления.

Людвик Кунц в обстоятельной статье¹⁹ рассматривает вопрос о происхождении бытовании и устройстве кобзы, одного из старинных музыкальных инструментов, широко распространенного в средневековой Чехии и у большинства славянских и соседних с ними народов и сохраняющегося в настоящее время в Моравской Валахии. Статья преследует также практическую цель пропаганды включения кобзы и других старинных народных музыкальных инструментов в ансамбли народного творчества.

Журнал содержит обширный раздел, отсутствующий в других чехословацких этнографических журналах, посвященный вопросам зарубежной этнографии. За 1953 в этом разделе помещены статьи по истории материальной культуры и земледелия на Цейлоне, общественной организации индейцев северо-восточной Бразилии, материалы по лингвистическим группам лауасских племен, пережиткам религиозных верований у тунгусско-маньчжурских народностей Советского Союза. Уже самый перечень опубликованных в этом разделе материалов показывает значительное разнообразие затронутых вопросов. Уделяя внимание этнографии зарубежных народов, чехословацкие ученые вносят свой вклад в разработку проблем общей этнографии.

Отакар Пертольд на основе материалов, собранных им во время двукратного посещения Цейлона — в 1910 и 1922 гг., и литературных источников освещает некоторые малоисследованные вопросы этнографии коренного населения острова²⁰.

В первой статье автор на основе археологических и лингвистических данных, также анализа местных хроник (Mahāvamsū — I в. до н. э. и Dipāvamsū — III в. н. э.) приходит к выводу, что искусство обработки металлов, в частности железа, вследствие почти полного отсутствия в недрах острова металлических руд, сингалы незадолго до прихода первых европейских колонизаторов заимствовали от тамиллов. До этого времени металлические изделия импортировались из Индии или производились на острове ремесленниками — переселенцами из Северной Индии. В конце XVI в. на Цейлоне уже существовал цех кузнецов (jāṭāpnā), в XVIII в. в Канлийском королевстве возникла община золотых дел мастеров (badāla). В настоящее время на острове существует родовая группа jāṭāpnā, часть членов которой занимается обработкой железа. Во второй части статьи автор характеризует национальные традиции народного искусства в обработке металлов.

В статье «Следы старого способа обработки почвы на Цейлоне» Пертольд останавливается на характерном для сингалских племен острова примитивном способе обработки земли, так называемой «обработке чхина»²¹, сохранявшемся в начале XX в. наравне с развитым индийским способом земледелия. Во второй половине XIX в. такой способ обработки земли был подробно описан Эмерсоном Теннентом²². О. Пертольд дополняет это описание сведениями, собранными им во время пребывания на острове в 1910 и 1922 гг. Характеризуя «обработку чхина» как первую ступень перехода от собирательства к обработке почвы, автор отмечает, что этот примитивный сингалский способ обработки земли не получил дальнейшего развития из-за введения англичанами плантационного хозяйства. Исследуя цейлонские хроники, автор приходит к выводу, что такой способ обработки почвы тесно связан с существовавшим в прошлом у сингалских племен кочевым образом жизни. Дальнейшее развитие сингалских племен протекало под сильным влиянием Индии; тогда возникают деревни индийского типа, в основном земледельческие. В заключение автор показывает существование так называемой «village system», рекламируемой англичанами в качестве местного способа коллективного землевладения и земледелия.

«Village system», как показывает автор, является не чем иным, как развитой формой дальнейшей системы ведения хозяйства, с частичным применением рабского труда.

Северо-восточная территория Бразилии сравнительно мало изучена в этнографическом и лингвистическом отношении. Честмир Лоукотка проделал большую работу, собрав и систематизировав все до сих пор опубликованные материалы об индейских

¹⁸ J. Staňková, Ruční tkalcovství na Hornácku «Cs ethn.», 1953, № 1, стр. 4—12.

¹⁹ L. Kunz, Kobza, Prspěvek k výzkumu lidových hudebních nástrojů, «Cs ethn.», 1953, № 1, стр. 13—26, № 2—3, стр. 163—173.

²⁰ O. Pertold, Umělecko — řemeslné zpracování kovů na Ceyloně, «Cs ethn.», 1953, № 1, стр. 59—69; его же, Zbytky starého zemědělského obhospodarování půdy na Ceyloně, «Cs ethn.», 1953, № 2—3, стр. 174—182.

²¹ Чхин (chinn) — выкорчеванный четырехугольный или круглый участок земли, засеваемый без предварительной подготовки почвы и периодически сменяемый.

²² James Emerson Tennent, Ceylon, an account of the Island, physical, historical and topographical, London, 1860.

племенах Бразилии и составив карту их расселения²³. Автор дает подробные сведения о расселении племен, их языковой принадлежности, приводит этнографические сведения об отдельных племенах, с указанием источников. К статье приложена библиография (65 названий).

Во второй своей статье²⁴ Лоукотка, используя лингвистические материалы третьего тома Собрания сочинений Миклухо-Маклая (изд. АН СССР, М., 1952) и дополнив их сведениями позднейших исследователей, дает подробную характеристику папуасских наречий островов Новой Гвинеи и предлагает их классификацию. К статье приложена карта распространения папуасских языков на побережье Залива Астролябии и на Берегу Маклая, сравнительный словарь из 30 слов наречий, входящих в языковые группы этой области, а также западной оконечности Новой Гвинеи (Папуа Ковиай); к статье приложена обширная библиография.

В статье О. Нагодила²⁵ на материале этнографии тунгусско-маньчжурских народностей Советского Союза исследуется вопрос о тотемизме. В историографическом очерке проблемы тотемизма автор говорит об идеалистической трактовке проблемы происхождения религии буржуазными учеными. «При изучении истории первобытной религии буржуазная наука исходила,— пишет автор,— прежде всего из психологических критериев, причем изучала собранный фактический материал в отрыве от хозяйственной и общественной жизни первобытного человечества»²⁶. Тотемизм, по словам О. Нагодила, возникает как одно из проявлений оформляющейся религиозной идеологии материнского рода, универсальной для всего человечества. Тотемизм постепенно исчезает с переходом к патриархату, когда тотемы и женские предки уступают место развитой патриархальной генеалогии. В эпоху патриархата тотемистические представления переживают значительную трансформацию. Во второй части статьи автор рассматривает пережитки тотемизма в быту тунгусско-маньчжурских народностей на территории Советского Союза.

В разделе дискуссий в журнале помещена статья болгарского археолога Димитрия Кранджалова «Мадарский всадник. К вопросу об этногенезе болгар»²⁷. Буржуазная болгарская археология, проводя политику фашизированных болгарских правительств, пишет Д. Кранджалов, долгие годы замалчивала славянское происхождение болгарского народа и в то же время преувеличивала значение так называемой «праболгарской» (т. е. тюркской) культуры. С этой целью болгарские буржуазные ученые (Фехер, Филов, Мавродинов и др.) в своих трудах нередко прибегали к сознательной фальсификации. Сторонники «праболгарской теории» относили многие памятники материальной культуры и искусства славянского населения Балканского полуострова к так называемой «праболгарской» культуре, доказывая неспособность славян к самостоятельной политической и культурной жизни. В частности, обширная литература, отражавшая указанные выше взгляды, посвящена вопросу об этнической принадлежности Мадарского всадника²⁸. Задачей статьи Д. Кранджалова является критическая оценка господствующих до сих пор в болгарской науке взглядов по вопросу о происхождении Мадарского всадника и его полной изолированности²⁹. Автор рассматривает мадарский рельеф в общей связи с аналогичными памятниками искусства на территории Балканского полуострова и высказывает предположение, что Мадарский всадник, относящийся к IV—III вв. до н. э., изображал бога местного родника.

В методическом разделе журнала помещена статья Людвика Барана³⁰, известного своими прекрасными фотографическими иллюстрациями на страницах журнала «Český lid». Статья показывает возможности и задачи цветной фотографии в этнографической работе, разбирает методику и технику ее применения.

В журнале помещены предварительное сообщение о жизни и этнографической работе Вацлава Свободы (1850—1924)³¹, оставившего ценные материалы по этнографии зарубежного Востока, и статья Мирослава Прокопца, посвященная последним годам жизни и деятельности крупнейшего чешского антрополога Алеша Грдлички³².

²³ С. Loukotka, Indiánské kmeny v severovýchodní Brazílii, «Čs ethn.», 1953, № 2—3, стр. 183—198.

²⁴ С. Loukotka, Papuánské řeči v díle N. N. Miklucho-Maklaje, «Čs ethn.», 1953, № 1, стр. 70—81.

²⁵ О. Nahodil, Přezítky totemismu u tunguzomandžurských národností, «Čs ethn.», 1953, № 1, стр. 27—58.

²⁶ Там же, стр. 27.

²⁷ D. Krandžalov, Madarský jezdec, K otázce o ethnogenesi Bulharů, «Čs ethn.», 1953, № 2—3, стр. 203—260.

²⁸ Под именем Мадарского всадника известен наскальный рельеф в северо-восточной Болгарии у деревни Мадары, изображающий, как считали сторонники «праболгарской теории», хана Крума.

²⁹ D. Krandžalov, Указ. раб., стр. 209.

³⁰ L. Baran, Barevná fotografie v národopise, «Čs ethn.», 1953, № 1, стр. 82—86; № 2—3, стр. 200—202; № 4, стр. 330—350.

³¹ O. Pertold, Předběžná zpráva o životě a ethnografické práci Mu Dr. Václava Svobody, «Čs ethn.», 1953, № 4, стр. 351—353.

³² M. Prokopec, Poslední léta Aleše Hrdličky (K 10. výročí jeho úmrtí), «Čs ethn.», 1953, № 4, стр. 353—361.

Вообще чехословацкие этнографы уделяют разработке этнографического наследия прошлого большое внимание. В журнале «Ceský lid» печатается обширная работа Я. Крамаржика³³, посвященная этнографическим работам прогрессивной чешской писательницы XIX в. Божены Немцовой. О. Нагодил опубликовал в этом же журнале материалы о путешествии в XV в. чеха Мартина Кабатника в Иерусалим и Египт.

С полевой работой чехословацких этнографов в области изучения народной архитектуры знакомят статьи Вильяма Пражака³⁵ и Эммануила Балаша³⁶.

Хроникальный раздел журнала содержит интересные материалы о работе Кабинета этнографии Чехословацкой академии наук³⁷ и Этнографического отделения Национального музея в Праге³⁸. Статьи Ч. Лоукотки³⁹ и Вацлава Шольца⁴⁰ знакомят читателя с фондами и работой музея им. Напрсткова, крупнейшего хранилища этнографических экспонатов по общей этнографии.

В журнале имеется обширный отдел критики и библиографии. В 1953 г. в нем помещены рецензия Карела Фойтека на книгу О. Нагодил и Я. Крамаржика «И. В. Сталин и этнографическая наука»⁴¹, рецензии Я. Крамаржика на т. 3. Неелды «О народной и национальной культуре»⁴² и О. Нагодил на книгу Анди Меличерчика «Яношиковские традиции в Словакии»⁴³. В журнале помещен так обзор журнала «Советская этнография» за 1952 г.⁴⁴ и рецензия О. Скальниковой на изданный Ин-том этнографии АН СССР сборник «Англо-американская этнография службе империализму», вышедший в 1953 г. в чешском переводе⁴⁵.

Содержание нового этнографического журнала отражает большую и плодотворную работу чехословацких этнографов. Хотелось бы, однако, чтобы в дальнейшей редакции журнала уделяла больше внимания критическому пересмотру основных теоретических направлений буржуазной чехословацкой этнографии, а также усилила отдел критики за счет включения рецензий на работы современных буржуазных этнографов Запада, внося тем самым свою долю в общее дело борьбы с реакционной буржуазной наукой.

И. Калла

Ethnographisch-archaeologische Forschungen. I. Herausgegeben von H. Kothe u. K. H. Otto. Berlin, Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1953.

Этнографы и археологи Германской Демократической Республики приступили к систематической публикации своих исследований и материалов. Длительный перерыв в издании их был вызван перестройкой всей немецкой исторической науки, перестройкой, происходящей в борьбе с остатками буржуазных реакционных теорий.

За эти годы выросло молодое, еще немногочисленное поколение немецких ученых — этнографов и археологов, стремящихся овладеть марксистской методологией. С большим вниманием они следят за научной жизнью в Советском Союзе и в решении многих вопросов идут нога в ногу с советскими этнографами и археологами. Молодые ученые ГДР — археологи и этнографы — в своих работах смело ставят принципиальные научные вопросы.

Рассматриваемый сборник отражает теоретические искания в области археологии и этнографии в ГДР. В редакционном предисловии намечены основные задачи, стоящие перед этим изданием. Оно должно «содействовать установлению сотрудничества специалистов всей Германии для высоких мирных целей науки» (стр. VIII). В пре-

³³ «Ceský lid», 1952—1954.

³⁴ «Ceský lid», 1952, № 7—10.

³⁵ V. Pražák, Soutisový terénní výzkum české lidové architektury, «Čs ethn», 1953, № 2—3, стр. 261—273.

³⁶ E. Baláš, Organizace výzkumu lidové architektury a několik ukázek z lidové stavebnictví na Voticku, «Čs ethn.», 1953, № 4, стр. 362—367.

³⁷ J. Kramárik, Národopisný kabinet Československé akademie věd zahajuje svou činnost, «Čs ethn.», 1953, № 1, стр. 87—88.

³⁸ S. Svoboda, Národopisné oddělení Národního musea v Praze, «Čs ethn.», 1953, № 4, стр. 368—372.

³⁹ Č. Loukotka, Putovní výstavy Náprstkovy musea, «Čs ethn.», 1953, № 4, стр. 88—90.

⁴⁰ V. Šolc, Ethnografické sbírky předmětů amerických Indiánů v Náprstkově museu, «Čs ethn.», 1953, № 2—3, стр. 274—276.

⁴¹ K. Fojtik, Otakar Nahodil—Jaroslav Kramárik, J. V. Stašina národopisná věda, «Čs ethn.», 1953, № 1, стр. 90—95.

⁴² J. Kramárik, Z. Nejedlý Za kulturu lidovou a národní, «Čs ethn.», 1953, № 3, стр. 276—281.

⁴³ O. Nahodil, A. Melicherčík, Janošikovská tradícia na Slovensku, «Čs ethn.», 1953, № 2—3, стр. 282—286.

⁴⁴ K. Fojtik, Sovětskaja ethnografia, 1952, «Čs ethn.», 1953, № 4, стр. 373—383.

⁴⁵ O. Skalnikova, Anglo-americká ethnografie ve službách imperialismu, «Čs ethn.», 1953, № 2—3, стр. 287—291.

словами подчеркивается, что для успешного изучения древнейшей истории общества необходима совместная работа антропологов, лингвистов и в особенности археологов и этнографов. «Оценка археологических и этнографических материалов путем сравнительно-исторического метода и дальнейшее развитие методологии исследований обеих дисциплин (археологии и этнографии) являются растущей настоятельной необходимостью» (стр. VII). Результаты их совместной работы могут «обогащать учение об основах закономерностей общественного развития, созданное К. Марксом и Ф. Энгельсом» (там же).

В состав сборника входят шесть статей: «Археологические культуры и изучение конкретной истории племен и народностей» (К. Х. Отто), «Этнографические материалы к вопросу о технике земледелия в Европе в эпоху неолита» (Х. Коте), «Распространение и время появления волокуш» (Х. Коте), «Ярмо железного века из Северной Ирландии» (В. Якобейт), «Народности Кавказа в древности по данным античных авторов VI в. до н. э.—II в. н. э.» (Р. Вейнхольд, Д. Трейде), «Русская рукопись, имеющая лингвистическое и этнографическое значение» (Р. Герцог).

Авторами двух из этих статей являются ученые из Западной Германии (В. Якобейт, Р. Герцог).

Несмотря на разнородность содержания статей сборника, они имеют нечто общее: все они касаются проблем, интересующих и этнографов, и археологов, и собственно историков. В каждой из статей в той или иной форме поставлен вопрос об увязке данных исторической этнографии с археологией. Недаром один из редакторов сборника — этнограф (Х. Коте), другой — археолог (К. Х. Отто).

С этой точки зрения особенно интересна первая принципиальная статья — «Археологические культуры и исследования конкретной истории племен и народностей» К. Х. Отто, профессора археологии Берлинского университета. Автор считает «необходимым осветить по-новому или в соответствии с новыми специальными работами в Советском Союзе некоторые стороны проблемы этнической принадлежности культур»¹. В статье широко используются работы советских археологов и этнографов — М. И. Артамонова, А. Я. Брюсова, С. П. Толстова, С. А. Токарева, Н. Н. Чебоксарова и др.

В первой части статьи автор говорит о задачах археологии как одной из исторических дисциплин. Вместе с этнографами археологи работают над проблемами этногенеза. Тесно связан с этим вопрос об археологических и этнических общностях, представляющий предмет оживленной дискуссии и в советской науке. Автор приводит различные точки зрения советских ученых по этому вопросу.

Значительное место в статье занимает резкая критика работ немецкого археолога Густава Коссинны.

В числе других реакционных расистских теорий, широко распространенных в немецкой исторической науке, школа Коссинны (известная под не слишком удачным названием «Siedlungsarchäologie») в течение длительного времени оказывала влияние на немецкую археологию. Автор правильно указывает, что «это учение само в своей основе и в поставленных целях было империалистически-шовинистическим»², оно послужило идеологическим, «научным» обоснованием фашизма и его агрессивной политики. Основным предметом изучения представители этой школы считают распространение элементов культуры на определенных территориях — «культурных провинциях», совпадающих будто бы с определенными племенами, народностями, расами; последние не являются историческими категориями, а представляют нечто извечное и неизменное. Культурные особенности, распространяющиеся лишь путем миграций, являются принадлежностью определенных рас. Особая роль в истории, по мнению представителей этой школы, принадлежит избранной германской расе. Путем фальсификации археологических данных они старались обосновать «право» немцев на территории соседних народов.

Критика работ Коссинны тем более своевременна, что в Западной Германии эта школа сохраняет до сих пор господствующее положение. Отдельные ее сторонники имеются и среди ученых ГДР.

Последнюю часть работы автор посвящает вопросу о хозяйственно-культурных типах и историко-культурных областях, недавно разработанному в советской науке. Как и советские этнографы, автор считает, что определенным этническим общностям не должны обязательно соответствовать одни и те же культурные типы, и наоборот — наличие определенного историко-культурного типа не обязательно предполагает этническое единство населения. В работе приводится ряд примеров, подтверждающих это положение. Однако автор не дает вполне ясного решения вопроса о соотношении этнических общностей и археологических культур и даже пытается примирить только что изложенную точку зрения с противоположным взглядом, защищаемым некоторыми советскими археологами: о том, что каждая археологическая «культура» есть в то же время памятник какого-то этнического и языкового единства³.

Заслуживает внимания интересное исследование «Этнографические материалы к вопросу о технике земледелия в Европе в эпоху неолита» доктора Хейнца Коте.

¹ К. Н. Otto, *Archäologische Kulturen und die Erforschung der konkreten Geschichte von Stämme und Völkerschaften*, стр. 26.

² Там же, стр. 8.

³ Там же, стр. 14.

Х. Коте — специалист по истории земледелия и автор нескольких работ о происхождении плуга⁴. Статья содержит большой фактический материал по сельскохозяйственным орудиям Европы, а также сравнительные этнографические и археологические данные из других частей света. В тексте имеется большое количество иллюстраций и обширная библиография, данная автором подстрочно.

Основная идея данной статьи, как и прежних работ Коте, заключается в том, что необходимо пересмотреть традиционные взгляды на происхождение плуга. Коте считает, что «мотыжное земледелие» — очень неудачное обозначение для ранней формы земледелия: до появления плуга мотыга была далеко не единственным и не так широко распространенным орудием обработки земли. Больше того: до сих пор не доказано существование мотыги в эпоху неолита; все известные мотыги относятся к эпохе железа; древнейшая из известных мотыг — египетская — не обнаруживает никакого родства с древними плугами. Коте поэтому отрицает общепринятую теорию происхождения плуга из мотыги. Одной из исходных форм плуга он считает так называемый «Furchenstock» — своеобразную коленчатую копалку, имеющую вид искривленного заступа. Появление плуга он относит к эпохе бронзы. Исследования Коте вносят много нового в изучение истории плужного земледелия. К сожалению, автор слишком ограничивает свое поле зрения: он рассматривает только вопрос о происхождении плуга как такового, оставляя в стороне весь сложный комплекс вопросов, касающихся перехода от ручного к плужному земледелию.

Вторая статья Х. Коте — о распространении и времени появления волокуши также содержит значительный этнографический материал. Нужно отметить, что указанная статья является чуть ли не первой работой, посвященной этому вопросу.

Небольшая заметка В. Якобейта касается находки ярма из Северной Ирландии. Автор считает ее древнейшей из всех вообще известных до сих пор находок ярма типа «Genickjoch» (надеваемого животному не на холку, а на голову). В то же время это самая северная из находок ярма этого типа, который распространен гораздо южнее.

Выбор темы работы Р. Вейнхольда и Д. Трейде («Народности Кавказа в древности по данным античных авторов VI в. до н. э. — II в. н. э.») свидетельствует об интересе ученых ГДР к этнографии и истории народов Советского Союза, в частности Кавказа. Статья содержит интересные сведения о расселении, истории, хозяйственном и общественном строе иберов, колхов, албанцев, мосхов и народов Северо-Западного Кавказа — керкетов, ахейцев, синдов, генихов и др. (по данным античных авторов).

Статья Р. Герцога представляет интерес для истории русской этнографии. Она касается русской рукописи XVIII в., хранящейся в библиотеке Геттингенского университета. Рукопись — на 150 переплетенных страницах большого формата, в пол-листа. Из них 100 страниц представляют собой сравнительный словарь, охватывающий около 40 языков, преимущественно народов России (Поволжья, Севера, Сибири и других областей). Остальные 50 страниц — это этнографический вопросник. О происхождении этой рукописи немецкие ученые немало спорили. Автор этой статьи убедительно показывает, что первая часть рукописи (словарь) составлена известным петербургским академиком, историком Фишером по материалам Г. Ф. Миллера, а также, видимо, Мессершмидта и Татищева. Что же касается второй части рукописи (этнографической инструкции-вопросника), то это не что иное, как известное «Предложение» В. Н. Татищева 1734 г., значение которого как первой в мировой литературе этнографической анкеты уже не раз отмечалось в советской литературе. Р. Герцог предполагает, что геттингенский экземпляр этой анкеты — список с оригинала, хранящегося в одном из русских архивов.

Автор ссылается на работы русских историков и этнографов по этому вопросу (Штернберга, Андреева, Токарева) и проявляет неплохую осведомленность в советской литературе. Но ему, видимо, остались неизвестными русские издания татищевской анкеты: в свое время Н. Попова («В. Н. Татищев и его время», М., 1861), а теперь А. И. Андреева (В. Н. Татищев, Избранные труды по географии России, М., 1950).

Была бы весьма желательна полная публикация Геттингенской рукописи. Судя по фотокопии одного листа ее, воспроизведенной в сборнике, текст татищевской анкеты в ней расходится, хотя и незначительно, с опубликованным у нас.

Оценивая рецензируемый сборник в целом, необходимо отметить, что авторы статей стремятся по-новому подойти к решению ряда вопросов этнографии и археологии, критикуют буржуазные реакционные теории и, что очень важно, ищут путей более тесной увязки методов работы названных смежных наук.

В статьях поставлен ряд проблем, представляющих глубокий интерес и для советских этнографов и археологов. Обмен мнениями между учеными ГДР и Советского Союза должен способствовать успешному развитию науки.

Тот факт, что в данном сборнике принимают участие и западногерманские ученые, очень важен для дела дальнейшего сближения культурных деятелей обеих частей Германии во имя общей цели — мира и процветания народов.

Н. Листова, С. Токарев

⁴ H. Kothé, Die Hackbauhypothese, ihre Grundlagen und ihre Widerlegung, Berlin 1952; его же, Zur Verbreitung und Geschichte des Pfluges. Ungedruckte Dissertation, Göttingen, 1948; его же, Die Wirtschaftsstufen und ihre zeitliche Eingliederung, in: Die Nachbarn Jahrbuch für vergleichende Volkskunde, Göttingen, 1948.

НАРОДЫ АФРИКИ

А. Т. Брайант. *Зулусский народ до прихода европейцев*. М., 1953.

В конце 1953 г. в Издательстве иностранной литературы вышла в русском переводе книга Брайанта «Зулусский народ до прихода европейцев». На английском языке работа эта появилась в 1949 г. в Питермарицбурге (Южно-Африканский Союз). Книга посвящена описанию одного из крупных (ок. 2 000 000 чел.) народов Южной Африки — зулусов. Автор книги — миссионер, долгие годы проживший среди зулусов, посвятивший всю жизнь изучению их быта и нравов, их исторических традиций. Глубокой симпатией, сочувствием к судьбам угнетенного, задавленного колониальным режимом народа проникнута эта книга от начала до конца. Брайант — один из немногих буржуазных ученых, искренне интересующихся не столько этнографическими раритетами, сколько самим человеком, повседневной жизнью народа. Взоры Брайанта обращены прежде всего на простых людей. Он пишет, критикуя свое бывшее увлечение концепциями Карлейля: «Кровавые распри королей, словесные битвы государственных мужей теперь мало интересуют нас. Мы требуем, чтобы история какой-либо страны была прежде всего историей ее народа, историей простых людей, а не только великих. Мы хотим знать происхождение народа, историю его борьбы и побед, его жизни, мыслей и достижений — от древних времен до настоящих дней» (стр. 62).

В то время, когда Брайант впервые прибыл в Наталь (в последней четверти XIX в.), зулусы еще сохраняли свою самобытную культуру, сложившуюся в течение многих столетий, задолго до появления европейцев. Личное знакомство и постоянное общение со стариками, родившимися еще в первой половине XIX в., «во времена Чаки и Дингаана», помогли ученому собрать большой и интересный материал, относящийся к этому времени. На основании сведений, полученных от стариков — современников упорной борьбы зулусов за независимость, а также на основании своих личных наблюдений автор воссоздает картину жизни зулусского народа. В то же время его книга содержит огромный сравнительный этнографический материал как по народам Африки, так и по народам других континентов; в этом также большая заслуга автора, большое познавательное значение его работы.

Следуя своей основной идее, Брайант знакомит читателя с бытом зулусов, подавая конкретный материал не в виде сухого перечня фактов, а в виде описания жизненного цикла простой зулусской семьи.

После первых двух вводных глав, посвященных происхождению зулусского народа и истории его переселения на территорию Наталья, Брайант знакомит нас с семьей зулуса Джомелы, описывает ее жилище, одежду, повседневный быт, хозяйственные занятия и т. п. обстоятельно рассматривается общественное устройство зулусов. Книга завершается главами, посвященными обрядам и обычаям, которые связаны со свадьбой, рождением ребенка, похоронами. Особые главы посвящены мифологии и религиозным взглядам зулусов, а также спорту и играм.

Сведения, которые автор сообщает о всех сторонах жизни зулусского народа, истине неисчерпаемы. Для нас особенно ценны данные об имущественном расхождении у зулусов, о развитии у них торговли, о ремесленном производстве, о специализации ремесла и пр. Большой интерес представляет описание зулусского государства, организации управления, военной организации зулусов.

Читатель не найдет в книге Брайанта характеристики положения зулусов в условиях колониального режима. Это и понятно: автор ограничивает свое исследование периодом «до прихода белых». Но очень часто материал, который он приводит, факты и оценки, которые он дает, наглядно показывают участь народа под колониальным игом. Таковы рассказы Брайанта о детской смертности и ее росте в XX в., о распространении болезней среди зулусов. Он пишет: «Не подлежит сомнению, что до прихода белых заболеваемость среди зулусов была гораздо меньше. Местные и общие эпидемические заболевания — малярия, дизентерия, ветряная оспа и корь — давали лишь спорадические вспышки... Туберкулез, раньше очень редкий, а теперь быстро развивающийся, как известно, заразителен...» и т. д. (стр. 90).

Теплота и любовь, с которыми пишет Брайант о зулусах, все более заражают читателя. Без глубокого волнения невозможно читать, например, поэтический рассказ о любви Мазийяны, сына старого Джомелы, о его женитьбе (гл. XIII). Книга Брайанта тем и хороша, что он подмечает в жизни и поведении зулуса все общечеловеческое, подчеркивает, что, несмотря на простоту жизненного уклада, зулус во всех проявлениях истинно человеческих качеств гораздо тоньше, благороднее и лучше тех его империалистических порабощателей, которые выдают себя за людей цивилизованных. «...К благородным свойствам человека — почтительности, повиновению, великодушию и скромности присоединились чисто мужские добродетели — любовь к свободе, чувство долга и ответственности, доверчивость и верность, самообладание, самоконтроль и умение постоять за себя в случае опасности» — пишет Брайант о юнине-зулусе (стр. 127). «В человеке надлежит уважать не только его манеры, но и самую его личность. В характере зулусов достойно уважения и то, и другое. Это — исключительно чистоплутый и опрятный народ, беспорядок, неряшливость им ненавистны», — замечает он в другом месте (стр. 154—155).

Однако это восхищение автора простой и здоровой жизнью зулусов окрашено рядной дозой идеализации ушедшего «золотого века» зулусского народа. Читая книгу не следует упускать из виду, что автор — миссионер, в силу своих убеждений о преувеличивает прелести жизни в «Счастливой Аркадии». Надо помнить, что в племени зулусского народа не было «золотого века»: оно было заполнено непрерывным тяжелым трудом ради поддержания жизни, бесконечной борьбой с силами природы.

Взгляды Брайанта мешают ему верно оценить значение некоторых исторических событий. Он высказывает, например, глубокое непонимание значения такого крупного события в жизни зулусского народа, как создание государства, объединения всего зулусского народа под властью Чаки, а затем Дингаана. Самого Чаку он изображает деспотом, тираном, «проклятием своего времени» (стр. 121). Между тем именно объединение зулусского народа Чакой, создание войска, подобного которому по жёсткой дисциплине и сплочённости не знала история прошлого, позволили зулусам с честью встретить английских колонизаторов и оказать им упорное сопротивление в протяжении более полувека. В этом, конечно, кроется причина той ненависти к самому имени Чаки и стремления его очернить, которой исполнена английская историография. Брайант некритически следует этой «традиции».

Таким образом, очевидно, что автор, при всех своих симпатиях к зулусам, при своей личной честности и непредубежденности, не в состоянии, в силу ограниченного буржуазного мировоззрения, ни понять, ни верно оценить историческое прошлое зулусского народа.

На глубоко ошибочных позициях Брайант стоит, пытаясь трактовать проблему общественного развития. Он считает, что географическая среда является определяющим фактором формирования «народов, отдельных людей и масс» (см. стр. 62). Человек способен лишь пассивно приспособиться к окружающей природной среде. «Каким бы ни был его внутренний мир, его мысли и поступки обуславливаются средой, он должен или приспособиться к ней или умереть» (стр. 62—63). Брайант придерживается взглядов, совокупность которых обозначается термином «географический детерминизм», придерживается концепции не только ошибочной, но и глубоко ложной. Она ошибочна потому, что человек, даже на самых ранних ступенях развития, сам воздействует трудом, своей целесообразной деятельностью на природу, изменяя ее. Особенно велики те изменения географической среды, которые приносит человек уже занимающийся земледелием. В тот период, который автор рассматривает в рабовладельческом наряду со скотоводством было основным занятием зулусов. Тем более нелепо звучит утверждение автора, что «внешние силы, определившие развитие зулусов, зависели прежде всего от климата и почвы. Больше чем что-либо другое, они обуславливали его пищу, жилище и одежду, его физические особенности, умственный уровень и другие бесчисленные факторы его жизни» (стр. 63). Эта порочная концепция является разновидностью расизма: раз навсегда данная географическая среда, целиком определяющая всю жизнь и поведение человека, кладет непреодолимый предел, потоп его развитию, определяет его физический облик, его умственный уровень. Отсюда один шаг до признания существования высших и низших рас. Автор этого шага не делает. Однако и в его книге местами сквозит отношение к зулусам как к людям «низшей расы». В определении понятия «раса» Брайант включает не только физический облик человека, но и общественные явления, например язык. Так, на стр. 21 он говорит, что «негроидная раса включает в себя три группы, характеризующиеся вполне определенными признаками географическими, лингвистическими и, до некоторой степени, физическими». Перед нами расистское толкование расы не как биологической, а как общественной категории.

Отметим, что, не будучи сторонником хамитской теории, приписывающей особую роль в истории Африки светлокочим завоевателям — хамитам и имеющей откровенно расистский характер, Брайант нередко пользуется терминологией, связанной с этой теорией. Он неоднократно упоминает о «хамитском типе» (стр. 57), о влиянии его на зулусов и т. д.

В этой связи отнюдь не случайными являются взгляды Брайанта на происхождение негроидной и других рас. Пытаясь проследить историю нгун-зулу от самых древних времен, он воспринимает целиком теорию антропогенеза Кизса, расистскую окраску которой не вызывает сомнения. Так, он пишет (стр. 56) о сосуществовании на территории Восточного полушария человека «двух разновидностей» — homo primigenius и homo sapiens, каждый из которых представлен рядом «рас»: «неандертальская» в Германии, «родезийская» — в Африке, «боскопская» — в Южной Африке и пр. Не говоря уже о том, что в этой антропологической «классификации» безнадежно смешаны все последовательные ступени антропогенеза, не говоря о том, что автор видит в неандертальцах не особую ступень развития человека, а «расу» людей, современную другим, более «развитым» расам, самая теория сосуществования и одновременного развития современного вида человека, древнейших гоминид и неандертальцев, а также необычайной древности процесса расообразования была исходным пунктом многочисленных расистских построений. Суть их сводилась к тому, что существовали две параллельные линии развития человека. Одна, от эоантропа, приводит к образованию «высших рас», другая, от обезьяно-людей (питекантропа, синантропа) через неандертальцев, приводит к формированию «низших рас». Совершенно фантастически связанные с теориями Кизса построения Брайанта по поводу образования негроидной

расы (со всеми ее ответвлениями) непосредственно от родезийского человека (от «родезийской расы») где-то на просторах мифического, ныне исчезнувшего в пучинах Индийского океана материка Лемурии (стр. 56—57).

Другая группа ошибок и неточностей рецензируемой книги связана с толкованием общественных институтов и явлений. Допуская неточное употребление терминов «род» и «племя», произвольно заменяя один термин другим, Брайант высказывает полное непонимание многих институтов родового строя, ошибочно толкует важнейшие вопросы. Так, он полагает, вслед за Мак-Леннаном, что такие обычаи родового строя, как экзогамия и эндогамия, свойственным определенным племенам. Эти давно устаревшие взгляды были опровергнуты исследованиями Энгельса и Моргана, показавших, что никаких особых эндогамных и экзогамных племен не существует, что оба обычая тесно связаны друг с другом, что род экзогамен, а племя, состоящее из экзогамных родов, эндогамно. Другая ошибка — утверждение, будто семья является основной единицей родовой («клановой») организации (стр. 255), будто род — это «разросшаяся семья» (стр. 21). Автор совершенно упускает из виду, что члены одной семьи — муж и жена (или жены в полигамной семье) — всегда, в силу обычая родовой экзогамии, принадлежат к разным «кланам».

Более того, иногда Брайант рассматривает общественные явления как нечто присущее какому-нибудь племени наряду с определенными формами материальной культуры. На основании сходства как тех, так и других он строит предположения об этногенезе зулусского народа (см. гл. 1, стр. 46—47). К тому же в этих этногенетических теориях Брайант не оригинален и повторяет Джонстона, английского колониального деятеля. Отметим в этой связи одну неточность. Проводя этнографические параллели между зулусами и народами Междоустья, Брайант широко пользуется материалами по банту Кавирондо, называя их иногда «племя кавирондо» (см. стр. 48: «племя кавирондо, как и нгуни...» и др.). Между тем, банту Кавирондо — термин географический, обозначающий население определенного района, очень сложное и по племенному составу и по происхождению.

Отмеченные выше чуждые нам ошибочные взгляды Брайанта, буржуазного учено-миссионера, значительно снижают научную ценность его книги, но не лишают ее большого познавательного значения. Следует приветствовать инициативу Издательства иностранной литературы, взявшего на себя труд подготовить ее к изданию. Читателя радует, что, с точки зрения издательской и редакторской, книга может выдержать самую придирчивую критику. Тщательно отработанный язык перевода. В книге очень редки опечатки, неточности и разнобой в транскрибировании специальных терминов. Думается только, что при большем желании Издательство и редакторы книги могли бы подобрать и более обильный, и более удачный иллюстративный материал (см., например, стр. 76, где есть изображение «зулусских юношей в праздничной одежде», дающее о них представление, отнюдь не соответствующее мнению автора книги о красоте и стройности зулусов). Несколько случайный характер имеют подстрочные примечания. Некоторая часть их повторяет предисловие, в то время как многое в тексте, действительно нуждающееся в пояснении, не привлекло внимания комментаторов.

Предисловие, написанное редакторами книги — Д. А. Ольдерогге и И. И. Потехиным, дает исчерпывающую характеристику научной деятельности Брайанта и критику ошибочных положений его работы.

На рецензируемую книгу сам автор смотрел как на основную свою работу, итог многолетних исследований и размышлений, итог научной и практической деятельности. В июне 1953 г. Брайант умер. Настоящее русское издание является первым посмертным изданием последней и наиболее крупной работы Брайанта.

А. С. Орлова

НАРОДЫ АМЕРИКИ

Карлос Луис Фальяс. *Мамита Юнай*. Перевод с испанского Б. Загорского. Предисловие Ф. Кельяна. Редактор Л. Телешева. Изд-во иностранной литературы. М., 1952. (Carlos Luis Fallas, *Mamita Yunai*, San José, 1940).

Роман Карлоса Лунса Фальяса «Мамита Юнай» повествует о современном положении трудящихся в Коста Рике — маленькой республике, которая, подобно большинству остальных стран Центральной Америки, находится в полной зависимости от «Юнайтед Фрут Компани». Фальяс выбрал в качестве названия для своей книги ироническое прозвище компании, распространенное в Центральной Америке («мамита» по-испански — «мамочка», а «Юнай» — сокращенное наименование монополии).

Книга состоит из трех частей. В первой из них рассказывается о том, как представитель прогрессивного «Рабоче-крестьянского блока» Хосе Франсиско Ойбаха, назначенный контролером по наблюдению за выборами, совершает поездку в отдаленный район страны — Таламанку. В Таламанке уцелели еще остатки индейского населения, и именно поэтому здесь можно было ожидать наибольших злоупотреблений со стороны властей. Сибаве удается расстроить планы реакционеров, пытавшихся ис-

пользовать выборы в своих интересах. На обратном пути герой книги встречает своего друга Эрминьо, с которым работал когда-то на банановых плантациях «Юнайтед Фрут». Рассказ об этом периоде их жизни составляет вторую часть романа. Пережителем встают картины «зеленого ада» — тропических зарослей, где в каторжном труде на американских монополистов проходит жизнь тысяч костариканцев и выходцев из других стран Центральной Америки. В небольшой по объему третьей части книги говорится о начале борьбы рабочих против эксплуататоров.

Книга Фальяса — не научное исследование о населении Коста Рики. Это — художественное произведение. Но оно, несомненно, имеет и значительную этнографическую ценность. Дело не только в том, что перед нами свидетельство очевидца и участник событий, имеющее документальную точность и потому особенно важное и интересное. Бывший линьеро (рабочий плантаций «Юнайтед Фрут») Карлос Луис Фальяс уделяет в своей книге главное внимание именно тем сторонам жизни рабочих и крестьян Коста Рики, которые с подозрительным единодушием обходят молчанием буржуазные этнографы. Так, американские авторы Джон и Мэвис Бисэнц в своей книге «Жизнь в Коста Рике», опубликованной Колумбийским университетом и вышедшей вторым изданием в 1945 г.¹, отводя описание индейцев этой страны... десять строчек. Что же касается компании «Юнайтед Фрут», то авторы, стараясь как можно реже напоминать читателю о существовании этой монополии, уделяют ей лишь 8 страниц из 250 составляющих всю книгу. Ни на одной из этих 8 страниц читатель не найдет ни одного сколько-нибудь значительного факта о положении рабочих на плантациях, принадлежащих американским монополистам.

Тем, следовательно, интереснее и значительнее те данные, которые можно почерпнуть из книги Фальяса.

Первая часть романа содержит ценный материал о крайне немногочисленном ныне коренном населении Коста Рики (в том районе, который описывает Фальяс, индейцев осталось не более 1200 человек²). Выведенные в книге коренные обитатели Таламанки живут по берегам р. Сикаоаль. Повидимому, это — кабакары и брибри (к сожалению автор не приводит названий племен). Основные их занятия — возделывание кукурузы, бананов, кофе, а также скотоводство, охота и рыбная ловля.

Положение индейцев резко ухудшилось после проникновения в Таламанку американцев из «Юнайтед Фрут». Леса были вырублены, селения сожжены, а индейцы стали рабами на плантациях компании. Служащие компании спаивали индейцев, внесли в их среду моральное разложение, болезни.

Когда истощенные хищнической эксплуатацией земли были заброшены монополией, она, тем не менее, продолжала взимать с местных жителей по доллару с гектара за право застройки и посева. Эта непосильная для индейца плата увеличивалась, если участки находились на более плодородных землях — в долине (стр. 78).

«Мало-помалу индейцы потеряли все... У 80% из них совсем ничего не осталось (стр. 76). «Полновластный хозяин области» — полицейский агент держит коренное население в полном подчинении, используя племенную верхушку и немногих живущих в Таламанке «белых». Тяжелое положение индейцев иллюстрируется в романе детальными описаниями их жилищ (стр. 38, 43), скудной пищи (стр. 76—77), лохмотьев служащих им одежды.

Очень подробно рассказывает Фальяс об издевательствах властей над индейцами в период выборов. Чтобы обеспечить правительственной партии несколько сот голосов (даже по масштабам нынешней Коста Рики с ее 850-тысячным населением — это не маловажная цифра³), группу запуганных «избирателей» сгоняют к пункту голосования. Под угрозой побоев, одурманенные гуаро (водка из сахарного тростника), они вынуждены выполнять все, что прикажут члены избирательной хунты (комиссии) и полицейский агент. Страницы романа, посвященные выборам в Таламанке, ярко свидетельствуют о том, что представляет собой «демократия» в зависимых от США латиноамериканских странах.

В романе «Мамита Юнай» показано и пружинение классовой солидарности среди индейцев, начавших уже различать «белых» угнетателей и «белых» трудящихся. Индейцы, которые помогли герою книги перебраться через реку, отказались взять у него деньги. «Нет, платить нет. Мы бедный, ты тоже бедный. Пожалуйста, не надо», — говорят они на ломаном испанском языке (стр. 46).

Характеризуя условия труда и быта рабочих «Юнайтед Фрут», Фальяс неоднократно отмечает разнообразный этнический состав линьеро. Помимо «белых» уроженцев Коста Рики, Панама, Никарагуа и Гондураса, здесь можно встретить метисов, мулатов и негров.

Костариканские негры сконцентрированы преимущественно на Атлантическом побережье, составляя здесь 55,7% населения⁴. Всего негров в стране около 20 тысяч (примерно 2% населения). В республике открыто существует расовая дискриминация.

¹ J. Biesanz and M. Biesanz, *Costa Rican Life*, Columbia University Press, New York, 1945, 2 ed.

² «South American Handbook for 1953», London, стр. 482.

³ В то время, о котором идет речь в романе, население страны составляло 600 с небольшим тысяч человек.

⁴ П. Джемс, *Латинская Америка*, М., 1950, стр. 630

Неграм, в частности, запрещено переселяться на Тихоокеанское побережье и в центральных районах страны. Особенно тяжелым становится их положение во время экономических кризисов. «Плантации заброшены, работы нигде нет,— говорит герою книги встреченный им негр.— Что нам остается делать? Белые еще могут найти работу на Тихоокеанском побережье. А мы? Ты ведь знаешь, нам даже паспорт трудно получить. Работы нет, земли у нас нет, а на Тихий океан искать работы нас не пускают... Что же нам — умирать с голоду?..» (стр. 24).

Как правило, негритянские рабочие подвергаются более жестокой эксплуатации, чем другие категории трудящихся. При этом используется то обстоятельство, что негры, эмигрировавшие в Коста Рикку с Ямайки от голода и безработицы, живут под постоянной угрозой депортации. Очень тяжелы также бытовые условия трудящихся-негров. Фальяс дает подробное описание лагун негритянского поселка, сколоченных из старой жести, горбылей и досок от разбитых ящиков (стр. 128); негры вынуждены пополнять свой скудный рацион дикими растениями, которые собирают в лесах (стр. 133); тропические болезни свирепствуют среди негритянских рабочих (стр. 131—132).

Пытаясь разобщить линьеро, натравить одну их группу на другую, «Юнайтед Фрут» стремится вызвать рознь между «белыми» рабочими и неграми. Но эта расистская политика не приводит к тем результатам, на которые рассчитывает компания. Хотя негритянские рабочие на плантациях поселены отдельно и «белые» товарищи почти не понимают их языка (негры говорят по-английски, а местные «белые» по-испански), отношения между ними не имеют ничего общего с расовой ненавистью, которую американские монополисты хотели бы разжечь в захваченной ими стране. Так, героя книги и его друзей связывает трогательная дружба со стариком-негром Клинтонем и его женой, которую они называют мамой. «Белые» рабочие уважают своих товарищей-негров за трудолюбие, жизнерадостность, отзывчивость. А в дни забастовок на борьбу поднимаются линьеро всех национальностей, всех цветов кожи.

Наиболее подробно рассказывается в книге о том, как живут и работают «белые» рабочие «Юнайтед Фрут Компани». Правдивое описание их труда и быта тщетно было бы искать в современной американской буржуазной литературе.

«Два ряда совершенно одинаковых барачков: все на высоких сваях, построены из пропитанных креозотом досок, распространяющих отвратительный запах; все выкрашены выцветшей желтой краской и крыты оцинкованным железом, которое со скрежетом корбилося на солнце, а к утру покрывалось ледяной росой,— так выглядит один из поселков на плантациях.— По фасаду — грязные террасы, где висели гамаки из мешков, залоснившиеся и истерпанные от долгого употребления. Вверху на длинных лианах, протянутых из конца в конец террасы, — грязные, пропитанные потом, расплзающиеся чуйки (тряпье — А. Д.). Внизу, под ней, заражая все своими испарениями, — зеленое болото...» (стр. 128).

Пища, которую получают рабочие плантаций, крайне однообразна и недостаточна. Это — «бананы, рис и бобы на завтрак и бобы, рис и бананы на обед» (стр. 124).

От нездорового климата, плохого питания и непосильной работы линьеро страдают малярией, ревматизмом, туберкулезом, чесоткой и другими заболеваниями. Тело их покрывается язвами, ноги чудовищно распухают, кожа трескается и слезает целыми кусками. Фальяс исчерпывающе рассказывает и о фальшивой «медицинской помощи» рабочим. Гибель тысяч линьеро в «морилке» («больнице», устроенной компанией) — широко известный на плантациях факт. Но это не мешает «Юнайтед Фрут» два раза в месяц вычитать из заработной платы рабочих деньги на это «медицинское учреждение» (стр. 129, 140—142, 185 и др.).

Не ограничиваясь описанием быта трудящихся, автор уделяет много внимания и условиям их труда. Обычно рабочий день линьеро длится 10 часов (с 6 утра до 4 часов дня); некоторые категории трудящихся работают с 4 часов утра до 12 дня (стр. 144). Работа на плантациях протекает в крайне сложных и трудных условиях — то под палящим солнцем, то под проливным дождем, то в воде, то в зловонном болоте и редко обходится без человеческих жертв. «Самый жестокий из инквизиторов никогда не придумывал более свирепой пытки!» — восклицает Фальяс (стр. 142).

Приводятся в романе и данные о заработной плате. Она составляет обычно от 5 до 6,5 колонов⁵ в день, но многочисленные вычеты — за питание, на «больницу» и особенно штрафы отнимают большую часть этой суммы (стр. 144 и др.).

Служащие компании, преимущественно американцы, относятся к жителям Коста Рики грубо, презрительно, как к представителям «нижней расы». Нередки на плантациях случаи кулачной расправы с рабочими, убийства наиболее «строптивых» из них, насилия над их женами и дочерьми (стр. 98, 168).

Но Фальяс показывает и другое. Ряд страниц романа посвящен борьбе линьеро против «мачо» (американцев) и их порядков. Характер движения иллюстрируется на примере одной из забастовок (стр. 188). Забастовка была подавлена объединенными усилиями американской монополии и ее костариканских наемников. У забастовщиков не было еще правильного руководства, выступление носило в значительной степени стихийный характер. Но многие из тех, кто начал бороться в те дни, выросли затем в

⁵ Денежная единица страны (равная 0,18 доллара США).

сознательных революционеров. Именно так сложилась судьба героя книги Фальяса — Хосе Франсиско Сибахи. Образ этот во многом автобиографичен.

Перевод книги снабжен примечаниями, правильно объясняющими незнакомые советскому читателю термины. Иногда, однако, нельзя не посетовать на чрезмерную краткость этих объяснений. Следовало бы, например, не только перевести примечание автора «тико — житель Коста Рики», но и указать, откуда возникло это прозвище. Оно стало нарицательным для костариканцев в связи с тем, что испанский язык в этой стране изобилует уменьшительными словами, которые образуются при помощи суффикса *tico*. Попутно отметим: «Испанско-русский словарь» (М., 1953) почему-то указывает, что этим словом жителей Коста Рики называют только в Гондурасе. Под прозвищем *ticos* костариканцев знают не только в Гондурасе, но и во всей Центральной, если не во всей Латинской Америке. Неясно, зачем составителям словаря понадобилось «прикрепить» это слово к стране, которая даже не граничит с Коста Рикой.

Книга Фальяса, вышедшая из печати в 1940 г., прозвучала грозным обвинительным актом против «Юнайтед Фрут». Выступая на I конгрессе деятелей культуры стран Латинской Америки в Сантьяго (Чили) летом 1953 г., костариканский писатель Хорхе Гутьеррес рассказал, что сразу же после выхода романа в свет компания скупала все экземпляры «Мамиты Юнай», какие смогла найти, и уничтожила их. Но часть тиража все же удалось спасти. Рабочие под одеждой проносили книги на плантации. Грамотные линейеры по ночам читали роман тайно собравшимся товарищам. Рабочие высоко оценили книгу, в которой правдиво и сильно была описана их тяжелая жизнь. Позже, когда Фальяс посетил банановые плантации, некоторые рабочие говорили ему: «Расскажи обо мне в твоей следующей книге»⁶.

За 14 лет, прошедших со дня опубликования «Мамиты Юнай», национально-освободительное движение поднялось на новый этап, ознаменовавшийся мощным подъемом борьбы народов колониальных и зависимых стран за свое освобождение, за мир во всем мире. Успешно развивается оно и в Коста Рике, где «Юнайтед Фрут» пока еще принадлежит более 1/3 обрабатываемой земли⁷. В первых рядах этого движения идут рабочие банановых плантаций. Хотя реакционный переворот 1948 г. поставил партию «Вангардия популар» (коммунистическую) и профсоюзы вне закона, линейеры в упорной борьбе восстановили Федерацию рабочих банановых плантаций, под руководством которой провели летом 1953 г. массовую забастовку. Выступление 10 тысяч рабочих заставило «Юнайтед Фрут» пойти на уступки⁸. Вновь созданная Всеобщая конфедерация трудящихся Коста Рики приняла участие в III Всемирном конгрессе профсоюзов (Вена, октябрь 1953 г.). Голос представителей костариканского народа, в том числе и Карлоса Луиса Фальяса, не раз раздавался и на международных конференциях в защиту мира.

Роман Фальяса, первая переведенная на русский язык книга центральноамериканского автора, приобретает особую актуальность в наши дни, когда еще раз продемонстрировано бесцеремонное вмешательство «Юнайтед Фрут» и ее вашингтонских покровителей в дела народов Центральной Америки.

А. Дриздэ

⁶ «Masses and Mainstream», VII, 1953, стр. 17.

⁷ «Правда» от 18 октября 1953 г.

⁸ «Всемирное профсоюзное движение», 1953, № 16, стр. 32—34.

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы общей этнографии и антропологии

- В. Белицер, Г. Маслова (Москва). Против антимарксистских извращений в изучении одежды 3

Вопросы этногенеза и исторической этнографии

- В. В. Седов (Москва). Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья 12

Материалы и исследования по этнографии и антропологии СССР

- М. М. Плисецкий (Ужгород). Взаимосвязи фольклора донского и запорожского казачества (К вопросу о развитии русско-украинских фольклорных взаимоотношений) 19 V
С. И. Вайнштейн (Кызыл). Современное камнерезное искусство тувинцев 31

Материалы и исследования по этнографии и антропологии зарубежных стран

- Пэй Вэнь-чжун (Пекин). Изучение ископаемого человека и палеолитической культуры в Китае 38

Народы мира (Информационные материалы)

- И. Я. Подкопаев (Москва). Прошлое и настоящее народов Индо-Китая 42

Заметки. Сообщения. Рефераты

- В. П. Якимов (Ленинград). Проблема соотношения ископаемых людей современного и неандертальского типов 57
М. А. Итина (Москва). К вопросу об отражении общественного строя в погребальных обрядах первобытных народов 63
В. И. Спришевский (Ташкент). Чустская стоянка эпохи бронзы 69
А. В. Смоляк (Ленинград). Экспедиция Невельского 1850—1854 гг. и первые этнографические исследования XIX в. в Приамурье, Приморье и на Сахалине 77

Хроника

- Сессия, посвященная итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. 83
В. И. Герасимова (Ленинград). Юбилейная выставка в Государственном музее этнографии народов СССР, посвященная 300-летию воссоединения Украины с Россией 94
Е. П. Бусыгин (Казань). Этнографические исследования материальной культуры русского населения Среднего Поволжья 100
Л. Н. Терентьева (Москва). Работа Балтийской комплексной антрополого-этнографической экспедиции в 1953 — начале 1954 года 106
О. А. Сухарева (Ташкент). Ферганская этнографическая экспедиция 111
А. К. Пчсарчик, Б. Х. Кармышева (Сталинабад). Этнографическая работа в Таджикистане в 1952—1953 гг. 115
И. Балашша (Будапешт). Исследование новой культуры и быта в Венгрии 120
Михаил Михайлович Дьяконов 122
М. М. Дьяконов Выступление на сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период 124

Критика и библиография

Критические статьи и обзоры

- Б. О. Долгих (Москва). Этнографические материалы в современных советских учебниках географии 129
- М. Салманович, В. Зеленчук (Москва). Этнографическая литература о молдаванах 137
- А. И. Собченко (Ленинград). Африка в современной американской этнографической литературе 143

Народы СССР

- В. В. Мавродин (Ленинград). *П. Н. Третьяков*. Восточнославянские племена 153
- В. Ю. Крупянская (Москва). *А. И. Робакидзе*. Некоторые стороны быта рабочих чиатурской марганцевой промышленности 160
- Б. Н. Путилов (Грозный). Народное творчество Дона 162
- Л. Н. Пушкарёв (Москва). Сказки Абрама Новопольцева 165
- А. П. Смирнов (Москва). *Н. И. Воробьев*. Казанские татары 168
- М. Сафаргалиев (Саранск). О книге Н. И. Воробьева «Казанские татары». 171
- Г. П. Васильева (Москва). *В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова*. Архитектура туркменского народного жилища 173
- Л. И. Лавров (Ленинград). *Л. П. Семенов*. Из истории работы Музея краеведения Северо-Осетинской АССР 174

Страны народной демократии

- И. А. Калоева (Москва). Новый этнографический журнал в Чехословакии 176
- Н. Листова, С. Токарев (Москва). Сборник «Ethnographisch-archaeologische Forschungen» 182

Народы Африки

- А. С. Орлова (Москва). *А. Т. Брайант*. Зулусский народ до прихода европейцев 185

Народы Америки

- А. Дридзо (Ленинград). *Карлос Луис Фальяс*. Мамита Юнай 187